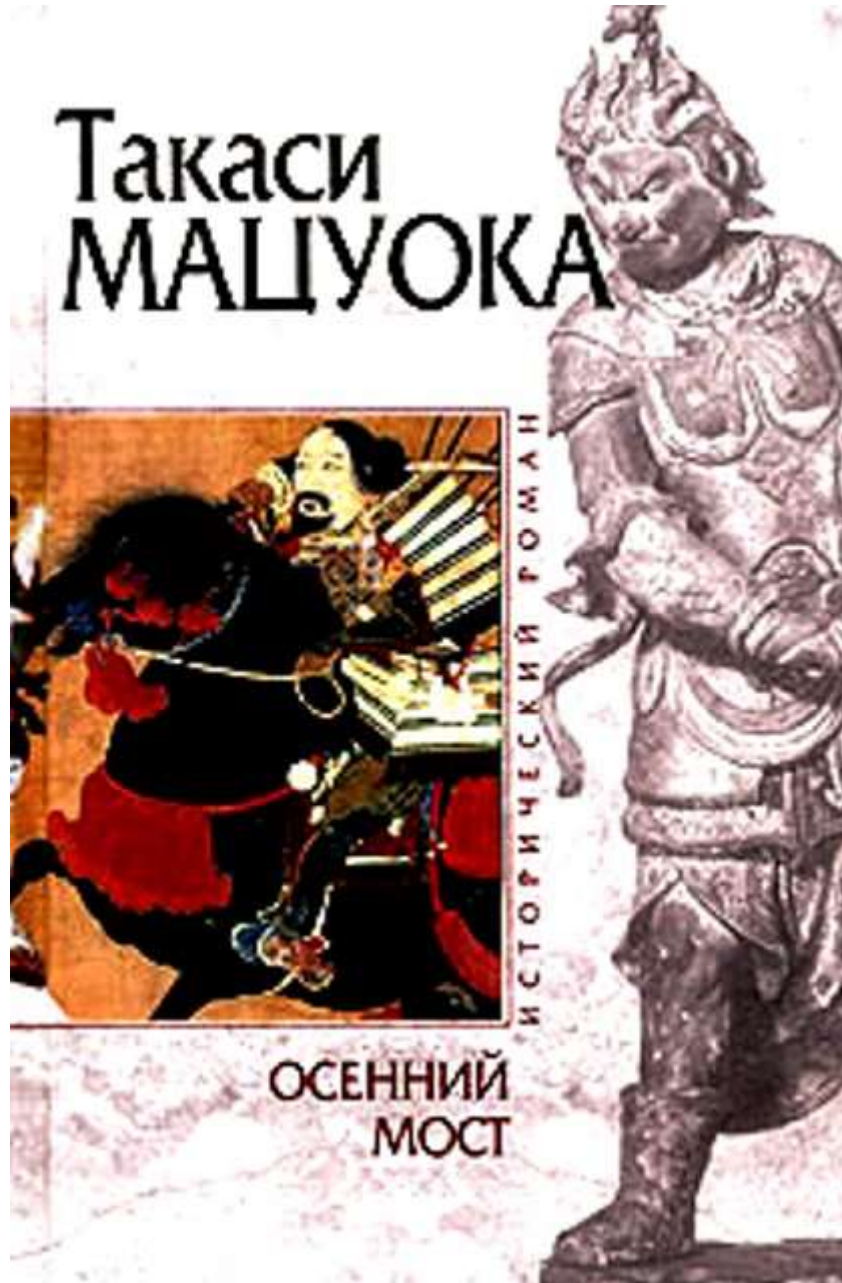

Такаси Мацуока

Осенний мост

Аннотация

«Осенний мост» – роман-дополнение к «Воробьиной туче» (= «Стрелам на ветру»). Не столь яркий, как первый, но всё равно читается с огромным удовольствием.

Посвящается моим бабушкам, Окамура Фудё, родившейся в Вакаяме, в южном Кансаи, и Йокояма Ханай, родившейся в селении Бинго, префектура Хиросима, моей матери, Харуко Токунага, родившейся в Хило, Гавайи, и моей дочери, Верин Мацуока, родившейся в Санта-Монике, Калифорния – я искренне и глубоко признателен им за то, что они позволили мне приблизиться к госпоже Сидзукэ.

Действующие лица

1281-1311 гг.

Хиронобу – первый князь Акаоки

Госпожа Сидзукэ – жена Хиронобу

Го - телохранитель Хиронобу

1796-1867 гг.

Киёри – князь Акаоки с 1796 по 1860 гг.

Гэндзи – князь Акаоки с 1861 г.

Сигеру – сын Киёри, дядя Гэндзи

Хидё – глава телохранителей Гэндзи (с 1861 г.), позднее – командующий войсками клана

Таро – заместитель командующего армией Гэндзи (с 1861 г.)

Хэйко – гейша, возлюбленная Гэндзи

Ханако – служанка в клане Окумити, впоследствии – жена Хидё

Эмилия Гибсон – христианская миссионерка

Мэттью Старк – христианский миссионер, впоследствии – бизнесмен в Сан-Франциско

Кими – девочка из деревни

Горо – деревенский дурачок

князь Саэмон – соперник князя Гэндзи

1882 г.

Дзинтоку - настоятельница монастыря Мусиндо

Макото Старк – сын Мэттью Старка

Сидзукэ – дочь Гэндзи ; названа так в честь первой госпожи Сидзукэ

ЧАСТЬ I

Призрак князя Киёри

ГЛАВА 1

Привидение

Князь владеет острым мечом, ездит на свирепом боевом коне, умирят непокорных вассалов. Он снял головы с плеч десяти тысяч врагов. Его воинское мастерство славится по всей стране как истинное чудо. Но разве он не явился в этот мир из чрева женщины, громко вопя? Разве он не сосал, беспомощный, женскую грудь? А когда холодные звезды искрятся в зимнем небе, подобно льду, чего он жаждет более, чем женских объятий?

“Аки-но-хаси” (1311)

1860 г., замок «Воробьиная туча» в княжестве Акаока

За все те годы, что князь Киёри знал ее, госпожа Сидзукэ ни капли не изменилась. Ее кожа была гладкой, словно наилучший фарфор эпохи Мин, и безукоризненно белой, словно у придворной дамы, никогда не покидающей дворцовых покоев; на ней не оставили следов ни неумолимое время, ни солнце, ни невзгоды. И уж тем паче на ее лице не видно было ни следа недолжных деяний, мыслей или чувств. Взгляд ее глаз, когда они не были обращены на князя – застенчиво, или понимающе, или обольстительно, в зависимости от ситуации, – был устремлен в некую воображаемую даль, и тогда на лице ее появлялось предвкушение приятного сюрприза, выражение, которое особенно подчеркивали ее высокие, выщипанные брови. Ее волосы не бывали уложены в прическу современного типа, со всеми этими локонами, начесами, волнами и массой украшений; нет, они были просто разделены пробором посередине, собраны в нетугой хвост, перехвачены голубой лентой, и стекали с плеч на спину, поблескивая, словно черное дерево, и изящно ниспадая до самого пола. Ее свободный приталенный наряд из шелка с разной поверхностью, гладкого и крепового, тоже был выдержан в классическом стиле и состоял из нескольких слоев, переходящих от яркой синевы высокогорного озера к темно-синему, почти черному цвету вечернего неба. Она была словно изображение какой-нибудь принцессы эпохи Блистательного Принца. Эпохи, что давным-давно минула, как напомнил себе Киёри.

За стенами этой комнаты гигантская военная мощь чужеземных государств объединилась против Японии. Огромные паровые военные корабли Америки, Британии, Франции и России ныне беспрепятственно заходили в японские порты. Эти корабли несли у себя на борту пушки, способные пускать разрывные снаряды размером с человека вглубь берега, даже за внутренние леса и горы, и громить армии, скрытые из виду, прежде, чем те подойдут достаточно близко, чтобы узнать, кто же их убивает. Океан, отделявший японские острова от всего прочего мира, теперь перестал быть защитой. Во флотах чужеземцев были сотни подобных кораблей, извергающих дым и вооруженных чудовищными пушками, и эти корабли могли принести с собою

не только артиллерийский обстрел. Они могли за несколько месяцев привезти с далеких берегов десятки тысяч солдат, вооруженных другими пушками и ручным огнестрельным оружием, и высадить их на берега Японии. И все же здесь, в этой комнате, расположенной в главной башне замка «Воробьиная туча», жил дух прежней Японии, Японии древних дней. И Киёри мог притвориться – во всяком случае, на некоторое время, – что так же обстояли дела повсюду.

Сидзукэ увидела, что князь смотрит на нее, и улыбнулась. Выражение ее лица было одновременно и невинным, и заговорщическим. И как ей только это удастся? Даже самым блестящим гейшам редко удавалось вложить два этих смысла в один взгляд. Сидзукэ потупилась с наигранной скромностью и спрятала девическую улыбку за широким рукавом старинного кимоно в хэйанском стиле.

– Вы меня смущаете, мой господин. Неужели в моей внешности что-то не так?

– Как такое возможно? – возразил князь Киёри. – Вы – прекраснейшее существо во всей стране, и всегда будете таковой.

В ее глазах появилось игривое выражение.

– Так вы утверждаете, раз за разом. И все же – когда вы в последний раз оказали мне честь, навестив меня в моих покоях?

– Я же просил вас никогда более не говорить об этом. – По жару, охватившему его лицо, Киёри понял, что покраснел. Мужчине его лет и его положения стыдно вести себя как влюбленному мальчишке. – То, что это вообще произошло – прискорбная ошибка.

– Из-за нашей разницы в годах?

Всякий, кто сейчас увидел бы Судзукэ, решил бы, что перед ним девушка восемнадцати-девятнадцати лет, в первом расцвете женственности, несомненно, из знатной семьи, и, возможно, даже девственница. Всякий, кто взглянул бы на князя Киёри, увидел бы немолодого мужчину, с фигурой, которую не согнули ни годы, ни поражение, стоящего в состоянии расслабленной готовности; его волосы, уже тронутые сединой, были уложены в сложную прическу высокопоставленного самурая.

Их разница в годах. Да, она тоже имела место – разве не так? Хотя о ней он думал меньше, чем обо всем прочем.

– Это никогда больше не повторится, – сказал князь.

– Это пророчество?

Ее тон был насмешливым, но не резким; она словно бы скорее приглашала его разделить шутку, чем принять ее на свой счет.

– Вы же прекрасно знаете, что нет.

– Разве вы не Окумити-но-ками Киёри, князь Акаоки? Тогда вы, несомненно, пророк, как каждый глава вашего клана, в каждом поколении.

– Так говорят.

– Так говорят потому, что ваши поступки часто нельзя объяснить ничем иным, кроме как предвидением. Если вы не пророк, тогда откуда вам известно будущее?

– И действительно, откуда?

Киёри всегда ощущал груз лежащего на нем проклятия, пророческого дара, но в последнее время он впервые начал чувствовать еще и тяжесть прожитых лет. Семьдесят девять лет. Согласно старинным хроникам, в древности люди – герои, мудрецы, те, кто был благословлен богами – зачастую жили по сотне лет и больше. Киёри не мог представить себя на их месте. На самом деле, если учесть все обстоятельства, уже то, что он дожил до нынешнего возраста, можно считать чудом.

Он принял власть над княжеством, когда ему было пятнадцать, женился в восемнадцать, поздно завел сыновей и в сорок лет потерял жену. И все это время он втайне общался с госпожой Сидзукэ. Сколько же это тянется? Сейчас четырнадцатый год правления императора Комэй. Они встретились в семнадцатом году правления императора Кокаку, а он пребывал на престоле тридцать восемь лет. После него двадцать девять лет правил император Нинко, прежде чем его сменил нынешний суверен. Так что, прошло шестьдесят четыре года? Киёри по привычке сверился с календарем чужеземцев. Семнадцатый год правления императора Кокаку совпадал с 1796 годом от рождества Христова. Сейчас был 1860 год. Да, шестьдесят четыре года.

Сидзукэ, когда они встретились, утверждала, что ей шестнадцать. Сейчас она говорила, что ей девятнадцать. На взгляд Киёри, она ни капли не изменилась. Его пробрал озноб, и причиной тому был отнюдь не только мягкое зимнее утро.

– Откуда же мне это знать? – отозвалась Сидзукэ. – Ведь это вас посещают видения, а не меня.

– В самом деле?

– Надеюсь, вы не предполагаете, что они посещают меня?

– Вы постоянно о них говорите, – сказал Киёри.

– А вы постоянно все отрицаете, – сказала Сидзукэ. От сосредоточенности на лбу у нее пролегла едва заметная морщинка. Сидзукэ храбро взглянула в глаза князю. – Неужто вы в конце конов признали эту возможность?

Голос, донесшийся из-за двери, помешал Киёри ответить.

– Господин, чай готов.

– Войди.

Он в смятении наблюдал, как молодая служанка, Ханako, бесшумно скользнула в отворившуюся дверь, поклонилась, быстро окинула комнату взглядом и застыла. Какая невнимательность с его стороны! Он, праздно стоя у окна, не подал ей никакого знака. Ханako не знает, где ей сервировать чай. Но прежде, чем Киёри уселся напротив госпожи Сидзукэ, Ханako подошла именно туда, куда он сам бы ей велел, если бы не замешкался, ровно посередине между тем местом, где находился он, и местом, куда было бы целесообразно усадить гостя. Ханako никогда не упускала случая произвести на него впечатление. С тех самых пор, как она, девятилетняя сирота, поступила к ним на службу, Ханako демонстрировала куда больше сообразительности и интуиции, чем большинство его самураев.

– Спасибо, Ханako. Можешь идти.

– Да, господин, – с поклоном отозвалась Ханako. Пятясь, чтобы не поворачиваться спиной к князю, она двинулась к выходу из комнаты.

– Вы ничего не забыли? – спросила Сидзукэ, столь тихо, что ее голос вполне мог бы быть игрой воображения.

– Ханako, погоди минуту. – А что он забыл? Ах, да! – Завтра, когда гонец отправится обратно в Эдо, ты поедешь с ним. Ты присоединишься к слугам господина Гэндзи во дворце «Тихий журавль».

– Да, господин.

Хотя распоряжение поступило совершенно неожиданно, Ханako не выказала ни малейших признаков удивления. Она повиновалась, не задавая никаких вопросов, что и было единственно верным ответом.

– Ты очень хорошо служила мне, Ханako. Твои родители гордились бы тобой.

Конечно же, Киёри никогда не стал бы извиняться или объяснять, отчего он

отсылает ее прочь без предупреждения.

– Благодарю вас, господин. Вы были очень добры, так долго терпя мои недостатки.

Киёри пропустил мимо ушей предписанное обычаями самоуничижение.

– Я буду рад, если ты станешь так же хорошо служить моему внуку.

– Да, господин. Я буду очень стараться.

Когда Ханako ушла, Киёри поинтересовался:

– И почему я отослал ее в «Тихий журавль»?

– Вы спрашиваете меня, мой господин?

– Я всего лишь размышляю вслух, – сказал Киёри. – Плохая привычка, создавшая мне репутацию куда более странного человека, чем я заслуживаю.

– Хорошо, что вы подумали об этом, поскольку решение принадлежит вам. – Помедлив мгновение, Сидзукэ добавила: – Разве не так?

Киёри невесело улыбнулся. Он снова оказался все в том же затруднительном положении, в какое всегда попадал при разговоре с Сидзукэ. Когда он принимался рассуждать о подобных вещах, то какими бы логичными ни были его рассуждения, они всегда оказывались ошибочными. В этом и заключается разница между логикой и следованием пророчеству.

– Я отослал Ханako к моему внуку, – сказал Киёри, – потому что теперь, когда он взял на себя большую часть официальных обязанностей правителя нашего княжества, он нуждается в надежных слугах больше, чем я. В частности, еще и потому, что со дня на день в Эдо должны прибыть еще три христианских миссионера, которые будут пребывать под нашим покровительством. Их присутствие спровоцирует кризис, в ходе которого решится дальнейшая судьба нашего клана. Помимо этих неотложных нужд, я также надеюсь, что между Ханako и Гэндзи расцветет взаимная привязанность. Она – женщина именно того типа, которая нужна Гэндзи в эти опасные времена.

– Как вы последовательны, мой господин! Вам всегда присуща такая ясность мысли!

– Из этого я делаю вывод, что я ошибся.

Киёри налил чай им обоим – дань вежливости, поскольку Сидзукэ, как обычно, к своему не притронулась.

– А разве огромная разница в их общественном положении не станет помехой?

– Поскольку будущее принесет хаос, характер намного важнее общественного положения.

– Как это мудро, – сказала Сидзукэ, – как созвучно духу времени, как свободно от искусственных ограничений, навязанных предрассудками общества.

– Вы не согласны?

– Вовсе нет. Мои взгляды старомодны, и я очень мало знаю о внешнем мире, но даже столь ограниченному человеку, как я, ясно, что унаследованные качества куда более ценны, чем унаследованный ранг.

– Вы согласны, и все же похоже, что вас позабавили мои слова. Из этого я делаю вывод, что Гэндзи и Ханako не предназначены друг для друга.

– Что узнавать, остается всегда, – сказала Сидзукэ. – Что из этого действительно стоит знать – другой вопрос. Вы желаете знать больше?

– Я не желаю знать больше того, что я должен знать, чтобы обеспечить благополучие нашего клана.

– В таком случае, вы знаете достаточно, – сказала Сидзукэ.

Киёри пригубил чай. Лицо его было безмятежно, но за этой безмятежностью таилось безграничное раздражение, порожденное нежеланием Сидзукэ удовлетворить его вполне объяснимое любопытство. Влюбятся ли Гэндзи с Ханакэ друг в друга? Киёри не мог спросить Сидзукэ об этом, не потому, что этот вопрос был неуместен – он был связан с вопросом о преемственности пророческого дара в поколении, которое должно было восследовать за Гэндзи, и именно это и имело значение, а не какие-то там романтические соображения, – а потому, что этот вопрос затронул бы иной, скрытый подтекст, которого Киёри ухитрился избегать вот уже шестьдесят четыре года. Если Сидзукэ намеревается сказать ему об этом, она сделает это без каких-либо просьб с его стороны.

Когда стало ясно, что князь не намерен продолжать этот разговор, в глазах Сидзукэ появилась печаль. Она сделалась очень тихой. Такое часто случалось во время их встреч. В минуты подобного печального покоя ее красота становилась какой-то неземной. Может ли человек созерцать видение, столь изысканное и совершенное, что его одного было бы достаточно, чтобы свести его с ума? Если да, то это многое бы объясняло, не так ли? Он много раз видал ее в самом чарующем обличье.

Когда Киёри поднялся, чтобы уйти, Сидзукэ удивила его. Она сказала:

– Мой господин, я никогда не просила вас об одолжении, и никогда более не попрошу. Окажете ли вы мне его?

– Что это?

– Если вы согласны, то должны согласиться, не зная, в чем оно заключается.

Колебаться и взвешивать было бы не по-мужски.

– Тогда я согласен.

Сидзукэ поклонилась, коснувшись лбом пола.

– Благодарю вас, мой господин.

Киёри ждал, пока она продолжит. Сидзукэ надолго застыла в поклоне, не произнося ни слова. Когда же она поднялась, глаза ее были влажны. Киёри не припоминал, чтобы ему хоть раз довелось видеть ее слезы.

Не скрывая струящихся по щекам слез, она сказала:

– Поужинайте здесь, а потом останьтесь на ночь со мной.

– Это исключительно нечестная просьба, – сказал глубоко удрученный Киёри. – Вы хитростью вынудили меня согласиться сделать то, чего я поклялся не делать, поклялся своей честью и жизнью.

– Я прошу вас разделить со мной лишь покой – не ложе. В моих жилах течет такая же чистая кровь самураев, как и в ваших. Я никогда не стала бы принуждать вас нарушить клятву.

Но Киёри все-таки было не по себе. Возможно, он не начнет ночь в ее постели – но как он может там не очутиться, если останется в одной комнате с Сидзукэ на всю ночь? Но выбора у него не было. Он уже дал согласие.

– Хорошо. Но только на одну ночь.

– Благодарю вас, мой господин, – сказала Сидзукэ. Она подняла взгляд и улыбнулась князю сквозь слезы.

Киёри не улыбнулся в ответ. Предстоящая ночь грозила стать очень долгой.

Ханакэ укладывала свои вещи, готовясь к поездке в Эдо. Ей слышно было, как две служанки помладше болтают в соседней комнате.

– Господин Киёри приказал, чтобы сегодня ему подали ужин в главную башню.

– О, нет! И на сколько персон?

– На двоих! И он специально упомянул, чтобы не подавали сакэ.

– Ужин в главной башне. И без сакэ. Как странно! Он мог бы ужинать там, если бы намеревался побеседовать с каким-то важным гостем наедине. Но если бы он ждал такого гостя, он приказал бы подать сакэ, разве не так?

– Возможно, он ждет необычного гостя.

– Неужели ты имеешь в виду...

– Да!

– Как ты думаешь, кто это – его жена или та, другая?

Это зашло чересчур далеко. Ханако положила сложенное кимоно, подошла к двери, разделяющей две комнаты, и раздвинула ее. Служанки подскочили, увидели, кто это, и облегченно перевели дух.

– Ох, Ханако, это ты!

– Да, это я – к счастью. А если бы это был кто-то другой? Что, если бы это был князь Киёри?

– О, он никогда не заходит в комнаты служанок.

– И тем не менее, прекратите сплетничать, – сказала Ханако. – Или, если уж вам настолько неймется, будьте при этом осторожнее.

– Да, ты права, – согласилась одна из служанок. – Спасибо, что ты напомнила нам об этом.

И они поклонились Ханако.

Ханако уже начала было затворять дверь, но тут одна из служанок деланно громким шепотом поинтересовалась:

– Ханако, как ты думаешь, кто это? Его жена? Или та, другая?

– Я об этом не думаю. И вам не советую.

И она затворила дверь перед носом у этих девчонок с вытаращенными глазами. На несколько мгновений воцарилась тишина, а затем Ханако услышала, как они вновь принялись перешептываться.

По правде говоря, у Ханако, конечно же, имелось свое мнение, хотя она никогда не стала бы высказывать его вслух. Если бы князь Киёри встречался со своей женой, госпожой Садако, это было бы куда менее огорчительно и тревожно. Но Ханако слабо в это верилось. За те тринадцать лет, которые она находилась на службе у клана Окумити, ей много раз доводилось слышать обрывки личных бесед князя Киёри. И когда он беседовал с незримым гостем, он никогда не произносил имени госпожи Садако. И в таких случаях он всегда разговаривал приглушенно и сдержанно, как разговаривают тайные любовники. Нет, он встречался не с призраком своей жены. Он встречался с той, другой женщиной.

Ханако пробрал озноб. Он застыл у нее под кожей, и по рукам, спине и шее пробежали мурашки, словно уколы крохотных иголок.

Она подумала: встретится ли и господин Гэндзи с той, другой женщиной? А потом подумала: а вдруг он уже с ней встретился?

1311 год, замок «Воробьиная туча»

После того, как князь Киёри покинул комнату, Сидзукэ несколько минут сидела в молчании, словно погрузилась в медитацию. Затем она встала и подошла к окну, туда, где стоял князь, глядя наружу. Что он видел? То же, что сейчас видит она? Вечно

зеленые холмы острова Сикоку, тяжелое серое небо, вскипающие белыми гребнями пены волны, порожденные далекими океанскими штормами и зимними ветрами? Нужно будет спросить у него. Если получится – сегодня же вечером. Они будут вместе стоять у этого окна в самой высокой башне их замка, и смотреть на их княжество, Акаоку. Это будет их последняя ночь, проведенная вместе. Они никогда больше не увидятся.

– Моя госпожа!

– Войдите.

Дверь скользнула в сторону. Старшая придворная дама Сидзукэ, Аямэ, и еще четыре дамы из свиты перешагнули порог и поклонились. Они кланялись не так, как это обычно делают женщины, кладя ладони на пол и изящно опуская голову, так, чтобы лоб почти касался пола. Вместо этого дамы опустили на одно колено и слегка склонились, согнувшись в поясе; так кланяются воины на поле боя. Вместо замысловатых, струящихся кимоно, какие носят женщины во внутренних покоях, они были одеты в широкие брюки хакама, а рукава их укороченных курток были связаны за спиной, так, чтобы дамам удобнее было управляться с копьями-нагинатами, которые они держали в руках. Помимо нагинат у каждой дамы за поясом торчал короткий меч вакидзаси. Лишь Аямэ носила два меча, длинный катана и короткий вакидзаси. Если отрешиться от того, что Аямэ была юной женщиной семнадцати лет от роду, ее можно было счесть ожившим изображением героического самурая. Даже волосы у нее больше не струились по плечам и спине, а были подрезаны и забраны в хвост, торчащий над макушкой на каких-нибудь десять дюймов. И мужчины, и женщины должны были бы умирать от любви при виде столь прекрасного существа.

– Все случилось так, как вы сказали, моя госпожа, – доложила Аямэ. – Господин Хиронобу не вернулся с охоты. Никаких посланцев от него не появилось. И здесь, в замке не удастся найти никого из самураев, о которых точно было бы известно, что они преданы господину и вам.

– Моя госпожа, – сказала одна из дам, стоявших за Аямэ, – еще не поздно бежать. Возьмите коня и скачите в замок господина Хикари. Конечно же, он защитит вас.

– Господин Хикари мертв, – сказала Сидзукэ. Ее дамы потрясенно ахнули, а Сидзукэ продолжила: – Так же, как и господин Бандан. И как их наследники и семьи. Измена проникла почти повсюду. Сегодня ночью их замки поглотит пламя. Завтра ночью изменники будут здесь.

Аямэ поклонилась – снова так, как кланяются воины на поле боя, не отрывая взгляда от Сидзукэ.

– Мы заберем с собою многих из них, моя госпожа.

– Да, заберем, – подтвердила Сидзукэ. – И хотя мы умрем, они не восторжествуют. Род князя Хиронобу будет существовать еще долго после того, как их рода пресекутся.

Она почувствовала, как ребенок толкнулся, и положила ладонь на разбухший живот. Терпение, дитя, терпение. Ты уже скоро вступишь в этот полный печалей мир.

Придворные дамы Судзукэ склонили головы и заплакали. Аямэ, самая храбрая из них, превозмогла слезы. Они затуманили ей глаза, но не пролились.

Все это было драматично, словно сцена одной из этих пьес театра Кабуки, о которых время от времени упоминал князь Киёри. Но, конечно же, сейчас ничего подобного не существует. Театр Кабуки появится лишь через триста лет.

1860 год, замок «Воробьиная туча»

Сигеру переходил от полной неподвижности к внезапному движению и обратно; он скользил от одной тени к другой по коридорам замка, принадлежащего его же собственному клану, двигаясь скрытно, словно убийца. Хотя обычный человек мог бы разглядеть Сигеру, если бы тот случайно попался ему на глаза, он двигался так, что ни слуги, ни самураи не замечали его. Если бы они его заметили, им пришлось бы поклониться и вежливо его поприветствовать. Он же, в свою очередь, видя то, чего нет, извлек бы свой меч зарубил их. Вот чего он боялся и вот почему двигался так скрытно. Сигеру терял контроль над собою и не знал, сколько ему еще осталось.

В ушах у него звенела дьявольская какофония. Он сражался изо всех сил, стараясь не видеть те прозрачные картины истязаний и бойни, что представляли перед его глазами. Хотя Сигеру все еще мог отличить мир, по которому шел, от мира, исходящего из его сознания, ему не верилось, что он надолго сохранит эту способность. Он уже много суток не мог спать, а видения, заставлявшие его бодрствовать, еще сильнее толкали его к безумию. Его считали величайшим воином нынешней эпохи, единственным за две сотни лет самураем, достойным того, чтобы его поставили в один ряд с легендарным Мусаси. Сам Сигеру без излишней гордости или ложной скромности полагал, что его репутация заслуженна. Но все его воинские умения ничем не могли ему помочь против этого врага.

Пока его безумие набирало силу, Сигеру сопротивлялся мысли обратиться к единственному человеку, который, возможно, способен был помочь ему. К своему отцу. Сигеру как единственному оставшемуся в живых сыну князя Киёри было слишком стыдно сознаться в подобной слабости. В клане Окумити в каждом поколении рождался кто-то, наделенный даром пророчества. А предыдущем поколении это был его отец. В следующем – его племянник, Гэндзи. А в нынешнем эта тяжесть легла на самого Сигеру. На протяжении шестидесяти с лишним лет Киёри использовал свое предвидение, дабы направлять и защищать клан. Разве мог Сигеру явиться к нему с жалобами на то, что у него тоже начались видения?

И вот теперь, когда уже почти что стало слишком поздно, он уразумел, что у него нет другого выхода. К каждому видения приходили по-своему, и не каждый видящий мог совладать с ними самостоятельно. На него, Сигеру, обрушилась лавина галлюцинаций. Гигантские причудливые машины, напоминающие чудовищ из преданий и легенд, ползали по земле, поглощая ряды покорных людей в странных униформах. Замок и город окутывали слои разноцветного зловонного воздуха. По ночам само небо урчало, словно брюхо огромного невидимого зверя, и рожало огненный дождь, что рушился на вопящие жертвы.

Что все это означало? Если это – видения будущего, то что же они ему указывают? Лишь человек, обладающий сходным опытом, мог бы это понять.

Болтовня служанок подсказала ему, где сейчас находится князь Киёри. В самой высокой башне. Поскольку Сигеру старался не попадаться никому на глаза, ему потребовался едва ли не час, чтобы преодолеть расстояние, на которое обычно уходило несколько минут. Но Сигеру поздравил себя с тем, что добрался сюда незамеченным. Никто не поприветствовал его, и потому никто не умер. Кроме того, за время этого чрезмерно долгого пути видения унялись. Они вскоре вернуться, но и краткая передышка была желанна. Сигеру уже совсем было собрался дать знать отцу о своем присутствии, как тот заговорил.

– Я отослал Ханako к моему внуку, – сказал Киёри, – потому что теперь, когда он взял на себя большую часть официальных обязанностей правителя нашего княжества, он нуждается в надежных слугах больше, чем я.

Киёри сделал паузу, как будто выслушивал чей-то ответ, затем заговорил снова. Так продолжалось некоторое время. Сигеру, стоявший за дверью, напрягал все силы и все внимание, но ни разу не услышал голоса того, с кем беседовал его отец.

– Поскольку будущее принесет хаос, – произнес Киёри, словно отвечая на вопрос, – характер намного важнее общественного положения. – Затем, после краткой паузы: – Вы не согласны? – А затем, после еще одной паузы: – Вы согласны, и все же похоже, что вас позабавили мои слова. Из этого я делаю вывод, что Гэндзи и Ханako не предназначены друг для друга.

Ханako и Гэндзи? Сигеру был потрясен. Ханako была служанкой в замке. Как она может быть предназначена для знатного господина? Не может же быть, чтобы его отец замыслил какое-то хитроумное злодеяние против собственного внука?! Сигеру понял, что ему необходимо увидеть собеседника Киёри. Когда князь говорил, Сигеру мог определить, в какую сторону он смотрит, по тому, как повышался и понижался его голос. Сигеру дождался благоприятного момента и беззвучно отодвинул дверь ровно настолько, чтобы создать едва заметную щель. Передвигаясь из стороны в сторону, Сигеру осматривал комнату, а разговор тем временем продолжался.

– Я не желаю знать больше того, что я должен знать, чтобы обеспечить благополучие нашего клана.

Киёри сидел в центре комнаты и пил чай. Накрыто было на двоих. Вторая чашка, наполненная, но нетронутая, стояла напротив князя. Сигеру полностью осмотрел комнату. В ней никого больше не было. Быть может, собеседник покинул комнату через тайный ход, неизвестный Сигеру? Это казалось маловероятным. Но Сигеру помнил, что Киёри лично проектировал эту башню, и никто другой не видел ее чертежей. С кем бы ни встречался князь, этот человек, несомненно, не мог выйти через окно. А за исключением этого способа единственный путь, ведущий вниз, проходил мимо Сигеру.

– Что это? – спросил Киёри.

Решив, что он обнаружен, Сигеру опустился на колени и поклонился. Он заколебался на миг, не зная, что сказать, и пока он мешкал, Киёри заговорил снова.

– Тогда я согласен.

Сигеру быстро поднялся. Так значит, этот человек все еще там! Он снова заглянул в комнату. Киёри смотрел прямо перед собой; он заговорил, как будто обращался к сидящему перед ним человеку.

– Это исключительно нечестная просьба, – сказал Киёри. – Вы хитростью вынудили меня согласиться сделать то, чего я поклялся не делать, поклялся своей честью и жизнью.

Сигеру отпрянул. Ему вдруг сделалось холодно. До него донесся голос отца.

– Хорошо. Но только на одну ночь.

Сигеру отступил. Сперва он двигался осторожно, а потом опрометью бросился прочь из замка. Отец не может помочь ему, поскольку он тоже безумен. Киёри разговаривал с женщиной. Это могла быть госпожа Садако, супруга Киёри и мать Сигеру. Это было бы достаточно скверно. Госпожа Садако умерла вскоре после появления Сигеру на свет. Но Сигеру не думал, чтобы госпожа, с которой беседовал князь, была его матерью. Говоря о нарушенном обещании, Киёри перешел на особый,

заговорщический тон. Он никогда бы не стал разговаривать подобным образом с собственной женой – даже с призраком собственной жены.

Высокая башня замка «Воробьиная туча», в которой Киёри проводил много времени в одиночестве, пользовалась дурной славой: поговаривали, будто там появляются привидения. Говорили, будто неясные тени сумерек здесь часто напоминают пятна крови. Но о местах, где произошли трагедии, всегда бродят подобные истории – а в каком из замков Японии не было своих трагедий? В данном конкретном случае трагедия была сопряжена с предательством, убийством и отвратительной резней, едва не истребившей клан Окумити еще на заре его существования. Это произошло на исходе десятого года правления императора Го-Нидзё.

Госпожа Сидзукэ, принцесса и ведьма, провела последние часы своей жизни в этой самой башне.

Его отец якшался с упырем, умершим более пятисот лет назад.

1311 год, замок «Воробьиная туча»

Сидзукэ и Аямэ смотрели в окна высокой башни, наблюдая, как три колонны воинов движутся к «Воробьиной туче».

– Как ты думаешь, сколько их там? – спросила Сидзукэ.

– Шесть сотен идут с востока, три сотни – с севера, и еще сотня с запада, – ответила Аямэ.

– А сколько нас?

– В башне шестнадцать ваших придворных дам. Тридцать мужчин, все – прямые вассалы господина Чиаки, ждут предателей у ворот замка. Они придут сразу же, когда их позовут. На розыски господина Чиаки разосланы гонцы. Возможно, он прибудет прежде, чем начнется штурм.

– Возможно, – сказала Сидзукэ, зная, что этого не произойдет.

– Я поняла, что мне трудно смириться с мыслью о том, что Го предал князя Хиронобу и вас. А не могло ли случиться что-либо иное?

– Го устроил так, чтобы Чиаки в критический момент здесь не было, – сказала Сидзукэ, – поскольку он знал, что верность его сына нерушима. Само отсутствие Чиаки служит доказательством. Го не желал убивать его вместе со мной.

– Как жестока жизнь! – сказала Аямэ. – Господин Хиронобу умер бы в детстве, если бы не Го. Без стойкости и мужества Го он не дожил бы до того момента, когда его провозгласили князем. И вот теперь такое. Почему?

– Зависть, алчность и страх, – ответила Сидзукэ. – Они уничтожили бы само небо, если бы боги хоть на мгновение утратили бдительность. А мы здесь, внизу, куда более уязвимы.

Они посмотрели, как людские потоки сливаются, образуя огромное озеро. Задолго до того, как солнце село за горы, во вражеском лагере вспыхнули костры.

– Почему они ждут? – спросила Аямэ. – На их стороне подавляющее превосходство в силах. Тысяча против неполной полусотни.

Сидзукэ улыбнулась.

– Они боятся. Приближается ночь. Время, когда хозяйничают ведьмы.

Аямэ рассмеялась.

– Глупцы! И они еще стремятся править миром!

– Таковы устремления глупцов, – отозвалась Сидзукэ. – Передай моим дамам и самураям Чиаки, чтобы они отдохнули. На некоторое время нам ничего не грозит.

– Да, моя госпожа.

– Ты можешь пока не возвращаться, Аямэ. Со мной все будет в порядке. Побудь с сестрой.

– Вы уверены, моя госпожа? А как же ребенок?

– С ней все в порядке, – сказала Сидзукэ, – и она явится в мир, когда явится, и не раньше.

– Она?

– Она, – твердо сказала Сидзукэ.

Если возможно одновременно испытывать сильную радость и глубокую печаль, то, вероятно, именно это и произошло с Аямэ, ибо из глаз ее потекли слезы, а лицо озарила улыбка. Она низко поклонилась и бесшумно удалилась.

Сидзукэ взяла себя в руки и принялась ждать появления Киёри.

1860 год, замок «Воробьиная туча»

Ханако шла по главному саду замка. Обычно ей этого не позволялось. Сад был предназначен для благородных господ и дам клана, а не для слуг. Но Ханако готова была рискнуть выговором. Завтра она отправится в Эдо. Кто знает, когда она вернется? Быть может, никогда. Ей хотелось, прежде чем она уедет, повидать эти розы. Они цвели здесь в таком изобилии, что иногда замок именовали не «Воробьиной тучей», а «Крепостью розового сада». Ханако больше нравилось имя, связанное с цветами.

Ей на глаза попался один цветок. Он был меньше прочих, но полностью распустился, а его цвет мог бы служить определением слова «красный».

В вечернем свете его великолепию невозможно было противиться. Ханако протянула руку и коснулась его. И укололась об не замеченный шип. Когда девушка отдернула руку, то увидела, что на кончике пальца набухла единственная капля крови, точно такого же цвета, что и лепестки розы.

Ханако вздрогнула. Неужели это знамение?

И она поспешно двинулась прочь, исполнять свои ежевечерние обязанности.

Что ты здесь делаешь? – спросил Киёри.

Как он и ожидал, в комнату вошли Ханако и вторая служанка, неся ужин. А за ними внезапно появился Сигеру.

Сигеру перешагнул порог и поклонился.

Прошу прощения за то, что я явился к вам, не испросив предварительно вашего дозволения.

Быстро оглядев комнату, Сигеру убедился, что здесь нет никого, кроме его отца. Размеры и пропорции комнаты не изменились, а значит, с тех пор как он бывал здесь в последний раз, здесь не появилось никаких тайных отсеков. И все же сегодня вечером – как и ранее, днем, – его отец с кем-то разговаривал. Сигеру был в этом уверен.

Киёри не нравилось, когда его заставляли врасплох. Ханако следовало предупредить его, прежде чем открывать дверь. Он наградил служанку неодобрительным взглядом. Но изумление и испуг, написанные на ее лице, явственно свидетельствовали, что Ханако и не подозревала о присутствии Сигеру. А это могло

означать лишь одно: Сигеру скрытно прошел следом за служанками, оставаясь незамеченным. Киёри отметил, что сын за последнее время осунулся, а глаза у него чрезмерно блестят. В других обстоятельствах странное поведение Сигеру и явственные внешние признаки глубокого внутреннего разлада немедленно заставили бы князя сосредоточить все свое внимание на сыне. Но сегодня вечером его вниманием безраздельно владела госпожа Сидзукэ. За все те годы, что он виделся с нею, она никогда не посещала его чаще, чем два раза в год. А на протяжении последней недели он видел ее каждый день. Это явно было признаком умственного разлада у него самого. Все провидцы из рода Окумити, за редким исключением, в конце концов становились жертвами своего пророческого дарования. Почему вдруг он должен быть исключением? Но Киёри был полон решимости не опозорить себя и свой клан. Если его час настал, и он более не может быть полезен другим, он лучше сам оборвет свою жизнь, чем умрет безумцем. Он разберется с Сигеру позднее. Если это «позднее» настанет.

Ну так в чем дело?

Я хотел поговорить с вами по важному делу. Однако же я вижу, что вы ждете гостя, и потому не стану более обременять вас своим присутствием. Я буду просить у вас дозволения посетить вас в другой раз.

Сигеру поклонился и вышел. Он уже проделал все, что требовалось, ранее, когда пища только готовилась. Сюда же он пришел лишь затем, чтобы удостовериться в своих подозрениях. Гость был незрим для всех, кроме его отца.

Поворотный момент его жизни уже достигнут, – сказала госпожа Сидзукэ, когда они снова остались наедине. – Теперь остается лишь ждать, пока неизбежное свершится.

Это не обнадеживает, – сказал Киёри.

А почему вас следует обнадеживать или не обнадеживать? – возразила Сидзукэ. – Факты видятся яснее, когда их не затуманивают эмоции.

Человеческие существа, – заметил Киёри, – всегда испытывают эмоции, хотя в силу обучения, склонностей или обстоятельств могут не поступать в соответствии с ними – и не всегда поступают.

Человеческие существа, – промолвила Сидзукэ. – Это игра моего воображения, или вы вправду подчеркнули эти слова?

Вправду. Я не знаю, кто вы на самом деле, но вы не человек.

Сидзукэ прикрыла рот рукавом и рассмеялась; глаза ее заискрились почти ребяческим весельем.

Как мы похожи, мой господин, и как непохожи! Под конец, когда отпущенное нам время истекает, вы пришли к тому же выводу, к которому я пришла в начале, когда вы впервые явились мне.

Прежде, чем Киёри овладел собою достаточно, чтобы снова заговорить, прошло несколько мгновений.

Когда я явился вам?!

Сидзукэ встала – шелк ее кимоно, надетых одно поверх другого, шелестел тихо, словно шепот листьев, которых коснулся легкий ветерок, – и подошла к восточному окну.

Мой господин, не согласитесь ли вы исполнить мою прихоть?

Киёри, слишком потрясенный, чтобы сопротивляться, встал и подошел к ней.

Сидзукэ указала на пейзаж за окном.

Что вы видите?

Ночь, – отозвался он.

И какова же эта ночь?

Киёри пытался взять себя в руки. Управляя дыханием, заставляя замедлиться бешено бьющееся сердце, не обращая внимание на бурю мыслей, давящих изнутри на глаза и виски, князь сосредоточился на ночи за окном. Дующий с моря сильный ветер вздымал увенчанные белопенными гребнями волны на высоту человеческого роста и обрушивал их на скалистый берег. Тот же самый ветер разогнал облака, очистив небо, и ни тучи, ни туман не мешали звездам сиять. В глубине острова шум ветра в деревьях тонул в пении ночных птиц.

Сильный ветер, чистое небо, бурное море, – сообщил Киёри.

Сейчас ночь, но никакого ветра нет, – сказала Сидзукэ. – Из долин поднимается дымка и плывет на восток, в сторону костров, и к океану. К утру она снова вернется к берегу уже в облике густого тумана. В час дракона, когда туман рассеется, я умру. – Она улыбнулась. – Конечно же, для вас это ничего не значит, поскольку вы уверены, что я уже мертва, и была мертва за пятьсот лет до вашего рождения.

Я не вижу никаких костров, – сказал Киёри.

Я знаю, что вы их не видите, – сказала Сидзукэ, – поскольку как я на самом деле не там, так и вы на самом деле не здесь.

Неожиданно быстрое движение – и прежде, чем Киёри сумел уклониться, женщина коснулась его. Он почувствовал не тепло ее руки, но...

Холод, – произнесла она, завершая его мысль. – Не на коже, но глубоко внутри, в костях; не тот холод, что несет с собой северный ветер, а более пронзительный, словно предвестие беды.

Да, – согласился князь. – А что чувствуете вы?

То же самое, – сказала Сидзукэ. – Прислушайтесь. Что вы слышите?

Ветер усиливается.

Я слышу флейту, – сказала она. – Госпожа Аямэ играет «Незримую луну».

Я знаю эту песню, – сказал князь. – Когда Гэндзи был маленьким, он часто ее играл.

На что похожа эта мелодия?

Киёри вновь ощутил леденящий холод.

На поднимающийся ветер.

Да, – согласилась Сидзукэ. – На поднимающийся ветер.

В тусклом свете единственного светильника Сигеру преклонил колени перед алтарем. Ему оставался лишь один путь. Если бы он столько лет не был настолько поглощен своим честолюбием непобедимого воина, возможно, он заметил бы, что с его отцом что-то неладно. Возможно, ему не следовало так безоглядно отмахиваться от доходящих до него слухов. Теперь же было слишком поздно.

Сигеру зажег первую из ста восьми курительных палочек, которые ему следовало сжечь за время своего бдения. Сто восемь – число бедствий, что навлекает на себя человек. Сто восемь – число вечностей, которые он проведет в ста восьми преисподнях за преступления, которые он начал совершать этой ночью. К нынешнему моменту его отец уже мертв – отравлен желчью рыбы-луны, которую он, Сигеру, подбавил в его пищу. Когда церемония покаяния будет завершена, он отыщет свою жену и детей.

После этого останется только его племянник, Гэндзи. Но вскоре предоставится возможность, и Гэндзи тоже умрет. Проклятие пророческого дара завершится. А с ним – неизбежное последствие – завершится и род Окумити.

Почтительно поклонившись, Сигеру поставил курительную палочку на погребальный алтарь своего отца.

Я глубоко сожалею, отец. Пожалуйста, прости меня.

Он взял вторую палочку и повторил процедуру.

Я глубоко сожалею, отец. Пожалуйста, прости меня.

Проклятие завершится. Должно завершиться.

Я глубоко сожалею, отец. Пожалуйста, прости меня.

Будущее не предназначено для того, чтобы его знали. Когда же его познают, оно оборачивается против знающих и пожирает их.

Я глубоко сожалею, отец. Пожалуйста, прости меня.

Он надеялся, что князь Киёри не страдал. Желчь рыбы-луны вызывает у жертвы перед смертью необычайно яркие видения. Быть может, князь в последний раз узрел себя в объятиях своей призрачной возлюбленной.

Сигеру зажег пятидесятую палочку. Дым благовоний начал заполнять маленький храм.

За его стенами поднимающийся ветер гнал облака к берегу. Луна, час назад полная и яркая, теперь скрылась и сделалась незримой для глаз.

Дворец «Тихий журавль» в Эдо

Окумити-но-ками Гэндзи, следующий в линии наследования княжества Акаока, полулежал на полу, развалившись на свой обычный невоинственный манер; он опирался на локоть, в другой руке делжал чашечку с сакэ, а на губах его играла легкая улыбка. Большая часть из присутствующей здесь дюжины гейш танцевали, пели или наигрывали веселые мелодии на кото и сямисенах. Одна гейша сидела рядом с Гэндзи, готовая наполнить ему чашечку сразу же, как только в том возникнет нужда.

Она сказала:

Мой господин, почему вы перестали петь? Ведь вы, конечно же, знаете слова. «Настоятель и куртизанка» – одна из самых популярных песенок этого сезона.

Гэндзи рассмеялся и протянул гейше свою чашечку.

Боюсь, в состязании между стремлением пить и стремлением петь пение всегда остается в проигрыше.

Он едва коснулся чашечки губами и опустил ее. Его манеры были манерами пьяного, и с этим не вязались лишь глаза, ясные и внимательные.

Волосы Гэндзи, тщательно уложенные в сложную прическу, подобающую столь высокородному господину, находились сейчас в легком беспорядке, и выбившаяся из прически прядь падала на лоб. Это не только усиливало впечатление, что молодой господин захмелел, но и создавало некоторый намек на женственность, каковой поддерживало еще и кимоно Гэндзи. Оно было слишком ярким и затейливо вышитым для серьезного самурая двадцати четырех лет от роду, особенно для такого, которому предстоит некогда стать князем. Во всей Японии было всего двести шестьдесят князей, и каждый из них обладал абсолютной властью над своим княжеством. В случае с Гэндзи, неуместность его одеяния подчеркивалась еще и его лицом, опасно близко подходящему к определению «очаровательное». И в самом деле, его безупречной

коже, длинным ресницам и изящным губам позавидовала бы почти любая из присутствующих здесь гейш. Кроме одной. И именно она в настоящий момент безраздельно владела вниманием Гэндзи, хотя он достаточно хорошо скрывал свой интерес.

Майонака-но Хэйко – «Полуночное равновесие» – сидела на противоположной стороне комнаты и играла на сямисене. Она была самой знаменитой гейшей нынешнего сезона. За последние недели Гэндзи слышал о ней отовсюду. Но не очень верил тому, что слышал. Подобные слухи ходят каждый сезон. Прошлогодняя несравненная красавица в следующем году с неизбежностью уступала место новой, как год сменяется новым годом. В конце концов Гэндзи все же пригласил Хэйко к себе во дворец, даже не столько из интереса, сколько ради того, чтобы поддержать свою репутацию самого поверхностного и несерьезного знатного господина во всем Эдо, столице сегунов. И вот она очутилась здесь, и, к изумлению Гэндзи, превзошла даже самые пылкие описания, какие только доходили до него.

Всякая истинная красота переступает пределы обычной физической привлекательности. Однако же, каждое движение Хэйко было настолько изысканным и совершенным, что Гэндзи не мог с точностью сказать, видит он это, или ему это грезится. Движения ее изящных пальчиков, наклон головы, слегка разомкнутые губы, когда она вздыхала с вежливым удивлением, слышав чье-то якобы чрезвычайно остроумное замечание, ее улыбка, зарождающаяся не на губах, а в глазах, как всякое истинное чувство.

В ней невозможно было отыскать ни одного изъяна. Глаза у нее были безукоризненной формы, миндалевидные и продолговатые, кожа чиста, словно только что выпавший снег в свете полной зимней луны, едва различимые изгибы тела под кимоно идеально дополнялись ниспадающими складками шелка, тонкие запястья наводили на мысль о волнующей хрупкости.

Гэндзи никогда не видел столь прекрасной женщины. Даже в воображении.

Гейша, сидевшая рядом с ним, вздохнула.

О, эта Хэйко! Когда она рядом, у прочих уже не остается никакой возможности привлечь внимание мужчин. Как жестока жизнь!

О ком вы говорите? – возразил Гэндзи. – Как я могу видеть кого-либо еще, когда рядом со мной вы?

Его любезность выглядела бы более естественно, если бы он назвал гейшу по имени, но, по правде говоря, он больше не мог его вспомнить.

Ах, господин Гэндзи, вы так добры! Но я знаю, когда следует признать поражение.

Гейша улыбнулась, поклонилась и отошла к Хэйко. Они обменялись несколькими словами. Хэйко передала свой сямисен другой гейше и подошла к Гэндзи. Когда она шла через комнату, глаза всех мужчин неотрывно следили за нею. Даже Сэйки, его мрачный управляющий двором, и Кудо, глава его телохранителей, не устояли. Если бы среди самураев оказался предатель, как подозревал его дедушка, сейчас был бы идеальный момент для покушения на Гэндзи. Если, конечно, не считать той детали, что предатели, если таковые имелись, тоже смотрели на Хэйко. Такова была сила ее красоты. Она брала верх даже над дисциплиной и разумом.

Я вовсе не хотел мешать вашему представлению, – сказал Гэндзи.

Хэйко поклонилась и села рядом с ним. Тихий шорох ее шелкового кимоно напомнил Гэндзи шум волн, неспешно набегающих на далекий берег.

Вы вовсе не помешали мне, мой господин, – отозвалась Хэйко.

Гэндзи впервые услышал, как она говорит. Ему потребовалось все его немалое самообладание, чтобы не задохнуться от потрясения. Ее голос звучал, словно колокольчики, – нет, не в прямом смысле слова, но его отзвук тоже, казалось, продолжал звучать даже тогда, когда на самом деле он уже стихал. Теперь, когда Хэйко очутилась рядом, Гэндзи заметил под ее макияжем намек на веснушки. Хэйко с легкостью могла бы их скрыть, но не стала этого делать. Этот небольшой недостаток заставил Гэндзи подумать о неизбежном несовершенстве самой жизни, ее недолговечности и непредсказуемости, и придал красоте Хэйко безупречный оттенок печали. Действительно ли она настолько очаровательна, или его стремление притвориться пьяным завело его далее, чем он намеревался?

Я перебил вас, – сказал Гэндзи. – Вы больше не играете на сямисене.

Это так, – согласилась Хэйко. – Но я по-прежнему продолжаю представление.

Вы? Но где же ваш инструмент?

Хэйко развела пустыми руками, как будто в них что-то было. Ее улыбка была настолько легкой, что еще чуть-чуть, и ее не стало бы вовсе. Она посмотрела Гэндзи в глаза и не отводила взгляда, пока он не сморгнул, равно удивленный и ее словами, и ее взглядом.

И какова же суть вашего представления?

Я изображаю гейшу, которая изображает, будто она куда сильнее заинтересована своим гостем, чем это есть на самом деле, – отозвалась Хэйко. Ее улыбка сделалась чуть более явной.

Что ж, это очень честно с вашей стороны. Ни одна известная мне гейша никогда бы не решилась на такое признание. Разве это не нарушает правила вашего искусства – признание хотя бы в самой возможности неискренности?

Лишь нарушив правила, я смогу приблизиться к своей цели, господин Гэндзи.

И какова же ваша цель?

Хэйко подняла руку, чтобы скрыть улыбку за рукавом, но ее глаза улыгнулись Гэндзи.

Она сказала:

Если я назову вам ее, мой господин, для вас не останется загадок, кроме моего тела. А долго ли ему удастся удерживать ваш интерес, каким бы соблазнительным и искусным оно бы ни было?

Гэндзи рассмеялся.

Я слышал, что вы прекрасны. Но никто не предупредил меня, что вы умны.

В женщине красота без ума – это все равно, что в мужчине сила без храбрости.

Или в самурае – знатность без воинской дисциплины, – сказал Гэндзи, словно осуждая сам себя.

Как это забавно – если, конечно, предположить, что такое вообще возможно, – заметила Хэйко. – Я изображаю гейшу, которая изображает, будто она куда сильнее заинтересована своим гостем, чем это есть на самом деле, а вы изображаете знатного господина без воинской дисциплины.

Если вы изображаете, будто вы изображаете, не значит ли это, что на самом деле гость вызывает у вас интерес?

Конечно же, мой господин. Как же вы можете не интересоваться мной? Я так много о вас слыхала! И вы так не похожи на остальных знатных господ!

Не так уж я и отличаюсь от них, – возразил Гэндзи. – Многие растратили свои

силы и свои сокровища на женщин, поэзию и сакэ.

Ах, но насколько мне известно, никто, кроме вас, не изображал, будто он это делает, – возразила Хэйко.

Гэндзи снова рассмеялся, хотя ему вовсе не было смешно. Он снова пригубил сакэ, чтобы выиграть время на обдумывание ее слов. Действительно ли она разглядела суть за его уловками? Или это всего лишь обычная игра гейши?

Ну, я могу изображать, будто я изображаю, и все это время на самом деле быть тем, кого изображаю.

Или мы можем отбросить все притворство, – сказала Хэйко, – и быть друг с другом такими, какие мы есть на самом деле.

Это невозможно, – возразил Гэндзи и глотнул еще сакэ. – Я – знатный господин. Вы – гейша. Притворство – суть нашего существа. Мы не можем быть такими, какие мы есть на самом деле, даже когда пребываем в полном одиночестве.

Возможно, – сказала Хэйко, заново наполняя его чашечку, – поначалу мы могли бы изображать, будто мы такие, какие есть на самом деле. Но лишь тогда, когда мы наедине друг с другом.

Она подняла свою чашечку.

Пообещаете ли вы мне это, мой господин?

Конечно, – отозвался Гэндзи. – Это будет забавно, пока будет длиться.

Дед предупреждал его, что вскоре ему будет грозить серьезная опасность от предателей. Насчет слишком умных гейш он его не предупреждал.

И что же ему делать с этой гейшей? Надо будет позаботиться, чтобы как только Киёри снова прибудет в Эдо – сразу же после Нового года, – они встретились с Хэйко. В эти ненадежные времена единственным, на что можно было положиться твердо, оставалось суждение Киёри. Он, с его непогрешимым пророческим даром, никогда не может ошибиться.

О чем вы так серьезно думаете, мой господин? – спросила Хэйко.

О моем дедушке, – ответил Гэндзи.

Врунишка! – сказала Хэйко.

Гэндзи рассмеялся. Когда правда невероятна, а ложь больше обнажает, чем скрывает, каким же станет любовный роман? Да, это действительно обещает стать забавным.

Господин управляющий Сэйки приблизился к Гэндзи.

Господин, время уже позднее. Пора отослать гейш домой.

Это было бы вопиюще негостеприимно, – сказал Гэндзи. – Пусть они останутся у нас на ночь. У нас достаточно места. Южное крыло свободно.

В южном крыле располагались комнаты стражников, в которых до недавнего времени жили двадцать его лучших самураев. В настоящий момент они вместе с командиром кавалерии находились в монастыре Мусиндо, изображая из себя монахов.

Господин! – сказал Сэйки, ужасно гримасничая. – Это будет вопиюще опрометчиво. Наша безопасность будет поставлена под угрозу. Теперь, когда половина наших стражников отсутствует, нам чрезвычайно не хватает людей. Мы не сможем следить за таким количеством чужих.

А за чем нам следить? – Гэндзи отмел очередное возражение Сэйки прежде, чем тот успел его высказать. – Неужели мы сделались настолько слабы, что должны бояться дюжины полупьяных женщин?

Я не полупьяна, мой господин, – сказала Хэйко. – Я целиком и полностью пьяна.

Она повернулась к Сэйки.

Как по-вашему, господин управляющий, это делает меня вдвое более опасной или полностью безвредной?

Подобное вмешательство в разговор со стороны кого-либо другого, несомненно, вызвало бы у Сэйки вспышку гнева. Но сейчас, хоть он и не улыбнулся, он поддержал игру Хэйко.

Вдвойне опасной, госпожа Хэйко, вдвойне более опасной. Не может быть сомнений. А когда вы спите, вы даже еще опаснее. Именно потому я уговариваю моего господина, чтобы он отослал вас и ваших спутниц домой.

Этот обмен репликами позабавил Гэндзи. Даже такой смертельно серьезный самурай как Сэйки не устоял перед Хэйко.

В вопросах политики и на поле боя я всегда последую совету моего управляющего, – сказал Гэндзи. – Когда же дело касается гейши и устройства на ночь, я смиренно объявляю, что в этих вопросах разбираюсь лучше него. Пусть для наших гостей приготовят южное крыло.

Сэйки не стал более возражать. Как и для всякого самурая старой закалки, для него явно выраженная воля господина была законом.

Он поклонился и сказал:

Будет исполнено, господин.

За время короткого разговора Гэндзи с Сэйки Хэйко осушила еще две чашечки сакэ. Он весь вечер пила удивительно много спиртного. Если бы он столько выпил, он уже давно отключился бы.

Сейчас Хэйко сидела на коленях, в классической позе служанки, но в движениях ее появилась неуверенность. Эта неуверенность в сочетании с несколько сонным видом, с которым она моргала, создавала впечатление, будто гейша в любой момент может упасть. Гэндзи готов был подхватить ее, если она действительно упадет, но ему не очень в это верилось. Хотя он знал Хэйко всего несколько минут, этих минут ему хватило, чтобы понять: она никогда не делает того, что от нее ожидают. Даже внешние проявления ее нынешнего состояния были необычными. Большинство женщин, включая самых искусных гейш первого ранга, при опьянении становились менее привлекательными. Определенная неряшливость во внешности и поведении – и, как правило, из-под сказочной красоты проступает слишком много реального, человеческого.

Но на Хэйко вино оказывало прямо противоположное воздействие. Хотя она слегка покачивалась из стороны в сторону или взад-вперед, ни единой прядки не выбилось из ее прически, а ее макияж, не настолько сильный, как традиционный, оставался безукоризненным. Шелковое кимоно струилось вдоль тела так же изящно, как тогда, когда Хэйко лишь прибыла сюда. Пояс со сложным узлом был все таким же элегантным. Хотя многие ее товарки-гейши, выпив, стали вести себя менее церемонно, Хэйко сделалась лишь более чопорной. Воротник ее кимоно был туго запахнут, его полы – тщательно подоткнуты под голени, и Хэйко продолжала сидеть на коленях, сохраняя традиционную позу. Кем же нужно быть, чтобы проникнуть за подобную завесу дисциплины и сдержанности? Кому из мужчин это под силу? Большое количество спиртного часто придает женщинам обрюзгий вид. У Хэйко же все его воздействие выразилось лишь в порозовевших веках и мочках ушей, что лишь подчеркнуло лишь обольстительную белизну ее лица, свойственную женщинам, никогда не покидающим внутренних покоев. Гэндзи, конечно же, стало любопытно: а

в каких еще местах она может зардеться?

Гэндзи не пригласил Хэйко провести эту ночь с ним. Он был уверен, что она отклонит его приглашение. Даже в подобном состоянии она оставалась слишком утонченной, чтобы уступить какому бы то ни было мужчине, даже такому, который вот-вот должен был сделаться князем. А кроме того – быть может, для Гэндзи это даже имело большее значение, – ему казалось неприятно грубым даже просить об этом опьяневшую женщину. Возможная глубина отношений, зарождающихся между ними, требовала терпения и тонкости. Впервые за десяток лет, в течение которых он изображал из себя дилетанта, его действительно увлек и восхитил характер женщины. Не следует спешкой уничтожать возможность истинного исследования. Зародился бы у него подобный интерес, не будь она столь прекрасна? Гэндзи слишком хорошо знал себя, чтобы ему могла прийти в голову подобная мысль. Возможно, он обладал терпением бодхисатвы, но в целом до бодхисатвы ему было далеко.

Мой господин?

Служанка, готовившая постель для Гэндзи, остановилась и взглянула на него. Гэндзи рассмеялся. Никак, он рассуждал о своих побуждениях вслух?

Нет, ничего, – сказал он.

Служанка поклонилась и вернулась к исполнению своих обязанностей. Другие две служанки тем временем помогали Гэндзи раздеваться. Когда все было исполнено, молодые женщины опустились на колени у двери и поклонились. Они остались у порога комнаты, ожидая дальнейших распоряжений. Подобно всем женщинам внутренних покоев, они были очень хороши собою. Гэндзи обитал в стороне от остальных мужчин, поскольку он был высокородным господином, наделенным властью и могуществом. И, тем не менее, он был мужчиной. И служанки, наряду со своими обыденными обязанностями, обеспечили бы ему и более интимный уход, если бы он того пожелал. Сегодня Гэндзи этого не желал. Он думал лишь о Хэйко.

Спасибо, – сказал Гэндзи.

Доброй ночи, господин Гэндзи, – отозвалась старшая из служанок. Женщины, не вставая с колен, пятясь, покинули комнату. Дверь бесшумно затворилась за ними.

Гэндзи пересек комнату и открыл дверь, выходящую во внутренний садик. До рассвета оставалось меньше часа. Ему нравилось смотреть, как первые лучи встающего солнца озаряют тщательно подстриженную листву, отбрасывая причудливые тени на оставленные граблями узоры на гальке каменного озера и вдохновляя птиц на утренний концерт. Гэндзи уселся на колени, приняв позу сейдза и сложив руки в медитативной дзенской мудре, и полуприкрыл глаза. Нужно, насколько получится, дать уйти всем мыслям и заботам. Солнце выведет его из медитации, когда поднимется достаточно высоко, чтобы осветить его.

Если бы кто-то мог наблюдать сейчас за Гэндзи, он увидел бы не того пьяного бездельника, каким он казался несколько минут назад, а совсем другого человека. Он держался прямо и уверенно. Вне всякого сомнения, это был самурай. Он вполне мог бы сейчас готовиться к битве или к ритуальному самоубийству. Так он выглядел.

Внутри же все обстояло иначе. Как всегда в начале медитации, Гэндзи обнаружил, что развлекается фантазиями и предположениями, вместо того, чтобы позволить им уйти.

Сперва он думал о Хэйко, потом – о ее нынешней недостижимости; затем его мысли быстро перешли на трех только что ушедших служанок. Умэ, самая полненькая и самая игривая из трех, вполне могла бы отвлечь его от мыслей о преждевременном

любовном свидании. Возможно, он поторопился, отпустив ее.

Это навело его на мысль о своей недавней беседе с христианским миссионером. Этот миссионер со всей серьезностью подчеркивал важность того, что он именовал «верностью». Он утверждал, что, единожды женившись, мужчина-христианин не спит ни с кем, кроме собственной жены. Гэндзи был поражен до глубины души. Нет, он не поверил миссионеру. То, что он говорил, было невозможно. Подобное поведение было настолько неестественным, что даже чужеземцы, какими бы странными они ни были, не могли следовать подобным принципам. Его поразило другое: что этот человек, миссионер, утверждал это с такой серьезностью. Конечно же, все люди лгут, но только глупцы говорят ложь, которой не поверит никто. Гэндзи было любопытно, что же двигало миссионером.

Предположим, его мотивы не причинят беспокойства дедушке. С пятнадцати лет наделенный даром предвидения и на протяжении многих лет удостоенный поразительного потока точных видений, Киёри не любопытствовал и не строил догадок, а просто знал. Киёри сказал Гэндзи, что у него будут три видения, и только три, на протяжении всей его жизни. Он также заверил внука, что этих трех видений будет достаточно. Гэндзи понятия не имел, как три видения могут осветить всю его жизнь. Но дед никогда не ошибался, а потому ему следует в это верить, даже если он не может ничего с собою поделаться и перестать из-за этого беспокоиться. Ему уже двадцать четыре года, а он еще не узрел ни малейшего проблеска будущего.

Эх, опять он размышляет вместо того, чтобы позволить мыслям уйти! К счастью, он спохватился прежде, чем эти мысли завели его слишком далеко. Гэндзи глубоко вдохнул, выдохнул и начал очищать сознание.

Прошел час. А может, минута. Во время медитации время течет иначе. Гэндзи почувствовал на лице тепло солнечных лучей. Он открыл глаза. И вместо того, чтобы увидеть сад...

...Гэндзи обнаружил, что находится среди огромной толпы вопящих людей; все они были одеты в некрасивые, лишенные всякого изящества наряды чужеземцев. Ни у кого волосы не были собраны в хвост на макушке, как подобало самураям. Вместо этого у всех волосы были в беспорядке, словно у безумцев или заключенных. Гэндзи по привычке первым делом огляделся, выясняя, есть ли рядом оружие, от которого ему, возможно, придется защищаться, и ничего не увидел. Оружия не было ни у кого. Это должно было означать, что среди присутствующих нет самураев. Гэндзи попытался проверить, при нем ли его мечи. Но он не мог по своей воле пошевелить головой, глазами, руками, ногами, и вообще какой-либо частью тела. Он неумолимо двигался по длинному проходу, пассажир в своем собственном теле. По крайней мере, так он предполагал – что находится в собственном теле, хотя не видел его, – лишь замечал боковым зрением собственные руки, пока продолжал двигаться к возвышению.

Сидевший на помосте седой мужчина ударил по столу деревянным молоточком.

Тихо! Тихо! Парламент – тихо!

Его голос потонул в потоке противоречивых возгласов, обрушившихся на Гэндзи с обеих сторон.

Будь ты проклят!

Банзай! Ты спас японский народ!

Ты опозорил нас! Вспомни о чести и покончи с собой!

Да защитят тебя все боги и все будды! Да пребудет с тобой их благословение!

Эти выкрики сообщили Гэндзи, что его ненавидят и почитают почти с равным пылом. Благословения раздавались в основном из левой половины зала, проклятия – из правой. Гэндзи приветственно помахал рукой тем, кто сидел слева. Когда он проделал это, тот Гэндзи, который был пассажиром, смог увидеть, что рука действительно принадлежит ему, хотя, возможно, на ней сильнее отразился ход времени.

Мгновением спустя справа раздался выкрик:

Да здравствует император!

С той стороны прохода к Гэндзи кинулся какой-то юноша. Волосы его были очень коротко подстрижены. В руках он держал короткий меч, вакидзаси.

Гэндзи попытался защититься. Но тело ему не повиновалось. И пока он следил за происходящим, юноша глубоко всадил клинок в живот Гэндзи. И Гэндзи – кем бы он там ни был, пассажиром или кем иным – ощутил удар и жжение, как если бы его ужалила какая-то огромная ядовитая тварь. В лицо юноше ударила струя крови. Мгновение спустя Гэндзи сообразил, что это его кровь. Внезапно тело его обмякло, и он упал на пол.

Среди лиц, склонившихся над ним, оказалось лицо необычайно красивой молодой женщины – и красота ее тоже была необычной. У нее были светло-карие глаза и каштановые волосы; а черты лица – странно подчеркнутые и эффектные, и чем-то напоминали лица чужеземцев. Она кого-то напомнила Гэндзи, хоть он и не мог понять, кого именно. Женщина опустилась на колени рядом с ним и, не обращая внимания на кровь, обняла его.

Она улыбнулась ему сквозь слезы и произнесла:

Ты всегда будешь моим Блистательным Принцем.

Игра с его именем. Гэндзи. Так звали героя древнего романа.

Гэндзи почувствовал, что его тело пытается что-то сказать, но губы не повиновались. Он увидел, что на длинной, изящной шее женщины что-то поблескивает. Медальон с изображением стилизованного цветка. А потом он ничего больше не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал...

Господин Гэндзи! Господин Гэндзи!

Гэндзи открыл глаза. Рядом с ним стояла на коленях служанка Умэ, и на лице ее было написано беспокойство. Он приподнялся на локте. Оказалось, что, потеряв сознание, он вывалился из комнаты и очутился в саду.

Господин, с вами все в порядке? Простите, что я вошла к вам без дозволения. Я дежурила снаружи и услышала глухой удар, а когда я позвала, вы не ответили.

Со мной все в порядке, – ответил Гэндзи. Он оперся на служанку и уселся на террасе.

Может, вызвать доктора Одзаву? – предложила Умэ. – Просто на всякий случай.

Да, возможно. Пошли кого-нибудь за ним.

Слушаюсь, господин Гэндзи.

Умэ поспешно кинулась к двери, шепотом отдала приказание другой служанке, ожидавшей там, и поспешно вернулась обратно.

Господин, может, принести вам чаю?

Не надо. Просто посиди со мной.

Что это было? Какой-то припадок? Или, наконец-то, одно из обещанных ему видений? Но ведь не может же быть, чтобы это и вправду было оно! Если это было

видение, то это было видение его собственной смерти. Какая с него польза? Гэндзи ощутил глубинный, холодный страх, какого никогда прежде не испытывал. Быть может, ему предназначено не стать провидцем, а еще в молодости лишиться рассудка. Такое нередко случалось в их семействе. У Гэндзи до сих пор кружилась голова, от падения и видения – или сна, или галлюцинации – и он потерял равновесие.

Умэ мягко поддержала его, подставив собственное тело.

Гэндзи прислонился к ней; ему по-прежнему было очень страшно. Нужно будет сегодня же отправить деду письмо и попросить его незамедлительно приехать в Эдо. Только Киёри сможет объяснить, что же с ним случилось. Только Киёри сможет отыскать в этом смысл, если смысл действительно есть.

Но прежде, чем гонец успел уехать, во дворец прибыл другой гонец – из замка «Воробьиная туча».

Окумити-но-ками Киёри, воин и провидец, глубоко почитаемый князь Акаоки, правивший княжеством в течение шестидесяти четырех лет, скончался.

ГЛАВА 2

Роза «Американская красавица»

Излюбленное высказывание самураев гласит: “Первая мысль после пробуждения – о смерти. Последняя мысль перед сном – о смерти” . Такова мудрость никогда не рожавших глупцов.

Вместо того, чтобы верить слабаку, видящему только смерть в крови, найди человека, который вместо этого видит жизнь.

Первая мысль после пробуждения – о жизни!

Последняя мысль перед сном – о жизни!

Лишь такой человек знает, что смерть и без того приходит достаточно скоро.

Лишь такой человек воистину способен постичь сердце женщины.

“Аки-но-хаси” (1311)

1867 год, дворец “Тихий журавль”, Эдо

Тоска, владевшая Эмилией Гибсон, была столь велика, что Эмилия каждое утро просыпалась от того, что ей снился ветерок, несущий запах цветущих яблонь. Это не было более воспоминанием о Яблонево́й долине ее детства, порождающим болезненную пустоту в груди, ни грезой о ветре, несущем утраченное благоухание садов с берегов реки Гудзон. Нет, Эмилия скучала по другой Яблонево́й долине, лощине с какой-нибудь сотней яблонь, расположенной на расстоянии полета стрелы от замка “Воробьиная туча”.

То, что она скучает по какому-то месту в Японии, уже само по себе указывало на то, как долго Эмилия пробыла вдали от Америки. Со времен ее отъезда прошло более

шести лет, и почти столько же – с тех пор, как она последний раз думала о доме. Ей тогда было шестнадцать. Сейчас ей уже двадцать три, а чувствует она себя намного старше. За прошедшие годы она потеряла своего жениха, своего лучшего друга, и, – что, возможно, еще существеннее, – свои представления о должном. Знать, как правильно, и делать, как правильно – оказалось, что это две совершенно разные вещи. Чувства не настолько легко контролировать, как того требует логика. Эмилия влюбилась, хотя ей и не следовало этого делать.

Эмилия встала с постели. Кровать у нее была с четырьмя столбиками и пологом; Роберт Фаррингтон, военно-морской атташе при американском посольстве, заверил ее, что таков последний писк моды в Соединенных Штатах. Именно по его совету Эмилия и заказала такую кровать. Смущение, в которое ее повергало обсуждение столь интимного предмета мебелировки с человеком, с которым они не были связаны родственными узами, было побеждено необходимостью. Ей просто больше не с кем было посоветоваться. Жены и дочери тех немногих американцев, что обосновались в Эдо, избегали ее общества. На этот раз не из-за ее красоты – или, точнее говоря, не в первую очередь из-за нее, – а из-за ее исключительно тесных взаимоотношений с азиатом. Как ей сказал лейтенант Фаррингтон, это вызвало целый скандал в посольских кругах.

Но что в этом скандального? – спросила его Эмилия. – Я же христианка, миссионерка, я несу слово Христово, и для этого и пользуюсь покровительством князя Гэндзи. В наших отношениях нет ни капли недолжного.

Это взгляд на проблему лишь с одной стороны.

Прошу прощения, лейтенант Фаррингтон, – сказала Эмилия, напрягшись. – Я не понимаю, с какой еще стороны на нее можно глядеть.

Ну пожалуйста! Мы же договорились, что вы для меня – Эмилия, а я для вас – Роберт. Лейтенант Фаррингтон – это звучит так отстраненно и так по-военному.

Они сидели в гостиной, выходящей в один из внутренних двориков дворца “Тихий журавль”. Она была обставлена на западный манер, сперва – ради Эмили, а затем – чтобы принимать здесь гостей-иностранцев.

А разумно ли это, сэр? Не дам ли я тем самым пищу для нового скандала?

Я ни на грош не верю этим слухам, – сказал Фаррингтон. – Но не можете же вы не признать, что обстоятельства делают подобные предположения неизбежными.

Какие обстоятельства?

Разве вы не видите?

Красивое лицо Роберта сделалось совсем мальчишеским, из-за одолевавшего его стремления все объяснить и из-за беспокойства.

Эмили сделалось смешно, но она сдержалась. Хоть ее и подмывало рассмеяться, она все-таки взяла себя в руки.

Нет, не вижу.

Роберт встал и прошел к двери, выходящей в сад. Он едва заметно прихрамывал. Роберт отрицал, что это было результатом какого-то несчастного случая, произошедшего во время войны. Однако же, посол сказал ей, что Роберт был ранен во время военных действий на Миссисипи, в ходе кампании, за время которой он не раз был поощрен за храбрость. Эмилию подкупала скромность Роберта. На самом деле, ее подкупало в нем многое, и не в последнюю очередь – то, что он способен был говорить по-английски. Возможно, именно этого Эмили не хватало больше всего за годы ее жизни в Японии – звуков английской речи.

Дойдя до двери, Роберт повернулся к Эмили. Очевидно, ему нужно было встать на некотором отдалении, чтобы сказать то, что он намеревался сказать. Лицо его по-прежнему было искажено.

Вы – молодая незамужняя женщина, не находящаяся под защитой отца, мужа или брата, живете во дворце восточного деспота.

Роберт, я не стала бы называть князя Гэндзи деспотом. Он – аристократ, вельможа, соответствующий скорее европейскому герцогу.

Пожалуйста, дайте мне договорить, пока я набрался на это мужества. Как я уже сказал, вы – молодая женщина, и, более того – очень красивая молодая женщина. Одного этого уже хватило бы, чтобы в любых обстоятельствах породить слухи. Но хуже того, этот “герцог”, как вы его именуете, и с которым делите кров...

Я не стала бы формулировать это подобным образом, – возразила Эмилия.

...выделяется распутством даже среди их распутной знати. Ради Бога, Эмилия...

Я вынуждена попросить вас не употреблять имя Господа всуе.

Простите. Я забылся. Но, конечно же, теперь вы понимаете суть проблемы.

Значит, для вас это выглядит так?

Я знаю, что вы – женщина безупречной добродетели и непоколебимых моральных принципов. Меня заботит вовсе не ваше поведение. Меня куда больше страшат опасности, которые вам грозят в подобном месте. Отрезанная от мира, во власти человека, каждое слово которого – непреложный закон для его фанатиков-слуг, – здесь может случиться, что угодно, все, что угодно, и никто не сможет вам помочь.

Эмилия мягко улыбнулась.

Я благодарна вам за ваше беспокойство. Но, правда же, ваши опасения не имеют под собою ни малейших оснований. Японцы ни в малейшей степени не согласны с той великодушной характеристикой, какую вы дали моей внешности. Среди них я считаюсь уродиной, похожей на огнедышащих демонов из их сказок. Уверяю вас, я – последняя в Японии женщина, которая могла бы внушить кому-нибудь неуправляемую страсть.

Меня беспокоят не японцы в целом, – возразил Роберт. – А только один, конкретный японец.

Князь Гэндзи – настоящий друг, – сказала Эмилия, – и джентльмен, соответствующий самым высоким требованиям порядочности. За этими стенами я в полнейшей безопасности, как нигде в Эдо.

Самые высокие требования порядочности? Он постоянно сожительствует с проститутками.

Гейши – не проститутки. Я же уже много раз объясняла вам это. Вы просто отказываетесь понимать.

Он поклоняется золотым идолам.

Нет, не поклоняется. Когда он кланяется статуе Будды, то просто выказывает почтение своим наставникам и предкам. И это я вам тоже уже объясняла.

Роберт, словно бы не слыша ее, продолжал:

Он убил десятки ни в чем не повинных людей, в том числе женщин и детей, и послужил причиной множества других подобных убийств. Он не только потворствует самоубийству, что само по себе тяжкий грех, – он приказывал другим людям совершать самоубийство. Он рубил головы своим политическим противникам, или делал так, что они лишались головы, и усугублял эти зверства, отсылая отрубленные головы этих несчастных их родным и близким. Подобная жестокость просто не

укладывается в голове! Боже мой, и вы называете это соответствием самым высоким требованиям порядочности?!

Успокойтесь. Вот, выпейте чаю.

Эмилия нуждалась в паузе. На все те вопросы, которые затронул Фаррингтон, нетрудно ответить – на все, кроме одного. Об убийстве жителей той деревни. Быть может, если она обойдет его молчанием и ответит на остальные, Роберт не заметит?

Роберт уселся. Он тяжело дышал, словно разволновался от перечисления грехов Гэндзи.

Простите, – спросил он, – а нельзя ли, случайно, попросить кофе?

Боюсь, что нет. А вы действительно предпочитаете его чаю? – Похоже, кофе был одной из последних причуд в послевоенных Соединенных Штатах. – Мне оно кажется каким-то кисловатым, и от него расстраивается желудок.

Думаю, это из-за непривычного вкуса. Во время войны, когда бразильский кофе был куда доступнее английского чая, я обнаружил, что кофе имеет одно огромное преимущество. Он, в отличие от чая, вызывает настоящий взрыв энергии.

Я бы сказала, что у вас скорее избыток энергии, чем недостаток, – заметила Эмилия. – Возможно, вам в любом случае стоило бы пить поменьше кофе.

Роберт взял предложенный чай и улыбнулся.

Возможно, – сказал он. По тому, как он улыбался, Эмилия поняла, что сейчас ей без особых трудов удастся увести разговор в другом направлении. То направление, в котором Роберт уже пытался свернуть в ходе нескольких предыдущих бесед, тоже имело свои опасности, потому Эмилия поспешила уцепиться за первую же подвернувшуюся тему.

Роберт, следует ли мне еще раз объяснить вам насчет гейш и буддизма?

Я допускаю, что ваши объяснения, если они соответствуют истине, можно считать вескими и убедительными. – Он вскинул руку, останавливая Эмилию, которая уже готова была запротестовать. – И чтобы наконец прекратить спор, я готов признать их вескими.

Благодарю вас. Далее: вы, будучи и сами человеком военным, наверняка знаете, что воинская традиция иногда требует, чтобы самурай сам лишил себя жизни. По нашим, христианским меркам это – смертный грех. Тут никаких вопросов быть не может. Но до тех пор, пока они не обратились в истинную веру, нам вряд ли следует судить их по стандартам, которые, на настоящий момент, совершенно для них неприемлемы.

Мне это кажется чрезмерно гибкой точкой зрения для христианского миссионера, Эмилия.

Я не соглашаюсь с этим обычаем. Я просто понимаю его, и прошу вас о том же.

Хорошо, продолжайте.

Что касается передачи голов, – Эмилия глубоко вздохнула и попыталась не представлять себе этого зрелища, но не вполне преуспела. Ей случалось видеть слишком много отрубленных голов наяву, – то здесь это считается достойным деянием. Если бы князь Гэндзи этого не делал, то это было бы нарушением того, что у самураев соответствует рыцарскому кодексу.

Рыцарскому кодексу? Как вам только в голову пришло использовать это слово по отношению к подобной бессмысленной жестокости?

Прошу прощения, госпожа Эмилия. – Ханакэ опустилась на колени у порога и поклонилась, коснувшись правой рукой пола; пустой левый рукав изящными

складками лег рядом. – К вам еще один посетитель. Я сказала ему, что у вас гость, но он настаивал...

О, как приятно видеть вас предающимся досугу, адмирал. Но вы действительно можете позволить себе тратить время на такие излишества? – Чарльз Смит улыбнулся и приподнял бровь, глядя на Роберта. Эмилия заметила, что он растягивает слова на манер жителя Джорджии – нарочито растягивает, как всегда в присутствии Роберта. – Разве не осталось каких-нибудь домов, которые можно ограбить, городов, которые можно сжечь, беззащитных мирных жителей, которых можно обстрелять из пушек?

Роберт вскочил.

Я не намерен терпеть подобные оскорбления от такого предателя как вы, сэр!

Джентльмены, пожалуйста, успокойтесь! – воскликнула Эмилия, но мужчины словно бы не слышали ее.

Чарльз коротко поклонился сопернику.

Я к вашим услугам, сэр, в любое удобное вам время. И выбор оружия, сэр, тоже за вами.

Роберт! Чарльз! Прекратите немедленно!

Поскольку вызов бросил я, – сказал Роберт, – то выбор оружия за вами, сэр.

Я вынужден отклонить ваше предложение, сэр, поскольку это даст мне слишком большое преимущество, а это нечестно, – заявил Чарльз. – Я, естественным образом, выбрал бы пистолет или шпагу, в то время как вы и вам подобные, насколько я понимаю, предпочитаете обстреливать своих противников из пушек или морить их голодом при осаде.

Если бы в этот момент Эмилия не бросилась между мужчинами, несомненно, драка разразилась бы прямо тут. К счастью, они оба сохранили еще достаточно здравомыслия, чтобы остановиться прежде, чем налетели на нее.

Мне за вас стыдно, – сказала Эмилия, неодобрительно посмотрев сперва на одного, затем на другого. – Вы христиане и джентльмены, и должны были бы служить примером для здешних жителей. А вместо этого вы ведете себя, словно дикари, в худшей их манере.

Я, несомненно, имею право ответить на намеренно нанесенное оскорбление, – заявил Роберт, гневно глядя на Чарльза, который, в свой черед, продолжал сверлить его взглядом.

Если правда – это оскорбление, то вам, быть может, стоило бы задуматься о тех отвратительных деяниях, которые заставляют говорить об этой правде, – не остался в долгу Чарльз.

Что может быть отвратительнее рабства? – спросил Роберт. – Мы правильно сделали, что положили ему конец, вместе с вашим сопротивлением.

Чарльз презрительно рассмеялся.

Можно подумать, вам есть дело до судьбы хоть какого-нибудь негра! Это не причина, а всего лишь лживые оправдания!

Если вы немедленно не прекратите этот спор, я буду вынуждена просить вас обоих удалиться! – заявила Эмилия. – А если я узнаю, что вы совершили друг над другом какое-либо насилие, я не сочту более возможным встречаться с вами. Никогда.

Судя по виду Роберта Фаррингтона и Чарльза Смита, они готовы были убить друг друга на месте, и, несомненно, эта готовность сохранится в обозримом будущем. Впрочем, Эмилия была уверена, что они этого все же не сделают, потому что ссора их была порождена не политикой вообще, и даже не последней войной в частности.

Во-первых, хоть семья Чарльза и происходила из Джорджии, его предки уехали отсюда несколько поколений назад. Сам Чарльз родился в Гонолулу, в Гавайском королевстве, как и его родители. Он должен был со временем унаследовать плантацию сахарного тростника и ранчо, где разводили крупный рогатый скот – но он никогда не бывал в Джорджии. Более того, Эмилия знала из предыдущих бесед, что Чарльз сам был ярым аболиционистом и вносил значительные суммы в их поддержку. Нет, если говорить начистоту, гнев молодых людей был порожден тем, что оба они стремились завоевать руку Эмилии.

Отчего, интересно, мужчины думают, будто могут завоевать сердце женщины, демонстрируя смертоносную ярость? Такое впечатление, будто в груди даже самых цивилизованных лиц мужского пола таится что-то от первобытных времен, и эта древняя память постоянно готова воскреснуть. Воистину, без облагораживающего влияния женщин даже лучшим мужчинам христианского мира – а Роберт Фаррингтон и Чарльз Смит, несомненно, принадлежат к их числу, – грозит опасность снова скатиться к варварству. Что касается Эмилии, она недвусмысленно дала им понять, что всякое применение насилия, пусть даже оно не будет носить фатального характера, – немедленно лишит того, кто к нему прибегнет, малейшей надежды на внимание с ее стороны.

Решить, чье же предложение принять, было весьма нелегко, но Эмилия была полна решимости вскорости дать согласие либо одному, либо другому. И причина этой поспешности была той же самой, из-за которой Эмилия прежде не желала даже и думать ни о каких предложениях. Любовь. Любовь глубокая и нерушимая. Но, к несчастью, любовь эта не была обращена ни на одного из двух джентльменов, добивающихся ее руки.

Когда они ушли – по настоянию Эмилии, с интервалом в пятнадцать минут, – Эмилия вновь вернулась к своим трудам, переводу «Судзумэ-но-кумо» – или, по-английски, «Воробьиной тучи», – тайных свитков, в которых были записаны история и пророчества предков князя Гэндзи, клана Окумити, правителей княжества Акаока.

На столе у Эмилии лежала красная роза; после весеннего равноденствия каждое утро на ее столе появлялась новая роза. Роза того сорта, который в клане Гэндзи именовали «Американской красавицей». Неожиданное наименование для цветка, растущего лишь во внутреннем саду замка «Воробьиная туча». Эмилия осторожно коснулась нежных лепестков губами. Ради любви она выйдет замуж за Роберта или Чарльза, хотя не любит ни того, ни другого. Она поставила розу в маленькую вазу, которую специально для этого держала под рукой, а вазу поставила на стол.

Сегодня она собиралась начать трудиться над новым свитком. Поскольку свитки не были пронумерованы и вообще никак не были помечены, иногда получалось, что Эмилия успевала проработать изрядную часть свитка, прежде чем понимала, о каком историческом периоде идет речь. То, что первый свиток, который она перевела еще шесть лет назад, был написан в 1291 году, было чистой случайностью. Второй датировался 1641 годом, а третий – 1436-м. Если же два хронологически близких свитка и оказывались рядом, то это явно происходило непреднамеренно. Гэндзи сказал, что так получалось из-за того, что каждый последующий князь, читавший семейную историю, перечитывал одни свитки чаще других, и потому, если изначально в них и наблюдался какой-то порядок, с годами они были безвозвратно утрачены. Поначалу отсутствие последовательности докучало Эмилии. Но вскоре она поймала

себя на том, что подобная непредсказуемость завораживает ее. Это было все равно что разворачивать рождественский подарок и всякий раз получать приятный сюрприз.

Это чувство особенно усиливалось, когда ей предстояло – вот как сегодня, – не просто начать новый свиток, а вскрыть новый сундучок. Беспорядочность клановой истории вполне соотносилась с манерой хранения. Многочисленные свитки, относящиеся к разным десятилетиям и векам, лежали в сундучках самого разного размера и вида. Поскольку последовательность все равно отсутствовала, то всякий раз, когда наступало время открыть новый сундучок, Эмилия принималась разглядывать ящички, сложенные в углу ее кабинета. И, как обычно, делала выбор, руководствуясь собственными капризами.

Какой же взять – большой или поменьше? Вон тот, явно достаточно старый, или поновее? Или тот – европейский, старомодный, закрывающийся на ржавую железную задвижку? Или тот изящный чернолаковый овал из Китая? Или ящичек из благоуханного сандалового дерева, корейской работы? Но едва лишь взгляд Эмилии упал на странный ящик, обтянутый кожей, она поняла, что любопытство не позволит ей взяться ни за что иное. На крышке сундучка красовался рисунок; он уже потускнел, но краски еще были различимы. Красный дракон, парящий над синими пиками гор. Эмилия уже достаточно изучила искусство Восточной Азии, чтобы угадывать происхождение большинства встречающихся ей изделий. Но понять, в какой стране изготовили этот предмет, она не могла.

Крышка была запечатана воском; точнее сказать, воск покрывал всю поверхность сундучка. Мелкие обломки воска свидетельствовали, что сундучок открывали совсем недавно, и это было несколько странно. Гэндзи говорил ей, что каждый князь Акаоки обязан прочесть семейную историю сразу же после того, как приходит к власти, так что, конечно же, сундучок должны были открыть уже давно. Наверное, Гэндзи запечатал его, после того, как прочитал, а потом открыл снова, прежде чем передать Эмилии. Надо будет потом его спросить.

Содержимое сундучка было укрыто грубой тканью. Под этой тканью обнаружилась другая, яркий вышитый шелк. Эмилия отвернула верхний слой и увидела узор из роз – настоящее буйство роз, красных, розовых, белых, – на фоне ярко-синего неба, покрытого белой пеной облаков. Поскольку роза «Американская красавица» была почти что неофициальным символом клана, то можно было лишь удивляться, почему Эмилия впервые видит ее на ткани, в которую неизменно заворачивали хранящиеся свитки.

Девушка достала один из свитков и развернула. В отличие от всех прочих свитков, виденных ею до сих пор, этот почти полностью был написан простым японским фонетическим письмом, именуемым хирагана. Остальные были написаны в основном кандзи, китайскими иероглифами, приспособленных японцами для выражения сложных идей на собственном языке. Кандзи давалась Эмилии с трудом, а вот хирагана – дело другое. Она почти без затруднений прочла первую строку.

«Князь Нарихира узнал от посетителя, что прибытие Американской красавицы...»

Эмилия остановилась в удивлении и перечитала еще раз. Нет, она не ошиблась. Вот фонетические знаки, передающие слово «американский» – а-ме-ли-ка-ну. Раз в тексте встречается это слово, значит, он написан уже после того, как японцы узнали о существовании Нового света. Предыдущий свиток, который Эмилия переводила, относился к концу восемнадцатого века. Возможно, этот относится к тому же периоду. Она принялась читать заново.

«Князь Нарихира узнал от посетителя, что прибытие Американской красавицы в замок «Воробьиная туча» возвестит окончательную победу клана Окумити. И он в дурацкой своей повелел, чтобы во внутреннем садике замка высадили розы, и назвал их «Американской красавицей», вообразив, будто, поступив так, он добьется осуществления пророчества. Воистину, это свойственно мужчинам – пытаться заставить реку течь в какую-то сторону, вместо того, чтобы изучить ее течение и без усилий скользить по нему туда, куда река течет естественным образом. Когда небеса отдали мужчинам власть над миром, боги тем самым показали, что в их чувстве юмора очень много вредности».

Тон этой рукописи очень сильно отличался официального стиля прочих свитков, которые Эмилия переводила до сих пор. Архаический язык создавал некоторые затруднения, но при помощи двуязычного словаря, которого они с Гэндзи составляли совместными усилиями, Эмилия относительно легко понимала рукопись – благодаря отсутствию кандзи. Она продолжала читать, не спеша записывать английский перевод. Это может подождать. А сейчас Эмилия была слишком взволнована.

Она дочитала свиток как раз к тому моменту, когда Гэндзи явился, чтобы пообедать вместе с ней. Она уже успела понять, что в этом сундучке со старинными рукописями содержится не «Судзумэ-но-кумо», а нечто совсем иное. Историю клана писали правители княжества, начиная с 1291 года. А этот свиток явно был написан женщиной.

И она писала свою летопись примерно в то же самое время, когда была начата летопись официальная.

И говорила, как будто зная о том на собственном опыте, о событиях, отстоящих от нее на столетия.

1281 год, замок «Воробьиная туча»

Я ничего не понимаю, – сказала госпожа Киёми, с надутым видом глядя на мужа. – Почему ты должен помогать князю Хакаты? Разве их клан не враждует с нашим вот уже много поколений?

Масамунэ успокоил своего нетерпеливого боевого скакуна. Ему хотелось вздохнуть, но его окружали пять сотен его вассалов, и он никак не мог при них повести себя настолько неуместно для воина. Нужно ему было послушаться отца и жениться на менее красивой, но зато более послушной женщине.

Как я уже не раз объяснял, на священную землю наших предков вторглись монгольские орды.

Ты уже не раз это сказал, мой господин, но ничего не объяснил. Княжество Хаката – вовсе не священная земля наших предков. Какое нам дело до того, что орды монголов – кто бы это ни был – вторглись в Хакату? Пускай разрушают ее. У нас станет одним врагом меньше. Разве не так?

Масамунэ повернулся к своему управляющему в поисках помощи, но сей муж, равно одаренный опытом и мудростью, еще несколько минут назад сосредоточил все свое внимание на дальней кромке леса.

Если монголы уничтожат Хакату, то они явятся и сюда – это будет лишь вопросом времени.

Киёми рассмеялась.

Пожалуйста, не шути. Хаката расположена на острове Кюсю, а мы – на Сикоку.

Она произнесла это таким тоном, как будто ее слова объясняли все, что только нужно.

Хотя Киёми была его женой уже десять лет и родила ему троих детей, она все еще казалась Масамунэ юной, особенно когда смеялась. Он обнаружил, что совершенно не в состоянии сердиться на нее, хотя она возмутительно мало понимает в политике.

Он поклонился, не сходя с седла.

Я привезу множество голов монголов.

Если тебе обязательно нужно везти что-нибудь монгольское, привези лучше монгольские драгоценности, – заявила Киёри. – Я вообще не понимаю, что ты находишь в этих головах.

На этот раз Масамунэ, как ни старался, не смог удержаться, и вздохнул, прежде чем повернуть коня к воротам замка.

Прощай.

Когда мужчины уехали, старшая из придворных дам госпожи Киёри сказала:

Госпожа моя, я понимаю, почему вы вели себя подобным образом, но разумно ли это? Разве в такое время ваша мудрость не была бы полезнее для князя Киёми, чем ваша мнимая глупость?

Если бы я располагала отсутствующими у него знаниями или могла дать совет, которого он ни от кого более не может получить, тогда да, твое беспокойство было бы обоснованным. Но у нашего князя достаточно хороших советников. Он не нуждается в еще одном. Так что пускай лучше он думает, что я ничего не понимаю, – тогда он не будет беспокоиться из-за того, что я беспокоюсь. Когда он вспомнит обо мне, то весело улыбнется, а затем полностью сосредоточится на стоящей перед ним задаче. Быть может, таким образом я помогу ему вернуться обратно.

Конечно же, в этом не может быть сомнений, – сказала другая из ее дам. – Князь Масамунэ – величайший воин на Сикоку.

Сикоку – это щепка на волнах, – сказала госпожа Киёри, – а прочие острова Японии – всего лишь щепки покрупнее. Великий хан монголов повелевает армиями, исчисляющимися в миллионах. Он и его предки завоевали государства, во много раз превосходящие величиною это незначительное место. Куда более вероятно, что наш господин погибнет в битве.

Они в молчании прошли во дворик, где играли дети. Там они присоединились к детским играм и не говорили более о войне.

Масамунэ!

Гэнгё, князь Хакаты, был потрясен, увидев, как один из его злейших врагов спешит ему на помощь.

Масамунэ поклонился и широко улыбнулся. Смятение, написанное сейчас на лице Гэнгё, уже само по себе искупало невзгоды трудного пути.

Мы пришли, чтобы помочь вам изгнать наглых захватчиков.

Глубоко вам признателен. К несчастью, мы еще не готовы изгнать их. Быть может, теперь, с вашей помощью, у нас появится надежда замедлить их продвижение и продержаться до подхода армии сёгуна.

Вздор! Когда монголы явились сюда семь лет назад, мы разбили их и обратили в бегство первым же ударом.

Если бы Масамунэ потрудились припомнить подробности, он вспомнил бы, что все было не совсем так. Сражение было тяжким и кровопролитным, и вполне возможно,

что если бы не налетел ветер и не отогнал их корабли, монголы одержали бы верх. Но его представление о первом вторжении приняло совершенно другой вид, благодаря преувеличенно геройским повествованиям.

На этот раз их больше, – сказал Гэнгё, – намного больше.

Ну и что? Давайте ударим немедленно. Разве варвары смогут выстоять перед атакой самураев?

Гэнгё жестом предложил Масамунэ следовать за ним. Он провел его к земляному валу, с которого открывался вид на прибрежную равнину.

Взгляните сами.

Бухта Хаката была заполнена кораблями; их было сотни, и новые сотни шли от горизонта. Те монголы, что уже высадились, устроили военные лагеря, тоже обнесенные земляными валами. На взгляд Масамунэ, тут было около двенадцати тысяч монголов. Тех, которых он видел. Но их лагеря тянулись вдоль берега, насколько хватает глаз, и уходили в западные холмы. Если же с кораблей сошли все войска, то, значит, в Японии уже находится около пятидесяти тысяч монголов, и новые тысячи плывут сюда.

Лошади, – сказал Гэнгё. – Видите? У них тоже есть лошади. Много лошадей. Должно быть, все, что мы слышали о них – как они завоевали Китай и Корею, и неведомые империи на далеком западе – все это правда. Мы несколько раз схватывались с ними. Их умение биться верхом превосходит всякое воображение. Я не помню, чтобы они прежде так дрались. – Несомненно, воспоминания Гэнгё тоже претерпели некоторые изменения. – Наши храбрые моряки из княжеств Чосу и Сацума проникают по ночам на вражеские корабли и убивают монголов во множестве. Но на место каждого убитого приходит десять новых.

А что они сгружают сейчас?

Эти трубки и цилиндры? – Вид у Гэнгё был чрезвычайно встревоженный. – Не знаю. Но они направляют их в нашу сторону.

А когда должна прибыть армия сёгуна? – спросил Масамунэ.

Завтра. Или послезавтра. Монголы, возможно, атакуют нас в полдень.

Несколько минут Масамунэ и Гэнгё в молчании наблюдали за монголами. В конце концов Масамунэ сказал своему заместителю:

Отведи лошадей в безопасное место. Приведи сюда наших воинов пешими, с луками.

Он повернулся к Гэнгё.

Они должны пересечь широкую открытую полосу, чтобы добраться до нас. Мы сразим их ливнем стрел еще на полдороге.

Ты! – монгол – командир тумена ткнул пальцем в Эрогута. – Выводи свой отряд. Пойдешь в первых рядах.

Монгольские псы! – сказал Эрогут брату. – Они посылают нас на смерть. А потом поскачут по нашим трупам к победе. Труссы!

Мы не умрем, – сказал брат. – Вспомни, что говорила мать. Наша кровь переживет жирного Хубилая. Когда монголы исчезнут, нюргенские орды воспрянут снова.

Эрогут ничего на это не ответил. Его младший брат трогательно верил в слова матери. Подобно прочим их выжившим соплеменникам-нюргенам, он считал ее чародейкой, происходящей от легендарной Танголун, которая якобы повелела

великому Атилле идти за солнцем, в земли, предназначенные гуннам самой судьбой. Те же самые легенды называли нюрнгенов родичами гуннов, извечных врагов монголов. Все это чушь и детские сказочки. Эрогут не верил, что Танголун или даже Атилла и вправду были настолько велики, как о них рассказывают. Что же касается возрождения нюрнгенских орд – и как же они, интересно, воспрянут, если их едва наберется не то, что на племя – хотя бы на клан, – а орда должна состоять не менее чем из сотни племен? Нет, он с братом и их родичи, последние на свете воины-нюрнгены, умрут здесь, в этом треклятом месте, именуемым Японией. Они проиграли, а ненавистные монголы победили. Но они умрут не в одиночку.

Они пошлют нас против этих укреплений над берегом, – сказал Эрогут. – Они пошлют вместе с нами уйгуров, и калмыков, и киданей. Старайтесь укрыться за ними. Монголы пойдут за нами по пятам, словно собаки, пожирающие дерьмо – да они и есть собаки. Как только мы достигнем вершины холма, разворачивайтесь и убивайте монголов.

А как же японцы? – спросил один из двоюродных братьев Эрогута. – Они же нападут на нас, как только мы повернемся к ним спиной.

Не нападут, – сказал Эрогут, хотя сам нисколько не верил в собственные слова. – Они увидят, что мы – враги их врагов, и будут сражаться плечом к плечу с нами.

Эрогут, ты – вождь нашего клана, и мы будем повиноваться тебе, – сказал другой двоюродный брат, – но здешние дикари поклоняются смерти. Когда их охватывает жажда крови, они уже не останавливаются, чтобы подумать. Я согласен с нашим братом. Они нападут на нас сразу же, как только мы окажемся уязвимы.

Если ты все равно должен умереть, то как ты предпочтешь умирать – сражаясь за этих стервятников, монголов, или против них? – спросил Эрогут. Это заставило всех спорщиков умолкнуть. Остатки великих нюрнгенских орд закрепили доспехи на своих лошадях, подогнали собственные доспехи и выехали в первый ряд, где стояла тяжелая кавалерия. За спиной у них китайские артиллеристы изготовились к стрельбе.

Земля задрожала от грома копыт монгольской конницы. Кавалеристы неслись вперед рядами, выставив копья.

Пока они не доберутся до подножия холма – не стрелять! – приказал своим людям Масамунэ.

За миг до того, как конники доскакали до холма, из труб, установленных монголами на берегу, вырвалось пламя, сопровождаемое клубами дыма и ревом, подобным реву разъяренного ветра, а мгновение спустя произошло невероятное – в небе среди бела дня вспыхнули звезды и целые созвездия. Люди Масамунэ остались на месте. Но многие другие самураи с криками ужаса кинулись прочь.

Залп! – скомандовал Масамунэ.

Его лучники уложили наповал множество монголов, но их было немного, а монголов – слишком много. Они с легкостью пробили бреши в укреплениях самураев, и вскоре их море захлестнуло бы японцев – но когда это уже казалось неминуемым, правый фланг монгольских кавалеристов вдруг развернулся и накинута на своих же. Боевой клич этих отступников был иным, не таким, как у прочих. Масамунэ показалось, что они кричат: «На-лю-ге-о-до-су!»

Внезапная измена в собственных рядах вызвала замешательство среди монголов. Хотя они имели преимущество и в численности, и в расположении, монголы остановили атаку и отступили. За время последовавшего затишья отступник,

оказавшийся неподалеку от Масамунэ, ударил себя кулаком в грудь.

Нет монгол, – сказал он на ломаном китайском. – Да нюрген. – Произнеся это, он указал на своих сотоварищей – те тоже ударили себя в грудь, – и сказал. – Нюрнгены.

Мой господин, они говорят, что они не монголы? – уточнил заместитель Масамунэ.

Очевидно, они, – Масамунэ, едва не сломав язык, попытался повторить варварское слово, – на-лю-ге-на.

А что такое на-лю-ге-на?

У них над головами снова вспыхнули звезды и созвездия. Самураи изо всех сил вжались в землю. Масамунэ выплюнул грязь изо рта.

Они – враги монголов, – сказал он. – Что еще тебе требуется знать?

На этот раз вспышки звезд сопровождались оглушительным ревом на берегу, свистом рассекаемого какими-то предметами воздуха и, несколькими мгновениями спустя, ужасающими взрывами в рядах японцев.

Вставайте! – закричал Гэнгё. – Они снова наступают!

Многие из вставших самураев поднялись вовсе не для того, чтобы занять свои места на земляном валу – нет, они развернулись и бросились бежать. Тщетно. Продолжающийся град взрывов превращал людей в кровавые ошметки мяса и костей, вне зависимости от того, стояли они или спасались бегством.

Вторая волна монголов снова преодолела укрепления, и враги-конники оказались среди самураев, орудуя мечами и копьями. За конниками шли пешие воины со странными луками, стрелявшими короткими стрелами. Одна такая стрела ударила Масамунэ в грудь и с легкостью пробил доспех.

Он вскрикнул. Короткая вспышка боли, а потом ничего – лишь голова закружилась и тело сделалось невесомым. Какой-то монгол уже занес копье, чтобы прикончить его. Масамунэ был так слаб, что даже не мог поднять свой меч. Но тут тот на-лю-ге-на, что первым заговорил с ним, отбил копье и ткнул монгола своим коротким, обоюдоострым мечом в подмышечную впадину. Хлынула кровь. Монгол упал.

Его на-лю-ге-нский спаситель улыбнулся Масамунэ и сказал.

Не бояться. Жить! Жить!

Масамунэ потерял сознание.

Когда он снова открыл глаза, его заместитель перевязывал ему рану.

Монголы исчезли. Вокруг бродили самураи, помогая своим раненым и добивая монголов. Самураи победили – во всяком случае, пока что. Масамунэ увидел, что все на-лю-ге-на лежат вокруг мертвыми. Нет, один еще дышал. Масамунэ видел, как приподнимается его грудь. Один из людей Гэнгё подошел к на-лю-ге-на и уже занес меч, чтобы заколоть его.

Стой! – приказал Масамунэ. – Это не монгол.

Он выглядит, как монгол.

Идиот! Ты будешь спорить со мной?

Нет, князь Масамунэ. Ни в коем случае. – Воин поклонился.

Перевяжи его.

Слушаюсь, господин. Но он очень тяжело ранен. Вероятно, он все равно умрет.

Если он умрет, мы помолимся за его душу и за то, чтобы ему был дарован покой. Но позаботься, чтобы он не умер.

Этот на-лю-ге-на спас ему жизнь. Масамунэ оплатит ему тем же, если сможет.

Эрогут не умер, но все прочие умерли. Его родной брат, и двоюродные, и прочие последние его родичи – все ушли. Эрогут улыбался сквозь горячечный жар и боль, пока повозка, в которой его везли, покачивалась из стороны в сторону. Его мать приобрела славу чародейки и провидицы, благодаря уму и удачному сочетанию счастливых догадок и неустанного самовосхваления; она постоянно читала заклинания или впадала в транс – вместо того, чтобы заботиться о муже и детях. Теперь ото всех нюргенских орд остался он один. Если им суждено воспрясть, то только через него, Эрогута, сына Тангута, потомка нюргенов с реки Красного Дракона и гор Синего Льда. Но ни реки Красного Дракона, ни гор Синего Льда больше не было. Монголы дали им новые имена, когда завоевали его племя. А вскорости не будет больше и нюргенов. Эрогуту хотелось еще один, последний раз увидеть мать, чтобы рассмеяться ей в лицо.

Повозка доставила Эрогута на другой остров, именуемый, как он позднее узнал, Сикоку. Самурай, рядом с которым он сражался, Масамунэ, был правителем княжества Акаока. Туда они и прибыли. Хотя Масамунэ вел себя, как настоящий хан, его княжество было настолько невелико, что вряд ли вообще заслуживало подобного названия. Даже монгол – а на взгляд Эрогута, их способности наездника были совершенно незаслуженно расхвалены, – мог бы проскакать от одной его границы до другой меньше чем за день.

Поначалу Эрогут и его новый господин разговаривали на ломаном китайском.

Мое имя Масамунэ. Я – князь Акаоки. Ты?

Мое имя Эрогут. Я из страны нюргенов. Ее нет больше.

Твое имя? – переспросил Масамунэ. На лице его отразилось замешательство.

Эрогут.

Э-о-го-чу?

Э-ро-гут.

Э-ло-ку-чо?

Эти японцы были безнадежны. Их язык был настолько прост, что они не способны были выговаривать незнакомые слова, даже самые простые.

Гут, – сказал Эрогут, сократив имя, как если бы разговаривал с несмышленным ребенком.

А! – отозвался наконец-то удовлетворенный Масамунэ. – Го.

Да, – согласился Эрогут, сдаваясь. – Мое имя Го.

Так с тех пор и стало.

Го очень быстро выучил язык японцев. Слова в нем были нетрудные, поскольку состояли всего из нескольких звуков. Японцы кое в чем были похожи на монголов. Они любили войну. Как только монголы были изгнаны с их берегов, – их, как и во время первой попытки вторжения, прогнала буря, – Масамунэ тут же начал сражаться сперва со своим соседом с востока, затем – со своим соседом с севера, по причинам, которых Го не понимал. Похоже, честь здесь ценилась выше, чем земли, рабы, лошади или торговые пути. Никаких других причин быть не могло, поскольку манера самураев вести сражение – странное скопище множества поединков, где каждый воин искал противника равного ранга – гарантировала, что битва почти наверняка не завершится неоспоримой победой одной из сторон. Их армии не были армиями в том смысле, какой вкладывали в это слово организованные нюргены, а скорее буйными, героическими, нескоординированными толпами.

Когда самураи рассказывали истории о своих сражениях, они преувеличивали не

только свое мужество, но и мужество своих врагов, и оплакивали их смерть так же, как смерть своих соратников. В одной битве вражеский предводитель, толстый прыщавый юнец лет двадцати умер, придавленный собственной упавшей лошадью, когда обратился в бегство. Позднее же, в рассказах этот предводитель превратился в юношу почти ослепительной красоты, его мужества хватило бы на тысячу храбрецов, а его смерть превратилась в трагедию, исполненную почти невыносимой печали. Го наблюдал, как Масамунэ и его самураи пили рисовое вино и рыдали, оплакивая павшего героя. Однако же эти самые люди хорошо знали вражеского предводителя, не раз сходились с ним в стычках и знали, что он не был не только красивым, но даже и сколько-нибудь милостивым, а что до его мужества... ну, много ли мужества – не говоря уже о умении и удаче – требуется, чтобы развернуть коня таким образом, чтобы он упал на своего всадника и сломал ему шею?

Так Го остался жить среди этих все чрезмерно драматизирующих, но, несомненно, храбрых варваров, сражался вместе с ними в их бессмысленных, не приводящих ни к какому результату битвах, пил вместе с ними, пел вместе с ними, и – куда ж деваться-то? – пересказывал те же самые нелепые враки про сотрясающую небо силу духа, ослепительную красоту и бесстрашие и дерзость перед лицом смерти. Они жили исключительно ради войны, пьянства и сказок о собственном мужестве.

Го чувствовал себя, как дома. До того, как дед Хубилая Жирного, Чингиз Проклятый, согнал воедино все степные племена, заставил всех их сделаться монголами и дал им приказ завоевать мир, нюрнгены были очень похожи на этих японцев. Возможно, его мать была не так уж неправа. Возможно, эти полудикие островитяне и есть новые нюрнгенские орды. Эта мысль забавляла Го.

Князь Масамунэ высоко оценил умение Го управляться с лошадьми. Благодаря его обучению, самураи княжества Акаока вскорости научились действовать быстро перестраивающимися отрядами, а не скопищем одиночек, а эти отряды могли распадаться на более мелкие группы или сливаться в отряды покрупнее. Днем для передачи команд на дальние расстояния использовались флаги. Ночью той же цели служили фонари и горящие стрелы. Это была та самая тактика, которую гунны использовали на протяжении веков, когда степи Восточной Азии находились в их власти, та тактика, которую унаследовали его родичи нюрнгены – та самая тактика, которую украли монголы и обратили против них.

Весной второго года, проведенного Го среди японцев, кавалеристы Акаоки – Го так хорошо их выучил, что теперь они ездили верхом, словно нюрнгенские воины древности, – схватились с неповоротливой армией регента Ходзэ, превосходившей их по численности в десять раз, и уничтожили ее в сражении на берегу Внутреннего моря, устроив настоящую бойню. Когда они вернулись после битвы, Масамунэ отдал свою младшую, самую красивую наложницу Го в жены. К исходу следующего года Го уже был отцом сына, которого он назвал Чиаки; он составил это имя из китайских иероглифов «чи», «кровь», дабы обозначить, что в мальчике течет кровь нюрнгенов, и «аки», «осень» – время его рождения.

И все было хорошо до тех пор, пока среди японцев не родился второй ребенок с нюрнгенской кровью в жилах. Тогда Го вспомнил, что кровь, текущая в его жилах и жилах двоих его детей, – это еще и кровь его матери-чародейки, и другой чародейки, жившей в древности, самой Танголун.

Я вижу, вы трудитесь так же усердно, как и всегда, – сказал Гэндзи.

Эмилия с головой ушла в чтение – настолько, что даже не заметила, как он ступил на порог. Она заподозрила, что Гэндзи простоял там некоторое время, наблюдая за ней, прежде чем заговорить.

На самом деле – недостаточно усердно, – сказала она, как можно небрежнее сворачивая свиток. Женская интуиция подсказала ей, что лучше – во всяком случае, пока что, – не упоминать, что здесь обнаружилась какая-то совершенно другая рукопись.

За шесть лет, прошедших с момента их знакомства, внешность Гэндзи почти не изменилась. И это несмотря на серьезные раны, полученные им в битве, на огромные усилия, требующиеся от политического лидера в обстановке почти непрекращающегося кризиса, на необходимость разбираться с запутанной паутиной заговоров, к которым так или иначе были причастны и император в Киото, и сёгун в Эдо, и мятежные князья запада и севера Японии. Кроме того, ему еще приходилось беспокоиться из-за возможного иноземного вторжения – военные корабли Англии, Франции, России и Соединенных Штатов постоянно торчали в японских территориальных водах. Но мало всего этого – приходилось принимать во внимание еще и Каваками Саэмона.

Саэмон был сыном бывшего непримиримого врага Гэндзи, Каваками Эйти, который в момент своей смерти – от меча Гэндзи – занимал должность главы тайной полиции сёгуна. Саэмон был старшим сыном Каваками, не от жены, а от наложницы, и, предположительно, ненавидел своего отца. Когда они с Гэндзи встретились вскоре после того злосчастного инцидента, Саэмон всячески выказывал дружелюбие. В дальнейшем они с Гэндзи занимали одинаковую позицию в вопросе реставрации. Они оба содействовали ликвидации сёгуната и возвращения императора к власти после тысячи лет политического упадка. Кажется, Гэндзи ему доверял. Эмилия – нет.

Сэами слишком походил на отца в двух вопросах. Первым была внешность. Он был красив и исполнен самомнения, а Эмилия не верила мужчинам, придающим чрезмерное значение внешности. Вторым, и более важным, было поведение. У Эмилии всегда было такое ощущение, будто Сэами никогда не имеет в виду того, что сказал, и не говорит то, что имеет в виду. Не то, чтобы он совсем уж лгал. Это было скорее впечатление – впечатление увертливости, ненадежности, склонности к предательству, – чем установленный факт. Возможно, наибольшие сомнения Эмилии внушала одна-единственная деталь. Ей не верилось, что сын может вправду испытывать дружеские чувства к человеку, убившему его отца.

Эмилия улыбнулась, в ответ на улыбку Гэндзи. Его улыбка была все такой же беспечной, и он по-прежнему выглядел, как знатный юноша, которого интересуют исключительно развлечения. Эта внешность вводила врагов Гэндзи в заблуждение; они не принимали его всерьез, и многим эта ошибка стоила жизни. Похоже, вокруг Гэндзи с внушающей беспокойство частотой случались кровопролития, и это было еще одним фактором, заставившим Эмилию увериться в том, что ей пора покинуть Японию.

Она еще не сказала Гэндзи о полученных ею предложениях руки и сердца, и никак не дала понять о своем намерении уехать. Эмилия боялась, что если она скажет об этом Гэндзи преждевременно, он скажет или сделает что-нибудь такое, что разрушит ее хрупкую решимость. Любовь вынуждала ее уехать, но та же любовь с

легкостью могла и помешать ей уехать. Она была в безопасности до тех пор, пока Гэндзи не ответил на ее чувства. Жить так было больно, но боль можно было вытерпеть. Зато она была с ним.

Затем начали появляться эти розы. Что это могло означать, кроме как возникновение у Гэндзи тех же самых чувств, какие она уже давно питала к нему? Эмилию не волновала ее собственная судьба. Она готова была совершить любой грех, вынести любое осуждение, лишь бы быть рядом с ним, до тех пор, пока ее присутствие помогало ему двигаться к христианским добродетелям. Но она отчаянно не желала, чтобы Гэндзи пострадал из-за нее. Если она уступит своим чувствам, на Гэндзи обрушатся бесконечные проблемы, и со стороны его соотечественников, и со стороны европейцев, для которых нестерпима сама идея, что какой-то азиат, будь он хоть трижды князь, может жениться на белой женщине. Это сильно повредит стараниям Гэндзи ввести Японию в семью цивилизованных наций. И все-таки Эмилия отмела бы эти доводы вместе с остальными, если бы могла быть уверена, что все это – часть платы за спасение его бессмертной души. Такова была стоящая перед нею дилемма. Поможет ли это ей спасти его или еще на шаг подтолкнет его к вечным мукам?

Я вижу, ваш тайный поклонник и сегодня принес вам розу, – заметил Гэндзи.

Определенно, он умеет быть незаметным, – сказала Эмилия. – Его никто никогда не видел, и он никогда не оставляет ни малейшего намека на то, кем он мог бы быть. – Она знала, что ей следовало бы на этом и остановиться, но она не сумела сдержаться и добавила: – Это не очень благородно с его стороны.

Я полагал, что подобные анонимные знаки внимания считаются на Западе вполне приличными. Я ошибался?

В течение некоторого времени – быть может. Но за шесть месяцев это начинает уже не льстить, а вызывать беспокойство.

Но почему?

Невольно встает вопрос: почему он так долго не хочет обнаружить себя? Быть может, его мотивы не вполне здравы?

Быть может, ваш почитатель не может назвать себя по каким-то веским причинам, – сказал Гэндзи. – Быть может, самое большее, на что он может надеяться – это восхищаться вами издалика.

Эмилия, не успев сдержаться, выпалила:

Тогда это трусость!

Гэндзи улыбнулся.

Избыток мужества, проявленного в неподходящих условиях, в неподходящем месте и в неподходящее время, может привести к куда худшим последствиям, чем трусость.

Это звучит, как прямая противоположность тому, что сказало бы большинство самураев, – сказала Эмилия, потом подчеркнуто добавила, – князь Гэндзи.

В самом деле? Быть может, мне следует отказаться от моих двух мечей и самурайской прически.

Но не сегодня, – сказала она.

Нет, не сегодня.

Эмилия встала и притворилась, будто внимательно разглядывает небо. Если бы ей удалось подтолкнуть его к прямому признанию – любому признанию, – ее жизнь стала бы намного проще. Неужто любовь заставила ее неверно истолковать то, что было всего лишь знаками дружеского внимания с его стороны? Если да, то романтический

кризис существовал лишь в ее воображении.

Может пойти дождь, – сказала Эмилия. – Мы будем обедать в помещении?

Как вам угодно.

Эмилия приготовила сэндвичи с огурцами, которые недавно попробовала в британском посольстве. Она обнаружила, что сочетание нарезанных овощей с соусом, который она готовила из взбитых желтков и сметаны весьма освежает во время влажной ранней осени в Эдо. Во время трапезы Гэндзи был необычно тих; это с равным успехом могло означать и то, что он прилагает все усилия, чтобы не подавиться пищей, которую он находит отвратительной, и то, что он по-прежнему размышляет об розах, приносимых таинственным поклонником. Эмилия решила на всякий случай перестраховаться и впредь не включать в меню сэндвичи с огурцами.

До сих пор все ее усилия расширить стол Гэндзи за счет включения туда привычной для европейцев еды терпели полное и безоговорочное поражение. Надо признать, она сама ничуть не больше приспособилась к японской кухне. В нее входило множество странных обитателей моря – зачастую их даже не готовили, а ели сырыми, отрезая кусочки от еще живых существ. Одна лишь мысль об этом отравила ей вкус огурца. Эмилия едва справилась с приступом тошноты, проглотила откушенный кусочек сэндвича и быстро запила его чаем.

Что-то не так? – спросил Гэндзи.

Вовсе нет, – сказала Эмилия, откладывая сэндвич. – Просто я сегодня не очень голодна.

И я тоже, – сказал Гэндзи, с явным облегчением последовав ее примеру.

Некоторое время они сидели в молчании. Эмилия пыталась угадать, о чем он сейчас может думать. Быть может, пытается угадать, о чем думает она? Смешно. Чистой воды самомнение, и полный вымысел к тому же. В подобных фантазиях нету смысла. Эмилия переключила внимание на более подходящую тему, – возможно, наиболее подходящую для распросов.

У меня к вам вопрос касательно свитков «Судзумэ-но-кумо». Правда, это скорее любопытство, чем действительно вопрос, имеющий отношение к переводу. А что, эти предполагаемые пророчества, предсказания о будущем всегда являются в видениях?

Вы прочли о предсказаниях, делавшихся на протяжении нескольких столетий – и многие из которых уже исполнились, – и вы по-прежнему называете их «предполагаемыми»?

Как я уже много раз говорила, лишь пророки Ветхого завета...

...способны были видеть будущее, – договорил вместо нее Гэндзи. – Да, вы действительно много раз это говорили. Я не понимаю, как вы совмещаете эту веру с тем, что прочли в свитках.

Если вы предпочитаете не отвечать на мой вопрос, то просто так и скажите, – сказала Эмилия несколько более раздраженно, чем намеревалась.

С чего бы вдруг мне предпочитать не отвечать? Ответ – да. Всякий проблеск будущего всегда приходит в видении.

Их никогда не приносит какой-нибудь неожиданный посетитель?

Посетитель? – Кажется, впервые на памяти Эмилии Гэндзи оказался сбит с толку.

Да, – сказала Эмилия. – Может быть, посланец.

Но какой посланец может что-либо знать о будущем?

Ну, конечно же, он не может. Но, возможно, провидец может как-нибудь по-особому истолковать какое-нибудь обычное донесение.

Я несколько раз прочитал «Судзумэ-но-кумо» от начала и до конца, – сказал Гэндзи, – и не встретил в нем упоминаний ни о каких посланцах.

Да, наверное, вы правы, – сказала Эмилия. – Я еще раз проверю все со словарем.

За дверью слышались торопливые шаги. Это всегда было признаком неприятностей.

На пороге появился глава телохранителей Гэндзи, Хидё, и склонился в поклоне.

Господин, произошло еще одно нападение на чужеземцев. На англичан.

Жертвы?

Среди чужеземцев – никого. Они были вооружены револьверами. Пять самураев из Ёсино убиты. Тем не менее, английский посол подал официальный протест и сёгуну, и князю Ёсино.

Глупец. Неужели этот человек никогда ничему не научится? Я думал, господин Саэмон объяснит ему, что следует потерпеть и дожидаться заседания совета в полном составе.

Очевидно, нет.

Ты все еще сомневаешься в надежности князя Саэмона.

Нет, мой господин, я не испытываю ни малейших сомнений, – сказал Хидё. – Я уверен, что он ненадежен.

На каком основании ты пришел к этому выводу?

Он – сын Каваками Липкого Глаза, – Хидё произнес это имя так, будто сплюнул бы, если бы мог. – Сын такого отца не может быть человеком, заслуживающим доверия.

Мы должны научиться выходить за пределы подобного образа мыслей, – сказал Гэндзи. – Если Япония хочет войти в число мировых держав, она должна перестать придавать подобное значение происхождению и сосредоточиться на личных качествах. Не следует автоматически приписывать сыновьям свойства отцов.

Да, господин, – отозвался Хидё, но по тону было ясно, что Гэндзи его не убедил. Он был одним из тех, кто выжил, угодив шесть лет назад в засаду, коварно устроенную Каваками у монастыря Мусиндо. По обучению и личным склонностям Хидё был самураем старой школы. Единственной движущей силой, доступной его пониманию, была месть, и он полагал, что все самураи таковы – за исключением князя Гэндзи, которого Хидё считал единственным и неповторимым, внушающим благоговейный трепет провидцем.

Нам стоит встретиться с князем Саэмоном, – сказал Гэндзи Хидё. – Нужно действовать быстро, пока ситуация не вышла из-под контроля. Горячие головы могут решить, что настало время развязать войну против чужеземцев.

Слушаюсь, господин. Я соберу людей.

Не стоит. Довольно будет, если ты пойдешь со мной.

Господин... – начал было Хидё, но Гэндзи остановил его.

Нам следует продемонстрировать доверие. Нехватка доверия сейчас опаснее, чем нехватка телохранителей. – Гэндзи повернулся к Эмилии и спросил по-английски. – Вы поняли?

В основном да, – отозвалась Эмилия. – Пожалуйста, будьте осторожны.

Обязательно, – с улыбкой произнес Гэндзи. Он поклонился и ушел.

Эмилия вернулась к новому свитку и слово за словом разобрала первый абзац по словарю. Сомнений быть не могло. Здесь было написано именно это: «Князь Нарихира

узнал от посетителя, что прибытие Американской красавицы в замок «Воробьиная туча» возвестит окончательную победу клана Окумити». При первом прочтении Эмилию больше всего заинтриговало встретившееся здесь слово «американский». Но теперь, когда Гэндзи уверенно заявил, что пророчества приходят лишь в видениях, более загадочным сделалось слово «посетитель». Тех, кто приходил во дворец «Тихий журавль», чтобы повидаться с Гэндзи, именовали «окияки-сама», что означало «гость». Автор свитка вместо этого использовал слово «хомонса». Эмилия перевела его как «посетитель». Но если дословно, оно означало скорее «тот, кто приходит к другим».

Внезапно Эмилия осознала, в чем еще заключается разница между этими двумя терминами, и ее отчего-то пробрал озноб.

Гостя приглашают, или, по крайней мере, ожидают.

Посетитель может явиться и незванным.

Во время заседания совета князей мысли Гэндзи то и дело обращались к Эмилии.

Конечно же, это он каждый день приносил Эмилии розу. Хотя между ними ничего не было сказано, Гэндзи предполагал, что Эмилия знает, что он знает о ее чувствах. Сама она наверняка уверена, что он относится к ней по-дружески, и не более того. Именно так он себя вел. Но не зашли ли его предположения слишком далеко? Если бы Эмилия была японкой, он был бы полностью в них уверен. Но она, несомненно, не была японкой, и потому Гэндзи не был уверен ни в чем. Ну, почти ни в чем. Он знал, что она любит его. В отличие от Гэндзи, Эмилия совершенно не способна была убедительно притворяться.

Но и его притворство не могло тянуться вечно. Сегодня, во время их дневной совместной трапезы, его до боли взволновало уже одно то, как она ела – движения ее губ, изящный поворот руки, держащей сэндвич, приоткрывшиеся губы, к которым она подносила чашку. Если столь обыденные действия способны взволновать его настолько, что он теряет дар речи, ясно, что он уже достиг пределов своего самоконтроля.

Если бы Эмилия узнала о его чувствах, то преграда, мешающая ей изъяслять свои чувства, исчезла бы. И это, согласно явившемуся ему пророческому видению, привело бы к ее безвременной смерти. В видении Гэндзи узрел смерть Эмилии при родах. Она обеспечит выживание клана и, свершив это, умрет сама. Гэндзи не мог смириться с этим. Он отказывался считать это чем-то неотвратимым, в отличие от видений его деда, и полагал, что это было предостережение. Его дед получал совершенно точные предвестья. Гэндзи же предпочитал считать свои видения предостережениями. И он учел это предостережение. Он не позволит себе стать для Эмилии кем-то более близким, чем этот предполагаемый тайный воздыхатель.

Эмилия должна будет вскорости получить предложение руки и сердца от лейтенанта Фаррингтона, американского военно-морского атташе, и от Чарльза Смита, богатого плантатора и скотовода из Гавайского королевства. Эмилия не знала, что Гэндзи об этом знает. Она не знала, что Гэндзи подружился с этими молодыми людьми именно потому, что счел их подходящими женихами для Эмилии. Он знал, что они, со своей стороны, считают ее неотразимой; по мере того, как сюда прибывало все больше чужеземцев, Гэндзи обнаружил, что для них, в отличие от японцев, Эмилия – потрясающая красавица. Как странно... Теперь, когда он влюбился в нее вопреки ее внешности, именно ее внешность даст ей возможность оставить эту любовь позади.

Мысль о том, что он никогда больше не увидит Эмилию, даже как друг, причиняла Гэндзи мучительную боль, но пусть уж лучше так, чем стать причиной ее смерти.

Вы согласны, князь Гэндзи? – спросил князь Саэмон.

Гэндзи не мог признать, что ничего не слышал, поскольку тем самым он нанес бы серьезное оскорбление Саэмону и поставил себя в исключительно неудобное положение. Он сделал вид, будто ему нужно выслушать мнения прочих, чтобы прийти к собственному, и тем самым избежал и оскорбления, и неловкого положения. И, хоть это и было нелегко, он заставил себя до конца заседания не думать более об Эмилии.

Саэмон видел, что Гэндзи думает о чем-то своем, но никак не показал, что он это заметил. Когда заседание завершилось, он поблагодарил Гэндзи за его глубокие замечания, касающиеся текущего кризиса, извинился за то, что не сумел удержать в узде порывистого князя Ёсино, и заверил, что немедленно приступит к исполнению решений совета, как ему было доверено.

Ну а пока что Саэмон хотел посоветоваться сам с собой. В конце концов, кому еще он может доверять настолько безоговорочно, и чье суждение не раз уже оказывалось настолько здравым и глубоким, что могло почти сравняться с предвидением? Он усвоил этот урок от своего отца, покойного князя Каваками, самого коварного и вероломного человека на свете, возглавлявшего тайную полицию сёгуна, перед которой все трепетали.

«Не доверяй никому, кто находится рядом с тобой, – сказал как-то князь Каваками, – вне зависимости от того, насколько хорошо, на твой взгляд, ты знаешь этих людей».

Саэмон, который уже тогда был умным мальчиком, спросил: «А если рядом со мной никого нет? Если я сижу один?» Он думал, что отец в ответ пошутит, но ничто не могло поколебать серьезности Каваками Эйти.

Князь Каваками сказал: «Тогда внимательно изучи себя, с тщанием и подозрением, проверь свои мотивы, рассмотри связи, поищи потенциальные пути, по которым может прийти предательство. Если ты найдешь их прежде, чем это сделают твои враги, ты сможешь скрыть их, или, что еще лучше, установить на этих путях ловушки. И тогда ты получишь еще больше преимуществ перед другими, именно благодаря тому, что будешь казаться им слабым».

Саэмон сам был живой ловушкой. Каваками устроил так, чтобы все думали, будто сын ненавидит отца. Поскольку Саэмон был старшим сыном, ему полагалось бы стать наследником Каваками и в будущем принять после него власть над княжеством Хино. Власть над Хино не была чем-то особенно существенным, поскольку это было одно из самых маленьких и малозначительных среди двухсот шестидесяти княжеств Японии, но с титулом князя был сопряжен престиж и почет. Но Саэмон не должен был все это получить, поскольку всем говорилось, что он – сын Каваками не от жены, а от младшей наложницы. Саэмон вырос в сельской местности, в маленьком дворце, – скорее это был просто загородный дом, претендующий на слишком громкий для него титул; его не баловали, как его сводных братьев, растущих в замке, и с ним не носились. Естественно, такой сын должен бы был ненавидеть отца.

Конечно же, Саэмон был не сыном наложницы, а именно тем, чем он якобы не был – старшим сыном Каваками от его жены. С самого младенчества Саэмон стал частью тщательно спланированного обмана. Он рос, прекрасно осознавая, что испытывает по отношению к отцу весьма кровожадные чувства. Благодаря этим вполне обоснованным чувствам Саэмон сумел войти в различные антисёгунские

группы. Это был очень умный ход. Возможно, даже блестящий. Вполне в духе его отца. В нем было лишь одно слабое место. Предполагаемая ненависть Саэмона к отцу достигла такого совершенства, какого Каваками не ожидал.

Сын действительно ненавидел отца. И причины для этого тоже были вполне естественны. Из-за хитроумного многоходового плана, составленного с дальним прицелом, в котором Саэмон, не спросив его желания, отвели ведущую роль, ему не довелось расти в замке, который по праву был его наследным достоянием, под опекой высокородной, доброй, любящей матери. Вместо этого его отдали на попечение красивой, но ленивой и неопрятной наложницы, которой не было до Саэмона никакого дела. Чтобы успокоить ревущего ребенка, она занималась с ним плотскими сношениями в самых извращенных формах, и тем самым, как позднее уразумел Саэмон, навсегда закрыла для него путь к нормальной плотской жизни. То, что в шестнадцать лет он отравил наложницу китайским ядом медленного действия, причиняющим сильные мучения, вряд ли можно было счесть достаточным возмещением; хотя иногда, время от времени Саэмон до сих пор с удовольствием вспоминал, как наложница умирала целый месяц, месяц прекрасной осенней луны, и за это время постарела на двадцать лет. По конец в ней не осталось и следа ее прежней красоты, а одно из самых притягательных ее свойств, дурманящий, необыкновенно чувственный запах, превратился в столь нестерпимое зловоние, что рядом с ней находились лишь служанки самого низкого ранга, да и то нечасто.

Благодаря отцу и приемной матери Саэмон постиг, что, по большому счету, кроме себя самого он никому не нужен. Теперь же, когда кризис грозился на кризис, для людей проницательных возникала масса возможностей позаботиться о себе.

А кто проницательнее человека, чье видение не затуманено лживыми идеями верности, чести, любви, уважения, искренности, традиций или семьи?

Князь Саэмон был уверен, что никто лучше него не готов к тому, чтобы сделаться идеальным человеком будущего.

Время действовать еще не наступило, но оно приближалось, и вскоре должно было настать. Гэндзи избавил его от лишних хлопот, прикончив его отца. В конечном итоге он убьет Гэндзи, как и планировал его отец, но вовсе не из враждебных чувств. Гэндзи был одним из князей, способный стать на пути к его возвышению, когда режим сёгунов Токугава наконец рухнет. Это был вопрос целесообразности, и не более того.

Предвидя будущее, – реальное будущее, а не то, которое воображали себе одуроченные слабаки, – Саэмон начал собирать разнообразные слухи, ходившие о князе Гэндзи с самого его рождения. Большая их часть явно проходила по разряду сказочек и крестьянских суеверий. Всюду, где человеку грозит несчастье – будь то голод, война, мор, землетрясение или цунами, – отчаянье толкает его искать прибежища во вмешательстве волшебства. У простолюдинов же больше ничего не остается. Но два доклада привлекли более пристальное внимание Саэмона.

Один из них сообщал о загадочной резне, шесть лет назад учиненной князем Гэндзи в отрезанной от мира деревушке в княжестве Хино. Зачем аристократу столь высокого ранга и амбиций потребовалось марать руки о столь незначительное дело? Этого никто не знал.

Второй рапорт касался отъезда любовницы князя Гэндзи, Майонака-но Хэйко, прославленной гейши своего времени, также имевшего место шесть лет назад. Некоторые поговаривали, будто она убежала с американцем, Мэттью Старком, еще тогда сблизившимся с Гэндзи и поныне сохранявшим с ним тесные отношения. Но

Саэмон знал, что вместе с этими двумя в Америку уехала значительная часть золота Гэндзи. Это было бы невозможно без его одобрения. На самом деле, без его одобрения сами жизни этих двоих не могли бы длиться.

Так какова же правда?

Саэмон был полон решимости выяснить это.

Самое маловероятное событие, самый незначительный человек может содержать ключ к уничтожению Гэндзи.

1862 год, Сан-Франциско

Это был тот же самый океан – и, однако же, ничего не было тем же самым. Берега залива Сан-Франциско не напоминали Хэйко залив Эдо, равно как и пронизывающий холод калифорнийской осени не имел ничего общего с более мягкой прохладой этого же времени года в Японии.

Но волны с их непрерывным бегом иногда заставляли ее унести мыслями в иное место и иное время, когда она была самой прекрасной гейшей великой столицы сёгунов из рода Токугава. Сейчас ей казалось, что это было давным-давно, – особенно когда она пыталась мыслить мерками японского календаря. Одиннадцатый месяц четырнадцатого года царствования императора Комэй. Слова и числа, обращенные к отдаленной, почти затерявшейся в памяти эпохе.

Неужели в самом деле прошло всего лишь два года с тех пор, как она впервые встретила Гэндзи?

Она тогда чудовищно недооценивала его, как и все остальные. Эту ошибку нетрудно было совершить. Гэндзи не выказывал ни капли серьезности, которой стоило бы ожидать от высокородного самурая в столь сложные времена, и на губах его слишком часто играла улыбка, даже тогда, когда окружающие не смогли бы усмотреть никаких поводов для веселья. Кроме того, он одевался, как щеголь. Подобные наряды были бы уместны для актера, и никто не стал бы отрицать, что молодой господин достаточно красив, чтобы украсить собою сцену любого театра Кабуки – но он же, в конце-то концов, не был актером! Он был знатным самураем, наследником княжества Акаока, и, если верить упорно бродящим слухам, был наделен пророческим даром. Казалось бы, можно было бы ожидать, что он хотя бы позаботится о том, чтобы не бросаться так в глаза своим внешним видом.

Наниматель Хэйко, князь Каваками, глава сёгунской тайной полиции, описал Гэндзи как испорченного и ограниченного дилетанта, как человека никчемного, которого интересуют только женщины и вино, а отнюдь не воинские традиции самураев. Сперва казалось, будто ее наблюдения это подтверждают. Но как только Хэйко позволила, чтобы Гэндзи соблазнил ее, она поняла, что Каваками чудовищно ошибается. Гэндзи вел себя как слабак и одевался как слабак, но тело его выдавало. Вся его кажущаяся мягкость – а в одежде он выглядел мягким и слабым – была результатом искусно изображаемой вялости. Приученные к дисциплине мышцы и сухожилия связывали его кости воедино, придавая телу упругую силу – так тетива лука превращает безвредный изогнутый кусок дерева в смертоносное оружие. Хэйко, благодаря своей воинской подготовке превосходно знавшая человеческую мускулатуру, с первой же их ночи поняла, что Гэндзи много лет упражнялся в верховой езде, владении мечом, кинжалом и копьем и в стрельбе из лука. То, что столь хорошо информированный человек, как Каваками Липкий Глаз, не знал об этом,

свидетельствовало, что тренировки проистекали в глубокой тайне. А отсюда напрашивался один-единственный вывод: поведение Гэндзи предназначено для того, чтобы привести наблюдателей к неправильному выводу – что и случилось с Каваками.

Хэйко не стала докладывать об этом Каваками. Она сказала себе, что это не особенно ценная информация. Означают ли эти сведения, что клан Гэндзи, Окумити, замышляет измену против сёгуна? Так в этом можно было и не сомневаться. Вражда между кланами сторонников сёгуна и кланами его противников длится уже почти три сотни лет. И тем не менее, невзирая ни на что, эти три сотни лет были тремя столетиями мира. Бесконечные заговоры будут длиться до тех пор, пока одна из сторон не одержит окончательную, решающую победу над другой. Поскольку войны между кланами почти никогда не носили настолько решительный характер, то весьма похоже было, что заговоры будут тянуться до тех пор, пока само солнце не упадет с неба. А значит, она, Хэйко, пока что не обнаружила ничего такого, о чем стоило бы докладывать. Так она сказала себе. А к тому времени, как Хэйко узнала правду, она была уже не орудием Каваками, а любовницей Гэндзи.

Теперь все это казалось бесконечно далеким. Быть может, потому, что месяцы, проведенные в Америке, стали самыми длинными месяцами в ее жизни. Уверенность в том, что вскоре Гэндзи призовет ее обратно, домой, каким-то образом заставляла время течь намного медленнее.

Хэйко... – послышался рядом мягкий голос Мэттью Старка. Хэйко не слышала, как он подошел. Воспоминания притупили ее восприятие нынешней реальностью – Кажется, скоро с моря поползет туман. Нам стоило бы пойти домой.

Хорошо, Мэттью, спасибо.

Хэйко приняла предложенную Старком руку и тяжело оперлась на нее; они принялись взбираться по тропинке обратно к дороге. Теперь холм казался намного более крутым, чем при спуске.

Лучше бы ты так не утомляла себя, – сказал Старк. – Доктор Уинслоу говорит, что женщинам в твоём положении следует проводить последние недели в постели.

Эта идея была настолько глупой, что Хэйко захотелось рассмеяться, но она сдержалась. Возможно, чужеземцы много знают о науке, – но они вопиюще мало знают о простейших фактах природы.

Четыре недели в постели отнимают силы, а не прибавляют их, а мне, когда подойдет время, потребуются силы.

Иногда ты говоришь скорее как самурай, чем как женщина, – сказал Старк, помогая Хэйко усесться в экипаж.

Хэйко улыбнулась ему.

Я считаю это комплиментом, Мэттью. Спасибо.

Я вовсе не полагал, что это комплимент.

Но все же он улыбнулся ей в ответ, прежде чем дернуть поводья и послать лошадь вперед.

Хэйко мысленно велела себе перестать думать о Старке и других американцах как о чужеземцах. Это их страна. Здесь чужеземка она. Но она пробудет здесь недолго. Взгляд ее смягчился. Она задремала. Задолго до того, как они вернулись в Сан-Франциско, Хэйко уснула, и ей снился замок «Воробьиная туча».

Госпоже Сидзукэ было шестнадцать лет, когда князь Хиронобу спас ее и привез в замок «Воробьиная туча» как свою жену. Сразу же после приезда она самостоятельно, ни разу не заплутав в запутанных коридорах, прошла во внутренний дворик, чем немало удивила князя Хиронобу. Все коридоры в замке нарочно были построены таким образом, чтобы сбивать чужаков с толку, мешать нападающим, которые могли бы во время осады преодолеть внешние укрепления.

Как ты узнала, как пройти сюда?

Но Сидзукэ, добравшись до дворика, застыла в растерянности.

Где они?

Кто – они?

Цветы, – отозвалась Сидзукэ.

Цветы? – Хиронобу рассмеялся. – Здесь не место для цветов. Здесь оплот воинов, наводящих страх. А вот и один из них. Го, познакомься с моей женой. Сидзукэ, это мой телохранитель, Го.

Го, рослый, мрачного вида мужчина ничего не сказал Сидзукэ и даже не поприветствовал ее. Вместо этого он обратился к Хиронобу.

Тебе не следовало этого делать, мой господин.

Ты чересчур серьезен. Это вопрос любви, а не войны или полититки. Перестань беспокоиться, – сказал ему Хиронобу и пояснил жене:– Он был мне нянькой и наставником воинских искусств, еще когда я был ребенком. Иногда мне кажется, будто он до сих пор считает, что ничего не изменилось.

Но Сидзукэ не интересовал Го. Она прошла в центр дворика.

Они должны быть здесь, вот на этом самом месте.

Что должно быть здесь? – удивился Хиронобу.

Цветы, – ответила Сидзукэ. – Розы «Американская красавица».

Какие-какие розы?

«Американская красавица».

Американская? Что такое – «американская»?

Сидзукэ нетерпеливо повела плечом.

А где князь Нарихира? Наверное, он посадил их не туда, куда нужно было.

Судя по выражению лица, Хиронобу уже был серьезно встревожен.

Кто такой князь Нарихира?

Хозяин этого замка, – сказала Сидзукэ.

Сидзукэ, хозяин этого замка – я, – напомнил ей Хиронобу.

Годы спустя, когда она вспоминала это происшествие, Сидзукэ даже немного забавляло, что тогда она совсем не понимала, насколько же ее знание отличается от знания всех прочих людей. Но тогда разочарование было слишком острым, просто нестерпимым. Ей так не терпелось увидеть эти великолепные цветы, красные, розовые, белые! По щекам ее покатились слезы.

Когда Хиронобу попытался утешить ее, Сидзукэ только и смогла вымолвить:

Я не стала бы их срезать! Мне только хотелось увидеть их! Розы «Американская красавица»...

ГЛАВА 3

Монгольский сундучок

– Ты веришь в то, что знание будущего и знание прошлого
– это разные вещи.

Да, верю, – сказал князь.

На самом деле, они равны.

Чушь, – сказал князь. – Прошлое уже свершилось.
Будущее еще не наступило. Как это может быть одним и
тем же?

Если ты знаешь прошлое, ты можешь изменить его?

Конечно, нет, – сказал князь.

И чем тогда знание неотвратимого отличается от
знания того, что уже произошло?

“Аки-но-хаси”. (1311)

1867 год, дворец “Тихий журавль”

Ханако, заглянув в кабинет, увидела, что госпожи Эмилии за столом нету, и зашла, чтобы убрать. Эту работу стоило бы оставить на служанок, но в нынешнее время молодые женщины стали уже не так надежны, как прежде. Они слишком любопытны, им не хватает дисциплины, и они чересчур любят сплетничать. Всем было известно, что госпожа Эмилия трудится над переводом на английский “Судзумэ-но-кумо”, скрытой от непосвященных истории клана Окумити. Если какой-нибудь свиток остался развернутым, или даже свернутым, но не убраным, для какой-нибудь служанки искушение могло бы оказаться непреодолимым. Уже одно это было достаточной причиной, чтобы взяться за эту работу самой. Так сказала себе Ханако. Она знала, что столь незначительная работа не входит в круг ее обязанностей и вообще не вяжется с ее высоким статусом. В конце концов, она – жена главы телохранителей князя Гэндзи, господина Хидё, и ее саму величают госпожой. Но старые привычки изживаются с трудом. Она появилась на свет дочерью низкородных крестьян, в долине у монастыря Мусиндо, на протяжении шести сотен лет служившего князьям Акаоки аванпостом. Когда ей было девять лет, она лишилась родителей. Добрый старый настоятель монастыря, Дзенген, пожалел ее и пристроил на службу к князю Киёри, деду и предшественнику князя Гэндзи. Ей было двадцать два года, и у нее не было ни семьи, ни связей, ни приданного, и ей светила судьба старой девы, когда князь Гэндзи лично устроил ее брак с Хидё, самураем, которым она давно уже восхищалась издалека.

Ханако до сих пор поражал неожиданный поворот ее судьбы. Теперь, в двадцать девять лет, она была матерью благородного сына, женой самого доверенного сотоварища князя и лучшей подругой госпожи Эмилии, американки, которая в силу странного поворота судьбы стала членом клана, насколько это вообще мыслимо для чужеземца.

Ханако подколола пустой левый рукав кимоно, чтобы он ей не мешал. Она никогда не делала так, если рядом кто-то находился, поскольку, как ей казалось, это привлекало излишнее внимание к отсутствию у нее левой руки. Хотя со времен битвы у стен монастыря прошло всего шесть лет, люди уже говорили о ней с почтением, именуя ее “великим сражением у монастыря Мусиндо”. Ханако, Хидё, князь Гэндзи и

госпожа Эмилия входили в число тех немногих, кто выжил, попав в засаду, устроенную шестью сотнями вражеских мушкетеров, и одержали победу, хотя это и казалось невозможным. Естественно, в рассказах их подвиг был возвеличен, и Ханako, вовсе сама того не желая, прославилась мужеством, поскольку утратила в том бою левую руку. И потому теперь ей казалось, что привлекать внимание к своему увечью – пусть даже ненамеренно, – это хвастовство.

Свитки лежали повсюду. Некоторые из них были развернуты, некоторые – нет. Эмилия, обычно такая аккуратная, оставила на своем рабочем месте непривычный беспорядок. Может быть, ее неожиданно куда-то позвали? Тогда Ханako очень правильно поступила, решив убрать здесь. Слишком много свитков развернуто. Только такой человек, как она сама, преисполненный решимости не глядеть на них, сможет приблизиться к свиткам и не прочитать ни единого иероглифа.

Чтобы отвлечься, Ханako попыталась вспомнить, как будет “Судзумэ-но-кумо” по-английски. Эмилия совсем недавно говорила ей об этом. Кажется, по-английски это звучит куда более странно, чем по-японски. Как же оно там...

Ханako свернула очередной свиток и положила его рядом с предыдущим. Если уложить свитки в таком же порядке, в каком они были, Эмилии будет потом нетрудно разобраться в них, хоть они уже и не развернуты.

Ах, да! Вспомнила! “Воробьиная туча”. Ханako произнесла эти слова вслух, чтобы потренироваться с произношением, услышать звуки и получше их запомнить.

“Воробьиная туча”, – выговорила Ханako и осталась вполне довольна собою. Она произнесла английские слова очень отчетливо.

Что? – спросила Эмилия и выглянула из-за стола, стоявшего в дальнем углу комнаты. Очевидно, она сидела на полу.

Простите, – извинилась Ханako. – Я не поняла, что вы здесь. Вас не было за столом, и я вошла, чтобы убрать.

Она поклонилась и хотела уже уйти.

Нет-нет, Ханako, не уходи, – попросила Эмилия. – Я все равно как раз собиралась тебя искать. Взгляни-ка!

Она указала на стоящий рядом с ней небольшой сундучок, обтянутый кожей, с потускневшим рисунком на крышке.

А, вы открыли новый ящичек со свитками! – сказала Ханako. – Как это, должно быть, интересно для вас!

Они очень сильно отличаются от всех остальных. Даже сундучок, в котором они лежат, другой. Это японская работа?

Ханako взглянула на дракона, кружившего, подобно яростным клубам красного дыма, над синими горами.

Нет, – сказала она. – Это ближе к китайскому стилю, но в рисунке есть нечто более дикое, более варварское. Возможно, это сделано монголами.

Эмилия кивнула. Она казалась не то встревоженной, не то сбитой с толку; а может быть, она просто устала. Хотя Ханako была знакома с Эмилией уже несколько лет, и за это время ей довелось встречаться и с другими чужеземцами, она до сих пор не всегда могла определить, что же за эмоции написаны у них на лицах. В отличие от японцев, чужеземцы зачастую не стремились скрывать свои чувства, но сам этот недостаток внутреннего контроля мешал Ханako понимать их. На лице одновременно отображалось слишком много мимических сигналов, и в их числе – некоторые совершенно неуместные. Иногда Ханako сидела у Эмилии, когда ее навещал

кто-нибудь из ее друзей-американцев – флотский офицер, Роберт Фаррингтон, или тот скотовод, Чарльз Смит. Во время этих визитов она часто читала на лицах мужчин отражение чувств, носящих настолько интимный характер, что она краснела от стыда. Но Эмилия, казалось, не узнавала этих проявлений, поскольку продолжала разговор, как будто ничего не произошло, и сама не гневалась, не оскорблялась и не смущалась. Ханako не раз думалось: интересно, а они вообще понимают друг друга или нет?

Теперь Эмилия, очевидно, думала одновременно о множестве разных вещей, – вероятно, этим отчасти и объяснялось написанное у нее на лице замешательство. Но когда она заговорила снова, то отчего-то резко изменила тему.

Тебе что-нибудь известно про телохранителя по имени Го? – спросила Эмилия.

Конечно, – отозвалась Ханako, радуясь тому, что Эмилия забыла про свитки и переключилась на другую тему. Эти свитки имели право читать лишь князья и их наследники. Князь Гэндзи сделал исключение для Эмилии. Потому она имела право их читать. Ханako – не имела. – Го – один из великих героев нашего клана. Если бы не он, господин Хиронобу умер бы в раннем детстве, и так и не дал бы начало роду князей Акаоки.

Этот Го был монголом?

О, нет! – отозвалась Ханako, шокированная столь вопиющим предположением. – Я уверена, что нет.

А откуда он был?

Откуда? Он был из Японии.

Но откуда именно из Японии?

Ханako на мгновение задумалась.

Я не припоминаю, чтобы мне доводилось слышать что-либо об его детстве. Разве только то, что он научился ездить верхом раньше, чем ходить. – Она улыбнулась. – Но это, конечно же, просто легенда. А так о нем всегда говорят только как о телохранителе господина Хиронобу. Он был телохранителем князя с самого его детства и до конца.

До конца... – повторила Эмилия. – Какого конца?

Они вместе погибли в сражении, – сказала Ханako, – удерживая армию Ходзё, чтобы маленький сын князя смог бежать и впоследствии отомстить.

Это тоже было знаменитым эпизодом из истории клана.

Этот сын, Дандзуро, стал вторым князем нашего княжества. Едва лишь выйдя из детского возраста, он помог сокрушить регентство Ходзё. – Вдруг Ханako в голову пришла мысль, от которой ее пробрал озноб. И, не удержавшись, она спросила: – А что, в “Судзумэ-но-кумо” написано иначе?

Эмилия покачала головой.

Нет, все написано в точности так, как ты сказала.

А! – Ханako сразу стало легче на душе. Такое нередко случалось в различных кланах: вышестоящие знали нечто такое, чего не говорили нижестоящим, а рассказывали вместо этого совсем иное. А уж в таком клане, как клан Окумити, на протяжении многих поколений возглавляемый пророками, это и вовсе могло очень сильно различаться. Но теперь, когда она сама затронула тему свитков, лучше всего для нее будет поскорее удалиться, пока тема не всплыла опять. Ханako поклонилась подруге. – Прошу прощения, что побеспокоила вас, Эмилия. Теперь я вас покину, чтобы не мешать вам работать.

Ханako, мне нужна твоя помощь.

Ханако заколебалась.

Я с радостью сделаю все, что смогу, если для этого мне не придется читать свитки или выслушивать что-либо, написанное в них.

Это не те свитки, которые тебе запрещено читать, а другие.

И с этими словами Эмилия протянула Ханако свиток, который держала в руках.

Ханако снова поклонилась, но свиток не взяла.

Я не могу.

Это не “Судзумэ-но-кумо”.

За проведенное здесь время Эмилия чрезвычайно далеко продвинулась в изучении японского языка. Однако же Ханако совершенно не была уверена, что Эмилия в состоянии различить, что является, а что не является частью тайной истории клана. Если свиток извлечен из одного из этих сундучков, как он может не быть частью их истории? Отказаться взять этот свиток было бы чрезвычайно невежливо. Но принять его – значит, нарушить основополагающее правило клана. И все же лучше избегать оскорбления, пока это возможно. Ханако нерешительно взяла протянутый ей свиток. При первом же указании на то, что Эмилия ошиблась, она немедленно прекратит читать.

Но Ханако довольно было бросить взгляд на беглые строки, написанные фонетическим письмом хирагана, и увидеть почти полное отсутствие сложных иероглифов кандзи, чтобы понять, что Эмилия права. Никто не стал бы писать историю клана столь неофициальным образом. Но едва лишь Ханако принялась читать, как упоминание о князе Нарихира и известном, неверно истолкованном пророчестве о розах заставило ее остановиться.

Эмилия, я не могу.

Похоже, это своего рода дневник, – сказала Эмилия. – Не история, а сплетни.

Что бы это ни было, но здесь идет речь о князьях и о пророчествах, – сказала Ханако. – С моей стороны было бы дурно читать это дальше.

Эмилия улыбнулась.

А разве никто здесь и сейчас не говорит о пророчествах? Разве сам князь Гэндзи не становится темой сплетен?

Ханако улыбнулась в ответ. Конечно же, Эмилия права. В клане Окумити пророчества, мысли и действия князя постоянно служили темой разговоров, споров и рассуждений. Это не было должным поведением. Но такова уж человеческая природа – чего иного от нее ожидать? Ханако стала читать дальше. И к концу первого абзаца не удержалась от смеха.

Да, – кивнула Эмилия, – я тоже засмеялась на этом месте. Я бы перевела его так: «Когда небеса отдали мужчинам власть над миром, боги тем самым показали, что в их чувстве юмора очень много вредности».

Да, я полагаю, это правильный перевод.

Это писала женщина, – сказала Эмилия.

В том не может быть никаких сомнений, – согласилась Ханако. – Почерк, стиль, тема – все это очень женское. – Она прочла еще немного и заулыбалась; теперь, когда Ханако уверилась, что она не читает ничего запретного, ей сразу стало спокойнее. – Она говорит о делах любовных – очевидно, о какой-то тайной и трагической любви.

Среди всего прочего.

Интересно, а как эти свитки смешались с прочими?

Это не совсем так. Они не смешаны с прочими. – Эмилия подняла крышку

сундучка с красным драконом и синими горами. – Вот здесь они все написаны в одном стиле.

Тогда этот сундучок поместили вместе с другими по ошибке.

Мне вот еще что интересно, – сказала Эмилия. Она сняла сверху грубую ткань, и под ней обнаружился прекрасный шелк цвета небесной синевы, с пеной облаков на нем и с узором из разноцветных роз. – Это не те самые розы, которые в вашем клане называют «Американской красавицей»?

Да, похоже, это они и есть, – согласилась Ханако. Ей снова сделалось не по себе. – Я думаю, это должны быть они, раз они упомянуты в свитке.

Их впервые посадил князь Нарихира, – сказала Эмилия.

Да.

А когда это произошло?

В восемнадцатом году правления императора Огимати, – сказала Ханако.

А какой это год по западному календарю?

Ханако быстро произвела подсчет.

Полагаю, 1575.

Эмилия кивнула.

Так я и думала. Но я решила было, что ошиблась в расчетах. Чужеземцу легко запутаться в японском календаре и в порядке следования императоров. – Она внимательно взглянула на рисунок на крышке сундучка. – Мне потребовалось две недели, чтобы прочитать их. Я закончила вчера. И с тех пор не могу думать ни о чем другом.

Кажется, Эмилия хотела сказать что-то еще, но все же промолчала.

В конце концов Ханако спросила:

А почему вы подумали, что ошиблись в дате?

Из-за роз, – отозвалась Эмилия, – в рукописи и на ткани.

В самом деле?

Ханако не понимала, из-за чего Эмилия так волнуется. Наиболее распространенным символом клана Окумити был воробей, уворачивающийся от стрел, что летели в него с четырех сторон. Именно он красовался на боевых знаменах клана. Но на протяжении последних двух сотен лет эти розы почти так же часто употреблялись в качестве символа. Их можно было обнаружить на флагах, на кимоно, на доспехах, на клинках и рукоятях мечей. В том, что они появлялись в записях мужчины или женщины, принадлежащих к клану, или на ткани, которой обернуты свитки, не было совершенно ничего таинственного.

Эти розы были посажены в 1575 году, – сказала Эмилия, – значит, никто не мог написать о них прежде того года, в который о них впервые упоминается.

Совершенно верно, – согласилась Ханако.

И все же они явственно упоминаются в этих свитках, – сказала Эмилия, – а их автор говорит, что пишет все это в четвертом году правления императора Ханазоно.

Ханако быстро мысленно пробежалась по календарю.

Но этого не может быть! Четвертый год правления императора Ханазоно – это 1311 год по христианскому календарю!

Я должна поехать в замок «Воробьиная туча», – сказала Эмилия.

Ханако пришла в ужас. Как только Эмилии могла прийти в голову подобная мысль? Замок находился в трех сотнях миль отсюда. Его и дворец разделяла малонаселенная местность, по которой бродило все больше неистовых самураев,

настроенных против чужеземцев; возглавляли их так называемые Люди Добродетели. За последнее время нападения на чужеземцев стали делом привычным. До сих пор жертвами нападения никогда еще не становились женщины. Но все знали, что Эмилия – гостя князя Гэндзи, а он возглавлял список тех, кого Люди Добродетели считали внутренними врагами.

Но какова причина для подобного путешествия?

Эмилия взглянула в глаза Ханako и произнесла:

Мы друзья. Мы настоящие друзья.

Да, – подтвердила Ханako. – Мы настоящие друзья.

Эмилия еще несколько долгих мгновений смотрела на нее, затем повернулась к сундучку и принялась доставать оттуда свитки. Когда все они были извлечены, Эмилия достала оттуда же шелк и развернула его. И Ханako увидела, что это кимоно.

Что ты можешь про него сказать? – спросила Эмилия.

Оно скроено на современный манер, – сказала Ханako. Действительно, если свитки и вправду настолько старинные, какими кажутся, то это удивительно. Хотя ничего потрясающего в этом нету; их могли завернуть в него когда-нибудь недавно.

Эмилия приложила кимоно к себе.

А еще?

Ну, оно очень изысканное, – сказала Ханako. – Скорее всего, оно предназначено для особых случаев. Для каких-нибудь больших празднеств.

Например, для свадьбы? – спросила Эмилия.

Да, оно вполне подошло бы для свадьбы. Не для гостя, конечно же. Оно слишком роскошное. Его могла бы надеть только невеста. – Ханako присмотрелась к буйству искусно вышитых роз. Невеста должна быть очень красивой, иначе все внимание будет приковано не к ней, а к ее кимоно. – И для него требуется специальный оби.

Эмилия снова повернулась к сундучку.

Вот такой?

В руках у нее очутился церемониальный пояс, столь же роскошный, как кимоно, прекрасно сочетающийся с ним по цвету и богато расшитый золотыми и серебряными нитями.

Да, – согласилась Ханako, – он идеально сюда подходит.

Но что свадебное кимоно и пояс к нему делают в сундучке с древними свитками? Ханako пробрал озноб.

Этот сундучок прислали мне, – сказала Эмилия. Голос ее звучал еле слышно, как будто она говорила против воли.

Ханako не поняла, что беспокоит Эмилию. Всем ведь известно, что князь Гэндзи попросил Эмилию перевести тайную историю клана на английский язык. Он приказал, чтобы все свитки были доставлены ей. Естественно, если вдруг обнаружился еще один сундучок, его должны были переслать Эмилии, как это делалось со всеми свитками, найденными за те годы, пока Эмилия трудилась над переводом. Тридцать поколений князей Окумити читали эти свитки. Столько лет, столько людей – неизбежно какие-то фрагменты истории должны были затеряться. «Воробьиное облако» – очень большой замок, с потайными комнатами и ходами. Поскольку читать свитки мог только князь, или тот, кто получил от князя дозволение, человек, обнаруживший свитки, просто не осмелился заглянуть в них, а потому не мог и понять, что они не являются частью истории клана. (Некоторые князья не относились серьезно ни к истории, ни к запрету,

и потому бывали времена, когда к свиткам получали доступ не только члены княжеского рода, но и их любовницы, собутыльники, гейши или монахи. Таким образом, многое из истории стало общим достоянием – или, точнее говоря, общей почвой для сплетен). Так что в том, что сундучок прислали Эмили, не было ничего таинственного. И однако же Эмилия явно была встревожена.

Его нашли и прислали сюда потому, что так приказал князь Гэндзи, – сказала Ханако.

Нет, – возразила Эмилия. – Я не это имела в виду. Это невозможно. Даже думать об этом – уже граничит со святотатством, и все же... – Эмилия тяжело опустилась на пол. Кимоно и пояс легли ей на колени. – Я должна поехать в замок. Это – единственный способ все опровергнуть. А я должна это опровергнуть, должна!

Опровергнуть что? – не поняла Ханако.

Что этот сундучок действительно был прислан именно мне, – сказала Эмилия.

1311 год, башня замка «Воробьиная туча»

Госпожа Сидзукэ улыбнулась Аямэ, своей старшей придворной даме; просто поразительно, что столь юные женщины, едва распростившиеся с детством, способны носить столь обременительные титулы как «придворная дама», да еще и «старшая». Госпоже Сидзукэ было девятнадцать – и ей не суждено было стать старше. Аямэ было всего семнадцать, хотя серьезное выражение лица придавало ей более зрелый вид.

Я умоляю вас пересмотреть свое решение, моя госпожа, – сказала Аямэ. Она сидела, аккуратно подобрав ноги на придворный манер. Она казалась изящной и хрупкой, невзирая на доспехи, небрежно обстриженные волосы и лежащую рядом нагинату. – Я лично разведала вражеские позиции. Все обстоит именно так, как и сказала Фуми: часовые расставлены плохо, во вражеских рядах много брешей, а половина войска перебилась сакэ. Если я устрою отвлекающий удар, вы с легкостью сможете ускользнуть и добраться до безопасных мест.

Я не могу идти, – сказала Сидзукэ. Ее рука лежала на разбухшем животе, как это часто случалось в последние дни. Струящиеся одеяния скрывали ее состояние от случайного взгляда, а лицо, столь же тонкое, как и всегда, тоже играло свою роль в сокрытии правды.

Ваш срок подойдет только через полтора месяца, – возразила Аямэ, – и не похоже, чтобы ребенок стремился появиться на свет раньше. Стоит вам выбраться из кольца окружения, и дальше уже все пойдет без особых затруднений. Господин Чиаки, должно быть, уже получил известие, и, конечно же, спешит сюда вместе со многими нашими самураями. Возможно, вы встретитесь с ними прежде, чем доберетесь до мыса.

Я не могу идти не поэтому, – сказала Сидзукэ. – Просто мне предназначено быть здесь.

Аямэ коснулась ладонями пола и низко поклонилась.

Госпожа Сидзукэ, я прошу у вас прощения за то, что должна говорить столь вольно.

Аямэ, между нами эти церемонии излишни. Ты всегда можешь сказать мне все, что думаешь.

Я надеюсь, что вы и впредь будете так думать. Многие говорят, что будущее, которое вы видите, или духи, с которыми вы встречаетесь – это всего лишь ваши

иллюзии. Они говорят, что это просто счастливые совпадения помогают вам казаться провидицей. С того самого дня, как я поступила к вам на службу, я никогда в вас не сомневалась. Что бы вы ни говорили, я знаю, что у вас есть причины говорить именно так. Вы мудры не по возрасту и не по опыту. И совершенно неважно, знаете ли вы, что грядет, или нет. Но, госпожа моя, если вы не покинете этот замок сегодня ночью, вы умрете здесь.

Сидзукэ тоже коснулась ладонями пола и, в свою очередь, поклонилась.

Ты непоколебима, верна и мужественна, как самураи легенд. Я благодарю тебя за это. Теперь ты должна остаться все такой же храброй. Ты переживешь эту ночь, Аямэ. Ты проживешь самые темные, предрассветные часы, и еще много, много лет. Таково твое будущее, и в свое время ты убедишься, что я увидела его верно. Ты выйдешь замуж за человека доблестного и достойного, и познаешь много радости, так же как и свою долю печали. У тебя будет пятеро детей. Старший из них женится на наследнице князя Хиронобу, которую я сейчас ношу, и станет князем Акаоки.

Моя госпожа! – потрясенно воскликнула Аямэ. Одна лишь мысль о том, что Хиронобу наследует не его сын, а кто-то другой, уже была изменнической. Подозрения в подобных мыслях хватало, чтобы привести к смерти вассалов многих кланов. И вот об этом говорит жена князя.

Мою дочь зовут Сен. Своему сыну ты дашь... – Сидзукэ остановилась. Нет, пускай Аямэ решает сама – хотя в завершенности времени она уже решила, что назовет сына Дандзуро. Но те, чье прошлое отделено от будущего, не умеют видеть подобным образом. И назвать имя сейчас – означает украсть у Аямэ еще не наступившую радость. – ...дашь благородное имя, которое он заслуживает. От имени князя Хиронобу я принимаю его в наш клан. С момента рождения твой сын будет Окумити.

Госпожа Сидзукэ, если вы говорите правду и если вы действительно видите то, что грядет, используйте же свое прозрение, чтобы спастись! Это же грех – понапрасну отказываться от жизни!

Подойди к окну и посмотри на восток, – приказала Сидзукэ.

После едва различимого мига колебаний Аямэ повиновалась.

Что ты видишь?

Волны, разбивающиеся об берег, моя госпожа.

Успокой их, – велела Сидзукэ.

Простите, госпожа?

Останови волны, Аямэ. Успокой океан.

Я не могу.

Подойди к западному окну. Посмотри как можно дальше. Что ты там видишь?

Ясное ночное небо, – перечислила Аямэ, – яркую луну и вдали – гору Тоса.

Принеси мне гору Тоса.

Аямэ устала на Сидзукэ. Неужто страх и печаль свели ее с ума? От беспокойства на лбу придворной дамы пролегла морщина.

Моя госпожа, даже величайший колдун не сможет сдвинуть с места гору.

Ты видишь волны, но не можешь остановить их. Ты видишь гору Тоса, но не можешь сдвинуть ее с места. Я вижу то, что грядет, но не могу ни отвлечь это, ни изменить хотя бы в малом. – Сидзукэ улыбнулась. – Ты переживешь эту ночь, и я тоже. Ты переживешь это утро, а я – нет. Я говорю об этом так же, как говорила бы о волнах, разбивающихся о скалы, и о горе Тоса в лунном сиянии. Это описание мира, а

не нечто такое, что следует сделать.

Знать – и быть не в силах что-либо сделать. Что проку в подобном даре?

Ты никогда не узнаешь об этом, – подумала Сидзукэ, – и не узнает Дандзуро. Но Сен будет знать. Она почувствовала, как дочь пошевелилась под ладонью.

Свитки разместили, как я просила? – спросила Сидзукэ.

Да, моя госпожа, все, как вы приказали. Никаких следов не осталось, никто ничего не видел.

Похоже, Аямэ, тебя мучают сомнения.

Я старалась, чтобы меня никто не увидел, – отозвалась Аямэ, – но поскольку это далеко за нашими стенами, враги могут обнаружить его, даже если отступят, не напав на замок.

Не обнаружат, – сказала Судзукэ.

И все же остается еще одно затруднение, – сказала Аямэ. – Если враги захватят замок...

Захватят. В течение ближайших часов.

...и никто из наших сюда не вернется...

Никто из ныне живущих. Дандзуро и Сэн отвоюют замок в двенадцатом году правления императора Го-Мураками. Но к этому времени и Аямэ, и Чиаки будут уже мертвы.

...то как же эти свитки будут найдены?

Они будут найдены, – сказала Сидзукэ, – когда будут, и таким образом, который наиболее будет подходить для их цели.

Она видела, что Аямэ очень хотелось спросить об этой цели, но она сдержалась. Что ж, хорошо. Сидзукэ доверяла Аямэ и ответила бы ей на любой вопрос, но Аямэ не поняла бы ответа.

Аямэ поклонилась и подняла оружие.

С вашего позволения, моя госпожа, я вернусь на пост.

Доброй ночи, Аямэ.

Посетитель, которого Судзукэ ждала, появится только на исходе часа. Судзукэ закрыла глаза и представила себе ничто. Отсутствие несло с собою покой.

1860 год, башня замка

Хоть он и знал, что это сентиментально и глупо, князь Киёри все же заказал изысканные блюда для своего прощального ужина с Сидзукэ. Он не прикоснулся к еде. Она тоже. Но, впрочем, она никогда к ней не прикасалась. Блюда были поставлены перед нею точно так же, как приношения, которые Киёри возлагал на алтарь предков. В определенном смысле слова, это было весьма уместо, поскольку Сидзукэ действительно была его предком. С другой же стороны, это было совершенно неподобающе, поскольку этот призрак, выглядящий как Сидзукэ, вполне мог быть плодом его собственного большого воображения.

Вы безмолвствуете, – сказала Сидзукэ, – потому что размышляете о том, что я, возможно, не та, за кого себя выдаю. Я, должно быть, галлюцинация, или злой дух. Поскольку в привидения вы не верите, вы склоняетесь к выводу о том, что я являюсь – и являлась прежде – признаком надвигающегося безумия. И все же вы ощущаете, что еще не настолько поражены болезнью, чтобы беседовать с собственной галлюцинацией. Однако же, вы уже много лет беседуете со мной, так что плохого в

том, чтобы побеседовать со мной этой ночью еще один, последний раз – вне зависимости от того, реальна я или нет? Чем это отличается от обычных размышлений вслух? Однако же, поскольку мы более не встретимся, это ваш последний шанс обойтись со мной как с выдумкой, каковой я являюсь. Вы не сможете этого сделать, если приметесь беседовать со мной. Вот о чем вы сейчас думаете, мой господин. Какое, однако, затруднительное положение!

Вы хотите, чтобы я подумал, будто вы читаете мои мысли, – сказал Киёри, – но меня не так легко одурачить. Вполне естественно, что галлюцинация содержит и мысли того разума, из которого она исходит.

Сидзукэ улыбнулась.

Итак, мой господин, вы все-таки заговорили со мной.

Выведенный из себя Киёри с силой хлопнул себя по бедру. Он никогда не был искусственным мыслителем и не мог и надеяться, что сравняется с нею в искусстве спора. И, конечно же, сама мысль об этом сбивала его с толку.

Меня вела привычка, и ничто иное. Как вы сказали – или, скорее, как я сказал, – это ничем не отличается от размышлений вслух.

Сидзукэ поклонилась чрезвычайно официально: руки, лежащие на полу, образуют треугольник, голова медленно склоняется, до тех пор, пока лоб не касается рук.

Поскольку я – это вы, – сказала она, – мне не остается ничего иного, кроме как согласиться. – На миг лицо ее сделалось серьезным, но ей не удалось надолго совладать с весельем. Она начала улыбаться еще во время поклона, а когда она выпрямилась, ей пришлось прикрыть лицо рукавом. – Пожалуйста, не смотрите на меня так гневно. Не забывайте: ведь я – это всего лишь вы.

Я желаю, чтобы вы прекратили так говорить, – сказал Киёри. Его раздражение все усиливалось, хотя он и понимал, что этим только выставляет себя в дурацком свете, поскольку, как она сказала, она – это он, и именно себя ему следует винить за все, что она делает или говорит, поскольку это делает или говорит он сам. Ну и какой толк в этом мучительном коловращении мыслей? Лучше уж поговорить, как они всегда беседовали раньше – безумец и галлюцинация, – поговорить еще один, последний раз.

Вы сказали, что уйдете сегодня ночью и никогда больше не вернетесь, – сказал Киёри. – Это и вправду так?

Разве я когда-либо лгала вам, мой господин?

Нет, никогда.

Воистину, это достойно внимания – не так ли? За шестьдесят четыре года вы, говоря через меня, ни разу не солгали себе. Немногие могут сказать о себе подобное. О, прошу прощения. Вы не можете сказать этого, поскольку это сказала я. Но подождите! Я – это вы, так что на самом деле вы действительно можете это сказать, и даже уже сказали.

Пожалуйста, – Киёри склонился в поклоне, – давайте будем рассматривать затрагивающее нас явление как сопряженное с призраками. Так намного проще.

Я согласна, – сказала Судзукэ, – но с одним небольшим уточнением.

Хорошо, – мгновенно отозвался Киёри, так ему хотелось поскорее избавиться от этой головоломки. Но увидев выражение ее глаз, он тут же пожалел, что дал согласие прежде, чем узнал, что же она предлагает.

Давайте скажем, что призрак – это вы, князь Киёри.

Это возмутительно.

В самом деле? – Всю веселость с Сидзукэ словно ветром сдуло. – Вы изучали

классические труды конфуцианства, буддизма и даосизма. И все же на протяжении пятидесяти лет вы рассматривали наши взаимоотношения лишь с одной стороны. Вы отвергли сон Чжуан-цзы, сутру Цветочной Гирлянды и великое наставление Конфуция.

Чжуан-цзы видел много снов, – сказал Киёри, – сутра Цветочной Гирлянды состоит из семидесяти тысяч иероглифов, а Конфуций учил многому. Было бы лучше, если бы вы уточнили, что именно имеете в виду.

В каждом случае вам нужно лишь самое очевидное.

Киёри ждал, что Сидзукэ скажет дальше. Сидзукэ молча глядела на него. Он подождал еще; она продолжала глядеть. Киёри был правителем княжества. Никто не смел смотреть ему в глаза, и Киёри не был привычен к подобному состязанию. Он заговорил первым.

Чжуан-цзы приснилось, что он – бабочка. Когда он проснулся, то не мог понять, кто же он: человек, которому снилось, что он бабочка, или бабочка, которой снится, что она – человек.

Уж не улыбнулась ли она удовлетворенно, одержав над ним победу? Если и так, улыбка была настолько легкой, что могла существовать только в его воображении. О чем он думает? Конечно же, она была воображаемой. Все происходящее существовало лишь в воображении.

Судзукэ поклонилась и поинтересовалась:

А сутра Цветочной Гирлянды?

Киёри в молодости не слишком интересовался учебой, а эта сутра была особенно длинной и сложной. Но один образ оттуда навсегда запал ему в память, настолько он был изящным, и вместе с тем непостижимым.

В сутре говорится, что Сеть Индры состоит из бесчисленного множества зеркал, в каждом из которых отражаются все прочие зеркала и вместе с тем – завершенная природа реальности, каковая бесконечна в протяженности, бесконечна по времени, и бесконечно изменчива.

Судзукэ одобрительно захлопала в ладоши.

Замечательно, князь Киёри! Значит, вы все-таки не всегда спали с открытыми глазами, когда преподобный монах Койкё изрекал свои наставления.

Нет, не всегда.

Койкё, этот старый зануда. Киёри много лет даже не вспоминал о нем.

Тогда скажите мне еще о Конфуции, и вы впервые в жизни правильно ответите на три ученых вопроса подряд. Какое это будет достижение!

Да уж, воистину. Киёри был весьма искусен в фехтовании на мечах и на посохах, а также в рукопашном бое, но никогда не достигал высот в каллиграфии, запоминании и написании стихов. Высот? По правде говоря, его успехи всегда были прискорбно ничтожны. Думай же! Что за великое наставление Конфуция? Киёри понимал всю глупость своих стараний. Он сидит и тужится, пытаясь произвести впечатление на женщину, которой на самом деле не существует. Нет, лучше смотреть на это как на вопрос самодисциплины. Он – самурай. Он должен уметь оттачивать свой разум до бритвенной остроты и прорубаться сквозь любое замешательство.

Великое наставление Конфуция. Что она может иметь в виду?

Почитай старших?

Храни обычаи предков?

Будь послушным сыном своему отцу и примерным отцом своему сыну?

Подражай достойным людям и избегай общества людей пустых?

Критикуй себя, а не других?

Киёри оборвал себя. Нет, подобный хаотичный перебор ни к чему не приведет. Думай острее. Как меч. Прорубайся через замешательство.

Сидзукэ упомянула Конфуция в одном ряду с предыдущими источниками мудрости. Что общего между его учением, сном Чжуан-цзы о бабочке и бесконечностью зеркал Индры? Между всецело практичным, с одной стороны, и полностью умозрительным и причудливым, с другой?

Конфуция не интересовали ни сны, – сказал Киёри, – ни загадки мироздания – лишь поведение людей, и потому он создал руководство по гармоничному и полезному поведению.

Следовательно?

Следовательно – что? Киёри готов был уже признать поражение, когда вдруг ему все стало предельно ясно. Вероятности бесконечны (зеркала Индры), воображение может превратить ответ на любой вопрос в еще один вопрос (бабочка Чжуан-цзы), и потому людям следует не множить сущности, а уменьшать их до того предела, на каком с ними уже можно совладать (конфуцианская схема реальности, построенная на взаимоотношении отцов и детей). Но как бы наилучшим образом изложить эту мысль в словах? Сидзукэ, кажется, уже готова заговорить – несомненно, чтобы ответить на свой собственный вопрос.

Он должен превзойти ее!

Киёри быстро произнес:

Следовательно, наиболее реально то, что мы решаем считать реальным.

Улыбка Сидзукэ тут же отравила ему ощущение победы.

Вы перехитрили меня и заставили сказать то, что желали от меня услышать.

Вы всего лишь пришли к очевидному выводу, – возразила Сидзукэ. – В этом нет никакой хитрости.

Я сказал это, – признал Киёри, – но я в это не верю. Если на меня будет опускаться меч, а я не уклонюсь от него и не отобью его, то меня зарубят, вне зависимости от того, пожелаю я считать это реальным, или же нет.

Зарубите меня, князь Киёри.

И как она умудряется сказать именно то, что раздражает его сильнее всего?

Я не могу.

Почему?

Вы знаете, почему. Потому, что на самом деле вас здесь нет. Меч пройдет через вас, как через воздух.

Потому, что меня здесь нет?

Да.

И снова вы рассматриваете только одну возможность, мой господин?

Конечно же, есть и вторая. Что меня здесь нет.

Вымолвив это, Киёри понял, что Сидзукэ снова его перехитрила.

Сидзукэ поклонилась, выражая согласие.

И следуя путями бабочек и зеркал, мы не можем с уверенностью сказать, какой из них более вероятен, или какая вероятность исключает другую. Быть может, я – ваш призрак, а вы – мой.

Возможность, что меня здесь нет, – сказал Киёри, – это всего лишь возможность. Мы можем говорить все, что угодно – слова не заслуживают доверия, – но я знаю, что я – здесь, а вас здесь нет. И все разговоры о бабочках и зеркалах этого не опровергнут.

Сидзукэ видела, как Киёри потянулся и взял что-то, стоящее перед ним. По тому, как он держал руку, она поняла, что это чашка с чаем. Она не видела ничего из того, что было реальным для Киёри – не считая самого князя, а он был словно туманный призрак, сквозь который просвечивали стены. Комната была одинаковой для них обоих – но не ее содержимое. Киёри регулярно проходил через ширмы, цветы и людей, не существовавших в его времени. Сидзукэ знала, что она в его глазах виновна в таком же поведении.

Она была рада, что князь еще не попробовал суп. Суп был отравлен желчью рыбы-луны, ядом, котрый подлил туда сын князя, Сигеру. Сигеру был безумен и смертельно опасен, но не жесток. Доза яда была такова, что Киёри просто начнет медленно цепенеть; а затем его парализует, и он умрет. Это будет почти не больно.

Киёри поставил чашку и сказал:

А кроме того, даже если бы я, сам того не зная, был призраком, как я могу быть вашим призраком? Вы же умерли за пять сотен лет до моего рождения.

Я только сказала о вероятностях, – заметила Сидзукэ. – Я никогда не претендовала на то, что способна объяснить их все.

Простая логика говорит, что если кто из нас и вправду призрак, так это вы.

Киёри встал и отошел к западному окну. Царящая за окном тьма резко контрастировала с освещенной комнатой. И из-за этого, да еще из-за того, что луна сейчас находилась с противоположной стороны от него, Сидзукэ трудно было разглядеть князя. А лица его она вообще не видела.

Вам проще думать так, – сказала она.

Логический аспект заслуживает того, чтобы его подчеркнули, – сказал Киёри, – невзирая на его простоту. Время проходит и не возвращается. Прошлое предшествует будущему. Это словно водопад, что течет лишь в одном направлении.

Это верно, – согласилась Сидзукэ, – почти для всех.

Об этом нет смысла спорить. Мы никогда не придем к согласию. – Князь отошел от окна. Теперь, когда за спиной у него оказалась твердая стена, Сидзукэ смогла снова разглядеть его лицо. Князь выглядел скорее встревоженным, чем разгневанным. – Все это не имеет ни малейшего значения. Галлюцинация вы или дух, но именно благодаря вам я узнавал, что произойдет. Я никогда не видел ни единого из видений, которые мне приписывают. Я знал все это лишь потому, что об этом мне говорили вы. Если вы не вернетесь, я больше никогда не буду прорицать.

Это вас беспокоит, мой господин?

Нет. Я многое предсказал – куда больше, чем любой Окумити до меня. Я уже с избытком внес свою долю высказываний в «Судзумэ-но-кумо».

И?..

У моего внука до сих пор не было видений, – сказал Киёри. – Я сказал ему – как вы сказали мне, – что у него за всю жизнь будет всего три видения. Они придут к нему во снах?

Сидзукэ прекрасно понимала, о чем на самом деле хотел спросить Киёри. Он хотел знать, будет ли она когда-либо являться Гэндзи. Поскольку ее частые и непредсказуемые явления сделали его собственную жизнь столь странной, князь от

всей души надеялся, что Гэндзи не постигнет та же самая судьба. Сидзукэ внимательно вгляделась в его лицо. Князь был туманным и полупрозрачным, нереальным и призрачным, но его беспокойство было совершенно явным и глубоко тронуло Сидзукэ. Совершенно не стоило отравлять последние часы его существования тем, чего ни он, ни она изменить не могли.

Для Киёри, как он и сказал, время текло подобно водопаду, рушащемуся с края утеса, – лишь в одну сторону. Для него, но не для Сидзукэ. Она умерла за пять сотен лет до рождения Киёри – и умрет до следующего восхода солнца. А сейчас она, живая, присутствовала здесь, чтобы позаботиться о нем в конце его жизни.

Я никогда не являлась никому из Окумити, кроме вас, – сказала Сидзукэ, солгав Киёри впервые за все те годы, что они знали друг друга, – и никогда не явлюсь впредь.

Это была вторая ложь. Но Сидзукэ правдиво ответила на незаданный вопрос князя. Она не явится Гэндзи.

Киёри перевел дух и поклонился ей.

Благодарю вас за то, что вы сказали мне об этом, госпожа Сидзукэ. Вы сняли с моих плеч огромную тяжесть. Мне удалось вести себя, как нормальный человек, но лишь благодаря тому, что я – самурай старой, ныне отжившей школы, способный делать вид, будто все не так, как на самом деле, а так, как должно быть, вопреки всем очевидным проявлениям. Гэндзи же никогда не выказывал подобных склонностей и не получил надлежащей подготовки. Он все изучает и обдумывает самостоятельно – несомненно, этот недостаток вызван тем, что он слишком много изучал поведение и образ мыслей чужеземцев, – вне зависимости от того, что об этом говорит обычай. Если вы явитесь ему, он утратит себя в бесконечной спирали сомнений, которые неизбежно породит ваше присутствие.

Сидзукэ поклонилась в ответ.

Ныне я говорю вам, князь Киёри, что вам нечего бояться. Гэндзи будет жить необыкновенно полной жизнью; ему будет сопутствовать ясность мысли и нерушимость цели. Он будет истинным самураем, и с мечом в руке поведет свой клан в битву, как в древности, и одержит победы, о которых будут говорить много поколений спустя. Его будут любить женщины несравненной красоты и великого мужества. Его потомки тоже будут героями. Пусть в вашем сердце воцарится мир, мой господин, – ваш род будет продолжаться куда дольше, чем я способна заглянуть.

Киёри опустился на колени. Плечи его задрожали, а дыхание сделалось судорожным; он разрыдался, и слезы его закапали на циновку, словно дождь во время внезапно налетевшего шквала. Честь его наследников была для него важнее собственной чести. А знание о том, что их род будет продолжаться и дальше, было важнее судьбы его непосредственных преемников. Сидзукэ сказала ему то, что он больше всего жаждал услышать.

Госпожа! – донесся из-за двери голос Аямэ. Сидзукэ тихо отошла от плачущего Киёри и выглянула из комнаты.

Да?

Аямэ ухитрилась заглянуть в комнату, прежде чем дверь закрылась. Она слышала, как ее госпожа с кем-то разговаривает. Но в комнате никого не было.

Враги начали выдвигаться в сторону замка в боевых порядках, – доложила Аямэ. – Ночная атака. Должно быть, это дело рук Го. Он всегда отличался нетерпеливостью. Через несколько минут они пойдут приступом на ворота и внешние стены. Нас слишком мало, чтобы удержать их. Кэндзи и самураи собираются устраивать ловушки

и засады во внутренних двориках и коридорах. Я вместе с другими вашими придворными дамами встречу врагов у подножия этой башни. Мы заставим их заплатить кровью за каждый шаг наверх. Но нас мало. Со временем они все же доберутся до этой комнаты. – Взгляд Аямэ метнулся от лица Сидзукэ к ее животу, а затем она с мольбой взглянула в глаза госпоже. – Вы сказали, что ваш ребенок переживет эту атаку.

Да, она ее переживет.

Госпожа, что мы должны сделать, чтобы этого добиться?

Будь такой же храброй, Аямэ, как и всегда, и делай так, как ты сказала. Заставь этих предателей умыться кровью. Верь в то, что я тебе сказала – сбудется. Вот и все.

Госпожа, у вас «посетитель»?

Сидзукэ улыбнулась.

Я думала, ты не веришь в посетителей.

Слезы заблестели на глазах у Аямэ, а потом потекли по ее совсем еще детским щекам.

Я обещаю верить во все, что вы мне скажете, моя госпожа.

Ты была мне верным и любящим другом, Аямэ. Когда я уйду, помни обо мне, а когда моя дочь подрастет, расскажи ей обо всем. Ты это сделаешь?

Да, – отозвалась Аямэ, задыхаясь от обуревающих ее чувств. Она склонила голову и умолкла, не в силах сказать более ни слова.

Сидзукэ вернулась обратно в комнату, где ее ждал князь Киёри. Он уже взял себя в руки и теперь поднес что-то к губам. Судя по тому, как были сложены его пальцы, это была миска. Суп, отравленный желчью рыбы-луны.

Тысячи голосов взвились в военном кличе и затопили собою ночь за окном.

Прошлому и будущему предстояло вот-вот встретиться в смерти.

1867 год, дворец князя Саэмона

На сегодняшнем заседании произошло кое-что очень любопытное, – сказал князь Саэмон своему управляющему. – Князь Гэндзи предложил принять новый закон.

Что, еще один? – спросил управляющий. – Он явно заразился от чужеземцев их болезненным пристрастием к созданию законов. Им нужно столько законов, потому что у них нет руководящих принципов. Гэндзи настолько стремится уподобиться им, что оказывается от традиций наших досточтимых предков.

Несомненно, ты прав. Но если даже отрешиться от этого, закон, который он предложил, чрезвычайно любопытен.

В самом деле?

Он хочет отменить установления, угнетающие отверженных. Более того, он желает запретить даже использование термина «эта».

Что? – Лицо управляющего потемнело, как будто у него мгновенно выросло давление.

Да, и заменить его термином «буракумин». «Люди деревень». Очаровательно, не так ли?

Мой господин, неужели он действительно заговорил об этом в присутствии собравшихся князей?

Да, – отозвался князь Саэмон, с удовольствием вспомнив, какой у всех сделался потрясенный вид – кроме него самого, да и то исключительно за счет его нерушимой

привычки сидеть на заседаниях с таким видом, словно он заранее все одобряет.

И что, никто не возразил?

Князя Гэйхо, Мацудайра, Фукуи и некоторые другие вышли прочь. Князь Гэндзи нажил себе нескольких новых врагов и позаботился о том, чтобы не потерять старых.

Но что могло заставить его совершить подобную глупость? Неужели он наконец-то сошел с ума?

Он сказал – и это звучало весьма убедительно, – что никакие западные страны, и в особенности самая сильная их них, Англия, никогда не примут Японию как равную, пока в ней существуют законы против отверженных. Это нарушает нечто, что чужеземцы именуют «правами». Он сказал, что англичане не уважают индусов, невзирая на их древнюю и богатую культуру, именно по этой причине.

На лице управляющего отразилось беспокойство.

Я надеюсь, вы его не поддержали?

Конечно же, нет! Я как председатель не могу принимать ничью сторону. Я просто поставил на вид, что сперва необходимо в точности уяснить мотивы чужеземцев, в особенности англичан.

Это было очень мудро с вашей стороны, мой господин

Ты занялся тем делом, которое я тебе поручал?

Да, господин. В точности установлено, что примерно пять лет назад князь Гэндзи повел отряд самураев в княжество Хино. Свидетелей самого нападения не осталось. Как бы то ни было, после ухода князя Гэндзи стоящая в удалении деревня была найдена сожженной дотла. Все ее обитатели были перебиты. Вывод напрашивается сам собою. Да, мой господин, любопытное совпадение – возможно, оно вас позабавит. Это была деревня эта.

Да, это и вправду любопытно, – согласился Саэмон. Гэндзи предлагал принять закон в пользу тех самых людей, которых не так давно резал без жалости. Это не имело смысла. И все же эти два факта были как-то связаны между собою.

Найди и распроси выживших. Ответ спрятан так хорошо, что мы не сможем даже разглядеть вопрос, не получив дополнительных сведений.

Князь Саэмон, выживших не осталось. Все до единой хижины были сожжены. На пожарище отыскивали и впоследствии захоронили сто девять трупов. Именно столько человек там и проживало.

Там были похороны.

Да, господин.

Кто-то хоронил э... – Саэмон остановился и заменил слово, которое едва не произнес, на другое, предложенное Гэндзи. – Кто-то хоронил буракумин.

Да, господин.

Это означает, что кто-то потрудился покопаться в развалинах и золе, чтобы извлечь оттуда обугленные трупы изгоев. Кто мог это сделать? Только те, для кого все это имело некое значение. Такие люди зачастую знают то, что неизвестно другим. Найди их и распроси.

Слушаюсь, господин.

Погоди. Еще одно. Мне сообщили из портовой полиции, что корабль князя Гэндзи, шлюп «Мыс Мурото», вчера утром отплыл на юг, в сторону княжества Акаока. На борту была чужеземная подруга Гэндзи, та американка, а с ней госпожа Ханako, господин Таро и отряд самураев. Кроме того, на борт подняли странный сундучок, на вид – древний, не японской работы; что в нем находится – неизвестно. Выясни, зачем

они отправились в Акаоку и что такого ценного в этом сундучке. Возможно, Гэндзи задумал предпринять в Эдо нечто опасное, и потому постарался спрятать свою чужеземную подругу в надежное место.

Быть может, он планирует возглавить восстание буракумин? – предположил управляющий.

Князь Саэмон нахмурился.

Это неподходящая тема для шуток.

Управляющий поклонился.

Да, мой господин. Я немедленно займусь делом, которое вы мне поручили.

Когда управляющий ушел, князь Саэмон вспомнил его замечание и расхохотался. Восстание буракумин! Если кто и мог задумать подобную нелепицу, так это Гэндзи. Просто поразительно, как клан, возглавляемый такими глупцами, смог просуществовать так долго. Может, они и вправду способны видеть будущее? Это все объясняло бы. Лишь столь огромное преимущество могло бы возместить их постоянные политические промахи.

Князь Саэмон снова рассмеялся.

Пророческие видения. Это было почти так же смешно, как мятеж отверженных.

Шлюп «Мыс Мурото», у южного берега острова Сикоку

Эмилия, Ханako и Таро стояли у леерного ограждения правого борта и смотрели, как шлюп огибает мыс. Низкие прибрежные холмы расступились, открывая вход в залив, и их взору открылись семь крылатых этажей замка «Воробьиная туча», парящего над поросшими лесом утесами.

Когда Эмилия впервые увидела этот замок – а это произошло вскоре после ее приезда в Японию, в 1861 году, – то была глубоко разочарована. Замок показался ей чересчур хрупким и слишком изящным. Тогда для нее слово «замок» означало массивную каменную крепость европейского типа, в точности как дворянин должен был быть рыцарем наподобие Уилфреда Айвенго. Тогда она была слепой и глупой. Теперь, прожив в Японии шесть лет, она узнала, что изящество и смертоносность прекрасно могут сопутствовать друг другу – как это и было в случае с замком «Воробьиная туча», – а рыцарь может быть не только европейским принцем, герцогом или бароном, но и самураем или даймё, здешним князем. Мы часто оказываемся слепы, столкнувшись с тем, чего не ожидаем. Эмилия была исполнена решимости при следующем таком столкновении – а она была уверена, что оно произойдет, – смотреть во все глаза.

Ханako тоже смотрела на замок, но мысли ее были отравлены тоскою. Прежде всякий раз, когда она возвращалась в Акаоку, один лишь вид этих крыш, напоминающих стаи взлетающих птиц, заставляли ее вердце взмыть к небесам. Но не сегодня. Завидев замок, Ханako невольно вернулась мыслями к свиткам, обнаруженным Эмилией. Ханako пока что прочитала мало. Эмилия советовала ей читать во время плавания, но Ханako боялась, что соленый воздух может повредить древней бумаге, и сдерживалась. Однако же, она прочитала достаточно, чтобы чувствовать тревогу, и по мере того, как они приближались к причалу, эта тревога неумолимо перерастала в страх.

«Посетитель».

В первой же строке первого свитка упоминался «посетитель», явившийся к

одному из князей древности. И это слово, использованное вместо более употребительного «гость», напомнило Ханako о том, как она в последний раз видела князя Киёри. Это было шесть лет назад, всего за несколько часов до его смерти. Тогда князь тоже принимал у себя кого-то, кого Ханako и не видела, и не слышала, хотя ясно слышала, как Киёри словно бы с кем-то разговаривает. И это слово, встреченное в свитке, напугало ее, потому что Ханako не могла избавиться от ощущения, твердящего ей, что тот посетитель, явившийся к князю древности, и незримый собеседник князя Киёри – одно и то же лицо.

Но если это и вправду так, то этот посетитель мог быть только одним человеком, имя которого не следовало произносить даже мысленно, и уж тем более – вслух, а им с Эмилией лучше было бы избегать здешних мест, а вовсе не стремиться сюда.

Все знали, что князь Киёри умер, отравившись желчью рыбы-луны, которую подлил ему в суп его сын, сошедший с ума господин Сигеру. Телохранители старого князя тут же схватили Ханako и вторую служанку, подававшую ужин. Несомненно, их бы замучали, и вполне справедливо, ибо они, пусть даже сами того не зная, сделали частью чудовищного преступления. Но прибывший господин Гэндзи приказал клановому врачу осмотреть труп. После короткого совещания новый князь объявил, что его дед скончался от сердечного приступа – вполне естественного для его почтенного возраста явления. Затем он взял Ханako к себе на службу, как того желал князь Киёри, и тем самым спас ее от подозрений и всеобщего отчуждения.

В целом, все полагали, что князь Киёри действительно был отравлен, но князь Гэндзи, желая свести скандал к минимуму, постарался избежать необходимости казнить своего дядю за убийство его отца. Кроме того, понимая, что служанки ни в чем не виноваты, и жалея их, он сочинил историю про сердечный приступ.

В течение долгого времени именно в это Ханako и верила. Но теперь, прочитав то место в свитке, она стала думать иначе. Теперь она была убеждена, что посетитель сыграл свою роль в смерти князя Киёри, и что этот дух, бессмертный и злонамеренный, до сих пор, скорее всего, таится в мире теней между реальным и нереальным, и терпеливо подкарауливает следующую жертву, кого-нибудь такого, чьи мысли и чувства сделают его уязвимым.

А у замка всегда было семь этажей? – спросила Эмилия.

Нет. Когда его захватил господин Масамунэ, отец нашего первого князя, в нем было всего два этажа.

Захватил? А я думала, что это родовой замок клана Окумити.

После этого он и стал родовым. Все ведь имеет свое начало. – И конец, подумала Ханako, но не стала говорить этого вслух. – Масамунэ достроил еще четыре этажа, а последний, седьмой, построил Хиронобу.

Так значит, самую высокую башню построил Хиронобу.

Ханako поехала. Ветер на море был слабеньким – сходным скорее с летним бризом, чем с настоящим зимним ветром. Наверное, она сделалась более чувствительной к холоду.

Таро не обращал внимания на женскую болтовню. Его мысли занимали более серьезные вещи.

Убийство.

Похищение.

Измена.

Можно ли совершить подобное и по-прежнему называть себя самураем? А если

он не сделает этого, не совершит ли он еще худшего предательства?

Таро повзрослел во время кризиса 1861 года. Князь Киёри внезапно умер, оставив княжество на своего неиспытанного внука, князя Гэндзи. Враги увидели в том непреодолимое искушение, возможность наконец-то уничтожить клан Окумити. Два старших военачальника клана, не веря в князя Гэндзи, предали его. Величайший воин княжества, сын Киёри и дядя Гэндзи, господин Сигеру, также выбрал самый неподходящий момент для того, чтобы окончательно сойти с ума. Сложившаяся ситуация не обещала ничего хорошего. Но Таро и его друг, Хидё, остались верны своей клятве, и сражались на стороне князя Гэндзи в героической битве на перевале Мие и у монастыря Мусиндо. С их помощью князь Гэндзи восторжествовал над своими врагами. Оба они получили щедрое вознаграждение, и с тех пор их престиж и благосостояние продолжали неуклонно расти. Хидё теперь был не только главой телохранителей, но еще и управляющим. Таро в свои двадцать пять сделался командиром кавалерии клана, вот уже пять сотен лет остающейся лучшей кавалерией во всей Японии.

Но имело ли все это хоть какое-то значение теперь? Чужеземцы проникли в Японию вместе со своими военными кораблями, пушками и наукой, и мир, на протяжении веков принадлежавший самураям, начал таять, словно утренний туман под солнцем. Люди Добродетели говорили, что есть всего один выход: нужно изгнать варваров и снова закрыть страну от них. И Таро все больше и больше казалось, что они правы.

Его с самого начала терзали сомнения. Он как самурай дал клятву верности князю Гэндзи. Однако же Гэндзи, самый непохожий на самурая из всех князей империи, никогда, казалось, не следовал воинскому кодексу, на котором зиждилась его собственная власть. Гэндзи недостаточно было того, что существовало с незапамятных времен. Он желал логического обоснования для действий. Логика превыше традиции. Он был совсем как чужеземец. Истинный самурай не спрашивает – почему? Он поступает так, как поступали его предки, и, не задавая вопросов, следует путем воина. Когда Таро сказал об этом, князь Гэндзи рассмеялся.

Путь воина, – сказал князь Гэндзи. – Бусидо. Неужто ты вправду думаешь, будто наши предки верили в подобную белиберду?

Таро был настолько потрясен, что у него отвисла челюсть.

Будь верен одному господину, – сказал Гэндзи, – вне зависимости от того, каким дураком или мерзавцем он себя выказал. Пожертвуй собою, своей женой, своими родителями, даже своими детьми ради чести господина. Разве на подобном зле может вырасти благородная философия? Таро, если я когда-нибудь попрошу тебя пожертвовать ради меня своим ребенком, можешь убить меня на месте. Я разрешаю.

У меня нет детей, господин.

Ну так заведи их поскорее. Мой дед говорил, что человек, не имеющий детей, не понимает ничего, что следует понимать.

Но у вас тоже нет детей, господин.

И я всерьез размышляю о том, как восполнить этот пробел. О чем это я? Ах, да, конечно же, о мести. Никогда не забывай обиды, даже самой малой, и стремись отомстить от нее – пусть даже на это уйдет жизнь десяти поколений. Это не учение наших предков, Таро. Это подделка, сфабрикованная сёгунами Токугава. Они создали эту мифологию для подстраховки, чтобы остаться у власти навсегда, чтобы никому и в голову не пришло сделать то же самое, что сделали они – принести своим господам

лживые обещания, предать наследников своих господ, действовать исключительно ради собственного возвеличения и приковать внимание всех прочих к прошлому, чтобы будущее принадлежало им одним.

Князь Гэндзи, – сказал Таро, когда к нему вернулся дар речи, – вы же знаете, что это не так. Наши досточтимые предки...

...были жестокими, безжалостными людьми, – сказал Гэндзи, – жившими в жестокие, безжалостные времена. Времена, не так уж сильно отличающиеся от наших. Их путем было не бусидо, а будо, путь войны. Будо не имеет никакого отношения к традиции. Оно имеет отношение к наибольшей эффективности. Прежде, чем мы узнали науку Запада, будо было нашей наукой. Пеший самурай уступал в эффективности конному, и потому мы стали воинами-всадниками. Длинный, прямой меч тати оказался слишком громоздким для конного боя, потому мы отказались от него и перешли к более коротким, изогнутым мечам-катана. Когда замки сделались привычным местом схваток, мы обнаружили, что для боя в помещении – который, кстати, из-за предательства зачастую вспыхивал внезапно – нужен еще более короткий меч, и потому мы стали носить наряду с катана еще и вакидзаси. А для ближнего боя – например, на тот случай, если нам потребуется заколоть кого-нибудь во время трапезы или чайной церемонии, – мы стали носить еще и кинжал танто.

Это неправда! – возмутился Таро. Слова Гэндзи настолько задели его, что он позабыл о вежливости. – Мы носим танто потому, что самурай должен быть всегда готов заколоться, если того потребует честь.

Гэндзи улыбнулся Таро, как улыбаются не очень умному, но все же любимому ребенку.

Именно этого и желали сёгуны Токугава, чтобы мы так думали, чтобы когда нам захотелось заколоть кого-то, мы закалывали бы себя, а не их.

Этот разговор состоялся как раз перед нынешней поездкой Таро.

Если мы действительно таковы, какими были наши предки, – сказал тогда Гэндзи, – то мы научимся от чужеземцев всему, чему только можно, и как можно скорее, и без колебаний и сожалений отбросим все, что мешает нашему продвижению вперед. Абсолютно все.

Таро был охвачен таким ужасом и гневом, что даже не решился заговорить. Он лишь склонил голову. Возможно, Гэндзи принял это за знак согласия. Но это не было согласием.

Разве Гэндзи не совершил предательство, куда худшее, чем то, которое замыслил Таро? Это было предательством против самого пути самурая. Гэндзи вознамерился превратить самураев в нелепое, безнравственное, лишенное чести подобие чужеземцев. Кому нужна честь, если главной ценностью объявляется выгода? Кому нужно мужество, если врагов убивают не лицом к лицу, стоя от них на расстоянии клинка, а за много миль, при помощи зловонных и шумных приспособлений?

Таро взглянул на двух женщин, которых ему было велено охранять. Он командовал лучшей кавалерией империи – но долго ли в том мире, который стремится создать князь Гэндзи, останется место для кавалерии? Ханакэ была женой его лучшего друга, Хидё, но Хидё был слеп, безрассудно предан князю Гэндзи. Эмилия была той самой чужеземкой, чье присутствие, согласно пророчеству, во время кризиса принесло клану Окумити победу, но она была всего лишь... всего лишь чужеземкой.

Настанет день...

Рука Таро не потянулась к мечу. Но мысли потянулись.

Послышался скрежет цепей, а следом – всплеск якоря, упавшего в мелкую воду. Мы дома, – сказала Ханako.

Замок «Воробьиная туча»

Таро сидел в комнате, что выходила в розовый сад, расположенный в центральном дворе замка. Служанки принесли разнообразные напитки и закуски, но Таро не удостоил их своего внимания. Он погрузился в свои мысли и позабыл про сидящего напротив него архитектора, Цуду, и вспомнил лишь тогда, когда заметил отражающийся на его лице страх. Они просидели в молчании около получаса. И в это время мысли Таро, несомненно, подчеркивали и без того свойственную его лицу свирепость.

Таро сказал – скорее для того, чтобы уменьшить страх архитектора, чем для того, чтобы сообщить ему что-либо:

Госпожа Ханako и госпожа Эмилия находятся в башне. Ты будешь ждать их здесь.

Он встал, чтобы уйти. Он поедет к мысу один и попытается привести мысли в порядок.

Да, господин Таро.

Цуда изо всех сил пытался уловить хоть малейший намек на то, чем же вызвана эта встреча, но не преуспел. Благородные дамы и господин Таро, сопровождаемые отрядом самураев, приплыли сегодня утром из Эдо, без предупреждения. Вполне естественно, что первой реакцией Цуды был малодушный страх. Какие причины могли заставить такого высокопоставленного господина как Таро явиться сюда столь внезапно? А то, что вместе с ним приплыли самураи, двадцать человек – свирепых, лишенных малейшего чувства юмора, – заставили Цуду представить широкий перечень наказаний, вплоть до казни. Возможно, князь Гэндзи недоволен недостаточной скоростью строительства, или его увеличивающейся стоимостью, или даже самим проектом – хотя проект был лично им одобрен. Князья всегда были чрезвычайно переменчивы, а когда у них меняется мнение или настроение, последствия всегда приходится расхлебывать кому-то другому. Таро же не рвался ничего сообщать. Хотя самовольно начинать разговор с кем-либо из знатных господ было делом рискованным, Цуда счел за лучшее все-таки предпринять попытку: вдруг да удастся хоть что-то уяснить?

А что, мой господин, князь Гэндзи предвидит перестройку башни? – спросил Цуда.

Таро нахмурился. Это еще что за дерзость?

Зачем это ему?

Яростный взгляд господина самурая вконец сокрушил и без того натянутые нервы Цуды. Архитектор залепетал:

Я подумал, возможно, госпожа Ханako и госпожа Эмилия направились в башню именно поэтому, мой господин, ведь проект нынешнего строительства был вдохновлен госпожой Эмилией...

Следовательно... следовательно – что? Нижнее белье Цуды внезапно промокло от горячего пота. Во всяком случае, Цуда очень надеялся, что это пот. У мочи куда более заметный запах, и если это все-таки моча, если она вдруг просочится на циновку – сострадательный бодхисатва, защити меня! И зачем я только заговорил? Он уже

собирался уйти, а я, как последний дурак, заговорил! Мысли его смешались, и слова не могли найти путь наружу. Цуда почувствовал, как слезы наворачиваются ему на глаза. Еще мгновение, и он безудержно разрыдается, и навлечет на себя подозрения – если он еще этого не сделал, – а это повлечет за собой допрос, жестокий допрос, с применением самых мучительных пыток!

Сознаться! Сознаться немедленно и молить о милосердии! Там же всего лишь одно рё! Ну, может, чуть больше – но точно не больше двух рё! Он все возместит! Как ему только в голову пришло запросить завышенную цену с князя Гэндзи? Он, должно быть, выжил из ума. Если князь не присутствует при строительстве, это еще не значит, что княжеские соглядатаи не надзирают за его ходом. Сознаться немедленно!

Ты слишком много думаешь, Цуда, – сказал Таро. – Думай, когда тебе прикажут думать. А в остальное время делай то, что тебе сказали. Госпожа Ханako и госпожа Эмилия хотят задать тебе вопросы. Ты на них ответишь. Это все. Ты понял?

Цуда прижался лицом к циновке. Чтобы поклониться еще ниже, ему пришлось бы продавить плетеную солому лбом. Его затопило столь безграничное облегчение, что над ним определенно нависла опасность рефлекторно обмочиться, даже если этого еще и не произошло до сих пор.

Благодарю вас, господин Таро, – сказал Цуда. – Я чрезвычайно вам благодарен. Я непременно так и сделаю.

Он поднял голову с пола лишь после того, как Таро давно уже ушел.

Пока архитектор дожидался двух благородных дам, он уже более спокойно поразмыслил о своей реакции. Он пришел к выводу, что не сделал ничего дурного, хотя с формальной точки зрения он совершил мошенничество, каковое, как и всякое преступление против князя, каралось пытками и смертью. Но разве на самом деле он виноват, что его вынудили согласиться на смехотворно низкую цену? Его же буквально заставили красть, чтобы получить хотя бы умеренную прибыль! Было ли дурно, что он испытал столь чудовищный страх, или все же было дурно, что его вынуждают испытывать этот страх из-за нестерпимой власти князей в частности и самураев в целом? Как Япония сможет вырваться из тисков отсталости, в которой она погрязла, если это зло будет существовать и дальше? Самураи всегда обосновывали свою особую роль тем, что они защищают империю. Но разве прибытие могущественных чужеземцев, случившееся десять лет назад, не показало лживость этого утверждения? Все эти великие воины не смогли прогнать даже голландцев или португальцев, хотя они, насколько мог понять Цуда, были жителями очень маленьких европейских стран. А перед по-настоящему могущественными державами, такими как Англия, Франция, Россия и Америка, они трепетали и тряслись, словно кусты в бурю. Самураи определенно изжили себя, с них больше не было никакой пользы. Но как от них избавиться – вот вопрос. Они обладали исключительным правом на оружие. Или, точнее говоря, они обладали исключительным правом убивать безнаказанно.

У Цуды и у самого было оружие, очень современное оружие, оружие, куда более смертоносное, чем меч, оружие, которое позволит ему, если он того захочет, убить самурая прежде, чем тот подойдет к нему достаточно близко, чтобы хотя бы попытаться дотянуться до него своим древним, устаревшим мечом – американский револьвер «кольт» сорок четвертого калибра, шестизарядный, с шестью смертоносными пулями! Конечно же, Цуда не держал револьвер при себе. Он был дома, лежал под полом, в стальном голландском сейфе. Но даже если бы револьвер был у него с собой, хватило бы у него мужества достать его, направить на кого-нибудь

вроде господина Таро и выстрелить? Стоило Цуде лишь представить себе эту сцену, как его кишечник тут же ответил угрозой опорожниться.

Нет-нет-нет! Мочу еще можно принять за пот, если Цуда и в самом деле, как он того опасался, ранее обмочился. Но фекалии? Их не спутаешь ни с чем! Его же смешают с грязью за то, что он наложил в штаны, находясь в замке князя! Это же будет не только физически унижительно – он поставит себя в потрясающе неловкое положение!

Чтобы удержать все свое внутри, Цуда решительно переключился мыслями на деньги – единственную вещь, мысли о которой делали его сильнее. Торговцы и банкиры владели деньгами, значение которых все более возрастало. Цуда – одновременно и торговец, и банкир – чрезвычайно хорошо устроился в этом отношении. Он – могущественный человек, а вовсе не слабый. Деньги сильнее меча.

Но действительно ли это так? Меч со столь острым лезвием, что одного его касания довольно...

О, мистер Цуда! – сказала госпожа Эмилия. – Рада вас видеть.

Госпожа Эмилия! – отозвался Цуда, вернувшись от своих мыслей к действительности. – Ваш японский язык становится все лучше при каждой нашей встрече. Должно быть, вы изучаете его с большим усердием.

Цуда мысленно содрогнулся. На лице его ничего не отразилось; на нем была написана неизменная вежливость и готовность услужить. Цуда много лет трудился, вырабатывая эту маску, которая, как он успел убедиться, привлекала наименьшее количество нареканий, и потому была самой безопасной для ведения дел с самураями. А содрогнулся он потому, что понял: он снова сказал нечто такое, чего говорить не следовало. Он своим высказыванием намекнул, что Эмилии нужно прилагать усилия, чтобы говорить по-японски хорошо. Несомненно, это было правдой – но правдой неуместной.

Нет, ну что за глупец?! Он оскорбил Эмилию – то есть, надо говорить, госпожу Эмилию, поскольку по каким-то тайным причинам, всецело сокрытым от Цуды, об данной конкретной чужеземной женщине всегда говорили с почтением, и если бы он, Цуда, действительно понимал, что ему на пользу, он даже мысленно никогда бы не назвал эту женщину иначе как госпожей, – а оскорбить ее означало оскорбить ее покровителя, Окумити-но-ками Гэндзи, князя Акаоки, человека, обладающего безграничной властью над жизнью и смертью всякого, кто обитал в этом княжестве! Да что же он за дурак такой, а? На самом деле, госпожа Эмилия действительно теперь говорила по-японски очень хорошо – по правде говоря, куда лучше, чем многие японцы из удаленных, глухих районов. Там многие вообще говорили на диалектах, мало чем отличающихся от иностранного языка. Цуда лихорадочно пытался придумать что-нибудь такое, что помогло бы ему загладить промах, но тут заговорила госпожа Ханako.

Где господин Таро? – спросила она.

Он удалился некоторое время назад, – ответил Цуда. Ханako, вопреки своему обыкновению, не была веселой и бодрой. На ее лице явственно отражалось беспокойство, а когда она упомянула Таро, глаза ее сузились.

Неужто здесь затевается какой-то заговор? Цуда снова занервничал. Если здесь и вправду затевается заговор, все равно какой, то ему, Цуде, грозит серьезная – если не смертельная – опасность. Если хотя бы часть заговора осуществится, пока гости здесь, в замке, подозрения падут на всех вокруг. А вслед за этим неизбежно последуют

пытки и казни. И невиновность никому не поможет, точно так же, как не помогает правда.

О, нет! И это тогда, когда дела наконец-то пошли на лад! Разве он не был безоговорочно верен – князю Гэндзи, господину Таро и влиятельному господину Хидё, супругу госпожи Ханako? Неважно, кто из них одержит верх в этой паутине заговоров, и кто потерпит поражение – если и вправду кто-то из них к заговору причастен, чего, конечно же, Цуда не мог знать в точности, – он-то точно ни в чем не виновен! Однако же это именно его искалеченное тело насадят на кол. Это он будет умирать в мучениях, исходя криком. Всех членов его семейства тоже казнят, а все его имущество конфискуют. Что за несправедливость! Есть ли предел жестокой, безграничной алчности самураев?

Спасибо, что пришли повидаться с нами, – сказала госпожа Эмилия. – Я уверена, что вы очень загружены делами строительства.

Я никогда не буду настолько загружен, чтобы не быть к вашим услугам, госпожа Эмилия. И, конечно же, к вашим, госпожа Ханako. Если, конечно, я действительно могу оказать вам услугу, вам достаточно...

Спасибо, Цуда, – оборвала его Ханako. Она знала, что архитектор будет говорить и говорить ни о чем, если она его не остановит. Все простолюдины делались угодливы в присутствии знати, но угодливее всех держались те, кто имел дело с деньгами, как тот же Цуда. Причина этого крылась в том, что почти все самураи и значительная часть князей погрязла в долгах, и князья время от времени избавлялись от долга, под тем или иным предлогом избавившись от соответствующих торговцев и ростовщиков. Даже сёгун, и тот неоднократно это проделывал.

Нервозность Цуды усиливал еще и тот факт, что он подтасовывал счета таким образом, что стоимость происходивших под его руководством работ возросла примерно на десять процентов. Несчастный бедолага понятия не имел о том, что в силу сложной расстановки поверенных, уполномоченных, доверенных лиц и тому подобного, он был не главным владельцем своего банка, а скорее чем-то наподобие управляющего. Настоящим же хозяином был, конечно, князь Гэндзи. Благодаря предкам-провидцам, клан Окумити уразумел роль денег давным-давно, когда другие кланы все еще мыслили категориями рисовых полей как мерила богатства.

Ханako знала об этом, потому что князь Гэндзи поручил ей помогать господину управляющему содержать в порядке финансовые дела клана, и она занималась этим вот уже пять лет.

Она сказала:

Мы не станем отнимать у вас ваше драгоценное время сверх необходимого. Всего лишь несколько вопросов, касательно сундучка со свитками, который недавно прислали госпоже Эмилии в Эдо.

Да-да, госпожа Ханako, госпожа Эмилия. – Цуда поклонился обоим женщинам по очереди, поскольку был не вполне уверен, к кому же ему следует обращаться. – Я надеюсь, он дошел в точности таким же, каким я его обнаружил – то есть, закрытым?

С одной стороны, говорила с ним сейчас госпожа Ханako. С другой, вопросы определенно исходили от госпожи Эмилии. Кроме того, следовало считаться еще и с тем, что госпожа Ханako была подлинной японской благородной дамой, женой старшего военачальника клана – человека чрезвычайно мрачного и наводящего страх, даже более устрашающего, чем господин Таро, – а госпожа Эмилия, хоть ее и величали «госпожой», тем не менее являлась чужеземкой – неоспоримый факт. Но, с

другой стороны, нужно было учитывать и еще один факт: госпожа Эмилия была близким другом князя – возможно, ближайшим из близких, если верить слухам, к которым он, конечно же, не питал ни малейшего доверия и не позволял себе по этому поводу никаких неподобающих мыслей...

Мы хотим знать, где именно в замке нашли этот сундучок, – сказала Эмилия.

О, прошу меня простить, если мое сопроводительное письмо или мой посланец вызвали у вас впечатление, что сундучок нашли в замке. На самом деле, он был найден в чрезвычайно любопытном месте и очень странным способом.

Госпожи многозначительно переглянулись. Но что скрывалось за этими многозначительными взглядами, Цуда не понял. Ну да ничего, об этом он поразмыслит потом, когда у него будет время обдумать эту встречу на досуге.

Или, быть может, мне следовало бы сказать – в самом благоприятном месте и самым уместным способом.

Где его нашли? – спросила Ханako.

Цуда с трудом поспевал за госпожами. Он не привык ездить верхом. Хотя он мог себе позволить купить и содержать коня – или десять, если уж на то пошло, – он редко на него садился. Ему не хотелось выглядеть чересчур самоуверенным. Традиционно верхом ездили только самураи, и никогда – крестьяне, а самураи этого княжества на протяжении столетий славились своим искусством конного боя. Цуда прекрасно понимал, какую горечь испытает самурай – особенно пеший, – завидев его на коне, а если случится так, что этот конкретный самурай окажется его должником, то его горечь с легкостью может перерасти в смертоносную ярость. Было и еще одно обыденное соображение, сопряженное не столько со страхом, сколько с утомительной обязанностью. Всякий раз, когда Цуде довелось бы проезжать мимо самурая, он был бы обязан сойти с коня и поклониться, поскольку он не имел права физически находиться выше того, кто стоял выше него на социальной лестнице. Если же он и так уже стоял на земле, кланяться было куда проще.

Обе госпожи переоделись в широкие брюки-хакама и уселись в седла на манер самураев, а не боком, как ездили придворные дамы. Выехав за ворота замка, они обнаружили, что там их уже поджидает господин Таро и несколько самураев, вознамерившиеся сопровождать их. Откуда господин Таро узнал, что они покидают замок? Цуда понятия не имел. Свойственная самураям манера предвосхищать события здорово действовала ему на нервы.

Когда они приблизились к месту стройки на холме над Яблонево́й долиной, Цуду снова бросило в пот. Но на сей раз это его не беспокоило. Если даже одежда подмокнет, он всегда сможет свалить все на лошадь. Лошади – по природе своей потеющие, дурно пахнущие животные. Но вдруг господа усмотрят какой-то недостаток в его работе? Вдруг решат, что стройка недостаточно далеко продвинулась? Что он строит не на том месте? Что постройка неверно ориентирована по сторонам света? Может, он неправильно прочел чертежи? Может, срубил слишком много деревьев? Или слишком мало?

Какой-то самурай галопом подскакал к Цуде и грубо сказал:

Эй, ты! Хватит ползти! Ты попусту растрачиваешь время вышестоящих!

Судя по его виду, он охотно срубил бы голову Цуде, не сходя с места.

Да, господин, прошу прощения, господин, я не привык ездить верхом, низшим не подобает ездить на лошадях...

Самурай схватил поводья лошади Цуды, пнул ее так, что она пустилась вскачь, и повел туда, где их ждали остальные члены отряда. К тому моменту, как они туда добрались, Цуда был уверен, что его мужские органы настолько пострадали от битья об жесткое седло, что ему никогда больше не удастся сойтись с гейшей.

Слезай, – приказал Таро. – Покажи госпоже Ханako и госпоже Эмили, где именно ты обнаружил сундучок.

Слушаюсь, господин Таро, – отозвался Цуда и почти что свалился с седла, так он спешил выполнить приказание. Зачем от только ухватился за этот подряд? Пусть бы за него брался кто-нибудь другой! Пусть бы кто-нибудь другой рисковал своей шкурой! А теперь ему приходится рисковать самому. – Мы начали работы три недели назад, – сказал он.

Ну так мы начнем копать, мистер Цуда? – спросил работник. Он и еще сотня человек с лопатами, кирками и прочими инструментами уже почти час ожидали, пока архитектор подаст сигнал начинать. К чему эта задержка? Чего он стоит на вершине холма, будто в трансе? Они же пришли сюда строить, а не исполнять религиозные ритуалы.

Цуда слышал нетерпение, звучащее в голосе работника. Оно было вполне понятным. Работник был невежественным крестьянином, не понимающим мистической ценности фэн шуй, искусства направления и местоположения, без которого архитектор и не архитектор вовсе, а так, ремесленник, складывающий куски дерева и камня. Кроме того, поскольку работникам платят за то, что они реально сделают, а не за стояние столбом, то неудивительно, что им не терпится начать. Однако же, у него было более высокое призвание. Место, с которого будет вынута первая лопата земли, определит всю дальнейшую судьбу здания, а тем самым и тех, кто будет им пользоваться, и тех, кто его строит. Стоит промахнуться всего лишь на шаг, и вместо удачи обретишь одни несчастья.

Из множества зданий, которые Цуда спроектировал и построил за свою десятилетнюю карьеру, ни одно не причинило ни малейшего вреда своим владельцам и обитателям. На самом деле, о двух из них – о некоем доме гейш в Кобэ и о заново восстановленном дворце князя Гэндзи в Эдо – даже поговаривали, будто они приносят удачу. Дом гейш за последние годы приобрел немалую известность, и, как утверждалось, принялся даже соперничать с лучшими домами Эдо и Киото. Конечно же, это было чрезмерным преувеличением. Однако же, уже сам тот факт, что люди утверждают подобное, был огромной честью. Да и князь Гэндзи, хоть у него и было больше политических врагов, чем союзников, и хоть его прозвали Чужеземным князем, после восстановления дворца стал доверенным лицом императорского двора в Киото и уважаемым членом сёгунского Совета примирения.

Цуда отнюдь не намерен был утверждать, будто этот результат как-либо зависел от него. Однако же, князь Гэндзи по крайней мере признал, что в этом что-то есть, поскольку отдал Цуде контракт на постройку «молельни», молельни на манер христианского храма. Цуда трудился над его проектом вместе с чужеземной подружкой князя, госпожой Эмилией. Цуде казалось, что проект получился излишне жесткий, с неподвижно закрепленными рядами сидений из твердой древесины, со вторым, приподнятым на высоту уровнем впереди, для исполнителей религиозных песнопений, именуемых «хор», и с возвышением сбоку – очевидно, на нем должен стоять священник и обращаться к собравшимся верующим. Еще там был колокол, как в

буддийском храме, но здесь он висел на специальной башне для колокола, и вместо того, чтобы жрец почтительно бил по нему освященным деревянным молотком, в него нужно было звонить, дергая за подвешенную снизу веревку. Звон производил стальной молоток, подвешенный внутри самого колокола, – когда за веревку дергали, он наобум, вслепую колотился об стенки колокола.

Пока мы начнем, уже и время обедать подойдет, – пробурчал один из работников.

Цуда поднял руку, требуя тишины. Он не собирался спешить. Возможно, он не самурай, но он относится к своей работе так же серьезно, как они – к своей. Он целую неделю приходил сюда на восходе и на закате солнца, для медитаций. Дома он советовался с «И-Цзин», «Книгой перемен», гадая и при помощи палочки из тысячелистника, и при помощи монеты. Сегодня ему следовало совершить последний шаг. Отринуть все предубеждения, страхи и желания, открыться неотъемлемой сущности этого места и вынуть первую лопату земли. И в этот самый миг ветер слегка изменился. Запах океана сменился благоуханием цветущих яблонь. Цуда вдохнул этот аромат. А когда он выдохнул, то открыл глаза и вонзил лопату в землю.

И лопата тут же ударилась обо что-то твердое, скрытое землей.

На самом деле, лопата расколола крышку внешнего ящика, – сказал Цуда. – Но этот ящик послужил защитой другому, лежавшему внутри – тому, с изящным рисунком на крышке. Я надеюсь, он попал к вам в целости и сохранности, каким я его нашел?

Цуда слышал, что госпожа Эмилия подвержена внезапным частым обморокам, потому его не удивило, что она вдруг побледнела. А вот бледность, залившая лицо госпожи Ханako, удивила.

Госпожа Ханako спросила:

Почему вы решили отослать этот сундучок прямо госпоже Эмилии?

Я не осмелился бы принять подобное решение, – сказал Цуда. – Поскольку, судя по размеру и весу сундучка, можно было предположить, что в нем содержатся скорее рукописи, нежели какие-то вещи, и зная, что князь Гэндзи повелел перевести историю клана на английский язык...

Тихо! – прикрикнул на него Таро. – Отвечай на вопрос. Почему ты отослал сундучок госпоже Эмилии?

Я этого не делал, господин Таро. – Цудо невольно принялся дрожать, так, что его одежда затрепетала, словно на ветру. – Я совершенно четко приказал моему гонцу доставить сундучок непосредственно князю Гэндзи. Если он поступил иначе, я должен...

Таро пришел в ярость.

Ты послал сундучок князю Гэндзи?! Почему ты не отдал его начальнику стражи замка? Исполнить следующий шаг было его обязанностью, а вовсе не твоей!

Цуда с такой силой вжался лбом в грядь стройплощадки, что у него чуть не свело судорогой мышцы спины.

Князь Гэндзи лично повелел мне связываться непосредственно с ним по всем вопросам, сопряженным с постройкой молельни.

Ты меня что, за дурака считаешь? – Рука Таро потянулась к мечу. – С каких это пор князья позволяют простолюдинам обращаться к ним напрямую?

Прошу прощения, господин Таро, – вмешалась госпожа Эмилия. – Мистер Цуда совершенно прав. Я сама присутствовала при том разговоре.

Слова госпожи Эмилии прозвучали для ушей Цуды сладчайшей музыкой, наилучшим японским языком, каким он только слышал – и демон с ним, с американским акцентом! Эта женщина только что спасла ему жизнь! Он отныне обязан ей по гроб жизни.

Не мог же он нарушить прямой приказ князя, – добавила госпожа Эмилия.

Таро что-то проворчал, убрал ладонь с рукояти меча и сказал:

Где этот гонец? Пошли за ним.

Через несколько минут гонец рухнул в грязь перед Таро; он успел обильно вспотеть – так он мчался сюда на вызов.

Почему ты отнес сундучок в покои госпожи Эмилии? – спросил его Таро.

Я этого не делал, господин Таро, – сказал гонец. – Я отдал его князю Гэндзи, как мне и приказал мистер Цуда. Князь Гэндзи открыл сундучок, посмотрел, что в нем лежит, и велел мне отнести его в кабинет госпожи Эмилии.

А что в нем лежало? – спросил Таро.

Я не знаю, господин Таро, – ответил гонец. – Я лежал ниц все то время, пока находился в присутствии князя Гэндзи. Я слышал, как он поднял крышку сундучка. Князь Гэндзи сказал, что там свитки, и я услышал, как крышка захлопнулась. Князь Гэндзи приказал мне отнести сундучок в кабинет госпожи Эмилии. Я повиновался. Это все.

Можешь идти, – бросил ему Таро. Повернувшись к госпоже Эмилии, он сказал: – У вас будут еще какие-нибудь вопросы к Цуде?

Нет, – сказала Эмилия. – К мистеру Цуде – никаких.

Цуда перевел дыхание – неслышно, естественно, – и решил, что он и вправду очень удачливый человек.

ЧАСТЬ II

Наверху и внизу

ГЛАВА 4

Настоятельница Мусиндо

Верность, ведущая к самопожертвованию, считается наивысшим идеалом самураев. Причины этого нетрудно понять. Великодушные могли бы сказать, что это происходит из-за того, что желаемое принимают за действительное. Другие могли бы выразиться и более резко.

Подлинная история кланов империи написана кровью предательств. Однако же, если прочесть то, что было увековечено, то можно подумать, будто великие герои легенд вновь и вновь возвращаются к жизни.

Так стоит ли удивляться тому, что те, кто возрастает на лжи, сами становятся лжецами?

“Аки-но-хаси”. (1311)

1882 год, монастырь Мусиндо в горах к западу от Эдо

Преподобная настоятельница Мусиндо, Дзинтоку, уселась на возвышении в главном зале для медитаций. Она низко поклонилась гостям, которых ввели в зал две молодые женщины, одетые как буддийские монахини давних времен; головы их были покрыты капюшонами из грубой коричневой ткани, такой же, из которой были пошиты рясы. Преподобная настоятельница была одета точно так же; она отвергала наряды из более дорогого и более удобного шелка, который полагался бы ей по рангу. Она и ее помощницы носили капюшоны потому, что не брили голову налысо, как это обычно было принято у буддийских монахинь. Преподобная настоятельница обнаружила, что монахини с длинными, блестящими, красивыми волосами получали куда меньше пожертвований, чем те, которые выглядели более бедными и смиренными. Поскольку настоятельница не желала брить голову, то она не могла требовать этого и от остальных. Вся ее методика сводилась к тому, чтобы вдохновлять последовательниц своим примером. Это был единственный способ добиться нравственной подлинности, а ее авторитет в монастыре Мусиндо базировался главным образом именно на нравственной достоверности.

Сегодня у них было сорок гостей, вчера – сорок один, позавчера – тридцать семь. Женские наряды представляли собою, как ныне было принято в городах, смесь западных и японских деталей: кимоно в сочетании с английскими шляпками и французскими туфельками, и время от времени – еще и жакет американского покроя в качестве верхней одежды. Мужчины склонны были придерживаться одной тенденции, либо одеваться чисто по-западному, от шляпы до ботинок, либо исключительно по-японски, в кимоно и деревянные сандалии. Никто больше не забирал волосы в хвост, и никто не ходил с мечами. И то, и другое находилось под запретом. А если бы и не запрет, кто стал бы их носить? Самураев больше не было, а носить мечи прежде дозволялось лишь самураям.

Поток посетителей неуклонно возрастал последние три года, с того момента, как настоятельнице пришлось в голову устраивать экскурсии в храм. За это ей следовало поблагодарить новое императорское правительство. Посетителей становилось все больше благодаря увеличивающемуся интересу к древним японским традициям; увеличение интереса шло параллельно с интенсивной правительственной кампанией модернизации. Это было не настолько странным, как казалось на первый взгляд. Хотя модернизация означала принятие западных методов и образа действия в промышленности, науке, войне, политике и одежде, она сопровождалась не менее энергичной кампанией по сохранению старинных культурных традиций. “Западная наука, восточная добродетель”. Таков был официальный лозунг. Но кто мог точно сказать, что именно из себя представляет восточная добродетель?

Преподобная настоятельница испытывала на этот счет определенные сомнения. Традиции, навязанные режимом сёгунов Токугава, ныне лишившимся доверия и свергнутым, никак не могли быть подлинными. Если верить новому правительству, сёгуны на двести пятьдесят лет остановили развитие общества и внедряли разнообразные двуличные выдумки, дабы утвердить свою власть и грабить, бросать в тюрьму, мучать, порабощать, ссылать, убивать и всячески угнетать и запугивать всех, кто им противостоял – тактика, от которой нынешнее правительство, если верить его утверждениям, целиком и полностью отказалось. Конечно же, не следовало бездумно

отвергать все обычаи и манеры той эпохи, поскольку некоторые из них были подлинными и глубоко чтимыми традициями, идущими из прошлого – сёгуны лишь присвоили и использовали их. Так что новое правительство не только заключало договоры, создавало армию и флот, конфисковывало земли и имущество клана Токугава и лихорадочно писало новые законы, которые соответствовали бы представлению западных стран о реформах, но еще и определяло, что традиционно, а что нет. И в официальных заявлениях регулярно повторялись две формулировки.

“Испокон веков...”

“Со времен незапамятных...”

Преподобная настоятельница достаточно знала о лжи, чтобы распознать слова, призванные скорее скрыть что-то, чем разъяснить. Она подозревала, что речь идет скорее о вымысле, чем о сохранении. Ведь намного проще добиться согласия, цитируя мудрецов древности, чем убедить людей рискнуть и принять новшества. И тем не менее настоятельница была признательна правительству за то, что монастырь Мусиндо оказался включен в список Национальных исторических памятников.

Уважаемые гости, – сказала настоятельница, – мы почтительно благодарим вас за то, что вы дали себе труд навестить наш уединенный и скромный храм.

Хоть Мусиндо и вправду был скромн, уединенным он уже не был. Через лежащую внизу долину протянулась новая дорога, соединяющая побережье Тихого океана с Японским морем. На самом деле, теперь добраться до этого храма было довольно легко, но необходимость покинуть город вызывала ощущение паломничества, отсутствовавшее при посещении какого-нибудь из более знаменитых городских храмов. Учитывая предназначение Мусиндо, это было скорее преимуществом. А потому настоятельница считала, что не вредно будет лишний раз намекнуть на уединение.

Мир вокруг нас изменяется стремительно и неумолимо. Мы же здесь живем в точности так же, как ушедшие от мира обитатели Мусиндо жили шесть столетий назад, следуя Пути Будды.

Строго говоря, Мусиндо не был заселен монахами непрерывно на протяжении этих шести веков, но настоятельница не считала эту подробность значительной. Где однажды был храм, там всегда будет храм.

В завершение экскурсии вы можете, если пожелаете, присоединиться к монахиням за их дневной трапезой. Это очень простая трапеза, состоящая из овсяной каши, соевой похлебки и маринованных овощей.

На самом деле, эта трапеза ничем особо не отличалась от того, чем большинство присутствующих питалось еще недавно, когда они, по большей части, были крестьянами, не имеющими ни прав, ни собственности, ни родового имени. Быстрые перемены влекут за собой короткую память.

Вас разделят на две группы. Первая сперва осмотрит храм, затем – территорию монастыря, вторая пройдет в обратной последовательности. – Настоятельница снова поклонилась. – Желая вам приятно провести время. Если у кого-нибудь возникнут

вопросы – спрашивайте, не стесняйтесь.

Настоятельница подождала, пока гости покинут зал для медитаций, чтобы приступить к экскурсии, а затем встала и прошла в обособленный уголок, приютившийся у восточной стены монастыря. Это было единственное в Мусиндо место, где духовная практика длилась непрерывно, – и единственное, куда не водили экскурсии. Настоятельница почтительно поклонилась в воротах, прежде чем пройти на отгороженную территорию смотрителя.

Как всегда в это время дня, он возился в огороде. Настоятельница мысленно называла его святым – сперва в шутку, а затем, к собственному удивлению, и вполне серьезно. Святой был очень предсказуем. Он следовал, без малейших отклонений и пропусков, распорядку, установленному более двадцати лет назад чужеземным монахом по имени Джимбо.

Шесть часов медитации до рассвета, затем чаша овсянки и какой-нибудь маринованный овощ – вот и все его пропитание в течение дня. Как столь крупный человек мог прожить на столь малой порции пищи, оставалось загадкой. И тем не менее, ему это удавалось. Остальную часть утра он, как вот сейчас, проводил в огороде: выпалывал сорняки, осторожно выбирая насекомых, чтобы не повредить им, подметал опавшие листья и, кланяясь им, складывал их в компостную кучу, и собирал овощи для еды и заготовки впрок. После двух часов полуденной медитации святой принимался убирать остальную территорию монастыря и, когда требовалось, чинить здания, ограду или дорожки. Затем, перед вечерним омовением он выходил к наружным воротам монастыря и раздавал леденцы и сладкие лепешки детям из соседней деревни, Яманака, у которых пользовался большой любовью. Их, по всей вероятности, поражало, что такой огромный человек может быть таким терпеливым и добрым.

Он был терпелив и добр с детьми, потому что Джимбо был терпелив и добр с ними, а он следовал примеру Джимбо во всем. Но Джимбо не готовил ни леденцы, ни сладкие лепешки. Святой каким-то образом научился этому искусству за время своих скитаний, двадцать лет назад. Это было еще до того, как он стал святым, настоятельница – настоятельницей, заброшенный монастырь Мусиндо вновь начал действовать, а князя западной Японии свергли сёгуна Токугава.

Твой огород прекрасен, – сказала настоятельница. Она всегда разговаривала с ним, как только выдавался удобный случай, скорее по привычке, чем потому, что ожидала, что он ответит как-нибудь иначе, не так, как всегда. – Прекрасно, что овощи и цветы могут цвести и разрастаться, когда ты так осторожно убираешь с них насекомых.

Смотрительно поднял голову и улыбнулся, или, точнее сказать, заулыбался еще шире, потому что улыбался он почти непрерывно. А затем он произнес одно из двух слов, составлявших весь его словарь.

Кими, – сказал он.

1861 год, монастырь Мусиндо

Деревенские дети наблюдали за происходящим из леса. Их родители строго-настрого велели им держаться подальше от сотен сёгунских мушкетеров, занявших монастырь Мусиндо. Это был разумный совет, поскольку когда самураи принимаются сражаться друг с дружкой, всегда умирают ни в чем не повинные люди,

которых угораздило очутиться рядом, – а тут явно назревала драка. Кими, конечно же, вовсе не собиралась пропускать приближающееся эффектное зрелище. Хотя она была девчонкой, и далеко не самой старшей из детей – ей сравнялось всего восемь, – ум и энергичность сделали ее заводилой. И кроме того, она была единственной, кого Горо слушался всегда. Горо, сын деревенской дурочки, был великаном. Он никогда не хотел никому ничего плохого. Но из-за того, что он был таким большим и таким сильным, он мог непреднамеренно причинить вред людям, и иногда действительно причинял. И дети заметили, что это происходит лишь тогда, когда Кими нету поблизости. Наверняка это было всего лишь совпадением. Но дети, самые суеверные из всех человеческих существ, верили, что она обладает особым даром умиротворять Горо. И эта репутация пристала к ней на всю жизнь.

Горо был крупнее любого жителя деревни, и даже крупнее, чем чужеземец, который пришел жить в монастырь и стал монахом, учеником старого настоятеля Дзенгена. До появления чужеземца старый Дзенген был единственным обитателем Мусиндо. До того, как чужеземец стал учеником старого Дзенгена, у него было совершенно непроизносимое имя. Затем он начал называть себя Джимбо. Это уже было нетрудно выговорить. Даже Горо, который до этого не произносил ни одного внятного слова, мог выговорить это имя – что и делал, причем непрерывно.

Джимбо, Джимбо, Джимбо, Джимбо, Джимбо, Джимбо, Джимбо...

Горо, заткнись! – говорили ему остальные дети. – Он знает, кто он такой, и уж точно знает, что ты здесь.

Джимбо, Джимбо, Джимбо...

Горо твердил это снова и снова. Это не докучало одному лишь Джимбо. Джимбо вообще ничего не докучало. Хоть он и был чужеземцем, он все же был истинным последователем Пути Будды.

Горо, хватит, – говорила Кими. – Дай же и другим что-нибудь сказать.

Джимбо, – говорил Горо в последний раз и умолкал. Во всяком случае, на какое-то время.

Когда пришли мушкетеры, Джимбо ушел в горы, и к моменту появления князя Гэндзи еще не вернулся.

Оказалось, что солдаты сёгуна поджидали князя Гэндзи. Его небольшой отряд самураев попал в засаду и был окружен. Те, кто попытался найти убежище в монастыре, погибли от взрыва спрятанного там пороха. В сторону людей Гэндзи было выпущено столько пуль, что мертвые лошади, за которыми они укрывались, оказались превращены в сплошное месиво изорванной плоти. Под конец же, когда прибывшие союзники князя уничтожили врагов, горстка выживших с головы до ног была измазана в крови, лошадиной и людской.

Джимбо не было еще несколько дней после битвы, а когда он вернулся, дети не узнали его. Они увидели чужеземца, одетого наподобие одного из спутников князя Гэндзи, человека, который вместо мечей носил за поясом пистолеты, и который, неистовствуя, словно демон из кошмарнейшей преисподней, убил множество человек – из своих пистолетов, при помощи мечей, которые он отобрал у тех, кого превратил в трупы, и просто голыми, окровавленными руками.

Дети в страхе бежали от него. Все, кроме Горо.

Джимбо, Джимбо, Джимбо! – сказал он и помчался к чужеземцу.

Кими увидела, что Горо прав. Этот чужеземец и вправду был Джимбо. Он сбросил рясу дзенского монаха, которую надел, когда стал учеником старого Дзенгена,

и теперь был одет в тот же самый наряд, что был на нем, когда он впервые явился в деревню. За поясом у него был револьвер, а в руках он держал длинное оружие с двумя стволами.

Зачем ты так оделся? – спросила его Кими.

Мне нужно сделать кое-что такое, чего в другой одежде не сделаешь, – сказал Джимбо, глядя на развалины монастыря. Несколько дней спустя все они узнали, что именно он считал должным сделать.

Другой чужеземец вернулся – тот самый демон, который был тогда с князем Гэндзи. Кими привела деревенскую детвору к развалинам зала для медитаций, и там они и спрятались. Они видели, как демон медленно проскользнул внутрь монастырских стен; в каждой руке у него было по револьверу. Джимбо выступил из тени у него за спиной, приставил револьвер к затылку чужеземца и сказал что-то по-английски, чего никто из детей не понял. Но что бы именно Джимбо ни сказал, это заклинание оказалось неправильным, потому что вместо того, чтобы исчезнуть или уйти, демон нырнул вбок и, извернувшись в падении, выстрелил из обоих своих револьверов в Джимбо. Джимбо выстрелил тоже, но только раз, и слишком поздно, и не попал. В тот самый миг, когда он выстрелил, пули демона ударили в него и сбили его наземь. А потом демон встал над Джимбо и разрядил оба своих револьвера ему в лицо.

Когда демон ушел, дети кинулись к Джимбо. Но остановились, когда увидели, что от него осталось. Только Горо и Кими все-таки подошли к нему. Горо рухнул рядом с Джимбо и принялся стонать и подвывать. Кими обняла Горо и попыталась успокоить его – и себя тоже.

Не плачь, Горо. Это уже не Джимбо. Джимбо ушел в Сухавати, Чистую землю. А когда мы отправимся туда, он нас встретит, и нам не будет страшно. Там, в Сухавати, все будет замечательно.

Кими сомневалась, сможет ли Горо когда-либо оправиться от потери. Но постепенно он отошел. Он начал проводить дни напролет в развалинах, убирая обломки и сомнительные куски, которые могли быть обугленными останками человеческих существ, засыпал яму, оставленную мощным взрывом, что уничтожил зал для медитаций, разравнивал землю и собирал пули, что сотнями были выпущены во время битвы, предшествовавшей поединку Старка и Джимбо. За неимением лучшего занятия, дети принялись подражать Горо, и, не успев сообразить, что же именно они делают, они помогли ему восстановить Мусиндо.

Вскоре Горо начал снова произносить единственное слово, которое знал.

Джимбо.

Но теперь он произносил его тихо, и только по одному разу.

Когда монастырь восстал из руин, с ним, в некотором смысле слова, восстал и Джимбо. Горо стал носить его рясу и следовать монашескому распорядку, которого придерживался Джимбо. Он вставал в самый темный предрассветный час, шел к настоящей хижине для медитаций и оставался там до самого восхода солнца. Однажды, заглянув туда, Кими увидела, что Горо сидит совершенно неподвижно, ноги у него сложены в позу лотоса, словно у настоящего монаха, а веки опущены, как у Джимбо, когда тот глубоко погружался в самадхи. Конечно, же, дурачок не мог, как Джимбо, достичь совершенного, блаженного покоя просвещенного. Он не был настоящим последователем Пути Будды, как Джимбо. Но он очень хорошо ему подражал. А поскольку благодаря этому Горо делался тихим, счастливым и безвредным, Кими ему не мешала.

Однажды, несколько сезонов уборки урожая спустя, когда Кими вместе с семейством работала на деревенском рисовом поле, приехал богатый торговец, сопровождаемый отрядом самураев. Они не состояли на службе у какого-нибудь благородного господина, как все почтенные самураи, а принадлежали к числу самураев без господина – их называли «люди волны», потому что они, подобно волнам на поверхности океана, не имели корней, никому не принадлежали, не имели цели, однако же существовали и способны были учинить крупные неприятности и беспорядки. За последние годы, когда страну лихорадило от внутренних раздоров и присутствия чужеземцев, ослабление порядка породило множество таких людей.

Сколько времени прошло между сражением, поединком, смертью Джимбо, с одной стороны, и приездом этого торговца, с другой, Кими сказать не могла. В деревне один год ничем не отличался от другого. Она знала, что прошло несколько лет, потому что монастырь Мусиндо уже был восстановлен, а ее собственное тело начало изменяться, обнаруживая смущающие истоки свойств, что должны были со временем привести к беременности, родам, придиричивому мужу, пищащим детям и всему прочему. Кими видела ожидающее ее будущее столь же отчетливо, как мистические видения святых. Вскоре она превратится в свою изможденную, до срока состарившуюся мать, а кто-то иной – один из ее будущих детей – станет ею самой, проказливой и дерзкой. Таково истинное значение реинкарнации для низших. Быть может, князья вроде Гэндзи и прекрасные гейши вроде Хэйко перерождаются в новых, захватывающих воплощениях в далеких, загадочных краях. Крестьяне же просто возвращаются обратно, подобно своим предкам, и все повторяется, как уже много раз до того, и никакого перехода в иную жизнь для них нет.

Настает новая эпоха, – провозгласил торговец, не слезая с коня, – эпоха огромных, беспримерных возможностей!

Можешь не трудиться врать нам! – крикнул в ответ один из крестьян. – У нас все равно нету денег. Тебе не удастся выдурить у нас то, чего у нас нет.

Крестьяне расхохотались. Многие принялись хвалить того, кто отозвался первым, и выкрикивать собственные предложения.

Отправляйся в деревню Кобаяси! Они намного богаче нас!

Да! У них, по крайней мере, есть что украсть! А у нас нету ничего!

Крестьяне снова расхохотались, а торговец улыбнулся. Он вытащил из-под куртки большой кошелек и встряхнул его. Послышался звук, напоминающий звон монет. Множества тяжелых монет. Смех быстро стих.

Торговец сказал:

Станет ли обманщик давать вам свои деньги, вместо того, чтобы забирать у вас ваши? Станет ли лжец верить вам на слово, вместо того, чтобы просить вас поверить на слово ему?

По весу кошелек не отличишь, свинец там, или золото, – отозвался еще какой-то крестьянин, – а слова – это всего лишь слова. Мы не настолько глупы, чтобы не распознать вора, когда мы его видим.

Один из «людей волны», сопровождающих торговца, – видимо, командир отряда, – выехал наперед и заговорил – заносчиво, как всегда говорят самураи, вне зависимости от того, есть у них господин, или нету.

Веди себя смиренно, крестьянин, – сказал он, положив руку на рукоять меча, – и говори почтительно с теми, кто выше тебя.

Это деревня Яманака, – отозвался нимало не испугавшийся крестьянин. – Мы – подданные господина Хиромицу, а не какой-нибудь бездомный сброд.

«Человек волны» достал меч из ножен.

Господин Хиромицу, значит. Я дрожу от страха.

Господин Хиромицу имеет счастье дружить с Гэндзи, князем Акаоки, – продолжал гнуть свое крестьянин, – который не так давно сокрушил здесь войско сёгуна. Ты, может, слышал о монастыре Мусиндо?

Монастырь Мусиндо, – повторил «человек волны», опуская меч, и повернулся к торговцу. – Я думал, это намного западнее.

Поверни голову, – посоветовал крестьянин, – и посмотри на ту гору. Вон он.

Уберите меч, – попросил торговец, – и давайте больше не будем говорить о прошлом. Я пришел как посланец будущего. Зажиточного, процветающего будущего. Будете ли вы слушать меня, или нет? Если нет, то я уеду.

Он открыл кошель, запустил туда руку, вытащил пригоршню монет и раскрыл кулак. В кошеле был не свинец. На ладони у торговца блестели су, прямоугольные золотые монеты с легко узнаваемым клеймом монетного двора Токугавы. Шестнадцать су составляли один рё, а один рё – это было больше, чем самый богатый земледелец деревни мог мечтать выручить за весь свой урожай. Если кошелек торговца и вправду был набит золотыми су, то он держал в руках целое состояние. Просто поразительно, что сопровождавшие торговца ронины до сих пор еще не убили его и не украли его богатство. Сознание того, что рядом с ними находятся столь огромные деньги, повергло крестьян в молчание.

Недавно сёгун отменил запрет на путешествия за границу, – объявил торговец. – Видя, что мир будет благодетельствован нашим присутствием, сёгун мудро дозволил японцам бывать в чужих землях. Чтобы создать путешественникам благоприятные условия, будет построено множество гостиниц – на Тайване, на Филлипинах, в Сиаме, в Кохинхине, на Яве и в других местах. Само собой разумеется, прислуга в этих гостиницах должна быть японская. Мы не можем доверить наших путешественников заботам нецивилизованных местных жителей. А потому мне поручено предложить молодым женщинам из вашей деревни работу служанок, поварих и экономок, сроком на три года. Плата – один су за год – будет передана их семьям. Заранее, авансом! Вот три су, которые сейчас, немедленно будут выданы любому семейству, которое предоставит своим дочерям такую неповторимую возможность! Три золотых су!

Едва лишь услышав слова «три золотых су», Кими поняла, что она уже все равно что на Филлипинах или в Сиаме, где бы это ни было. Она не верила ни единому слову этого явного пройдохи – про повеление сёгуна, новые возможности и все прочее, – и сомневалась, чтобы хоть кто-нибудь из ее односельчан ему верил. Но нищие крестьяне, которым нужно было кормить слишком много ртов, просто не могли устоять перед таким предложением.

А теперь скажите мне правду, – произнес торговец, по-прежнему державший на виду у крестьян полную пригоршню золота, – разве вы думали, что доживете до такого дня, когда самая обычная дочь-бесприданница будет стоять так дорого? Воистину, мы живем в невиданные времена!

Три сестры Кими уже были замужем, и у всех были маленькие дети, которых нельзя было оставить. Кими была единственной, кто мог отправиться в дорогу. Она и отправилась – в тот же самый день, вместе с еще шестью девушками из их деревни. Она даже не успела взобраться в Мусиндо и попрощаться с Горо.

Две недели спустя она сидела на складе, неподалеку от причалов, в порте Йокогама, и вместе с сотней девушек и молодых женщин ждала корабля, который должен был отвезти их в какое-то место, именуемое Лусон. Сказочки про служанок, поварих и экономок давно были позабыты. Многих девушек постарше охранники уже успели изнасиловать, а некоторых – и не по одному разу. Кими и другие девушки избежали этой судьбы лишь потому, что торговец постоянно напоминал «людям волны», что самые молодые девушки принесут двойную прибыль, если довести их до места девственницами. Благодаря этому хрупкому равновесию между похотью и алчностью Кими пока что пребывала в безопасности. Однако же, это была безопасность, лишённая надежды. Кими наконец-то это поняла. Ее продали. Ее же собственные родители.

На протяжении нескольких дней мысль о побеге помогала ей сохранять энергию и бодрость духа. Но вскоре все это развеялось. Куда ей бежать? Если она вернется в деревню, «люди волны» придут за нею, и что тогда делать ее родителям? Они отдадут ее обратно – потому что если они ее не отдадут, им придется вернуть золото, а этого Кими не могла себе и вообразить. Она помнила, какие у родителей сделались лица, когда монеты очутились у них в руках. А если не возвращаться в деревню, что она будет делать? Как ей выжить здесь, в Йокогаме, городе, набитом незнакомцами, людьми, оторвавшимся от своих корней, как те же «люди волны», что держали ее в неволе?

Отчаянье ввергло ее в отупение, а отупев, Кими потеряла представление о времени.

Вот такой теперь будет вся ее оставшаяся жизнь. Неопределенной, смутной, оцепеневшей. Ее будут использовать до тех пор, пока она не перестанет приносить пользу, а потом она умрет. Что за проклятие – родиться женщиной! Будь она собакой – пусть даже собакой женского пола, – она хотя бы находилась под защитой старых законов сёгуна, предписывающих, как надлежит обращаться с собаками. А законов, предписывающих, как надлежит обращаться с женщинами, не существует.

Кими очнулась от перепуганных криков девушек, находившихся ближе прочих к выходу из их загона. Кими тут же постаралась забиться за толпу. Возможно, пока что ей нечего было бояться, раз в качестве девственницы она была ценнее, но безопаснее было не слишком полагаться на их алчность. Эти негодяи, погрязшие в пороках, были ненадежны даже в проявлении пороков. Достаточно минутной слабости – а «люди волны» состояли из слабостей. Так что Кими предпочла спрятаться.

Это правильно. Кричите, кричите, – сказал один из охранников. Остальные расхохотались. – Что, страшно на него смотреть? Следующую смутьянку, которая не будет делать, что ей велено – причем делать быстро и хорошо! – мы отдадим ему. Как вам это понравится, а? Эй, ты! Да, ты! Кого ты выберешь? Его или меня?

Кими не видно было, что там творится, но ей не нужно было видеть, чтобы знать. Она слышала смех, перепуганное бормотание, звук открывающейся двери, шарканье ног. Она оказалась плотно зажата между другими девушками – чувствовалось, насколько они испуганы. Все они старались оказаться как можно дальше от входа.

Мы оставим его здесь, чтобы он присматривал за вами, – сказал охранник. – Если вы соображаете, что для вас лучше, то будете вести себя хорошо, пока нас нету, а не то – смотрите!

Охранники ушли, прихватив несчастных женщин, которых они отобрали для вечерних развлечений, но Кими так и осталась зажатай между товарками по

несчастью. Этот новый охранник, которого здесь оставили, должно быть, был настоящим чудовищем, раз его настолько боялись даже по сравнению с теми тварями, которых она уже видела. Кими понимала, что он движется вдоль ограды, вглядываясь в женщин, потому что перепуганная толпа сместилась сперва в одну сторону, затем в другую, и ощущение паники все возрастало. Некоторые девушки уже начали всхлипывать, в предчувствии ужаса, который неизбежно вскорости обрушится на них. Толпа качнулась еще раз, и Кими на миг разглядела охранника; его огромная лысая голова возвышалась над толпой. Он безмолвно двигался вдоль ограды, туда-сюда, и внимание его было полностью сосредоточено на женщинах. Это было какое-то немое, безволосое чудовище, быть может, чужеземец, и бессердечные “люди волны” привели его сюда, чтобы запугать их и превратить в покорных рабынь.

Ворота задрезжали, сперва легонько, потом яростно. Женщины, испуганно ахнув, еще сильнее вжались в дальнюю стену. Что-то лязгнуло. Кими видела, как закачалась верхняя часть ворот. Чудовище очутилось внутри. Толпа расступалась и пятилась перед ним, и Кими пыталась пятиться вместе с остальными. Но удавалось ей это недолго, потому что вскорости женщины начали пятиться не только от чудовища, но и от нее.

Он шел за ней!

В течение последних нескольких дней Кими подумывала о самоубийстве, но всякий раз отказывалась от этой мысли. Жизнь все же предпочтительнее смерти. Пока она была жива, у нее оставался шанс. У мертвых же нету ничего. А кроме того, было еще и затруднение практического характера. Как покончить с собой? Уморить себя голодом не получилось бы. Охранники заметят, что происходит, и вынудят ее есть. Это уже произошло с одной девушкой. Пока Кими не увидела, что охранники с нею делают, она и не подозревала, что процесс кормления тоже можно превратить в пытку.

Даже повеситься, и то было не на чем, кроме как на ограде – а это было слишком медленный способ удушения. Одна из девушек попыталась прибегнуть к нему, но лишь повредила мышцы шеи, а ее все равно успели снять. Теперь голова у нее постоянно была склонена набок, что уменьшало ее ценность, и, несомненно, сулило ей особенно скверное обращение по прибытии на Лусон.

Кими не могла спрыгнуть с высоты или перерезать себе горло. Самое большее, она могла бы попытаться удариться головой об пол с такой силой, чтобы проломить себе череп. Но Кими не верилось, чтобы у нее хватило на это силы и воли.

Оставался лишь один вариант. Он был ужасен, но зато сулил верную смерть, если только у нее хватит на это мужества. Кими много раз уже почти решалась, но всякий раз останавливалась. Жизнь все-таки была предпочтительнее смерти. До нынешнего момента.

Чудовище продолжало надвигаться. В темноте барака Кими не могла разглядеть его лица – видны были лишь очертания массивного тела. Он разорвет ее, раздавит ее, сокрушит ее в ярости своей нечеловеческой похоти, прежде чем бросить ее умирать в мучениях на полу этого склада в Йокогаме, совсем одну.

Кими отвернулась и опустила на колени; она высунула язык как можно дальше. Сейчас она ударится подбородком об пол, откусит себе этот орган, причиняющий столько беспокойства, и истечет кровью. Какая короткая жизнь... и единственным лучиком света в ней был тот, что внес монах-чужеземец, Джимбо – да и то было так давно... Кими закрыла глаза и вскинула голову, чтобы опустить ее в последний раз. Высунутый язык уже успел настолько пересохнуть, что начал запекаться.

Кими, – сказало чудище.

1882 год, монастырь Мусиндо

Горо, – сказала преподобная настоятельница Дзинтоку.

Кими, – отозвался святой.

Горо.

Кими.

Горо.

Кими.

Это повторение имен могло длиться очень долго. Настоятельница привыкла воспринимать это как разновидность ритуальных формул, и иногда, совершенно непреднамеренно, сама того не замечая, погружалась в состояние медитации. Иногда Горо все еще был рядом, когда она приходила в себя. А иногда он куда-нибудь уходил, поскольку строго придерживался распорядка, некогда принятого Джимбо. Однажды, когда настоятельница пришла в себя, шел проливной дождь, и кто-то из послушниц держал над ней зонтик. Конечно же, ее прислал сюда святой.

До того дня, когда Горо отыскивал ее в Йокогаме, он никогда не произносил ее имени. Сейчас, двадцать лет спустя его словарь по-прежнему состоял всего из двух слов. “Джимбо”. “Кими”. Как он нашел ее? Она не знала. Как случилось, что “люди волны” взяли его в охранники? Она не знала.

Кими, – сказал он, взял ее за руку и вывел из загона, от пристани, из Йокогамы, и привел обратно в Мусиндо. Тот самый человек, который постоянно умудрялся заблудиться по дороге от деревни до монастыря, при том, что монастырь было видно из деревни. Как он забрался так далеко и как с такой легкостью нашел дорогу обратно? Она не знала.

Большинство женщин были слишком перепуганы, чтобы последовать за ними, но некоторые все-таки решились. Кое-кто из них до сих пор обитал в Мусиндо. Их никто не преследовал. Почему? Она не знала. Она никогда больше не видала ни этого торговца, ни этих “людей волны”.

Настоятельница моргнула.

Горо рядом не было.

Сколько же она простояла здесь, углубившись в мысли о прошлом? Настоятельница взглянула на небо. Было уже хорошо за полдень. Экскурсия давно завершилась, открытая монастырская трапеза подана и съедена, гости ушли. Настоятельница покинула уголок зрителя и вернулась в монастырь; нужно было подсчитать дневную прибыль. Кроме пожертвований за экскурсию, были еще подношения, которые оставляли в медитационном зале – для будд, на кухне – за трапезу, и в мастерской – за священные реликвии: кусочки обугленного дерева, пули и обрывки свитков.

Обугленное дерево бралось из развалин зала для медитации, взорванного во время прославленного сражения. Его кусочки пользовались особенной популярностью у посетителей, вервших, будто они обладают силой, приводящей к такому же мощному,

взрывному просветлению. Те, кто искал защиты от физических опасностей либо от злых намерений недругов, предпочитали в качестве талисмана пули. В конце концов, эти пули тысячами летели в князя Гэндзи, и ни одна из них в него не попала. Ясно же, что они должны были впитать часть его силы, отвлеченной на нападение.

Но все прочие поступления меркли перед жертвоприношениями, приносимыми теми, кто желал приобрести фрагмент свитка. Всякий, кто стремился заполучить эти кусочки бумаги, был уверен, что к нему попали останки свитков “Воробьиной тучи”, откровения наделенных провидческим даром князей Окумити о том, что грядет. Заполучи такой кусочек, и твое будущее будет притягивать к тебе все хорошее и отвращать все злое. Иные же были уверены, что в останках свитков сокрыта еще большая сила, сила, способная исполнять самые заветные желания, поскольку на самом деле на этой бумаге был записан “Осенний мост”, собрание заклинаний и наговоров, составленных госпожой Сидзукэ, принцессой-ведьмой, жившей в давние времена.

Настоятельница никогда ничего такого не утверждала, но и не расхолаживала посетителей. Пули действительно были теми самыми пулями, которые были выпущены во время битвы и собраны Горо во время уборки в монастыре. Кусочки дерева действительно были останками старого зала для медитаций, как люди и полагали. А вот фрагменты бумаги были кусочками, которые настоятельница оторвала от древних неисписанных свитков – изначально их было двенадцать, – которые были подарены монастырю госпожой Эмилией примерно пятнадцать лет назад. Настоятельница не знала, для чего предназначались эти свитки, – да, по правде говоря, это ее и не особенно интересовало. Значение имело лишь то, что монастырь Мусиндо получал достаточно жертвоприношений и был в состоянии прокормить своих обитателей и их семьи. Пусть люди верят в то, что хотят верить, раз это дает им хоть какой-то покой и утешение. И того, и другого в мире слишком мало.

Настоятельница уже хотела было снять капюшон – день выдался теплым, – но тут заметила, что не все гости ушли. Один до сих пор был здесь – тихо сидел в главном садике: молодой человек, необычайно красивый, с очень яркими глазами и длинными, почти девичьими ресницами. Усы удачно избавляли его от излишней смазливости. Молодой человек был одет по последней западной моде: черная фетровая шляпа, серый шелковый жилет под черным двубортным шерстяным пиджаком, и темно-серые шерстяные брюки. Только обувь – сапоги, подходящие скорее для наездника, чем для горожанина, – выбивалась из общей картины. Настоятельница поклонилась, сложив руки в гассё, буддийском жесте приветствия, и собралась пройти мимо, но тут молодой человек заговорил с ней.

Наш проводник рассказал нам о знаменитой битве, – сказал он.

Он как-то странно выговаривал слова, как если бы ему не доставало практики. Быть может, он лишь недавно вернулся из-за границы, где ему пришлось говорить на чужом наречии, и его язык не успел заново привыкнуть к японской речи.

Это делается с назидательными целями, – сказала настоятельница. – То, что подобное насилие произошло в святом месте, должно напоминать нам о том, что и безмятежность, и хаос не настолько далеки от нас, как нам хотелось бы думать. Надеюсь, этот рассказ не слишком вас побеспокоил.

Вовсе нет, – отозвался молодой человек, хотя на самом деле вид у него был обеспокоенный. – Просто я слышал эту историю в другом варианте.

Губы его сложились в легкую, едва заметную усмешку, и эта усмешка кого-то

напомнила настоятельница – но она не могла вспомнить, кого именно.

Проводник сказал, что господин Таро привел на помощь прославленных кавалеристов княжества Акаока, – сказал он. – Но Таро тогда еще не звался господином, и он угодил в ловушку вместе с князем Гэндзи и всеми прочими. Помощь привел господин Мукай, который явился с севера вместе со своими вассалами.

Вот как? – переспросила настоятельница. Осведомленность молодого человека удивила ее. Сражение действительно происходило именно так, как он сказал, а не так, как о том рассказывалось посетителям. Официальная история приписала Таро роль, которую на самом деле сыграл Мукай, отчасти для того, чтобы восстановить доброе имя первого, а отчасти для того, чтобы замаскировать участие в этом деле второго. Впоследствии Таро плохо закончил, но, к несчастью, слухи о привычках Мукай поставили бы князя Гэндзи в исключительно неловкое положение, если бы их имена оказались связаны. Двадцать лет повторений придали этой лжи весомость исторического факта. В одном из небольших храмов монастыря даже был алтарь, посвященный господину Таро. За прошедшие годы он приобрел известную популярность как бодхисатва спасения. Но поскольку не имелось никаких реликвий, связанных с ним, настоятельница этот культ не поддерживала. Теперь же она сказала: – Истинная суть этой истории не в том, кто что сделал. Гораздо полезнее показать, насколько хрупка жизнь, и с какой благодарностью и вниманием следует относиться к каждому ее мигу.

Полагаю, вы правы.

Но молодой человек явно был сильно разочарован, как будто те давние события как-то затрагивали его лично.

Эта битва вызывает у вас особый интерес? – спросила настоятельница.

Только с точки зрения истины, – ответил гость. Он по-прежнему улыбался, и в улыбке по-прежнему сквозил оттенок насмешки, но теперь казалось, будто он насмехается сам над собою. – Я просто надеялся, что что-нибудь из того, что мне рассказывали, окажется правдой. Хоть что-нибудь.

А от кого вы услышали ваш вариант рассказа? – поинтересовалась настоятельница.

От моих родителей. Они здесь были. Во всяком случае, так они мне говорили.

Настоятельница знала всех детей из деревни, которые в тот день наблюдали за битвой, спрятавшись в лесу. Она знала всех, кто прожил достаточно долго, чтобы сделаться взрослым, знала всех родившихся у них детей и всех внуков, и этот молодой человек определенно не входил в их число. Из спутников князя Гэндзи битву пережили всего одиннадцать человек, четыре женщины и семеро мужчин. Впоследствии три пары сочетались браком – несомненно, уверовав, что судьба свела и сохранила их именно для этой цели. (Как же мы любим приписывать своему незначительному существованию совершенно необоснованную важность! Настоятельница мысленно возблагодарила Будду за то, что он уберег ее от этой иллюзии). Родители молодого человека рассказали ему правду о битве, но солгали, сказав, что они при ней присутствовали. Это была не такая уж большая ложь. И все же она явно произвела на него большое впечатление.

А кто ваши родители? – спросила настоятельница.

И тут молодой человек поступил совершенно неожиданно.

Он расхохотался.

Это хороший вопрос! – сказал он. – Очень, очень хороший вопрос.

ГЛАВА 5

Бегство Чайнатаунского Бандита

Ничто в жизни – как в этой, так и в будущих – не причинит вам такой боли, как любовь. Если кто-либо скажет вам обратное, то знайте: они лгут.

Либо они до сих неопытны в подобных вопросах.

Либо им необычайно везло в выборе возлюбленных.

Пока что.

“Аки-но-хаси”.(1311)

1882 год, Чайна-Таун, Сан-Франциско

Мэттью Старк остановился у входа в китайскую прачечную, расположенную на углу улиц Вашингтона и Дюпонта и вдохнул полной грудью. Некоторые его знакомые любили поговорить о зловонии Чайнатауна, испускаемом этим районом, словно воспаленной раной. Самому же Старку нравилась здешняя смесь запахов – и не их изобилие, и не какой-то конкретный запах в частности, а все в целом, отголосок жизненной силы и энергии. Она всегда будила в его душе надежду на лучшее, невзирая на то, что он на собственном опыте знал, что худшее, как минимум, настолько же вероятно, как и лучшее. А еще она чем-то напоминала ему тот наполненный событиями год, что он провел в Японии – вот уж двадцать лет тому назад, – хотя запахи там были совершенно другие. Возможно, дело было просто в восточных ароматах.

Старк – с его современным двубортным пиджаком из шерстяной ткани, черным, с отделкой из черного же бархата и с пуговицами, обтянутыми тканью, с жилетом из темно-красного шелка, надетого поверх белой шелковой рубашки, с шерстяными брюками, с элегантными подтяжками, фетровой шляпой, с черным шелковым, нетуго завязанным галстуком, с довольно длинными, но аккуратно подстриженными волосами, что на висках уже отливали сединой, – выглядел в точности как любой преуспевающий джентльмен из быстро растущего города Сан-Франциско. Единственным отличием были небольшие выпуклости под пиджаком, у правого бедра и на груди, слева. Там скрывались кобуры с двумя револьверами тридцать восьмого калибра, со стволами длиной один в пять, а второй – в два дюйма; первый он носил ради его точности, а второй – ради компактности. Он проверил их, прежде чем двинуться через площадь к “Нефритовому лотосу”, самому значительному увеселительному заведению в этой части города.

Старк не ожидал сейчас никаких проблем – во всяком случае, ничего такого, что могло бы потребовать применения огнестрельного оружия. Но старые привычки держатся крепко. Когда он был семнадцатилетним мальчишкой, сбежавшим из приюта в Огайо и пытавшимся стать ковбоем в западном Техасе, его едва не убил мошенник, которого он поймал за жульничаньем во время игры в карты. И единственная причина, по которой Старк убил этого мошенника, а не наоборот, заключалась в том, что

револьвер того типа дал осечку. После того случая Старк обзавелся привычкой носить при себе второй револьвер – просто так, на всякий случай. С тех пор ему четырежды приходилось стрелять из обоих револьверов сразу на протяжении одной стычки, и все четыре раза – тогда, в Японии. Трижды он спасал свою жизнь и жизнь своих друзей. Последний же раз это вовсе не было продиктовано необходимостью. Старк разрядил свой кольт сорок четвертого калибра и смит-и-вессон тридцать второго в беспомощного человека, которого он уже и без того смертельно ранил. В его понимании, в этом заключалась величайшая ирония судьбы – в том, что любовь с легкостью способна привести человека к ненависти, а возникшая в результате этого ненависть способна заставить человека совершать неразумные поступки, не колеблясь ни мгновения.

Старк шел на встречу с У Чун Хин, одним из самых богатых людей Сан-Франциско. Являясь китайцем, У Чун обладал привилегией жить в кварталах, раскинувшихся вокруг Портсмутской площади, вместе с двадцатью тысячами своих соплеменников-китайцев, и был достаточно осторожен и благоразумен, чтобы не щеголять своим богатством перед американцами. Старк слышал, будто У Чун происходил из влиятельного китайского семейства, в молодости приехал в Соединенные Штаты, дабы продолжить образование, и застрял здесь после того, как его родные сгинули во время одного из мятежей, с незавидной регулярностью прокатывавшихся по стране. Но каким бы ни было его подлинное прошлое, в настоящем У Чун был владельцем множества ресторанов, борделей, игорных домов и опиумокурилен. Поскольку деловые интересы Старка лежали в совершенно другой сфере, и поскольку он не нуждался ни в товарах, ни в услугах, предоставляемых У Чуном, они никогда не заключали сделок и никогда не конфликтовали. Старк понятия не имел, отчего вдруг У Чун пригласил его на эту встречу.

Прошу простить меня за то, что я попросил вас прийти сюда, – сказал У Чун.

Старка провели в гостиную, расположенную на втором этаже. Она была обставлена, словно небольшая библиотека в доме какого-нибудь университетского профессора, если судить по изобилию книг. Да и вообще, вся обстановка наводила на мысль, что комната принадлежит какому-то преуспевающему американцу, работнику умственного труда. Впечатление завершал наряд У Чуна, вполне способный посоперничать с нарядом гостя по вкусу и качеству. Вокруг не было ни единого намека на Азию, если не считать лица У Чуна. Волосы хозяина дома были аккуратно подстрижены. Никаких хвостиков – что вы, что вы!

В настоящий момент обстановка такова, что с моей стороны было бы неблагоприятно выходить за пределы моего района.

Из-за Чайнатаунского Бандита, – сказал Старк.

Да, – сказал У Чун, всем своим видом выражая согласие с гостем, – хотя он и не из Чайнатауна.

Газеты утверждают, что он отсюда, – сказал Старк.

Газеты! – фыркнул У Чун. – У них всего лишь две цели. Продать как можно больше экземпляров и послужить интересам их корыстолюбивых хозяев. Из-за газет мы имеем китайский налог на кубический метр, китайский налог на горнорабочих, китайский полицейский налог. Разве это справедливо? Ведь нету же, к примеру, мексиканского налога на кубический метр, немецкого налога на горнорабочих, ирландского полицейского налога – разве не так? И вот теперь, из-за всей этой болтовни о “Чайнатаунском Бандите” общественное мнение вновь настроено против

нас.

Это весьма прискорбно, но вполне понятно, – заметил Старк. – Некоторым людям только и нужно, что повод, и Бандит им его дает. Я думал, вы быстро прикроете эту историю.

Я бы и прикрыл, если бы он был китайцем, поскольку если бы он был китайцем, он никак не мог бы остаться неизвестным мне.

Мне не хотелось бы показаться невежливым, мистер У Чун, но все описывают его как китайца. Не могут же абсолютно все ошибаться?

Могут, если... – начал было У Чун, но затем, очевидно, ему пришла в голову мысль получше, и он начал заново. – Этот преступник пристаёт к богатым парам, отловив их поблизости от их собственных домов, угрожает им револьвером и ножом...

Мясницким ножом, – сказал Старк, – того типа, который часто встречается в китайских ресторанчиках.

Да. Подручные средства, привлеченные исключительно для создания обманчивого впечатления. Преступник выставляет напоказ револьвер и мясницкий нож, и забирает у женщины какую-нибудь драгоценность. Если мужчина пытается оказать сопротивление, он что-то выкрикивает – предположительно, по-китайски, – и либо сбивает его на землю ударом ноги, либо бьет ножом плашмя. – У Чун скривился. – Антикитайские настроения растут день ото дня. Я полагал, что погромы четырехлетней давности были пределом несчастий, но предел лежит куда дальше, чем я думал, настолько далеко, что я даже не в силах его разглядеть. Когда город и штат принял уголовное законодательство, уже стало достаточно плохо. Теперь же конгресс Соединенных Штатов собирается принять закон о высылке китайцев и запрете для китайцев въезжать в США. Если они его примут, что с нами будет? Нас вышлют? Посадят в тюрьму? Отнимут у нас наши жалкие пожитки? Положение и так ужасно, и ни один китаец не осмелился бы ухудшить его подобными преступлениями.

Ни один китаец, пребывающий в здравом уме, – возразил Старк. – Возможно, этот человек не в здравом уме.

У Чун покачал головой.

Он – не китаец.

Старк пожал плечами.

Я готов поверить вам на слово, и я вместе с вами надеюсь, что он остановится прежде, чем ситуация окончательно выйдет из-под контроля. А теперь, если вы не возражаете, давайте перейдем к тому, ради чего вы меня вызвали.

У Чун несколько мгновений спокойно смотрел на Старка, потом сказал:

Мы уже к этому перешли, мистер Старк.

Старк нахмурился.

Боюсь, я не вполне вас понимаю.

В силу разнообразия моего бизнеса, – сказал У Чун, – я поддерживаю рабочие взаимоотношения со многими офицерами полиции. Они с самого начала обратились ко мне за помощью, а в ходе расследования делились со мною информацией. В том числе – некоторыми любопытными фактами. Бандит знает имена своих жертв. Он знает, где они живут, и даже способен описать их комнаты, вплоть до хозяйской спальни, как это произошло в одном случае; это заставляет предположить, что он с какой-то целью наведывается домой к своим жертвам, прежде чем ограбить их на улице. Жертвы преисполнены ужаса и негодования. До сих пор полиция утаивала эти подробности от прессы. Но если они всплывут, вскорости на Чайнатаун хлынут

разъяренные толпы, и мы получим повторение зверств семьдесят седьмого года.

Я по-прежнему вас не понимаю, – сказал Старк. – Что я-то могу с этим поделать?

Пожалуйста, мистер Старк, позвольте мне договорить. Это – трудная тема, она требует тщательно обдумывать каждое слово. Итак, что мы имеем? Человека, способного проникнуть в дом так, что его никто не замечает, и выйти, не оставив ни единого свидетельства своего пребывания там. Не забывайте также, что он совершает ограбления в лучшем районе города – стоит ли говорить, что там проживают исключительно белые? – однако его никто никогда не видел, хотя из-за своей расовой принадлежности он должен был бы бросаться там в глаза, словно чирей на лбу.

Возможно, он маскируется.

Если это так, то мы должны добавить эту способность к внушительному списку его талантов. И он начинает выглядеть еще более примечательно, если учесть, что он ничего не крадет из домов, в которые проникает, хотя с легкостью мог бы это сделать. Это заставляет предположить, что он руководствуется не мотивами корысти. Весьма любопытное свойство для взломщика и уличного грабителя, не так ли? Тот факт, что во время ограбления он отнимает у женщины всего одну драгоценность, похоже, подтверждает это предположение.

Давайте предположим, что вы правы, – сказал Старк. – Но я по-прежнему не вижу, к чему вы клоните.

Это еще не все, – сказал У Чун. – Мои знакомые в полиции также предоставили мне подробное описание всех драгоценностей, отнятых при ограблениях. У мистера и миссис Добсон – платиновая брошь, шести дюймов в диаметре, с двадцатью семью бриллиантами общим весом в тринадцать с половиной каратов, тринадцатью сапфирами общим весом в девять и три четверти карата, и центральным сапфиром весом в пять каратов.

С этими словами У Чун выложил на стол брошь, полностью соответствующую описанию.

У мистера и миссис Меррил – золотое кольцо с алмазом изумрудной огранки, весом три с половиной карата.

Кольцо легло рядом с брошью.

У мистера и миссис Харт – ожерелье, двадцать четыре дюйма длиной, состоящее из двух золотых и одной серебряной цепочки, обвивающихся вокруг жемчужин диаметром от четверти дюйма до дюйма.

К броши и кольцу присоединилось ожерелье.

Я еще не обнаружил парные браслеты из золота и слоновой кости, которые Бандит отобрал у мистера и миссис Бергер, – сказал У Чун. – Но, конечно же, это произошло всего лишь вчера, и они пока что, если мне будет позволено выразиться, не включились в поток событий.

Я окончательно перестал что-либо понимать, – сказал Старк. – Раз отнятые вещи у вас, видимо, вы схватили Бандита?

У Чун покачал головой.

Нет.

Тогда его сообщников.

Нет. Нет никаких признаков того, что у него имеются сообщники.

В таком случае, как же эти драгоценности попали к вам?

Они были найдены вчера во время очередного осмотра женских покоев. Женщин допросили, но все они утверждают, что ничего об этом не знают.

Под женскими покоем имеется в виду бордель?

Да.

Так значит, Бандит приходится кому-то из них любовником или покровителем. В таком случае нетрудно будет выяснить, кто он такой. – Старк резко взглянул на У Чуна. – Я по-прежнему не понимаю, почему вы привлекли к этому меня.

Потому что тут все не так просто, – ответил У Чун. – Я надеюсь, что вы сможете мне разрешить эту загадку наименее болезненным образом, который устроил бы всех, и как можно скорее.

Как я могу сделать то, что не под силу вам? Я разбираюсь в этом всем куда хуже вас.

Вы можете помочь мне свести факты воедино, и тем самым, возможно, отыскать ответ. Вы – человек мудрый, сэр, так все говорят. Быть может, вы заметите что-нибудь такое, что ускользнуло от взглядов всех прочих. Пункт первый: Бандит искусно проникает в чужие дома и проявляет себя как опытный грабитель. Это означает, что он получил надлежащую подготовку, либо много практиковался. Пункт второй: никто никогда не видел, как он входит в дом или выходит оттуда. Он передвигается незаметно, как человек, владеющий тайным японским искусством. Как называются эти люди?

Ниндзя, – отозвался Старк.

Да, ниндзя. Насколько я понимаю, миссис Старк получила подобную подготовку у себя на родине.

Надеюсь, вы не предполагаете, что моя жена – Чайнатаунский Бандит?

Конечно же, нет! И я смиренно прошу прощения, если мои слова произвели такое впечатление. Я всего лишь указал на то, что это – сходные навыки.

В Сан-Франциско проживает меньше ста японцев, – сказал Старк. – И я сильно сомневаюсь, что среди них есть ниндзя.

Конечно, – согласился с ним У Чун. – Продолжим. Пункт третий: Бандит не руководствуется соображениями корысти. Это заставляет предположить, что он не имеет не удовлетворенных материальных нужд. Короче говоря, очень похоже, что он так же богат, как и его жертвы, если не богаче.

Этот вывод притянут за уши, – возразил Старк. К чему клонит У Чун? Как бы там ни было, все это начало вызывать у Старка беспокойство. – Зачем богатому человеку кого-то грабить? У него же и так все есть.

Не из нужды, – сказал У Чун, – а ради острых ощущений. И чтобы поднести эффектные подарки красивой девушке.

Старк фыркнул.

Кто станет дарить подарки проститутке?

Конечно же, не вы и не я, – отозвался У Чун. – Мы с вами – зрелые мужчины, не занимающиеся самообманом и прекрасно знающие, что реально, а что нет. Но человек с сильной романтической жилкой, человек молодой и впечатлительный, быть может, не имеющий большого опыта обращения с женщинами – подобный молодой человек может решить, что это именно то, что ему нужно.

У вас есть предположения насчет того, кто это может быть. Вы его выскажете, или хотите, чтобы я догадался сам?

У Чун пожал плечами.

Я надеялся, мистер Старк, что вы сложите факты воедино и сами вычислите преступника. Конечно же, если вы это сделаете и сможете разрешить проблему

самостоятельно, тогда не придется впутывать в это дело власти или заставлять тех, кто может несправедливо пострадать, обращаться в “комитет бдительности”. Вам следует поискать человека, который обладает умениями ниндзя, не испытывает материальных затруднений, и, быть может, ведет чересчур тепличный образ жизни, что вызвал у него жажду приключений и стремление к опасности. – У Чун сделал паузу и поклонился, и лишь после этого продолжил. – Кроме того, это должен быть не китаец, но такой человек, которого не очень сведущие люди могут принять за китайца.

У Старка сдавило грудь. Единственными людьми в городе, которых можно было перепутать с китайцами, были японцы. И, насколько было известно Старку, существовал всего один японец, полностью отвечающий данному У Чуном описанию, и всего один, чье имя У Чун так тщательно старался бы не называть, чтобы не вынуждать Старка потерять лицо. Но ведь этого не может быть! Неужто он настолько погряз в делах, что не увидел, как под самым его носом творятся столь вопиющие события? Видимо, так оно и есть. У Чун – очень осторожный человек. Он не стал бы приглашать Старка на эту встречу, если бы не был полностью уверен.

Я признателен вам за ваше благоразумие, мистер У Чун, – сказал наконец Старк.

У Чун поклонился.

Со своей стороны смею вас заверить, мистер Старк, что этого разговора никогда не было.

Позвольте мне возместить вам потери, который вы понесли из-за упадка в делах, вызванном действиями Бандита.

Что вы, что вы! – воскликнул У Чун, поднимая руки. – В этом нет никакой необходимости. Если вы положите конец преступлениям, этого будет более чем достаточно.

У Чун не стал упоминать о трофеях Бандита, по счастливому стечению обстоятельств оказавшихся у него в руках. Их необходимо было показать Старку, чтобы обосновать факты. Но в данном случае ему совершенно не грозило их потерять, поскольку Старк не мог никому сказать, где они, не подставив под удар собственные жизненно важные интересы. Таким образом, в руках у У Чуна оказалось небольшое состояние в драгоценных металлах и камнях – ибо, конечно же, украшения не сохраняют свой прежний вид. На самом деле, он получил прекрасную компенсацию за все свои хлопоты, а поскольку он оказал Старку услугу – всегда полезно оказать услугу богатому и влиятельному человеку, – Старк теперь у него в долгу. Не то, чтобы У Чун собирался когда-нибудь хотя бы намекнуть о желании взыскать этот долг. Это было бы исключительно нетактично. Но само существование этого долга может оказаться весьма полезным.

В таком случае, позвольте вас поблагодарить, – сказал Старк, и уже у дверей остановился. – Позвольте побеспокоить вас еще раз, прежде, чем я уйду.

Пожалуйста-пожалуйста.

Имя девушки.

В шестьдесят втором году, когда мы с твоей матерью приехали сюда, в Сан-Франциско было шестьдесят тысяч жителей, – сказал Старк. – Сегодня же здесь живет четверть миллиона человек. Город продолжает расти, а вместе с ним – и возможности для смелых и находчивых.

В смысле – деловые возможности.

Макото Старк смотрел в окно гостиной, на раскинувшийся внизу город.

А какие еще возможности нужны?

Макото взглянул на Старка.

Это классно, па, – для тех, кто интересуется бизнесом.

В нем много интересного.

Прибыль и убыток, спрос и предложение, дебет и кредит, – перечислил Макото. – Потрясающе увлекательно.

Канцелярская работа – это не бизнес, – сказал Старк. – Это только записи о бизнесе. Ты знаешь, чем на самом деле занимается объединенная компания «Красная гора»?

Конечно. Сахаром, шерстью, полезными ископаемыми. Да, еще несколько фабрик.

Мы добываем железную руду в Канаде и серебро в Мексике. Мы владеем скотоводческими ранчо в Калифорнии и сахарными плантациями в королевстве Гавайи. Мы управляем самым большим сахаро-рафинадным заводом, и нам принадлежит самый большой банк в Сан-Франциско.

Макото пожал плечами.

Старк откинулся на спинку кресла.

Я слишком много потакал тебе, и твоя мать – тоже.

Он подумал о Хэйко, а когда он думал о ней, то не мог сердиться на Макото – даже сейчас.

Я делаю именно то, что вы с мамой мне велели – я полностью сосредоточился на своей учебе в университете. У меня же хорошие оценки, разве не так? Особенно по английскому языку и литературе.

Английский язык и литература, значит. – Как так случилось, что мир настолько сильно изменился за столь краткое время? Отец – ковбой-бродяга, сын – литератор, и все это за одно поколение... – В этом году тебе исполнится двадцать. Похоже, тебе следует серьезно подумать о будущем. Какое место в твоих планах на будущее занимает английский язык и литература?

Макото улыбнулся.

А что, ты в двадцать лет уже расписал все свое будущее наперед?

Тогда все было по-другому, – возразил Старк. Чем он там занимался в двадцать лет? Грабил фактории в Канзасе и банки в Миссури. Угонял лошадей в Мескике и коров в Техасе. Влюбился в шлюху из Эль-Пасо. Угробил в перестрелках девять человек, прежде чем ему это окончательно осточертело. – Тогда было не так уж много возможностей для того, что ты назвал бы карьерой.

Значит, насколько я понимаю, тебе здорово повезло, что ты сделался партнером мистера Окумити.

Да, – согласился Старк. – Исключительно повезло.

Мистер Окумити. Старк до сих пор не научился думать о нем так. Окумити-но-ками Гэндзи. Князь Акаоки, распорядитель жизнью каждого обитателя своего княжества, будь то мужчина, женщина или ребенок. Военачальник, облаченный в причудливый наряд, чей покррой оставался неизменным вот уже тысячу лет, с волосами, уложенными в замысловатую старинную прическу, с двумя мечами за поясом, и с десятью тысячами самураев, готовых беспрекословно исполнить любой его приказ. Глава клана, почти три сотни лет противостоявшего сёгуну. Теперь все это осталось в прошлом. Не было больше ни причудливых причесок, ни нарядов, ни мечей. Ни самураев, ни княжеств, ни князей, ни сёгуна. Они с Гэндзи не видели друг

друга вот уже двадцать лет, кроме как на фотографиях, и общались только в письмах – правда, писали друг другу добросовестно и регулярно. Старк каждый год навещал Гавайи, проверить, как идут дела на сахарных плантациях, но дальше на запад не плавал. Гэндзи в прошлом году путешествовал по Соединенным Штатам, но он завернул туда по пути в Европу, посетил Нью-Йорк, Бостон, Вашингтон и Ричмонд, и вернулся, не заезжая в Калифорнию. Как люди могут быть надежными партнерами и верными друзьями, так долго не видя друг друга? Воистину, сила прошлого велика. Она связала их воедино, и она же навсегда развела, потому что из всех из всех опасностей, которые они пережили много лет назад, из всех людей, которых они знали, любили, ненавидели, лишь одно имело значение. Хэйко. Отныне и навеки.

Всякий раз, думая о Хэйко, Старк вспоминал ее такую, какой увидел в первый раз. Такая изящная, такая грациозная, такая хрупкая, в шелковом кимоно, изукрашенном вышивкой с изображением ив, согнувшихся под порывом ветра. Она говорила по-английски с таким кошмарным акцентом, что он ее почти не понимал. Впрочем, она быстро училась, и к тому моменту, как они вместе покидали Японию, Хэйко говорила на его языке уже куда лучше, чем большинство людей, которых Старк знал в Техасе в годы своей молодости. Ему снова, как это частенько бывало, подумалось: а какой ее помнит Гэндзи?

Ему хотелось бы рассказать Макото об этом – обо всем этом, – но он не мог. Он поклялся хранить тайну, и он сдержит слово.

В те времена не так много американцев посещали Японию, – сказал Макото.

Да, немного.

Тебя пригласил старый приятель, знакомец еще тех времен, когда ты пас коров в Техасе. Этан Круз.

Верно, – согласился Старк. Он обнаружил то, что оставил после себя Круз в техасских холмах. Прошел по его следу через пустыню и нагорья Запада, через Мексику и Калифорнию, а потом – через Тихий океан в Японию. Настиг его в горах над равниной Канто. Всадил пулю ему в грудь, рядом с сердцем, а все остальные заряды из обоих револьверов – в лицо. – У него были некоторые перспективные идеи, но он заболел и умер прежде, чем мы успели за что-либо взяться. Мистеру Окумити понравилось то, что я ему рассказал, и мы стали партнерами уже с ним. Я же рассказывал тебе эту историю раз десять, не меньше.

Да, пожалуй, не меньше, – согласился Макото. – И каждый раз – одинаково.

Старк недоуменно взглянул на него.

Ты о чем?

Мама мне сказала, что главное в ниндзюцу – это не искусство боя и не искусство скрытности. Это бдительность и умение видеть разницу между истинным и неистинным, как в словах, так и в делах. Она говорила, что есть два способа поймать лжеца. Первый – легкий. Большинство лжецов глупы, и их рассказы изменяются, потому что они не могут запомнить, что они говорили. Второй – трудный. Умный лжец помнит свою ложь, и его рассказ не изменяется. Но и в нем есть слабое место. Его рассказ всегда остается в точности тем же самым, потому что он в точности запоминает то, что сказал.

Правда всегда остается той же самой.

Правда – да, но не правдивый рассказ. Рассказ с каждым разом будет чуть-чуть разниться, разве что у человека не память, а фотографическая пластинка.

Зачем бы мне лгать о том, как я начинал свой бизнес?

Не знаю, – отозвался Макото. – Возможно, там была какая-нибудь неприглядная история. Может, вы занимались контрабандой. Провозили опиум или белых рабынь.

В жизни не занимался контрабандой, – отрезал Старк. – Твое воображение заводит тебя чересчур далеко.

Да меня, на самом деле, не волнует, что там было, – сказал Макото. – Мне просто показалось это интересным, только и всего. Насколько я могу судить, единственное, о чем ты лжешь – это о временах, проведенных в Техасе и в Японии. Вот мне и любопытно, что же там случилось на самом деле.

Ты теперь сделался специалистом по лжи?

Макото пожал плечами.

Твоя жизнь – это твоя жизнь, па. Ты совершенно не обязан рассказывать мне то, чего не хочешь.

Ну, раз уж мы коснулись этой темы, – сказал Старк, – солги мне что-нибудь про Сю-фонг.

Макото застыл.

Старк выждал несколько мгновений. Макото безмолвствовал. Старк сказал:

Думаю, твоя мать не рассказала тебе про третий способ. Лжец настолько запутывается во лжи, что не может вставить ни словечка.

Ни в чем я не запутался! – возразил Макото. – Ты никогда прежде о ней не спрашивал. Откуда ты узнал?

Побеседовал с У Чун Хином, – сказал Старк, глядя, как Макото тянет время, пытаюсь понять, что еще известно отцу. – В ходе этой беседы и всплыло имя Сю-фонг.

Она не отвлекает меня от учебы, – сказал Макото. – Спроси любого из моих преподавателей, и они тебе ответят, что я учусь так же хорошо, как и всегда.

Да, ты человек ученый, – заметил Старк. – Наверное, ты решил приобрести этот опыт исключительно в литературных целях. Или, быть может, ты учишь ее английскому языку?

Это всего лишь развлечение, – сказал Макото. – Но всякий опыт имеет возможность отразиться в литературе.

Ты собираешься написать о ней книгу.

Я подумываю об этом.

Я так и полагал, что тебя может посетить эта идея.

Макото рассмеялся.

Ты никогда не читал ничего, кроме отчетов.

Если ты напишешь эту книгу, я ее прочту. У меня даже есть для нее название.

Да ну?

Да, – сказал Старк. – Я бы назвал ее «Бегство Чайнатаунского Бандита».

Броское название, – согласился Макото. Старк видел, что Макото до сих пор не уверен в том, насколько много ему известно. – Привлекает внимание. Хочется узнать, в чем же там дело.

Ну, как бы там ни было, Чайнатаунский Бандит вот-вот будет разоблачен, – сказал Старк. – И, что самое любопытное, он вообще не китаец.

Не китаец?

Нет, – подтвердил Старк. – Не китаец. А теперь могут произойти две вещи, одна плохая, а вторая еще хуже. Лучший вариант развития событий заключается в том, что его арестует полиция и он проведет ближайшие десять лет в тюрьме. Если, конечно, он там столько проживет. Хотя мне сомнительно, что в Сан-Квентине много

любопытного с литературной точки зрения.

Это – лучший вариант? – спросил Макото. – Да, звучит довольно мрачно. А каков худший?

Его убьют обозленные китайцы, – сказал Старк, – скорее всего, разделают заживо мясницкими ножами, потому что не слишком ему признательны за все те неприятности, которые он на них навлек, притворившись китайцем. А разделают его мясницкими ножами потому, что Бандит пользовался как раз китайским мясницким ножом, чтобы заставить людей думать, будто он китаец.

Хорошая деталь, – с непроницаемым лицом произнес Макото, – этот китайский мясницкий нож. Я и не думал, что у тебя столь богатое воображение.

Случается.

Похоже, твоя история неизбежно движется к трагедии, – сказал Макото. – Давай я немного поработаю над ней. Возможно, мне удастся добиться финала получше. Читатели предпочитают счастливый конец.

Не трудись, – отрезал Старк. – Я уже проработал конец.

И каков же он? Тюрьма или смерть?

Ни то, ни другое. Потому что произойдет неожиданный поворот сюжета. Любящий отец Бандита спасет своего сына, отослав его в Канаду прежде, чем полиция или китайцы успеют до него добраться.

В Канаду?

Совершенно верно, в Канаду, – согласился Старк, – и не для того, чтобы любоваться красотами севера. Бандит проведет год в Онтарио, на практике изучая добычу железной руды.

Макото потер подбородок, несколько театрально изображая раздумье.

С точки зрения сюжета Мексика была бы лучше. Тропический климат более романтичен. И мексиканские серебряные рудники предоставляют больше возможностей для приключений, чем канадские железнорудные шахты.

Бандиту не причитается больше никаких приключений, – решительно заявил Старк. – После достаточно долгого отсутствия, когда о нем забудут, он вернется в Сан-Франциско и займет подобающее ему место в правлении объединенной компании «Красный холм». Ясно?

Давай сойдемся на том, что этот пункт еще следует обсудить. Сын не всегда похож на отца.

Уж не вздрогнул ли он? Макото показалось, что Старк вздрогнул, как, похоже, всегда, когда речь заходила об их сходстве – или, точнее, его отсутствии.

В настоящий момент обсуждать нечего, – сказал Старк. – Да, и прежде, чем ты начнешь паковать вещи, принеси браслеты миссис Бергер, те, из золота и слоновой кости.

Хорошо, отец. Что мне брать из вещей?

Что хочешь. Ты уезжаешь через час.

Неужели есть необходимость в подобной спешке?

Самая настоящая, Макото. – Впервые за всю беседу в голосе Старка проскользнуло волнение. – Ты что, думаешь, что я шутил, когда говорил про полицию и китайцев?

Макото вздохнул и повернулся, собираясь выйти.

Один вопрос, – сказал Старк.

Да?

Почему?

Сын не всегда похож на отца. На самом деле, это еще было преуменьшение. Возможно, стоило бы сформулировать это в виде вопроса. Почему сын настолько непохож на отца? Но, конечно же, как сказал бы профессор Дайкас, вопрос отчетливо подразумевался уже в самом утверждении, каковое, несомненно, было причиной явного замешательства со стороны отца. Непроизвольная реакция, как сказала мать, тоже указывает на правду и фальш.

Когда Макого впервые заметил их несходство? Еще в детстве он обратил внимание на то, что куда больше похож на мать, чем на отца.

Это потому, что ты – наполовину японец, а у нас сильная кровь, – так сказала мать.

Макото принял это объяснение, потому что любое объяснение было лучше, чем никакого, и потому, что его мать, которая начала обучать его тайнам искусства истинного и неистинного с тех пор, как ему сравнялось пять лет, никогда ему не лгала. Во всяком случае, насколько он мог сказать. Позднее ему пришло в голову, что она была наставницей, а он – учеником, и она вполне могла утаить от него какие-то тайны искусства. Если кто-то и способен сделать так, чтобы его не поймали на лжи, так это мастер разоблачения лжи, не так ли?

Рождение его сестры, Анжелы Эмико – ему тогда было семь лет – заронило в душу Макото первые зерна сомнения, и они возросли после появления два года спустя его младшей сестры, Хоуп Наоко. В них, как и в самом Макото, тоже была половина японской крови. Но в них, в отличие от Макото, прослеживались черты и его отца-американца, а не только его матери-японки. И у Анжелы, и у Хоуп были темные волосы. Глаза у Анжелы были светло-карие, а у Хоуп – голубые, как у отца. И сложением они из себя представляли нечто среднее между обоими родителями. А у Макото были черные волосы и темно-карие глаза, как у матери, и хотя он вырос заметно крупнее ее, до отца ему было далеко.

В женщинах кровь слабее, чем в мужчинах, – сказала ему мать, объясняя это различие.

Но к этому времени, хоть Макото и не заметил никаких признаков обмана, ему уже трудно было безоговорочно принимать на веру объяснения матери. Во-первых, он стал старше. Во-вторых, он уже больше знал об окружающем мире. Его преподаватель естественных наук и математики, мистер Штраус, был ярким сторонником теории Менделя, ученого, монаха и собрата-австрийца. Все, что Макото узнал от него об открытиях Менделя в области скрещивания растений, подтверждалось в его сестрах и отрицалось в нем, Макото. Все это было по меньшей мере странно. А три месяца спустя, когда он встретил Сю-фонг, и вовсе сделалось неприемлемым.

У Сю-фонг были светло-коричневые волосы и зеленые глаза. «Мой отец – англичанин», – сказала она. «В женщинах кровь слабее», – говорила его мать, и вроде бы Сю-фонг подтверждала это утверждение. Английская часть была в ней видна так же наглядно, как и китайская. Но затем Макото встретил ее брата, Ши-яна. Он был в точности похож на Сю-фонг, только с поправкой на мужские стати. Интересно, что по этому поводу сказала бы его мать? Что китайская кровь слабее японской? Мендель утверждал иное.

Мистер Штраус, обсуждая вопросы генетики, предупредил Макото, что эта наука находится еще в состоянии становления, и ей еще многое предстоит выяснить,

особенно в том, что касается более сложных организмов. Он сказал, что вопрос о рецессивных и доминантных признаках значительно усложняется. Да это и не удивительно – ведь люди намного сложнее душистого горошка. Возможное количество составных частей, способных сыграть свою роль в определении этих признаков, просто поражает воображение, не так ли? Макото согласился с ним. И все же...

Он было подумывал задать этот вопрос родителям напрямую, но быстро отказался от этой идеи. Мать будет все отрицать, не моргнув и глазом, а отец – или, быть может, правильнее будет сказать «отчим»? – если уж он считает себя обязанным лгать, никогда не скажет правды.

Одолеваемый сомнениями и отчаяньем, Макото сделался мстительным. Но кому ему было мстить? Что было не в порядке? Кто был в этом повинен? А он сам – какой вред ему причинили? Он был богат – возможно, богаче всех своих сверстников в Сан-Франциско. Да, нельзя было не признать, что некоторые люди, принадлежащие к его социальной прослойке, презирали его, но никто не осмеливался оскорблять его в лицо. Этому препятствовали богатство семейства Старков и политические связи Мэттью Старка – а если не они, так более веские страхи.

Пять лет назад некий соперник Старка по развивающемуся сахарному бизнесу был найден плавающим в заливе. Отчасти его объели акулы, но часть тела сохранилась; и на торсе нетрудно было разглядеть огнестрельную рану – пуля вошла прямо в сердце. Хотя соперничество в данной сфере прекратилось, что, несомненно, было на руку Старку, никто не высказывал предположение, что он как-либо причастен к этой загадочной и прискорбной кончине. Лишь одна из городских бульварных газетенок решила иначе и напечатала статью, в которой связывала Старка с еще несколькими нераскрытыми преступлениями, включая совершенно смехотворные замечания насчет убийств, совершенных на Диком Западе и в Японии. Само собой, никаких имен там не называлось, но все было очевидно и так. Две недели спустя после публикации здание, в котором размещалась редакция газеты, сгорело, а вместе с ним и издатель газеты, он же редактор. Все указывало на то, что это был несчастный случай. Редактор был известным пьянчужой. Согласно командиру пожарных, жертва, должно быть, уронила керосиновую лампу, когда впала в обычное для него в вечернее время состояние опьянения. Однако же, теоретически существовала возможность того, что за этим происшествием крылось нечто более зловещее. И потому все всегда держались очень вежливо, хотя и не всегда приветливо и дружелюбно.

Три года назад Макото завершил домашнее обучение и поступил в Калифорнийский университет, который совсем недавно переехал в новый университетский городок, расположенный в Беркли-хиллз. Это было первым реальным опытом Макото в общении со сверстниками. И, к несчастью, среди этих сверстников оказался один молодой здоровяк по имени Виктор Бартон, чей отец был видной шишкой в Партии рабочих людей, ярой антикитайской группировкой, которая, как поговаривали, имела значительные шансы выиграть следующие губернаторские выборы. Бартон, который явно был не в состоянии отличить китайца хотя бы от негра, не то что от японца, постоянно называл Макото то «желтым ниггером», то «китаезой». Макото, следуя совету отца, игнорировал Бартона, хотя иногда это становилось весьма затруднительным. Однажды Бартон не появился на занятиях, а его приятели-студенты отчего-то сильно нервничали. Позднее Макото узнал, что накануне на Бартона, возвращавшегося домой из таверны, кто-то напал. Нападающие, приближения

которых Бартон не увидел и не услышал, и даже не знал, сколько их было, сломали ему правую ногу в колене, правую руку в локте и челюсть – посередине. Травмы были таковы, что Бартон оказался не в состоянии ни пользоваться костылем, ни внятно разговаривать, что с неизбежностью повлекло за собою его уход из университета.

После этого все снова сделались исключительно вежливы с Макото.

Макото спросил Сёдзи и Дзиро, двух японцев-клерков, работающих в объединенной компании «Красная гора», не знают ли они, что случилось с Бартоном. Он задал этот вопрос во время их ежедневной тренировки по рукопашному бою, в котором оба японца были весьма сведущи, поскольку до переезда в Калифорнию являлись самураями на службе у мистера Окумити. Макото всегда разговаривал с ними по-японски, как и они – с его матерью.

Мы слышали об этом, – сказал Сёдзи. – Не повезло ему, а?

Не повезло, – согласился Дзиро, – но, насколько я понимаю, этот молодой человек не отличался благовоспитанностью. Таких людей часто сопровождает невезение.

Подождите, Макото-сан! Вы неправильно выполняете этот захват. – Сёдзи взял Макото за руку. – Расслабьтесь. Если вы напряжете мышцы, я почувствую ваше движение. Самый эффективный захват – это тот, которого не замечают.

Вы ничего с ним не делали?

С кем? С этим Бартоном? – Сёдзи посмотрел на Дзиро, и они дружно пжали плечами. – А зачем он нам? Мы его даже не знаем.

Попробуйте увидеть в этом хорошую сторону, – предложил Дзиро. – Он не отличался благовоспитанностью. Теперь, когда его не будет в университете, вам станет легче учиться.

Внимание! – сказал Сёдзи, и провел бросок. Если бы он не подстраховал Макото в последний момент, то сломал бы себе плечо. Так же юноша только грохнулся на татами с такой силой, что у него перехватило дыхание.

Вот видите? – спросил Сёдзи. – Вы не почувствовали захвата, и бросок оказался для вас неожиданностью. Запомните это, Макото-сан.

Я запомню, – пообещал Макото.

Так на свет появился Чайнатаунский бандит – не столько ради мести, сколько из острой потребности вести собственную битву, на собственных условиях.

Сперва он забирался в чужие дома, чтобы осознать, насколько уязвимы люди, особенно люди, считающие, что их богатство и положение в обществе делает их недосыгаемыми для всяких там подонков. Он пробирался внутрь, используя перчатки и сандалии с когтями, одетый во все черное, черный, словно сама ночь. Изучал спальни, прислушиваясь к обрывкам долетающих снизу застольных разговоров, просматривал содержимое шкафов и шкатулок с драгоценностями. С этим он завязал после того, как случайно увидел Мэг Частайн, девушку, которую знал с раннего детства, выходящей из ванны. Это ввергло его в такое смущение, что с тех пор при одной лишь мысли о тайном проникновении в чужой дом он безудержно краснел.

Но раз начав уже трудно было остановиться. Дома исключались. Значит, оставались улицы. И что там делать? Изображать из себя Робин Гуда? Отнимать у богатых и отдавать бедным? Идея грабить богатых его притягивала. Но отдавать бедным? Каким бедным? Большинство бедняков города были либо китайцами, либо белыми рабочими, ненавидящими этих самых китайцев. Вряд ли кто-нибудь из них воспримет его благодеяния с признательностью.

Затем, как-то зайдя пообедать в «Нефритовый лотос», Макото заметил молодую

женщину, которую сперва даже принял по ошибке за свою сестру Анжелу, невесть зачем нарядившуюся в китайское платье чон-сам. Но, присмотревшись повнимательнее, понял, что сходство лишь мимолетное, и всецело обусловлено смешанным происхождением. Соответственно, Макото влекла к Сю-фонг не любовь и не плотское желание, а подтекст, кроющийся за самим ее существованием, существованием ее брата, их сходством с его сестрами и несходством между ним, Макото, и ими всеми. Насколько вероятно то, что он и вправду тот, кем его именуют – а именно, сын Мэттью Старка? Все наглядные доказательства заставляли предположить, что это очень маловероятно.

История Сю-фонг была проста: ее гнали и отвергали и англичане, и китайцы, и в конце концов ее продали в проститутки. Теоретически для нее существовала возможность расторгнуть контракт, расплатившись с хозяином, но сумма была велика, а ее долг У Чун Хину постоянно рос. Свобода все более превращалась в недостижимую мечту.

Вот так и случилось, что Макото обрел своего бедняка, для которого он мог стать Робин Гудом.

Ему следовало бы поблагодарить бывшего соученика, Виктора Бартона, за идею прикинуться китайцем. Бартон не видел разницы. Добавить пару броских деталей – скажем, китайский мясницкий нож и ругательства на ломаном китайском, – и кто ее разглядит? Только настоящий китаец, а их Макото грабить не собирался. Полиция будет искать преступника в Чайнатауне. Никому и в голову не придет заподозрить обеспеченного молодого человека, проживающего среди страдающих от грабителя богачей Ноб-хилла.

Все это было классно – пока не закончилось. Макото запихал наугад отобранную одежду в дорожную сумку, но мысли его при этом были заняты другим.

Я надеюсь, ты будешь хорошо себя вести в Канаде, – сказала мать.

Придется, – отозвался Макото. – Что еще остается делать на канадской железодобывающей шахте?

Неприятности можно найти везде, – сказала мать, – и везде они могут найти тебя, если ты не будешь осторожен. Так что будь осторожен.

Я всегда осторожен.

Пиши мне почаще. По-японски.

Я буду писать на кана, – сказал Макото. Кана было простым, фонетическим письмом. Ему так и не удалось по-настоящему освоить две тысячи иероглифов кандзи, необходимых для основ подлинной грамотности.

У тебя будет с собой словарь. Неплохая возможность попрактиковаться в кандзи.

Макото посмотрел на мать, и, как всегда, поразился тому, насколько молодо она выглядит, какие у нее нежные черты лица, какая эмоциональная, хрупкая натура, казалось бы, скрывается за ее мягким, почти нерешительным голосом. И все это – иллюзия. По внешности мать годилась Макото в младшие сестры, но на самом деле она была вдвое старше его. Изящная фигура создавала обманчивое впечатление, скрывая ее подлинную силу. В том же, что касается эмоций, Макото ни разу в жизни не видел, чтобы она выказала страх или уныние. Теперь, когда ему так много хотелось выяснить про себя, он начал задумываться и о ней. Он очень мало знал о матери – даже меньше, чем об отце, а об отце он почти ничего не знал.

Сколько тебе было лет, когда ты приехала в Калифорнию?

Двадцать. Я же не раз тебе говорила.

Мать вопросительно взглянула на Макото.

Ты боялась?

Мать улыбнулась; она занималась тем, что аккуратно складывала рубашку, которую Макото засунул в сумку комом.

Мне некогда было бояться. Ты появился на свет почти сразу же после того, как мы сошли на берег.

Ты когда-нибудь жалела о том, что покинула Японию?

Откуда так много вопросов?

Ну, я ведь уезжаю из дома. Что же удивительного в том, что мне хочется знать, как ты уезжала из своего дома? Конечно, ты уехала добровольно, и уже не вернулась обратно. Я же вынужден уехать, но я со временем вернусь домой.

Есть одно известное высказывание, – сказала мать. – «Сожаление – эликсир поэтов». Я никогда не была сильна в поэзии.

Макото-сан, миссис Старк, – появившийся на пороге Дзиро поклонился им обоим. – Вы готовы? Я буду сопровождать вас в Канаду.

Замечательно, – отозвался Макото. – У меня даже будет нянька.

Будь осторожен, – напутствовала его мать, – и возвращайся целым и невредимым.

Не волнуйся. Год пролетит незаметно, и я вернусь прежде, чем ты успеешь соскучиться.

Позаботься о нем, Дзиро.

Слушаюсь, миссис Старк.

Но Дзиро не представилось такой возможности. Памятуя недавно полученный урок о незаметном захвате, Макото распространил этот принцип на текущую ситуацию, и исчез, когда они добрались до железнодорожного вокзала. Дзиро, задыхающийся от бега, вернулся домой всего через час после того, как он ушел оттуда вместе с Макото.

Мистер Старк! Макото исчез!

Они обыскали железнодорожный вокзал, спросили всех, кого только смогли, но ничего не выяснили. Никто не видел юношу, который по описанию совпадал бы с Макото (за исключением тех моментов, когда он еще был вместе с Дзиро), – а ведь молодой человек азиатской наружности, одетый как богатый студент, неизбежно должен был привлекать к себе внимание. Старк приказал обыскать и остальные части города, но он понимал, что уже поздно.

Канада его не привлекала. Макото придумал что-то получше. Мексика казалась более вероятной, поскольку он упоминал ее в последней беседе.

Дзиро сидел на коленях, склонив голову. Его терзал стыд. Он сидел так, ссутулившись, впав в отчаянье, с тех самых пор, как потерял Макото на вокзале. Хотя он был одет в современную европейскую одежду, поза его была позой самурая, не выполнившего свой долг. Двадцать лет, проведенные в Америке, не повлияли на основы его мировоззрения. Старк знал, что если он не сумеет осторожно распутать эту ситуацию, вполне может случиться так, что Дзиро совершит самоубийство, дабы загладить то, что он считал позорным промахом.

Дзиро, – строго произнес Старк. – Почему ты бездельничаешь? Сейчас же отправляйся на почту и отправь телеграмму Мендозе. Когда вернешься, собирайся в дорогу. Я рассчитываю, что ты нагонишь Макото. Постоянно оставайся при нем.

Да, сэр, – отозвался Дзиро. Полученный выговор придал ему энергии. Старк знал, что если он почувствует себя достаточно наказанным и по-прежнему полезным, он останется жить. – Что следует написать в телеграмме?

О Господи, человеке, ты что, сам не соображаешь? Напиши, что Макото, возможно, выехал к нему.

Да, мистер Старк. Вы совершенно правы.

Дзиро поклонился и повернулся, собираясь уйти.

Подождите! – сказал вошедший в комнату Сёдзи. В руках у него была записка. – От У Чун Хина. Срочно.

Старк знал, что написано в этой записке, прежде, чем прочел ее. Девушка. Он совсем забыл о ней. А вот Макото не забыл.

Пол маленькой комнаты в борделе при «Нефритовом лотосе» был залит кровью, натекшей из шести трупов. Четверо из них были застрелены, трое – в грудь, и один – в лицо. Пороховые ожоги свидетельствовали о том, что выстрелы были произведены с близкого расстояния. Пятый был зарезан ножом, возможно – его собственным, который до сих пор торчал у него в груди. Прежде, чем добраться до сердца, этот же нож выпустил ему кишки. Убийство, совершенное в гневе. Старк взглянул на девушку. Возможно, именно этот человек с выпущенными кишками несколько ранее убил Сю-фонг. Девушка была красива; в ее лице гармонично сочетались европейские и азиатские черты. Ей было лет шестнадцать-семнадцать, не больше. У нее было перерезано горло.

Макото ее не убивал, – сказал Старк. – Это сделал тот человек.

У Чун кивнул.

Он, по его словам, пришел, чтобы освободить ее. Она же э-э... пострадала по недосмотру.

Где он?

Где бы он ни был, – сказал У Чун, – он обречен. Теперь хорошего выхода не осталось.

Он взглянул на полдюжины полицейских, которые толклись в комнате, мешая друг другу.

Вон тот офицер как раз ел в ресторане. Он услышал выстрелы. И очутился здесь через мгновение после того, как Макото ушел.

Он ранен?

Не думаю. Вот к этому, – У Чун указал на покойника с обожженным порохом лицом, – он подошел ближе всех, а его нож не в крови. Я глубоко сожалею, мистер Старк. Я надеялся, что проблема решена. Кто бы мог подумать, что он совершит столь глупый шаг – рискнет всем ради проститутки?

Старк мысленно сказал себе, что он мог бы – и должен был бы – подумать об этом. Он и сам поступил почти в точности так же, когда ему было столько же, сколько сейчас Макото. Эль-Пасо сменился на Сан-Франциско. Место другое – результат тот же самый. Его женщина тоже умерла из-за него, и куда хуже, чем эта. «Сын не всегда похож на отца», – сказал Макото. Иногда он все-таки был на него похож – чрезвычайно плачевным образом.

Один из копов, одетый вместо мундира в гражданский костюм – тот самый офицер, о котором упоминал У Чун, – подошел к ним и приподнял шляпу.

Мистер Старк.

Старк несколько раз встречался с ним, по поводу краж на верфи. Жизнерадостный, полный ирландец, похожий скорее на дружелюбного бармена, чем на стража порядка. Офицер Маллиган. Улисс Маллиган.

Помощник шерифа Маллиган.

Какая неприятность! – заметил Маллиган.

Да, но весьма счастливая для вас неприятность, – сказал Старк. – Насколько я понимаю, вы – первый из офицеров, оказавшихся на месте происшествия.

Совершенно верно, мистер Старк. – Произнося эти слова, Маллиган вопросительно взглянул на Старка. – Я тут зашел слегка перекусить. Лапшой со свининой в красном соусе.

Благодарите ваш аппетит, помощник шерифа Маллиган. Вы – герой. Вы поймали Чайнатаунского Бандита и положили конец ужасу, который он навел на добропорядочных граждан.

Полицейский поочередно посмотрел на трупы, потом снова взглянул на Старка.

И который из них – Бандит, сэр?

Тот самый, которому вы выстрелили в лицо, когда он кинулся на вас с китайским мясницким ножом.

Маллиган нахмурился и снова уставился на трупы.

Тогда получается, тут была банда? И вся банда застрелена?

Нет, он был преступником-одиночкой, дерзким, и, возможно, свихнувшимся. – Старк снял с пояса револьвер тридцать восьмого калибра и подал Маллигану рукоятку к нему. – Он был вооружен револьвером и мясницким ножом, в точности как и описывают пострадавшие. А эти люди и девушка – всего лишь несчастные бедолаги, случайно оказавшиеся рядом.

Маллиган взял револьвер и осмотрел его.

Он полностью заряжен.

Я сомневаюсь, что он останется таковым к тому моменту, когда очутится в отделении полиции и будет зарегистрирован в качестве вещественного доказательства, – сказал Старк. – Я полагаю, что за это вас повысят до заместителя начальника полиции. Я уверен, что начальник полиции Вильсон говорил мне что-то в этом роде, когда мы с ним вчера вместе обедали.

Я не понимаю, сэр, – сказал Маллиган.

А вам так уж это необходимо, заместитель начальника Маллиган?

Маллиган медленно расплылся в улыбке, а в глазах его заплясали веселые огоньки.

Нет, мистер Старк. Думаю, не особенно. Моя жена очень обрадуется прибавке в жалованьи.

В таком случае, позвольте мне первым поздравить вас.

Старк и Маллиган пожали друг другу руки.

Да, но если это Чайнатаунский Бандит, то где же то, что он наградил?

Старк взглянул на У Чуна.

Где-то спрятано, а где – неведомо, – отозвался тот.

Поскольку Бандит схвачен, жертвы чрезвычайно огорчатся, если им не вернут их имущество. Думаю, вы временно убрали драгоценности с места происшествия, чтобы уберечь, а теперь с радостью передадите их мистеру Маллигану.

У Чун недовольно нахмурился.

Да.

Конечно же, благодарные бизнесмены с радостью выплатят вам вознаграждение. Скажем, тысячу долларов.

Полагаю, воистину благодарные бизнесмены могут быть и более щедрыми, если учесть потери, которые я понес из-за своей готовности услужить. Скажем, две тысячи долларов.

Думаю, это вполне справедливо, – согласился Старк. Эта проблема была решена. Но другая осталась. Где Макото? Теперь он не поедет в Мексику. Но куда он отправится?

Ну и паршивый же выдался ужин, – сказала Хоуп, когда они вместе с ее старшей сестрой Анжелой отправились наверх, в свою спальню. Хотя она была на два года младше сестры – ей было всего одиннадцать, высказывалась она куда чаще. – Когда они принимают за друга друг друга «мистер Старк» и «миссис Старк», сразу ясно, что они из-за чего-то поссорились.

С Макото что-то случилось, – сказала Анжела. – В этом все дело.

Да с ним никогда ничего особенного не случалось, – возразила Хоуп. – Он же мальчишка. Он всегда вывернется.

Я слыхала, как Дзиро и Сёдзи говорили насчет полиции. Что-то нехорошее произошло в Чайнатауне.

Чайнатаунский Бандит! – воскликнула Хоуп, встревожившись. – Неужто он напал на Макото?

Анжела покачала головой. Хоуп видела, что сестра хочет сказать что-то еще, но почему-то не решается.

Да ладно тебе, Анжела, давай, говори!

Мой японский не очень хорош, – сказала Анжела. – Я могла неправильно понять. А они еще говорили на акаокском диалекте, потому их было еще труднее понять.

Ну так что они сказали?

Анжела глубоко вздохнула, прежде чем ответить.

Они говорили, будто Макото кого-то убил.

Что?!

Анжела заплакала.

Я боюсь, он никогда не вернется домой...

Макото проснулся на борту шлюпа «Гавайский тростник». Его мутило. Дело было не в излишке спиртного, которое он выпил вчера вечером, – хотя оно ему не помогло, – и не в морской болезни, вызванной качкой, – хотя она, несомненно, внесла свой вклад. Дело было даже не в насилии, не в крови, не в смерти – даже не в смерти Сю-фонг. Дело было в ее взгляде, который она бросила на Макото в тот самый момент, когда кули перерезал ей глотку. Этот взгляд обвинял его в предательстве. Он дал ей обещание, и она полагалась на него, а он допустил, чтобы ее убили. Это был совершенно не тот героический финал, который Макото планировал для «Бегства Чайнатаунского Бандита».

Правда, сказать, что он сбежал, тоже было нельзя. Полиция от него не отстанет, так же как и китайцы. Мэттью Старк ошибался. Скверных вариантов было не два, а три, и третий объединил в себе все сразу. Со временем они настигнут его, и бежать будет некуда, но еще останется возможность написать героический, хотя и трагический финал – о том, как Чайнатаунский Бандит сражался насмерть.

Но прежде, чем это случится, ему нужно еще кое-что сделать.

Макото встал с койки и вышел на палубу. Он смотрел, как светлеет небо на востоке.

Земля восходящего солнца.

Впрочем, это зависит от того, где ты находишься во время восхода солнца. Сейчас для него землей восходящего солнца была Калифорния. Макото взглянул на запад, на темную половину неба, в сторону Гаваев и сторону Японии.

Интересно, удивится ли Гэндзи, увидев Макото? А если Макото увидит в нем то, что, как он думает, он может увидеть, что он скажет, когда Макото задаст ему один-единственный вопрос, вопрос, ради возможности задать который он пересек Тихий океан? Тот самый вопрос, который Мэттью Старк задал Макото в совершенно другом контексте.

Почему?

ГЛАВА 6

Дикоглазая

Жена князя родила дочь. Шли годы, но ни жена, ни наложницы не родили ему больше ни одного ребенка. Это наводило страх на вассалов князя. Если не будет наследника мужского пола, сёгун постарается уничтожить клан и наверняка преуспеет. Однако же князь нисколько не беспокоился, поскольку девочка еще в раннем детстве стала выказывать все признаки великой красоты.

Князь сказал своему главному телохранителю: “На свете есть лишь одна вещь хуже красивой дочери. Можешь ты ее назвать?”

Телохранитель сказал, что не может.

“Это – уродливая дочь”, – сказал князь.

Телохранитель не знал, говорит ли князь всерьез, или в шутку, а потому не стал ни смеяться, ни выразить согласие, а просто поклонился”.

“Аки-но-хаси”. (1311)

1882 год, монастырь Мусиндо

А кто ваши родители? – спросила преподобная настоятельница Дзинтоку.

Молодой человек расхохотался и сказал:

Это хороший вопрос! Очень, очень хороший вопрос.

Конечно, это хороший вопрос. Я – здешняя настоятельница. Это моя роль в жизни – задавать хорошие вопросы. Как вас зовут?

Макото.

Это было лишь личное имя, без родового. Ну что ж. Ее это не касается, чтобы осуждать или чего-то требовать. Если молодой человек не хочет называть себя, это его

дело.

Я полагаю, Макото-сан, что вы размышляете, не удалиться ли вам от мира, – сказала настоятельница.

С чего вы это взяли? – возразил Макото. – Это – самый маловероятный для меня жизненный путь.

Я наделена даром различать духовные устремления, – сказала настоятельница.

Она не имела подобного дара. Но зато она хорошо умела замечать дорогую одежду, хорошую стрижку и уверенный вид, который дает лишь обеспеченная жизнь. И все это она видела в Макото. Монастырю Мусиндо, как и любому религиозному заведению, никогда не помешает еще один покровитель. Немного религиозного самообольщения зачастую может привести очень далеко. Даже те, кто считали себя совершенно лишенными веры, часто смягчались, когда им говорили то, что они желали услышать.

В самом деле? – Макото улыбнулся. – Вы сказали, что ваша роль – задавать вопросы. Я всегда думал, что религиозные лидеры отвечают на них.

Я – не религиозный лидер, – отозвалась настоятельница. – Я – своего рода привратница. Я убираю и храню это место. Образно выражаясь. Не хотите ли выпить со мною чаю? Мы могли бы поговорить об этом.

Благодарю вас, преподобная привратница, – сказал молодой человек и поклонился, сложив руки в буддистском жесте. – Может быть, как-нибудь в другой раз. Теперь же мне нужно возвращаться в Токио.

Чтобы найти своих родителей – или чтобы найти себя? – поинтересовалась настоятельница.

А разве одно не ведет с неизбежностью к другому?

Очень хороший вопрос, Макото-сан. Быть может, у вас тоже есть дар к привратницкой работе.

Спасибо за комплимент, – сказал молодой человек. Поклонившись в последний раз, он развернулся и зашагал вниз по тропе, к воротам монастыря.

Настоятельница смотрела ему вслед, пока он не скрылся из вида. Кого же он ей напоминал? Ну, ладно, вспомнится позднее. Или не вспомнится. Неважно. Настоятельница была уверена, что увидит его снова. Его замечания об истинной истории битвы свидетельствовали, что история Мусиндо интересует его куда сильнее, чем обычного посетителя. Да, Макото-сан вернется – быть может, в качестве щедрого, постоянного жертвователя. Настоятельница пошла прочь от ворот, в свою мастерскую.

Из всех обязанностей, налагаемых на нее ее должностью, преподобная настоятельница Дзинтоку больше всего любила подготовку священных реликвий. Прежде, чем предложить их посетителям, пули, обугленные кусочки дерева и обрывки свитков следовало разложить в футляры, изготовленные из полого бамбука, размером чуть больше мизинца, видом слегка напоминающие этот самый мизинец, только мумифицированный – благотворное для посетителей напоминание о ненадежности великолепия и неизбежности судьбы, ожидающей все живые существа. После того, как посетитель выбирал себе какой-нибудь из футлярчиков, производилась проверка его содержимого, с благодарностью принималось пожертвование и футлярчик заново закрывали бамбуковой пробкой. Поначалу реликвии продавались за фиксированную цену, но настоятельница, обладавшая врожденной деловой хваткой и проницательностью в том, что касалось человеческой природы, верила, что добровольные пожертвования будут давать большую прибыль, и эта вера быстро

оправдалась – доходы возросли вдесятеро. Когда посетителям предоставляли решать данный вопрос самостоятельно, те, кто искал материальной помощи у царства иного, изрядно завышали цену, чтобы не нанести оскорбление духам, которых просили о помощи.

Позднее настоятельница принялась делить пули на четыре части и класть в футлярчики еще меньшие кусочки дерева и свитков. Популярность этих амулетов привела к значительному сокращению запасов, некогда казавшихся неисчерпаемыми. Настоятельница без малейших колебаний стала бы их фабриковать, когда они окончатся, – ее религиозные воззрения гласили, что искренняя вера намного важнее материальной реальности, – но простоты ради предпочитала как можно дольше сохранять подлинные предметы. Однако же она не считала безответственную честность достоинством. Если монастырь не сможет более предлагать посетителям реликвии, поток гостей иссякнет, – а они давали средства к существованию значительному количеству жителей деревни Яманака. Настоятельница была духовным лидером общины, на нее полагались, и если бы она допустила подобное, ее бы замучала совесть.

Эта работа, которую настоятельница исполняла уже много лет, имела свой естественный ритм, освобождавший ее от груза мыслей. В левой руке – бамбуковая трубочка, в правой – обрывок свитка; глаза следят за обоими руками, бамбучиной и бумагой; слух, не сосредотачиваясь на этом специально, улавливает стук сердца, ее дыхание, отдаленный детский смех. Настоятельница закрыла футлярчик подходящим кусочком бамбука, так, чтобы обрывок свитка не выпал и не потерялся, но не слишком туго, чтобы пробку можно было вынуть, когда посетители примутся рассматривать и выбирать реликвии. Затем она положила футлярчик в коробку с футлярами, содержащими обрывки бумаги, и начала процедуру заново.

Левая рука потянулась за бамбуковой трубочкой – их нарезали в роще, растущей за храмом.

Правая рука взяла кусочек бумаги, оставленной в храме госпожой Эмилией.

Сердце в груди издало медленный шуршащий звук, словно некое морское существо, неспешно плывущее в благоприятных водах.

Ее дыхание было очень расслабленным; оно замедлялось, останавливалось и возобновлялось в собственном ритме.

Дети засмеялись снова – на этот раз еще дальше; они уходили в сторону долины.

Преподобная настоятельница Дзинтоку закрыла флакон подходящим кусочком бамбука.

Так прошло несколько вздохов, минут или часов. Поскольку с каждым футляром настоятельница начинала все заново и не задерживалась ни на каких мыслях во время работы, она не осознавала течения времени. Лишь когда она останавливалась и видела количество прибавившихся футляров или замечала, насколько удлинились тени – а иногда и вовсе успевало стемнеть, – она вспоминала о времени. Тогда она шла в зал для медитаций, для вечернего бдения, прежде чем отправиться спать.

Но сегодня преподобная настоятельница не до конца растворилась в любимом занятии. Она продолжала думать об этом красивом посетителе со странным акцентом, а потом поймала себя на том, что от мыслей об этом посещении перешла к воспоминаниям о том, давнем визите госпожи Эмили и госпожи Ханако. Это произошло во время тех трагических и печальных событий, после которых монастырь Мусиндо сделался женским монастырем. Или, возможно, следует сказать “вновь

сделался”, поскольку если то, что рассказали Кими две госпожи, было правдой, изначально монастырь был именно женским. Это было почти шесть сотен лет назад. И оба раза он становился женским при весьма странных обстоятельствах. В эту историю верилось с трудом, но она объясняла одну из загадок этого места, или, по крайней мере, происходящие здесь события, если не их подлинную природу.

Неудивительно, что этот непрерывный поток воспоминаний и размышлений не давал настоятельнице соскользнуть в тот созерцательный покой, что обычно сопровождал эту работу. Да, верно, мысли, как и наши “я” – это всего лишь пузырьки на поверхности потока. Но когда она снисходительно позволяла себе сосредоточиться на пузырьках, поток не мог унести ее прочь. Иногда наилучшим выходом было прекратить все попытки. Настоятельница вернула свитки, пули и кусочки дерева в хранилище, собрала подготовленные флаконы и направилась в зал для медитаций. Прежде, чем войти туда, она остановилась у стола, на котором святые реликвии выставлялись на обозрение гостей, и разложила флаконы по местам.

Вечерние медитации были для монахинь Мусиндо делом добровольным. Необходимость участвовать в утренних и дневных медитациях диктовалась частым присутствием гостей из внешнего мира. Это было, в некотором смысле слова, представление, предназначенное для укрепления репутации монастыря. Но по вечерам гостей не было, а значит, не было и неотложной нужды в вечерней медитации. В начале существования монастыря в нынешней его ипостаси в них не участвовал никто. За прошедшие годы многое переменилось, и теперь в них участвовали все – хотя бы понемногу. Даже те, у кого были семьи в деревне, сколько-то медитировали, прежде чем переодеться в мирскую одежду и отправиться домой.

Ясуко была первой, кто стал медитировать по вечерам.

Она сказала: “Если я буду искренней и упорной, Будда наверняка ответит на мои молитвы и излечит мое увечье. Ведь правда, преподобная настоятельница?”

Ясуко – это была та самая девушка, которая пыталась повеситься в бараке работоторговцев в Йокогаме, но лишь повредила себе шею. Ей отчаянно хотелось вернуться в родную деревню, выйти замуж, родить детей и вести обычную жизнь. Но никто никогда не взял бы в жены женщину, у которой голова так по-идиотски свисает набок. И потому она каждую свободную минуту проводила в зале для медитаций.

Будда так и не вылечил шею Ясуко, но, возможно, он услышал ее молитвы и ответил на них по-своему, потому что однажды – как казалось, совершенно внезапно, – все ее терзания, разочарование, гнев и отвращение к себе исчезли, и на Ясуко снизошел покой.

“Преподобная настоятельница, – сказала она, – я хочу взаправду принять монашество”.

Настоятельница провела ритуал – как она его запомнила по тому разу, когда старый настоятель Дзенген принимал монашеские обеты у Джимбо, пожелавшего стать последователем Будды. Единственное, что она из всего этого помнила твердо, так это четыре Великие обета, так что они с Ясуко и прочими присутствующими повторили эти обеты сто восемь раз, дойдя под конец до полного упадка сил.

Я клянусь:

Спасти все живые существа, сколько их ни есть на свете...

Всегда отвергать бесконечно возникающие желание, гнев и ошибочные взгляды...

Открыть сердце бесконечным путям истины...

Вплотить в себе благотворнейший Путь Будды...

На церемонию ушло почти все утро, и участники сорвали голос и несказанно устали – с некоторыми даже приключилось серьезное недомогание. А потому настоятельница решила, что для следующих соискателей сана хватит трех повторений, и вместо того, чтобы падать от усталости, можно будет просто поклониться. В конце концов, ведь ключ к спасению не в обряде, а в искренности – разве не так?

Несмотря на сомнительную традиционность церемонии, она, как и молитвы Ясуко, явно оказывала свое действие, ибо после нее Ясуко стала вести себя в полном соответствии с объявленными намерениями. Она стала столь же упорна и последовательна в исполнении всех требований монастырского распорядка, как и Горо. Постепенно ее примеру начали следовать и другие.

Изрядная нелепость ситуации не ускользнула от внимания преподобной настоятельницы. Истинно духовными людьми в Мусиндо были почти немой идиот и женщина, искалечившая себя при неудачной попытке самоубийства. И тем не менее, со временем и она тоже принялась медитировать даже тогда, когда не нужно было ничего изображать для гостей.

Настоятельница бесшумно заняла свое место среди монахинь.

Усевшись, она поначалу еще думала о количестве кусочков дерева, свитков и пуль, и размышляла, насколько еще им хватит священных реликвий. Хуже всего обстояло дело со свитками, поскольку их труднее всего было бы заменить чем-то новым. Кусочки свинца все похожи друг на дружку, а кусочки обугленного дерева – тем более. Но в виде старинной бумаги было нечто такое, что настоятельница не взялась бы воспроизвести. Она задумалась – не в первый раз, и, уж конечно, не в последний, – действительно ли эти свитки были тем, что осталось от «Аки-но-хаси», знаменитого сборника заклинаний, составленного в древности госпожой Сидзукэ, принцессой-ведьмой? Не то, чтобы это имело какое-то значение. Роль играло количество этой бумаги, а не ее сущность. И проблема покамест еще не требовала неотложных мер. Изначально свитков было двенадцать, а сейчас осталось восемь нетронутых и часть девятого. Однако же, никогда не мешает обдумать все наперед. Настоятельница размышляла об этом с самого начала медитации, но не смогла прийти ни к какому решению, а потому просто отложила эту проблему на время.

Затем она заметила звуки Мусиндо.

Когда она была маленькой, жутковатое поскрипывание, поскуливание и вскрики пугали ее, точно так же, как и всю деревенскую детвору. Они говорили, что тут живут призраки. Вот, слушайте! Вот голоса демонов и душ, которые они терзают! Дети прислушивались и верили, что и вправду слышат голоса сверхъестественных существ. Но это происходило лишь тогда, когда они прислушивались. Но как бы они ни вслушивались, им никогда не удавалось разобрать, что же эти голоса говорят. И это, конечно же, лишь добавляло остроты детским страхам. Если же они шли по делам, то никогда не слышали ничего, кроме шума ветра в кронах деревьев, криков птиц и, изредка, лая лисы, журчания ручья и голосов сборщиков дров, перекликающихся вдали.

В начале медитации звуки, которые слышала настоятельница, более всего походили на ветер, воду, голоса животных и людей, – и, скорее всего, этим они и являлись. Однако же по мере того, как ее дыхание замедлялось и сознание прояснялось, звуки неизменно принимали демонический характер, как в детском воображении. Действительно ли это происходило лишь потому, что она прислушивалась? Или это на самом деле были голоса обитателей иных миров, что

звали ее и напоминали ей о мимолетности жизни в этом мире? Всегда ли это было так, или началось лишь шестьсот лет назад, после появления здесь госпожи Сидзукэ? А если второе, то означает ли это, что госпожа Сидзукэ действительно была ведьмой? Или эти звуки, будь они реальными или вымышленными, не более чем не имеющие значения странности, сопровождающие вступление в медитацию?

В конце концов настоятельница оставила все догадки – какой смысл цепляться за то, что не ведет ни к чему реальному? – и без усилий вплыла через ограничение мысли в исполненный жизни покой.

1291 год, замок «Воробьиная туча»

Лето принесло бездонное горе госпоже Киёми и истинное бедствие всему клану. Ее супруг, господин Масамунэ, угодил в ловушку, столкнувшись с неожиданно крупными вражескими силами у мыса Мурото, и погиб, вместе с ее отцом, двумя ее старшими сыновьями и почти всеми самураями клана. В результате ее последний сын, Хиронобу, сделался правителем Акаоки; его поспешное введение во владение предшествовало тому, что должно было стать его первым и последним деянием как номинального главы клана – ритуальному самоубийству при приближении торжествующих врагов. Их вожди в любом случае убили бы его. Со смертью отца и братьев Хиронобу стал правителем их владений, а правители не сдаются. То, что Хиронобу было всего шесть лет, не имело ни малейшего значения. Его старшим братьям было десять и восемь лет, но юный возраст их не спас. Они отправились с отцом, чтобы впервые посмотреть на бой – предполагалось, что это будет обычная стычка. А вместо этого они погибли вместе с ним.

Теперь у самой госпожи Киёми в жизни осталось всего два дела. Она будет присутствовать при самоубийстве ее младшего сына – верный телохранитель, Го, отрубит Хиронобу голову, как только его нож вспорет кожу, – а затем она тоже умрет от своей руки. Киёми совершенно не собиралась оставаться в живых, чтобы терпеть унижения и дурное обращение со стороны захватчиков. Она не горевала о себе – но горевала о Хиронобу и ничего не могла с собою поделать. Ей было двадцать семь, так что она не успела стать бабушкой. Но все же она прожила неплохую жизнь возлюбленной, жены и матери. Хиронобу же стал правителем Акаоки, но его правление будет продолжаться всего несколько часов, а затем он умрет.

Но Хиронобу не умер, и госпожа Киёми – тоже. Он уже изготовился вонзить нож в живот, но тут из сухого русла ручья вдруг вспорхнула несметная стая воробьев, и шум их крыльев напоминал шум далекого прибоя, разбивающегося об берег. Они пролетели прямо над Хиронобу, словно крылатая туча. Мерцание света и теней создало впечатление, будто он сам мерцает – неземной, бесплотный, словно призрак, видимый лишь краем глаза. Это заметили все. Некоторые вскрикнули. Быть может, госпожа Киёми – тоже.

Это было знамение. Знак неодобрения со стороны богов. Это было ясно всем. Потому Хиронобу не стал себя убивать. Вместо этого он решил в ту же ночь повести немногих оставшихся самураев на врага. Вместо того, чтобы умирать на берегу ручья, он умрет на поле битвы. Это тоже смерть, но это более храбрая смерть, а бог воинов, Хатиман, любит смелых. Го же позаботится, чтобы мальчик не попал в руки врагов живым.

Когда госпожа Киёми опустилась на колени, чтобы привести в порядок доспех

Хиронобу, мальчик оказался почти одного роста с нею, благодаря воинским сапожкам и шлему, украшенному стилизованными железными рогами. Госпожа Киёми едва сдержала слезы. Миниатюрный нагрудник, маленькие, сделанные с расчетом на ребенка мечи, лакированные латные рукавицы и поножи – все это было предназначено для церемониальных целей, не для битвы, но вскоре будет использовано по прямому назначению. Лицо Хиронобу сияло такой гордостью, что госпоже Киёми едва не изменила сдержанность. Она заговорила – быстро, чтобы не дать пролиться слезам.

Помни – ты теперь правитель Акаоки. Веди себя подобающим образом.

Я буду помнить, – отозвался Хиронобу. – Мама, как я выгляжу? Я похож на настоящего самурая?

Ты – сын Масамунэ, правителя Акаоки, сокрушившего монгольские орды хана Хубилая в заливе Хаката. Ты и есть настоящий самурай. А настоящего самурая не должен волновать один лишь внешний вид.

Да, мама, я знаю. Но во всех этих историях про героев древности говорится, как великолепно они были одеты. Истории описывают их доспехи, знамена, шелковые кимоно, мечи, лошадей. Сказано, что одного лишь уверенного и воинственного вида князя Ёсицунэ хватало, чтобы сокрушить дух его врагов. И еще говорится, что он был очень красив. Так что для героев важна и внешность.

Истории все приукрашивают, – сказала госпожа Киёми. – Герои всегда красивы и победоносны. Их дамы всегда прекрасны и верны. Таков закон историй.

Но отец был красив и победоносен, – возразил Хиронобу, – а ты прекрасна и верна. Когда о нас будут рассказывать истории, рассказчикам не придется ничего приукрашивать.

Киёми не стала говорить сыну, что всем маленьким мальчикам кажется, будто их отцы красивы, а матери прекрасны. Если бы она заговорила, она бы разрыдалась.

Хиронобу выпятил грудь и попытался напустить на себя суровый вид.

Мама, я выгляжу уверенным и воинственным?

Держись рядом с Го, – сказала госпожа Киёми, – и делай то, что он тебе скажет. Если судьба велит тебе умереть, умри без колебаний, без страха, без сожалений.

Хорошо, мама. Но я не думаю, что я умру в этом сражении. – Он запустил пальцы под шлем и почесался. – Сто лет назад, во время битвы при Ичинотани, у князя Ёсицунэ было всего сто воинов против тысяч врагов. Как и у меня. Сто двадцать пять воинов против пяти тысяч врагов. Он победил, и я тоже одержу победу. Будут ли обо мне рассказывать истории, когда я умру? Я думаю, что будут.

Госпожа Киёми поспешно отвернулась и коснулась глаз мягким шелком рукавов. Когда она повернулась обратно, на губах ее была улыбка. Она подумала – какие слова подошли бы для сказочной истории? – и произнесла их:

Когда ты вернешься, я смою с твоего меча кровь наших самонадеянных врагов.

Хиронобу просиял. Он, словно воин во время битвы, опустил на одно плечо и коротко поклонился.

Спасибо, мама.

Госпожа Киёми коснулась ладонями земли и низко поклонилась в ответ.

Я знаю, что ты сделаешь все, что в твоих силах, мой господин.

«Мой господин», – повторил Хиронобу. – Ты назвала меня «мой господин».

А разве это не так?

Да, – ответил он и поднялся. – Это так.

Госпожа Киёми не надеялась увидеть его снова. Когда гонец принесет известие о

его смерти, она прикажет поджечь замок, а потом перережет себе горло. И не будет ни волшебной победы, ни легенд о красоте и мужестве. Однако же у нее окажется одна общая черта с героями и дамами этих сказаний. Она никогда не постареет.

Несколько дней спустя гонец примчался, но он принес известие не о смерти Хиронобу, а об одержанной им победе. Лето, начавшееся такой трагедией, завершилось поразительным торжеством. Горстка самураев Акаоки уничтожила большую часть армии, во много раз превосходившую их численностью.

Вести о невероятной победе, одержанной молодым господином Хиронобу в лесу Мурото, мгновенно разлетелись по стране. В Акаоку отовсюду стекались гости. Всем, кто услышал о знамени с воробьями, не терпелось самолично узреть отмеченного богами молодого господина. Маленький замок, свежепереименованный в «Воробьиную тучу», был просто-таки переполнен. К концу празднеств, длившихся целую неделю, когда начало казаться, что большинство гостей в замке владетельных самураев вскорости скончаются от алкогольного отравления, неожиданно изменившийся ветер, необычайно сильные раскаты грома и сверкание молний возвестили о приближении ранней осенней бури. Те, кто уже собрался было уезжать, остались до вполне предсказуемого будущего. Хоть это и казалось невозможным, но все сделались еще пьянее. Как ни поразительно, но никто от этого не умер.

Один лишь Го оставался трезвым. Он вырос на кумысе, алкогольном напитке, изготавливаемом из кобыльего молока, и так и не научился любить рисовое сакэ, несмотря на то, что прожил в Японии уже десять лет. Когда он проходил мимо пьяных гостей, его часто окликали.

Го!
Господин генерал!
Господин Го!

Го изображал улыбку, совершенно не отражающую его истинные чувства, и отвечал на приветствия. От скопления большого количества людей в замкнутом помещении ему делалось не по себе. В душе он остался степняком, и по-прежнему любил простор и ненавидел все загородки. Когда ему приходилось находиться в пределах давящих стен замка, да еще и среди стольких людей, у него перехватывало горло, дыхание становилось прерывистым, и его бросало в пот, как будто он подхватил какую-то смертельно опасную болезнь.

Но не толпы и не стены были главной причиной его внутреннего смятения. Буря беспокоила его куда сильнее. Он никогда еще не видел такого устрашающего буйства в небе. Ни в родных степях, ни на бескрайних равнинах Китая, ни среди гор и долин Японии. Сверкание молний непрерывно раздирало небо, а за молниями тут же накатывался грохот тысяч призрачных коней, скачущих галопом. А за время непредсказуемого промежутка между молнией и громом Го передергивало. Все это делалось еще более зловещим из-за странного покоя у самой земли. Несмотря на всю ярость стихии, земли не касался ни ветер, ни дождь, и вообще ничего, свойственного такой буре. Это было знамение. В том не могло быть ни малейших сомнений. Но что оно предрекало? Оно не могло возвещать о приближении новой Танголун. Го был

последним в роду ее потомков, и у него был всего один отпрыск, сын Чиаки. Проклятие ведьмовства могла унаследовать лишь женщина. Жена Го родила девочку до Чиаки, и еще двоих – после него. Го убил всех трех младенцев сразу же после родов. Жена плакала, но не задавала ему никаких вопросов и не пыталась его остановить. Как она и обещала, она ставила его счастье превыше своего. Значит, новая нюргенская ведьма не появилась на свет и не появится. Тогда почему при каждой вспышке молнии и при каждом раскате грохота небесных копыт его охватывает такой страх?

Среди нюргенов буря, пронесшаяся после победы, считалась предзнаменованием великой важности. Японцы, конечно же, смотрели на все это иначе. Для них буря была гневом бога грома, которого лучше всего умиротворяли молитвы, возносимые жрецами, подношения или пища, предлагаемые женщинами и детьми, и беспробудное пьянство мужчин. Последнее было вполне предсказуемо. Любое хотя бы мало-мальски значимое событие всегда влекло за собою потребление целого океана сакэ, рисового вина, к которому, судя по всему, все самураи успевали пристраститься еще в ранней юности. Если бы нюргены столько пили, они никогда бы не завоевали богатые пастбища между горами Синего Льда и рекой Красного Дракона. Если бы монголы столько пили, они никогда бы не завоевали нюргенов, и Го по-прежнему кочевал бы вместе со своими соплеменниками по просторам Центральной Азии.

Го! Иди выпей с нами!

Великий генерал! Просим, просим!

Твое имя навеки останется в ряду величайших героев Ямато!

Самураям нетрудно было восхвалять его столь безудержно. Он был чужеземцем и навсегда останется чужеземцем. А потому он не представлял угрозы ни для кого из них. Он никогда не будет плести заговоров против своего господина, никогда не будет стремиться заполучить собственные владения, никогда не поведет армию на Киото, дабы побудить императора даровать ему полномочия сёгуна. Чужеземец никогда не будет править княжеством, никогда не заручится верностью других владетельных самураев, никогда не станет сёгуном. Этой величайшей чести могли удостоиться даже не все самураи, а только немногие избранные, принадлежащие к клану Минамото, клану легендарного Ёсицунэ. Хиронобу состоял в отдаленном родстве с этим великим семейством – через свою бабушку по материнской линии. Быть может, когда-нибудь настанет день, когда он сможет задуматься об этой возможности. Но не Го. Он ведь даже не японец. И потому самураи, нисколько не колеблясь, громко и искренне восхваляли его.

Го не знал, что предвещает эта буря, но был не особо оптимистичен. Он помнил, что говорили старики в его племени. Если верить им, в последний раз грохот копыт в тучах звучал так громко перед рождением величайшей ведьмы нюргенов.

Танголун.

Танголун, из рода которой происходила его мать.

Та самая Танголун, которая велела легендарному Атилле идти на запад следом за солнцем. Считалось, что много столетий назад Атилла так и поступил, и гунны двинулись вместе с Атиллой, и обрели свой новый дом на западном краю мира, где и проживали до нынешнего времени и пасли свои стада на плодородных пастбищах,

защищенные кольцом гор и расселившись по обоим берегам могучей реки.

И как бы настойчиво Го ни утверждал, что это всего лишь басня, сочиненная его матерью, чтобы уверить всех в своих якобы существующих волшебных силах, ему никогда не удавалось переубедить стариков.

Гунны не все были перебиты монголами, – говорили старики. Те, кто пошел следом за Атиллой, выжили и бежали в горы Урала. Когда-нибудь и нюрнгены отправятся туда.

Древние, тайные истины ведомы ведьмам, – говорили старики, – которые скачут вместе с бурей и небесными табунами. Настанет день, и с бурей поскачет та, что разделяет с ними это знание.

Все предсказания его матери, – говорили старики, – всегда сбывались в точности, и невозможно отрицать силу ее заклятий. Настанет день, и явится чародейка, чьи заклинания откроют все тайны без исключения.

Го смеялся над ними. Его мать – мошенница, пекущаяся лишь о своих интересах и ловко дурачащая всех остальных.

Теперь же, в Японии, когда над головой у него грохотали копыта десяти тысяч незримых коней, он не мог смеяться. Что-то надвигалось.

И Го не верилось, что это будет нечто хорошее.

Ох!

Этот негромкий возглас прозвучал сразу же после того, как на Го налетело чье-то мягкое тело. Го увидел женщину, распростершуюся у его ног.

Прошу прощения, – сказал Го, мысленно проклиная свою неуклюжесть. Под открытым небом, верхом на лошади Го был таким же ловким и проворным, как драконьи танцоры, пролетавшие через пламя костров нюрнгенских орд. Но в помещении его подвижность становилась подобна подвижности упряжного быка. – Я не заметил.

Он протянул руку, чтобы помочь женщине подняться. Та тихо ахнула и засмушалась.

Она была очень красивой. И очень молодой. Лишь благодаря тому, что их тела прижались друг к другу при столкновении, Го мог сказать, что это женщина, а не девочка. Но это была женщина в первом расцвете женственности. По ее одежде и изяществу движений Го понял, что это благородная дама, вероятно – дочь кого-то из гостящих здесь господ. Их здесь было много. Одержанная Хиронобу невероятная победа внезапно сделала его самым завидным шестилетним женихом к югу от Внутреннего моря.

Вы ушиблись? – спросил Го.

Столкновение было не очень сильным. Никакая дочь нюрнгенов от него не упала бы, а если бы и упала, не лежала бы на земле так долго. Нюрнгенки ездили верхом и стреляли из лука не хуже мужчин, и лишь воин, способный превзойти девушку в этих искусствах, осмелился бы ухаживать за ней. А жены и дочери японской знати были совсем иными. Они гордились своей слабостью. Точнее говоря, они всегда притворялись куда более слабыми, чем были на самом деле. Го однажды увидел, как его собственная жена, тогда еще любимая наложница господина Масамунэ, отца Хиронобу, сломала пьяному самураю ключицу. Этот самурай, вассал другого господина, не зная, кто она такая, схватил ее за запястье. Она быстро взмахнула рукой. В следующий миг самурай полетел кубарем и врезался в колонну. Чуть-чуть правее, и он сломал бы себе шею.

«Как ты это сделала?» – спросил ее тогда Го.

«Что сделала, господин Го?»

«Бросила этого человека».

«Бросила его? Я? – Она прикрыла лицо рукавом и хихикнула. – Я такая маленькая и слабая, мой господин, как я могу кого-то бросить? Он был пьян. Он поскользнулся. Вот и все».

Нет, это было не все. Но она так ничего больше и не объяснила, даже когда они поженились. Даже теперь, после десяти лет совместной жизни и рождения их сына, Чиаки, она по-прежнему не желала об этом говорить.

«Это такая тайна, да?»

«Разве у женщин может быть что-нибудь такое, что заслуживало бы возвышения до уровня тайн?» – со смехом отвечала она.

«А если я попытаюсь сделать что-нибудь такое, что тебе не понравится, ты и меня бросишь?» – спросил Го.

«Все то, что угодно вам, не может мне не понравиться, мой господин. Ведь вы – мой супруг».

«А если я пожелаю причинить тебе боль?»

«Значит, я буду счастлива испытывать боль».

«А если только мучительная боль сможет доставить мне радость?»

«Значит, мучительная боль станет радостью, мой господин».

Го расхохотался. Он просто не мог удержаться. На самом деле, ему не верилось, что она пойдет настолько далеко, но она говорила столь серьезно и твердо, что он просто уже не мог удержаться.

«Я сдаюсь, – сказал он. – Ты победила».

«Как я могу победить, если я уступаю вам во всем?» – сказала она.

«Не знаю, – отозвался Го, – но как-то тебе это постоянно удается. Разве не так?»

Она улыбнулась.

«Вы хотите сказать, что я выигрываю, проигрывая? Это же бессмыслица, мой господин».

Интересно, – подумалось Го, – а эта юная женщина тоже знает, как швырять мужчин? На вид это казалось маловероятным. Она выглядела очень хрупкой, даже на фоне здешних женщин, постоянно подчеркивающих свою хрупкость. Она подождала, пока Го отступит на шаг, потом с некоторым усилием поднялась на ноги. Кажется, она повредила себе правое бедро. Она попыталась сделать шаг, но не удержалась на ногах и снова начала падать. Но Го был начеку. Он ее подхватил.

Она снова охнула, так же тихо, как прежде.

Она ухватилась за его руку и повисла на нем. Но Го не чувствовал тяжести. Она была не только очень красивой и очень молодой, но еще и очень легенькой. Возможно, она, в отличие от остальных, и вправду была насколько хрупкой, насколько казалась. Хотя она по необходимости и опиралась на Го, взгляд ее был неотрывно прикован к нему, и в глазах светился страх, как будто она охотнее пустилась бы от него наутек, чем цеплялась бы за него.

Успокойтесь, моя госпожа, – сказал он. – Я – Го, старший телохранитель господина Хиронобу. Вы можете положиться на меня так же, как положились бы на него.

Женщина снова охнула.

Го улыбнулся.

Вы очень красиво произносите «ох», моя госпожа. Попробуйте сказать что-нибудь еще. Посмотрим, получится ли это у вас так же красиво, или ваши чары распространяются лишь на слово «ох».

При этих словах юная женщина наконец-то улыбнулась. Застенчиво глядя на Го, она представилась:

Я – дочь господина Бандана, Новаки.

Тут над замком прогрехотал новый раскат грома. Должно быть, на лице Го что-то отразилось.

Вы боитесь грома? – юное лицо госпожи Новаки озарилось изумлением. – Я думала, вы – могучий монгол, который ничего не боится.

Я вовсе не монгол.

Разве вы – не тот самый Го, который десять лет назад высадился в заливе Хаката вместе с их войском?

Тот самый. Я был тогда нюргеном и им и остаюсь.

Нюрнгены – это такие монголы?

А вы – это такая китаянка?

Госпожа Новаки рассмеялась.

Конечно же, нет!

Точно так же, как не всякий, кто одевается в шелк, пьет чай и пишет на кандзи – китаец, так и не всякий, что ездит верхом, пасет стада и живет на приволье – монгол.

Я поняла, господин Го. Я больше не совершу подобной ошибки.

Она поклонилась.

Поскольку она по-прежнему продолжала держаться за Го, при поклоне она прижалась головой к его груди, а ее волосы оказались совсем рядом с его лицом. От ее густых волос исходило едва заметное благоухание. Оно напомнило Го о цветущих лугах, об аромате давно минувшей весны. Лишь такое юное существо могло осенью надуться весенними благовониями. Эта детская непоследовательность свидетельствовала об освежающей простоте.

Позвольте, я провожу вас в покои вашего отца, – предложил Го.

Новаки, прижавшись головой к груди Го, слышала, как его голос раздается сверху, и в то же время ей было слышно, как этот же голос отдается в его теле. Она надеялась, что он не чувствует, как у нее колотится сердце. Новаки закрыла глаза и попыталась успокоить дыхание. Бояться нечего. Все идет хорошо. Она с легкостью ускользнула от своей няньки. Старуха с каждым годом становилась все более рассеянной, и отделать от нее не представляло труда. Без этого Новаки не удалось бы раньше, еще летом, пофлиртовать с Нобуё или с Кодзи. Оба они были симпатичными молодыми самураями, но и только. Вскоре они вырастут и с неизбежностью сделаются такими же, как их отцы. Тупыми, вечно пьяными, неотесанными, хвастливыми мужланами.

Но сейчас Новаки казалось, будто все это минуло давным-давно. Го держал ее в объятиях! Он не заметил, как она следовала за ним. Новаки собрала все свое мужество и вышла ему наперерез, столкнулась с ним и притворилась, будто ушиблась. Хватит ли у нее храбрости на все прочее?

Новаки с детства слыхала истории о грозном варваре-монголе, состоящем на службе у господина Масамунэ. Когда ее отец заключал союз с Масамунэ, все с трепетом превозносили безграничное мужество Го, его сверхчеловеческую силу и

неимоверное умение управляться с лошадьми. Когда два правителя делались непримиримыми врагами – ими они бывали столь же часто, сколь и верными друзьями, – говорили о его бессердечной жестокости, зверином коварстве и чудовищной порочности. И те, и другие рассказы зачаровывали Новаки. Ее жизнь в глуши была очень скучной – такой же скучной, каким грозило стать и будущее. Ее отец был мелкопоместным землевладельцем, и перспектив у него было до обидного мало. И то же самое можно было сказать про всех их соседей. Старших сестер Новаки выдавали замуж за фигляров наподобие ее отца и братьев – господ грязной земли и вонючей рыбы. Все они лишь едва-едва умели писать. Никто из них даже отдаленно не походил на утонченных, тонко чувствующих, романтических героев «Записок у изголовья» или «Повести о блистательном принце Гэндзи».

Го тоже не походил на этих героев, но он, по крайней мере, был издалека. Он скакал по степям Азии с Хубилаем, великим ханом, повелевающим ордами монголов. Он видел изукрашенные драгоценностями города Китая, земли ледяных людей, обитающих на далеком севере, небывалых зверей южных джунглей, вершины гор Тибета. Сама Новаки никогда не бывала восточнее Внутреннего моря и западнее Акаоки. Если она поведет себя так, как от нее ожидают, то вскоре окажется обручена с кем-нибудь из этих деревенщин. Хиронобу был наилучшим кандидатом, но он ведь шестилетний сопляк! Ей несколько лет придется исполнять при нем роль няньки, а затем ей придется посвятить его в тайны плотской жизни, родить ему наследника, и так оно и покатится. Ей до конца жизни придется слушать его пьяное вранье вместо побасенок отца. Или, быть может, другой отцовский план принесет свои плоды, и ее отдадут в жены или наложницы какому-нибудь вельможе из императорского двора в Киото. Она однажды видала такого вельможу, принца, который приехал просить у ее отца помощи в каком-то деле. Это был бледный, напудренный слабак, разнаряженный куда причудлее самой Новаки. Он говорил по-японски так нарочито ритмично и женственно, что Новаки едва-едва его понимала. Он сказал, что путешествие из Киото сюда было таким тяжелым, что едва его не убило. А затем он прикрыл лицо рукавом и захихикал, словно девчонка. Да она лучше умрет, чем позволит подобному недоумку прикоснуться к себе, каким бы он ни был высокородным!

Затем она как-то в начале лета отправилась в одну из самых больших деревень во владениях ее отца; ее сопровождали Нобуё и Кодзи, исполнявшие при ней роль телохранителей – очень забавно, если учесть их опасную близость с нею. Обуреваемая скукой Новаки остановилась у хижины одной старой карги, пользовавшейся славой ворожеи. Старая мошенница устроила настоящее представление. Едва лишь Новаки перешагнула порог, как эта женщина, якобы бывшая слепой, уставилась в ее сторону, разинув рот, выронила горшок, который держала в руках, и, споткнувшись, отлетела к дальней стене.

«Это ты!» – сказала женщина.

«Да, это я, – согласилась Новаки, изо всех сил стараясь не рассмеяться, но ей это не вполне удалось. – А ты знаешь, кто я такая?»

«Я слепа, но я могу видеть», – зловеще произнесла старуха.

«В самом деле? И что же ты видишь?»

«Не столь много, сколь увидишь ты».

Вот теперь ей действительно удалось завладеть вниманием Новаки.

«А я много увижу?»

«Много», – отозвалась старуха.

«Что я увижу? – Новаки надеялась, что старуха заговорит о далеких странах. Если бы она так и сделала, Новаки охотно бы поверила, что эта старуха и вправду провидица. – Говори скорее!»

«Ты увидишь...» Старуха смолкла, так и не закры рот. Губы ее дрожали, веки трепетали, а впалые щеки подергивались.

Новаки терпеливо ждала. Пока что эта старуха заслуживала некоторого терпения. Даже если она и не умеет взаправду предсказывать будущее, она – очень хорошая актриса, и она, подобно всем хорошим актерам, имеет свое чувство времени, умение выбрать нужный момент, и его следует уважать. В этой глухой деревушке она просто пропадает зря. Живи она где-нибудь в Киото или Эдо, у нее, несомненно, было бы множество клиентов.

Старуха сказала: «Ты увидишь то, чего никто никогда еще не видел – и не увидит при твоей жизни, – за одним-единственным исключением».

Новаки радостно захлопала в ладоши. Исключение, о котором говорила старуха – это наверняка Го. Он был единственным, о котором, насколько было известно Новаки, можно было сказать, что он видел нечто такое, чего никто никогда еще не видел. И вот теперь она тоже все это увидит!

«Спасибо! Спасибо тебе большое! – кланяясь, сказала Новаки. – Когда я вернусь в замок, я пришлю тебе рис, сакэ и рыбу».

Старуха вскинула руки, как будто защищаясь от чего-то, и покачала головой. Она по-прежнему продолжала сидеть на корточках у дальней стены, на том же месте, куда упала. «Нет-нет, ты ничего мне не должна!»

«О, но я все-таки пришлю, – сказала Новаки. – Ты сделала меня очень счастливой».

Тем же вечером она начала обдумывать, как бы ей встретиться с Го и соблазнить его. Да, правда, она еще очень молода, но она внимательно прочла все классические труды по обольщению и уже успела попрактиковаться на Нобуэ и Кодзи. Конечно, с Го будет потруднее. Но Новаки была уверена, что найдет способ добиться своего, если только ей представится такая возможность.

И эту возможность дало ей празднование победы, одержанной Хиронобу в лесу Мурото.

Я не хочу идти к родственникам, – сказала Новаки. – Там все пьяны и только и делают, что повторяют те же самые глупости, которые они всегда рассказывают, когда напьются.

Они праздную великую победу, – сказал Го, – и потому имеют полное право напиться.

Но ведь эту победу одержали вы, а не они, – сказала Новаки, взглянув на него снизу вверх. – Благодаря монгольской тактике и монгольскому мужеству.

Новаки напрыглась. О, нет! Она снова совершила ту же самую ошибку и назвала его монголом! Как он там себя назвал? Иностранные слова так трудно запоминаются. На-лю... а дальше как? Новаки стало страшно: а вдруг она рассердила его и все испортила? Она притворилась, будто ей больно, и сильнее оперлась на Го. Видимо, ее притворство сработало, поскольку, когда Го заговорил, в голосе его не было гнева.

Победа принадлежит господину Хиронобу, – сказал Го; когда она изобразила слабость, он поддержал ее чуть сильнее.

Господин Хиронобу – шестилетнее дитя, – возразила Новаки, – едва ставшее

достаточно взрослым, чтобы самостоятельно сходить в туалет и не провалиться туда.

Го рассмеялся.

И тем не менее, победа принадлежит ему. И ему не вечно будет шесть лет. С вашей стороны было бы разумнее взглянуть на него в ином свете. Вскоре он станет не только правителем, но и мужчиной, и будет искать себе достойную жену. Он был удостоен великого знамения, примчавшегося к нему на крыльях птиц.

Я не верю в знамения, – сказала Новаки. – А вы?

Сверкнула молния, следом за ней последовали долгие секунды жутковатой тишины.

По небу прокатилась волна света.

Сделалось настолько светло, что на плиты дворика упали тени – и снова растворились во тьме, что словно бы ринулась в их сторону.

А затем небо наконец-то расколосось, и с него извергся грохот рущащихся небесных гор.

Через несколько месяцев после возражения госпожи Новаки с праздника у господина Хиронобу стало ясно, что она понесла ребенка. Хотя Новаки всегда была тихой и послушной дочерью, она наотрез отказалась назвать отца ребенка, поскольку знала, что ее отец и братья наверняка убьют его. Когда они пригрозили, что устроят ей выкидыш, Новаки пообещала в таком случае покончить с собой. Господин Бандан казнил няньку дочери – за то, что недостаточно внимательно приглядывала за ней. Однако Новаки по-прежнему отказывалась говорить. Он казнил двоих собственных людей, которых подозревал в излишне теплых чувствах к дочери. Однако госпожа Новаки по-прежнему продолжала безмолвствовать.

Просто ума не приложу, – сказал господин Бандан.

В разгар этих перипетий с дочерью он наведалься в замок «Воробьиная туча», чтобы просить совета у госпожи Киёми. Хотя он был ненамного старше ее, из-за того, что большую часть жизни он провел в военных походах, внешностью и поведением господин Бандан напоминал седого старого воина, принадлежащего к предыдущему поколению. Женщины его интересовали только с точки зрения зачатия, рождения и выкармливания возможных наследников, а потому он почти ничего и не знал о женщинах, за исключением основных деталей анатомии. Внезапная своенравность и упрямство дочери целиком и полностью сбили его с толку. Мать девушки умерла родами, а другой женщины, с которой он мог бы поговорить настолько откровенно, в его замке не было.

Почему бы ей просто не сказать мне, кто отец ребенка? Я же больше ничего не хочу. Неужели я прошу слишком многого?

А что вы сделаете, если она вам это скажет? – поинтересовалась госпожа Киёми.

Господин Бандан грохнул кулаком по столу; служанки тут же ринулись вперед и подхватили чашки, не позволяя им опрокинуться и выплеснуть все содержимое на циновки.

Я убью его! – прорычал господин Бандан. – И смерть его не будет быстрой!

Госпожи Киёми прикрылась рукавом и рассмеялась.

Я что, пошутил? – Господин Бандан озадаченно нахмурился. – Я не хотел.

Господин Бандан, неужели вы действительно ожидаете, что молодая девушка откроет имя своего возлюбленного отцу, чтобы тот смог замучать его до смерти? Тогда ее ребенок осиротеет, еще не появившись на свет.

Но он обесчестил всех нас, кто бы он ни был.

Госпожа Новаки не думает о чести. Она думает о любви. Все, чего вы добиваетесь своим гневом и угрозами – вы не даете молодому человеку пойти дальше и попросить у вас запоздалого благословения.

Вы знаете, что это – молодой человек?

Я ничего не знаю. Но вашей дочери всего четырнадцать лет. Маловероятно, чтобы она влюбилась в кого-нибудь намного старше ее самой. – Лицо госпожи Киёми потемнело. – Надеюсь, это не был один из тех двух самураев, которых вы казнили.

Не был. Она плакала, когда я показал ей их головы, но не настолько сильно, как плакала бы, если бы это был один из них.

Госпожа Киёми сощурилась.

Вы показали ей головы?

Да, чтобы подтвердить свои слова. Иначе она могла бы подумать, будто я ее обманываю.

Господин Бандан, ни один человек, знающий вас, никогда не заподозрит вас в обмане. Представлять столь ужасные доказательства было совершенно излишне.

Так она мне не скажет, получается?

Нет, не скажет.

Тогда что же мне делать? Позор сделается нестерпимым. У моей дочери – ребенок, отца которого я не знаю. Во имя всех богов и будд, что за прегрешения я совершил в прошлых жизнях, чтобы заслужить подобное наказание? Хоть бери и строй храм, и молись там денно и нощно. Просто не знаю, что еще остается делать.

Возможно, это выход, – кивнула госпожа Киёми.

Теперь уже господин Бандан рассмеялся.

Вот на этот раз я пошутил. Я воин, а не священник. Я не стану молить небеса о милости. Я сам разберусь со своими трудностями. Что-нибудь да придумаю.

Вы уже все придумали. Стройте храм.

Господин Бандан нахмурился.

Если боги не сумели сберечь ее добродетель прежде, вряд ли они теперь отдадут мне виновного, даже если я построю храм – да хоть десять!

Стройте храм, но не для себя, – пояснила госпожа Киёми, – а для госпожи Новаки. Пусть она удалится в этот храм, скажем, на два года. Она сможет произвести ребенка на свет так, чтобы это не стало пищей для сплетен; у нее будет возможность восстановить душевное равновесие и привыкнуть к требованиям материнства. А когда она вернется, она не будет уже жертвой любопытства и злорадных рассуждений. К тому времени, скорее всего, отец ребенка сам даст о себе знать, – скорее всего, посредством бегства, из-за ваших угроз прикончить его самым мучительным образом. После этого вы...

...догоню его, словно собаку – да он и есть собака! – и спущу шкуру! – объявил господин Бандан.

...простите его и ее за их юношеский проступок, ибо понимаете порывистость молодости...

Простить его? Да никогда!

...и запомните, что, лишь приняв отца ребенка в семью, вы сможете окончательно оставить скандал позади, – твердо завершила мысль госпожа Киёми.

Господин Бандан уже открыл было рот, приготовившись разразиться дальнейшими протестами, но остановился, так и не произнеся ни слова. Он закрыл рот

и поклонился.

Вы совершенно правы, госпожа Киёми. Это – единственный возможный способ. Благодарю вас за то, что вы уделили свои мудрые наставления невежественному воину. Я уже знаю подходящее место. Мой двоюродный брат, господин Фумё, владеет землями на севере, вполне подходящими для наших целей.

Той зимой госпоже Киёми начали сниться странные сны. Самым странным в них было то, что она потом не могла их вспомнить – совершенно ничего, кроме потрясающе красивой молодой женщины, и того, как она обращалась к госпоже Киёми. Она называла ее «госпожа матушка». Так женщины обращаются к своим свекровям. Уверовав в то, что ей снится будущая жена Хиронобу, госпожа Киёми начала вглядываться в лицо каждой маленькой девочки, силясь распознать в нем женщину из своих снов. Хотя сны продолжались, она не могла ничего из них вспомнить, как ни старалась. И хотя она искала эту женщину в каждой встреченной девочке, она так ее и не нашла.

Следующей весной, за несколько дней до своего седьмого дня рождения господин Хиронобу одержал вторую великую победу, на этот раз – на склонах горы Тоса. В то же самое время в соседнем княжестве госпожа Новаки произвела на свет дочь. Дитя было необычайно тихим – настолько тихим, что мало кто вообще верил в то, что оно выживет. Хотя девочке дали имя, подобающее ее благородному происхождению, все называли ее Сидзукэ – Тихая.

Она не умерла. И она недолго оставалась тихой. Начиная со второй недели жизни она принялась кричать и плакать почти безостановочно. Она останавливалась, лишь когда окончательно выбивалась из сил, или чтобы поспать урывками, или чтобы с неистовым безрассудством пососать грудь, и все это длилось недолго. Она была младенцем, а младенцы не умеют видеть, и все же то, чего она не могла видеть, приводило ее в ужас. Ее глаза лихорадочно метались из стороны в сторону.

Она кричала.

Она не умерла и не перестала кричать.

Теперь все называли ее Сидзукэ, иногда – из надежды, иногда – от отчаяния, но все чаще и чаще это звучало как ругательство.

В следующем году, когда госпожа Киёми посетила монастырь Мусиндо, ей предоставилась возможность поразмыслить над недавним прошлым. Прошедшие четыре сезона сплелись в самый странный и самый беспокойный год ее жизни. Теперь она поняла, отчего случается, что люди вдруг бросают все и уходят от мира, удаляются в монастырь. Если бы у самой госпожи Киёми были подобные склонности, Мусиндо отлично бы для этого подошел. Он находился слишком близко от дома, так, чтобы его было легко навестить, но не настолько далеко, чтобы это стало вовсе невозможным. Это означало, что друзья и родственники из той, прежней жизни, не станут постоянно появляться здесь и то и дело нарушать священное одиночество, но в то же время связи не прервутся полностью. Это было бы не сострадательно. Когда кто-то уходит от мира, тем, кто остается позади, зачастую труднее, чем уходящему.

Мусиндо был расположен достаточно близко к северной границе, чтобы создавать ощущение опасности, а с ним и обостренное восприятие бытия – полезная черта для тех, кто ищет пробуждения на путях Будды. Однако же, земли варваров-эмиси находились не настолько близко, чтобы угроза нападения сделалась реальной. До

ближайшего населенного пункта, деревни Яманака, был час ходьбы: деревня притулилась в долине у подножия невысокой горы, на которой стоял монастырь. Это тоже было идеальным, поскольку соседство позволяло по первому требованию получать оттуда предметы первой необходимости и рабочую силу, но в то же время расстояние препятствовало излишнему взаимодействию, и деревня была достаточно велика, чтобы поддерживать небольшой монастырь без чрезмерных трудностей.

В целом, события, приведшие к постройке монастыря, несомненно, были несчастливими; конечно, все могло закончиться и хуже, но вряд ли намного.

Госпожа Киёми сидела в монастырском садике, ожидая госпожу Новаки; из ближайшей рощи доносился голос Хиронобу и приглушенные ответы Го.

Еще одно лето настало и почти прошло, и все стало другим. Всего лишь год назад ее супруг, правитель Акаоки, владел несколькими земледельческими и несколькими рыболовецкими деревушками, маловажным уголком острова Сикоку. Теперь же ее сын, Хиронобу, в свои семь лет правил землями, расположенными по обе стороны Внутреннего моря. Он принял клятву верности от господ Бандана и Хикари, и тем самым возвысился до статуса князя. В ходе двух молниеносных кампаний войска ее мальчика нанесли такой урон режиму Ходзё, что многие уже предрекали ему скорое падение.

Год назад госпожа Новаки была четырнадцатилетней девственницей, настолько красивой, что ее родственники стремились через нее породниться с императорской фамилией в Киото. Теперь же она была пятнадцатилетней матерью безумного младенца, затворившейся в монастыре вдали от дома, в монастыре, построенном специально для того, чтобы предоставить убежище ей и ее несчастному отпрыску. Из-за изъянов ребенка было очевидно, что ни ему, ни матери не суждено когда-либо покинуть монастырь.

Год назад госпоже Киёми и в голову не пришло бы отправиться так далеко на север. На самом деле, до сих пор она пересекала Внутреннее море, лишь когда покинула свой дом в Кобэ, чтобы выйти замуж за Хиронобу, а затем – раз в год, чтобы навестить родню. Теперь же она пообещала господину Бандану, что будет проводить его дочь дважды в год, весной и осенью, проверять, все ли у нее хорошо. Поскольку она теперь была матерью князя и сам князь сопровождал ее во время этих визитов, это было большой честью для господина Бандана, хоть она и была вызвана неприятными обстоятельствами. Это простое проявление доброты привязало его к Хиронобу куда крепче, чем все требования чести и взаимные обязательства.

Поскольку госпожа Киёми фактически исполняла обязанности регента при сыне, ей необходимо было учитывать подобные тонкости. Официальный регент, генерал Рюсукэ, хотел лишь добра, но для правления не годился. Он и регентом-то стал лишь потому, что этого от него, как от старшего из оставшихся в живых военачальников клана, этого ожидали – и потому, что ему хватало ума понять, что он недостаточно умен, чтобы на самом деле исполнять эти обязанности. В противном случае его пришлось бы убить, поскольку попытки обойти его были бы столь вопиющим оскорблением, что он просто обязан был бы, вне зависимости от собственного желания, устроить заговор против госпожи Киёми и Хиронобу. Конечно же, она не стала бы делать это сама. Только ведьмы убивают своих врагов собственноручно, обычно посредством яда, или тонкой проволоки, или иглы в висок, или удушения. Последние два метода почти не оставляли следов, и потому пользовались особенной любовью у ведьм, спящих со своими жертвами. Но одна лишь мысль о том, чтобы лечь

в постель с тупицей наподобие генерала Рюсукэ заставила госпожу Киёми скривиться. Уже одного этого хватило бы, чтобы остановить ее, даже если бы она была ведьмой. На самом же деле, если бы убийство сделалось необходимым, его совершил бы Го. Хоть он и варвар, его верность так же нерушима, как и у любого самурая. Ей и ее сыну необычайно повезло, что у них есть Го.

Со стороны монастыря слышались неистовые детские крики. Сидзукэ проснулась.

Хиронобу взобрался на каменный выступ и спросил:

Го, если бы тебе потребовалось оборонять этот монастырь, что бы ты стал делать?

Во-первых, я перестал бы изображать из себя такую легкую мишень для вражеских лучников, – заметил Го.

Но сейчас вокруг нету никаких вражеских лучников, – возразил Хиронобу. – Я имел в виду – «если».

Вы – князь, – сказал Го. – Если вы желаете строить предположения, исходя из существующих условий, с вашей стороны разумнее будет всегда предполагать, что опасность наличествует всегда.

Удрученный Хиронобу сошел с камней на мягкую лесную подстилку.

Так что, мне следует постоянно беспокоиться о том, не убьют ли меня?

Вам никогда не следует беспокоиться об этом, – отозвался Го, – но вам всегда следует осознавать такую возможность. Вы захватили пятнадцать владений силой своего оружия, и тем самым приобрели кровных врагов в лице вассалов и родичей тех правителей, которым вы помогли отправиться в Чистую Землю.

Они дали клятву повиноваться мне, взамен за сохранение жизни.

Неужели вы и вправду настолько молоды, мой господин?

Мне семь лет, – возразил Хиронобу. – Это не так уж мало.

Внезапно из-за стен монастыря донесся пронзительный вопль.

Хиронобу придвинулся поближе к Го.

Кого-то мучают. Но ведь нехорошо кого-то мучать в святом месте, разве не так?

Никого там не мучают. Это кричит младенец.

Младенец? – Хиронобу снова прислушался. На лице его отразилось явственное сомнение. – Я слышал, как кричат младенцы. Это звучит совсем иначе.

Это младенец, – повторил Го. В груди у него было холодно и пусто, и он почти слышал, как его слова отдаются в этой пустоте. «Это младенец», – сказал он, но подразумевал: «Это ведьма».

Как это случилось? Го сам толком не понимал. Он раз за разом прокручивал ту ночь в своей памяти, и все равно не понимал.

Вот только что он помогал дочери господина Бандана добраться до его покоев. А в следующее мгновение он уже лежал с ней в развалинах старых укреплений, оставшихся от варваров-эмиси – а развалины эти находились в часе езды от замка. Он воспользовался ее юностью и неопытностью – это Го понимал. Но он не хотел этого, совершенно не хотел. Сперва они просто пошли пройтись, потом решили прокатиться на его жеребце, а потом спрятались в этих развалинах, спасаясь от налетевшего шквала. А потом... Слишком поздно думать. Сделанного не воротишь.

Го не боялся смерти. Он думал, что умрет на берегу залива Хаката, когда высадился там вместе с монголами десять лет назад – и, возможно, лучше бы ему и

вправду было умереть там. С тех пор каждое мгновение его жизни было даром богов. Теперь же приход смерти превратился лишь в вопрос времени. Девушка обещала никому ничего не говорить, но, в конце-то концов, она всего лишь девушка. Рано или поздно она кому-то проболтается, а тогда это обязательно дойдет до ее отца. И голову Го выставят на пике перед воротами этого замка. Возникшая в его сознании картина вызвала у Го горькую улыбку. По крайней мере, он обретет утешение в уверенности: род его матери на нем пресечется. Ведьмовской дар передается только из поколения в поколение, и никак иначе. Если от Го не родится ведьма, то потом уже не будет иметь значения, сколько дочерей будет у Чиаки и его потомков. Колдовство будет разрушено.

Но неделя проходила за неделей, а господин Бандан так и не слал к господину Хиронобу гонца, требуя отдать ему голову Го. Быть может, Новаки оказалась куда более тверда, чем ему верилось. Хоть это и казалось невероятным, она хранила тайну. Когда вести все же пришли, они дошли не с официальным гонцом, а со слухами, и слухи эти были для Го хуже смертного приговора. Госпожа Новаки была беременна. Теперь Го точно знал, что произошло. Его мать все-таки одержала победу. Она в последний раз, уже из могилы воспользовалась им, чтобы открыть путь для очередной себе подобной.

Он должен был убить ведьму. Надежнее всего было бы убить Новаки – тогда ведьма умрет прямо во чреве. Стоит ведьме появиться на свет, и ее уже очень трудно убить, даже во младенчестве. Люди вокруг нее, побуждаемые неведомыми силами, исполняют ее желания и безмолвные приказы. Его дед и его отец – оба они были могучими воинами! – превратились в сухую мякину, тень себя прежних, и все из-за требований женщины, приходившейся одному из них дочерью, а другому – женой. Всю свою жизнь – детство, юность, зрелые годы – Го страдал от ядовитых насмешек соплеменников. Ведьмин сын. Бабский пес. Евнухово отродье. Но стоило появиться его матери, и насмешники тут же съезжались и делались почтительны и покорны. Они ненавидели ее и презирали ее родню. Но когда она говорила о будущем, они внимали ей и несли подношения. Когда она творила заклинания, больные выздоравливали, здоровые умирали, к глухим возвращался слух, а ее враги слепли. Или так случалось довольно часто. Достаточно часто, как напоминала ему мать, чтобы в их очаге никогда не гасло пламя, их лошади всегда были накормлены и напоены, а их животы – набиты едой.

Но как убить Новаки? Это было нелегким делом. Она – дочь правителя, а значит, ее держат во внутренних покоях незнакомого ему замка. Лучше всего было бы пробраться туда тайком. Но, к несчастью, Го не обладал таким умением. Его искусство – это искусство кавалериста. Для него лучшая тактика – конная атака, на всем скаку, с неожиданной стороны. Неподходящая тактика для штурма женских покоев в замке. Го ждал возможности, хоть какой-нибудь возможности, но так и не дождался. Ребенок появился на свет, за два месяца до положенного срока.

И, как ждал и как боялся Го, это оказалась девочка.

Это младенец, – сказал Го.

Ты уверен? – переспросил Хиронобу. На лице его по-прежнему читалось сомнение.

Да.

Ты ее видел?

Нет.

И я нет, – сказал Хиронобу. – И даже моя мать. Никто не видел. Тебе это не кажется странным?

Го покачал головой.

С этим ребенком что-то неладно, и потому родственники не слишком-то рвутся показывать его кому-то. Это вполне естественно.

Его замечание возбудило интерес у Хиронобу.

Ты думаешь, она урод? Но не может же это быть настолько ужасно?

Она не урод.

Младенец был безумен, и это внушало Го надежду. Конечно, все ведьму по сути своей безумны, но те, что проявляют свое безумие настолько явственно, имеют меньше возможностей обманывать людей и сбивать их с толку. Ведьма вполне может позволить себе быть уродливой. От них этого даже ждут. Впрочем, его мать уродливой не была. Даже напротив. И это помогало ей еще больше морочить людей.

Вам лучше было бы повидаться с матерью, господин. Я думаю, она вскоре встретится с госпожой Новаки.

А зачем это мне? – Хиронобу нахмурился. – Младенцы меня не интересуют, даже уроды – хотя если бы она была уродом, возможно, мне бы было немного любопытно. И я не хочу слушать женские разговоры. Мама с госпожой Новаки только и говорят, что про младенцев.

Господин Бандан – ваш самый сильный вассал, – сказал Го. – Вы оказываете ему честь, навещая его сраженного болезнью потомка и выказывая сочувствие его семейству. Тем самым его обязательства перед вами становятся еще больше, а его связь с вами – еще крепче. Это – вопрос мудрого правления, а не разговоров о младенцах.

Легко тебе говорить! Тебе-то не приходится с ними сидеть. – Но все же Хиронобу сделал, как ему было сказано, и отправился к двум дамам. У ворот монастыря он обернулся и окликнул Го: – А ты почему не идешь?

Мне нельзя. Госпожа Новаки удалилась от мира.

Тогда почему мне можно? Потому, что я еще маленький?

Вам можно потому, что вы – здешний князь.

Видно было, что этот неожиданный для него ответ доставил мальчику большое удовольствие. Заулыбавшись, Хиронобу вошел в ворота.

А вот и он, – сказала госпожа Киёми.

Хиронобу увидел свою мать и госпожу Новаки; женщины сидели в открытой комнате, выходящий во внутренний садик. Госпожа Новаки была той самой Но-тян, которая прежде часто запускала вместе с ним воздушных змеев, играла в прятки и рассказывала истории про призраков, когда им обоим уже полагалось спать. Это было до того, как он стал князем. И до того, как она так внезапно выросла. Сейчас она почти не походила на ту девочку, которую он помнил. И дело было не в ее одежде, хотя тусклое монашеское одеяние очень сильно отличалось от ярких кимоно, которые любила носить Но-тян. Ее лицо, обрамленное покрывалом, было лицом прекрасной женщины.

Госпожа Новаки поклонилась ему.

Я сожалею, что причинила вам неудобство, мой господин.

Хиронобу поклонился в ответ.

Я счастлив видеть вас снова, госпожа Новаки.

Он попытался придумать, чего бы еще такого сказать, но на ум ничего не шло. Новаки улыбнулась ему, и Хиронобу почувствовал, что краснеет. Когда она только стала такой красивой?

Госпожа Новаки сказала:

Как же он вырос за столь краткий срок!

Да, – согласилась госпожа Киёми, – дети... – Она вдруг запнулась на этом слове, а потом продолжила чересчур поспешно, – дети поразительно быстро растут.

Вам есть, что предвкушать, – сказала госпожа Новаки. – Молодого господина ждет великолепное будущее.

Глаза ее увлажнились, но на губах играла улыбка, и ни единой слезинки не сползло по щеке.

Хиронобу не слышал детских воплей. Наверное, младенец спал. Незадолго до их с матерью поездки Хиронобу подслушал разговор двух служанок. Одна из них сказала другой, что она слыхала от служанки господина Бандана, что этот ребенок не кричит, лишь когда спит. Вторая же сказала, что слыхала от сестры одного из конюхов, что когда этот младенец кричит, кони впадают в панику и принимаются лягаться, пытаются разбить двери денника и удрать из конюшни. Никто из служанок не знал никого, кто знал бы кого-то, кто мог бы сказать, что видел все это собственными глазами, но, тем не менее, обе были уверены, что смотреть на этого ребенка очень страшно.

Пока мать беседовала с госпожой Новаки, Хиронобу попытался как можно незаметнее оглядеть комнату. Он думал, что спящий младенец должен находиться где-нибудь поблизости от госпожи Новаки, но здесь его не было. Хиронобу был разочарован. Его терзало любопытство. Го сказал, что ребенок не урод, но Хиронобу ему не поверил. У нормальных детей не бывает такого жуткого, звериного голоса, и они не могут вопить так громко. Нормальный ребенок не мог бы нагонять страх на лошадей, особенно на свирепых боевых коней, на которых ездит господин Бандан и его самураи.

Как же она выглядит на самом деле? Хиронобу был уверен, что у этого младенца должен быть большой рот, и, может даже, морда как у медведя. И острые зубы. Ну, пока она еще слишком маленькая, чтобы у нее были зубы, но когда они появятся, они точно будут острые. Может, даже в несколько рядов, как у акулы. А может, у нее немигающие глаза, как у змей? Густой мех, как у барсука, или короткая, жесткая щетина, как у дикого кабана? Длинный хвост, как у кошки? Должно быть, это настоящее маленькое чудовище! Неудивительно, что господин Бандан сослал свою дочь в такую даль от дома. А кто же отец ребенка?

До ее рождения служанки называли имена многих самураев, которые могли бы им оказаться, – самураев, состоящих на службе у господина Бандана, господина Хикари и даже у самого Хиронобу. Но теперь, как говорили служанки, уже никто таких предположений не строил. Теперь все были уверены, что это работа демона или призрака. Он мог использовать тело мужчины, но мужчина был всего лишь его орудием, и совершенно неважно, кто именно это был. Важно было совсем другое: что это за демон или что это за призрак? Чтобы произнести правильные молитвы, тот, кто изгоняет духов, должен знать, какой именно злокозненный дух повинен в содеянном. Заклинания, которые изгонят одного духа, с легкостью могут произвести на другого совершенно противоположное воздействие, и сделать его еще сильнее и ужаснее, чем прежде. Но все служанки единодушно сходились на одном: что ситуация сложилась воистину трагическая и очень опасная, и для всех намного лучше, что мать и ребенка

отослали в монастырь, на север, поскольку злокозненное существо наверняка последовало за ним.

Хиронобу, ты думаешь, что ты делаешь? – Слова матери застали Хиронобу врасплох. Он-то думал, что она не обращает на него никакого внимания. – Ты ведешь себя, словно вор, вынюхивающий, чем бы поживиться.

Я ничего не делаю, мама. Я просто сижу здесь с тобой, потому что Го сказал, что так надо.

Я уверена, что Го вовсе не хотел сказать, что тебе следует оставаться здесь. Теперь, когда ты выразил госпоже Новаки свое уважение, ты можешь вернуться к Го.

Но Хиронобу не спешил повиноваться. Он остался на месте и, упрямо нахмурившись, уставился на мать.

Нет. Мой телохранитель и моя мать отсылают меня то туда, то сюда. Это не подобает князю.

Госпожа Киёми улыбнулась.

В целом ты прав. Но это вполне подобает семилетнему мальчику. Так что будь хорошим мальчиком и делай, что тебе говорят.

Она поклонилась, но это был неглубокий поклон – так мать кланяется своему ребенку, а не благородная дама – своему господину.

Эти два понятия не сочетаются между собою, – сказал Хиронобу. – Если я князь, то я князь. Если же я просто маленький мальчик, то тогда я – всего лишь маленький мальчик.

Да, две твои роли не сочетаются, это верно, – согласилась госпожа Киёми. – И тем не менее, я прошу тебя совместить их. В будущем, когда ты станешь главой нашего клана на самом деле, а не только по титулу, тебе иногда придется исполнять две, три или даже четыре роли одновременно, и не всегда они будут сочетаться между собою. Если ты не сможешь справиться с ними и сделать их гармоничными, даже когда гармония будет казаться невозможной, ты никогда не станешь истинным князем. Ты будешь им лишь по титулу. – Мать снова поклонилась, на этот раз ниже, и задержала поклон. – Я надеюсь, что мой господин узрит в моих словах некоторый смысл.

Хиронобу ответил поклоном должной глубины и тоже задержал его. И сказал столь же официально:

Ваши слова обладают множеством достоинств. Я благодарю вас за них.

Когда он уже направлялся к выходу, чтобы вернуться к Го, он услышал, как Новаки сказала:

Вы проделали потрясающую работу. Он скорее маленький мужчина, чем маленький мальчик.

Покидая храм, Хиронобу улыбался еще шире, чем когда входил туда. Ему так и не удалось увидеть младенца-уродца, вопреки его упованиям. Ну да неважно. Еще успеется. Когда-нибудь он все-таки ее увидит. Хиронобу пообещал себе, что непременно сделает это. Может быть, он даже сможет срезать у нее кусочек шерсти, чтобы показать потом своим товарищам в замке.

Го как раз завершил обход – он прошелся вдоль стен монастыря, – когда увидел возвращающегося Хиронобу. Он искал слабое место, через которое можно было бы незаметно проникнуть в монастырь как-нибудь ночью, но так ничего и не нашел. Господин Бандан построил Мусиндо как маленькую крепость. Го знал, что монахини, проживающие здесь, прежде были служанками во внутренних покоях, при госпоже

Новаки, а это означало, что они искусно управлялись с копьем-нагинатой, коротким мечом и кинжалом. Кроме того, вполне вероятно, что они умели бросать и калечить нападающих, если не хуже. Он не узнал троих мужчин с воинской осанкой, занимающих хижину привратников, но это явно были самураи, а не садовники.

Мне не дали посмотреть на младенца, – пожаловался Хиронобу.

Как я вас и предупреждал, – сказал Го. – Госпожу Новаки и младенца отослали сюда, чтобы спрятать их, а не затем, чтобы выставлять напоказ.

Я все равно думаю, что это уродец, – заявил Хиронобу. – Что ты делаешь?

Прогуливаюсь. А вы что подумали?

Не знаю. Что-то больше, чем просто прогуливаешься.

Го улыбнулся. Хиронобу был куда наблюдательнее, чем большинство мальчишек его возраста. Это внушало надежды. Возможно, когда-нибудь он оправдает репутацию, созданную двумя странными полетами птиц и цепочкой неожиданных побед.

Го!

Да, мой господин.

В чем разница между духом и демоном?

А почему вы спрашиваете?

Потому, что это может помочь понять, от кого же родила Новаки.

Го остановился и потрясенно уставился на Хиронобу.

Кто такое говорит?

Да все, – пожал плечами Хиронобу, – только не могут понять, кто же это был. Так в чем же разница? Ведь и тот, и другой – сверхъестественные существа, разве не так?

Демон – это существо, которое происходит из иного царства, – объяснил Го. – А призрак – это дух существа, которое некогда жило на земле.

А кто из них скорее мог бы войти в человека и использовать его тело?

Что?!

Я думаю, скорее все-таки призрак, – рассудительно заметил Хиронобу. – Существо из иного царства просто убило бы мужчину и уже само сделало с госпожой все, что захотело. Но у призрака-то тела нету, потому ему пришлось бы использовать то, которое оказалось рядом. Звучит достаточно разумно, правда?

Хиронобу ожидал, что ответит Го, но телохранитель лишь продолжал молча смотреть на него. Он казался испуганным – но этого, конечно же, не могло быть. Го ничего не боялся.

Печальный вид госпожи Новаки глубоко тронул госпожу Киёми. Утратить детей, внезапно унесенных смертью, как это случилось с нею, – большое несчастье, но и оно не шло ни в какое сравнение с подобным горем: оказаться матерью живого, но неполноценного ребенка. В том великий дар богов, что непостижимые родники любви начинают струиться в матери, когда дитя растет в ее чреве. Благодаря им все трудности, все тяготы, всю боль материнства можно вынести без жалоб, а когда дитя появляется на свет, оно обретает дом в лоне всеобъемлющей, неистощимой любви. Но на что направить любовь и кому с этого будет хоть какое-нибудь благо, если дитя оказывается таким, как у госпожи Новаки? Как невыносимо печально пережить столь сокрушительное разочарование, проведя столько месяцев в счастливом ожидании и надежде! И теперь, конечно же, отец ребенка никогда не назовет себя, и это еще больше усугубляет одиночество госпожи Новаки. Ей предстоит страдать в

одиночестве. При виде слез в глазах госпожи Новаки, которые она так старалась скрыть, госпоже Киёми тоже захотелось плакать. Она подняла руку, чтобы стереть слезы рукавом кимоно.

Просто поразительно, как здешняя пыль ест глаза, – сказала она. – Должно быть, это из-за того, что монастырь стоит на горе, и лишен защиты густой листвы леса.

Да, верно, – согласилась госпожа Новаки, и тоже смахнула слезы рукавом. Она была глубоко признательна госпоже Киёми, давшей ей возможность сделать это под благовидным предлогом, хотя, конечно же, она не могла выразить свою благодарность прямо. – И, к несчастью, ветер очень часто несет пыль с гор.

Пока госпожа Киёми и несчастная молодая мать плакали вместе, притворяясь, будто ничего такого вовсе и не делают, мысли госпожи Киёми обратились к ребенку. Она принялась молиться, прося богов и поскорее забрать малышку в свое царство и даровать ей покой, покой, которого она наверняка никогда не обретет на этой земле.

1308 год, монастырь Мусиндо

К тому моменту, когда в ее жизни произошла великая перемена, одна лишь преподобная настоятельница Суку по-прежнему продолжала называть ее Сидзукэ. Если же настоятельницы не было рядом, все прочие звали девочку Дикоглазой, из-за самой заметной ее особенности, взгляда, непрестанно мечущегося во все стороны; ее глаза постоянно двигались, за исключением тех моментов, когда она упорно смотрела на некое зрелище, доступное лишь ее взору. Ее склонность вопить оказалась все-таки поменьше, чем можно было предполагать по временам младенчества, хотя иногда ее исполненные мукой крики висели над монастырем по несколько дней кряду. Ее присутствие оказалось столь разрушительным, что пристанища в монастыре Мусиндо искали лишь самые упорные и решительно настроенные последовательницы пути Будды – и это несмотря на великодушное покровительство госпожи Киёми и господина Бандана, благодаря которому условия здесь были куда менее суровыми, чем в большинстве монастырей. Одна из монахинь, заметив, что примерно так же движутся глаза спящих под веками, предположила, что девочка никогда полностью не просыпается и полностью не засыпает. Постепенно прочие монахини согласились с нею, поскольку это объясняло, почему девочка словно бы видит то, чего здесь нету, когда ее глаза открыты, и никогда не выказывает признаков мирного отдохновения, когда они закрыты. И в том, и в другом случае она с почти равной частотой корчилась, извивалась, кричала и произносила какие-то бессмысленные слова. Очень возможно, что она даже была спокойнее, когда бодрствовала, потому что во время бодрствования случались длительные промежутки времени, в которые она стояла, сидела или лежала неподвижно, устремив взгляд куда-то вперед, как будто представшее ее глазам зрелище заставляло ее оцепенеть.

Когда же перемена произошла, она произошла совершенно внезапно, без предупреждения.

Две монахини, на которых в тот день лежала обязанность накормить девочку и убрать за ней, решили выполнить свою работу попозже. Звериный вой, перемежаемый рыданиями, указывал, что сейчас все их усилия будут тщетны. Монахини принялись спорить, то ли доложить об этом настоятельнице и спросить у нее дозволения, то ли просто действовать по собственному разумению, когда крики вдруг умолкли. Они не раз слышали, как безумный, горестный голос затихал постепенно, давась всхлипами и

судорожными вздохами, и умолкал, словно от удушья. Но никогда еще они не слышали, чтобы он смолкал так внезапно.

Что-то случилось, – сказала одна монахиня.

Она умерла, – отозвалась вторая.

Первая монахиня кивнула. По правде говоря, никто не ждал – хотя, учитывая обстоятельства, никто бы и не назвал это чудом, – что девочка проживет так долго. Владеющее ею безумие было столь всеохватывающим, непрерывным и глубоким, что оно не позволяло девочке выполнять хотя бы важнейшие повседневные дела, даже с помощью сострадательных последовательниц Пути. Зачастую даже не удавалось нормально ее покормить и помыть. Похоже было, что время несчастной наконец-то подошло.

Монахини заспешили к келье девочки, ожидая, что сейчас увидят распростертое на полу тело. На первый взгляд им показалось, что они увидели именно то, что ожидали. Девочка недвижно сидела, привалившись к стене в дальнем углу кельи. Собравшись с силами и приготовившись вытерпеть зловоние, монахини отперли дверь и вошли.

Нам следует позвать преподобную настоятельницу.

Лучше будет сперва удостовериться.

Ладно. Тогда позаботимся о теле.

Они сложили руки в гассэ, буддийском жесте, выражающем почтение и приятие, и прошли дальше.

Погоди! – сказала первая монахиня.

Она могла этого и не говорить. Вторая монахиня уже остановилась. Они обе заметили одно и то же. Глаза девушки не метались, как обычно, но и не выглядели, как глаза мертвеца. Они ярко сверкали. И казалось, что они устремлены прямо на двух монахинь.

Прямо не по себе.

Мне на мгновение показалось...

Да, мне тоже. Но это невозможно. Мертвые не могут видеть. Смотри – вон на полу рядом с ней кровь.

Она умерла от сильного кровотечения.

Тело и разум не смогли этого выдержать.

Давай займемся делом.

Они двинулись вперед, хотя несколько медленнее, чем прежде. Но тут произошло очередное небывалое событие.

Сидзукэ улыбнулась.

Первая монахиня рухнула бы, если бы вторая, стоявшая сразу за нею, не подхватила ее.

Зови настоятельницу! – велела первая монахиня.

За миг до перемены голоса, завывавшие Сидзукэ в уши, были такими громкими и многочисленными, что она даже не осознавала, что и сама кричит. Затем чудовищный шум резко сделался тише, но зато стал еще более беспокоящим. Она никогда прежде не слыхала ничего подобного. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что же это было.

Звук ее собственного голоса.

Она никогда прежде не слыхала его без сопровождения прочих голосов,

заполняющих собою все слышимое пространство. Она настолько поразилась, услышав этот обособленный звук, что перестала кричать. А перестав кричать, она познала нечто еще более странное.

Тишину.

Не было больше ни голосов – кричащих, смеющихся, плачущих, умоляющих, проклинаящих, говорящих, – ни шума, издаваемого огромными машинами, или стадами гигантских животных, или множеством людей, облаченных в одинаковую форму или в тряпье, собранных в ряды и колонны, или в мятежные толпы.

Внезапно не только ее слух, но и все ее чувства обрели единичность, неповторимость, которого прежде были лишены. Внезапно мгновения сделались последовательными, раздельными, без малейших признаков одновременности; они шли одно за другим, из прошлого в будущее, и никак иначе. Неисчислимое множество людей всегда были вместе с нею: полупрозрачные или на вид вполне материальные; счастливые, печальные, безразличные; осознающие ее присутствие или не замечающие его; молодые, старые, превратившиеся в скелет, еще не рожденные; живые или мертвые. Их постоянное общество исчезло.

Она была одна.

Сперва эта ясность, такая внезапная, такая непривычная, лишь усилила ее замешательство.

Воздух был насыщен чудовищным зловонием; как она позднее узнала, это были дурные испарения ее собственного немытого пота, мочи, экскрементов и срыгнутой пищи. Она заметила этот запах, но не потому, что он был неприятным, а потому, что он был единственным. Прежде разнообразные запахи, исходившие из разных источников, всегда настолько смешивались, что она не могла отличить один от другого, а это было почти все равно что совсем не ощущать запахов.

После ушей и носа настал черед глаз. Если бы в тот момент, когда все это произошло, глаза были открыты, они стали бы первыми, – но они были закрыты, как это частенько случалось. Их как-то незачем было открывать, если с закрытыми глазами она видела то же самое. Теперь ее заморозил вид четырех стен, одного потолка и одного пола; каждый из них был сам по себе, он не сосуществовал и не пересекался ни с какими другими предметами, естественными или сверхъестественными, как это всегда было прежде.

Какими бы странными или пугающими ни были эти ощущения, они не шли ни в какое сравнение с тем, которое теперь безраздельно завладело ее вниманием.

Что-то огромное охватило и сжало ее.

Она попыталась избавиться от этого чего-то, но когда она двигалась, оно двигалось тоже.

Когда она осознала, что это нечто находится вместе с нею внутри ее одежды, она чуть не закричала снова, что вернуло бы ее к единственному способу, посредством которого она до сих пор взаимодействовала с миром. Но она не закричала, потому что когда она открыла рот, она почувствовала это что-то и на лице тоже, и, протянув руку к лицу, поняла, что сжимает ее.

Ее собственная кожа.

Ее рука коснулась кожи, сперва нерешительно, потом с возрастающим восторгом. То, чего касались ее руки, и сами касающиеся руки были одним и тем же. Ее кожа охватывала всю внешнюю поверхность ее тела, образуя нечто, о существовании чего она до сих пор и не подозревала.

Пределы ее существа. Границу между нею и всем прочим.

Это открытие несло с собою освобождение.

Она и вселенная не были одним и тем же.

Потом оказалось, что движется что-то еще, на этот раз вместе с ее грудью, заставляя ребра пугающе выдаваться вперед. К тому мгновению, когда она начала бояться, что это причинит ей серьезный вред, оно выскользнуло из нее, и грудь снова стала неподвижной. Она оглядела келью, но ничего не увидела. Неужто она избавилась от проклятия, заставляющего ее видеть сразу много всего, лишь затем, чтобы оно сменилось частичной слепотой? Но тут это нечто каким-то образом вернулось внутрь нее – она даже не заметила, как это произошло, – и снова заставило ее ребра выдвигаться вперед.

Аххх... – произнесла она, и обнаружила, что когда ее легкие сжимаются, из нее выходит воздух.

Она дышала.

Конечно же, она дышала все это время. Но никогда этого не замечала из-за буйствующей вокруг дикой мешанины. Несколько мгновений она сидела с закрытыми глазами и просто следила, как воздух входит в ее тело и выходит из него. Ее дыхание замедлилось, грудь стала двигаться меньше, а живот – больше, и она успокоилась. Входящий и выходящий воздух давал ей сокровенную связь со всем вокруг.

Значит, ее кожа не была абсолютной границей. Она существовала обособленно, но не всецело обособленно.

Поскрипывание дерева заставило ее открыть глаза. Она с ужасом увидела, как часть стены медленно вдвигается внутрь. Она оцепенела. Неужели она каким-то образом, сама того не сознавая, обрела ясность лишь для того, чтобы так скоро ее утратить? Неужели она снова соскальзывает ко множественности, одновременности и хаосу?

Через образовавшееся отверстие в стене прошли два существа. Они выглядели достаточно плотными, чтобы через них нельзя было смотреть. Такое иногда случалось, хотя и нечасто. Обычно существа, которые она видела, были куда более размытыми. Такие же попадались намного реже. Но в этом не было ничего утешительного. Плотные или расплывчатые, они снова нахлынут во множестве и затуманят ее новообретенную ясность.

Погоди! – сказала первое существо. Они остановились и уставились на нее.

Прямо не по себе, – сказала второе.

Сидзукэ прислушивалась к их разговору, не смея пошевелиться. Она ожидала, что вот-вот новые голоса послышатся с разных сторон, и число их будет все увеличиваться, до тех пор, пока она в инстинктивном усилии отгородиться от них не начнет кричать. Но мгновения шли, а она слышала лишь голоса двух стоящих перед нею существ. Когда они медленно двинулись к ней, она заметила, что за ними по полу кельи движутся темные пятна. Эти существа отбрасывали тени. Как и она сама. Это были не галлюцинации, а настоящие люди, присутствующие в ее келье. Она не утратила своей ясности. На самом деле, она стала еще крепче.

Сидзукэ улыбнулась.

Оба существа попятились. То, которое было впереди, отступило так поспешно, что чуть не сбило заднее.

Зови настоятельницу! – сказала первое.

Сидзукэ удивилась: отчего они так испугались?

Уж не увидели ли они некие пугающие картины, которых больше не видела она?

Новообретенная ясность Сидзукэ длилась недолго. Через три дня она снова начала слышать бесплотные голоса, видеть то, чего здесь не было, переживать поток событий, не присутствующих в этом времени, наблюдать множество предметов и сущностей, занимающих одно и то же место и взаимопроникающих друг в друга. К концу недели она снова потерялась в хаосе.

Но со следующим лунным циклом ясность вернулась. Были ли эти новые периоды покоя такими же произвольными, как и безумие? Нет, что-то отличалось. Во второй раз, как и в первый, ее груди набухли и сделались чувствительными, а изнутри потекла кровь, что, как она знала, возвещало смену периодов ее тела. Именно эта кровь на время останавливала видения. Наверняка она – иного объяснения не было.

В последовавшей за этим тишине – которая, как она знала, завершится, как и первая, – она тщательно изучала каждое свое действие. Что из того, что она испытывает, порождает хаотичные мысли и образы? Что усиливает покой и унимает безумие?

Первый ответ: главным оказались чувства, в особенности – гнев, страх и жадность.

Второй ответ: надежнее всего действовало обычное дыхание, когда она просто дышала, осознавая его, но не стараясь контролировать.

Конечно же, в оба ответа входило еще и многое другое. За то краткое время, что она пребывала в своем втором цикле, она многое выяснила. Когда хаос вернулся, она продолжала дышать и во время него, и на этот раз даже среди безумия наступали моменты ясности. Это были всего лишь краткие мгновения, но они были, а раньше такого никогда не случалось.

Сидзукэ училась. До этой поры хаос контролировал ее. Если же она научится контролировать хаос, она будет свободна.

Луна описала еще один круг, и она снова уронила кровь. Она совершенствовала полученные навыки. С каждой новой луной ей становилось лучше. Когда кровотечение закончилось и снова начались видения, она продолжала дышать, не ярясь, не боясь, не испытывая желаний, и видения сделались не такими подавляющими и неодолимыми, как прежде. Она не могла полностью изгнать их. Но ей удавалось все дольше удерживать их на расстоянии.

Она начала думать, что вскоре сможет совсем избавиться от них.

И тут, посреди ее восьмого цикла, одно из ее видений, смутное и расплывчатое, словно дым, увидело ее и заговорило с нею.

1867 год, развалины монастыря Мусиндо

Кими прошла к заново отстроенной настоятельской хижине для медитаций и с гордостью отворила дверь перед госпожой Ханako и госпожой Эмилией.

Все точно так же, как было до взрыва, ведь правда? – спросила она.

Я никогда не бывала внутри этой хижины, – сказала Ханako. – Я вообще видела Мусиндо один-единственный раз, во время битвы.

Кими охнула. Это было нехорошо. С тех пор, как ей удалось спастись и вернуться их Йокогамы, она с Горо и оставшимися с нею женщинами самозабвенно занималась восстановлением монастыря. Конечно, работа Будды включает награду в себе самой.

Но все-таки было бы приятно, если бы кто-то похвалил их старания.

Две госпожи быстро переговорили между собою на чужеземном языке. Затем Ханako повернулась к Кими и спросила:

Вы придерживались чертежей, когда отстраивали это все?

Нет, моя госпожа, – отозвалась Кими. – Мы опирались на память Горо. Она у него замечательная.

Ханako сказала Эмилии несколько слов на чужеземном языке. Эмилия кивнула. На лице ее отразилось разочарование.

Спасибо, Кими, – сказала Ханako. – Если ты уверена, что это уместно, мы проведем ночь здесь.

Конечно-конечно, госпожа Ханako! Эта хижина все равно больше не используется для медитаций. Мы просто восстановили ее потому... ну, потому, что она была здесь раньше. Я только сожалею, что большая часть монастыря не отстроена заново. Прежние монашеские кельи были бы просторнее и удобнее.

Нам будет очень удобно здесь, Кими. Спасибо тебе большое.

И вам спасибо, госпожа Ханako, госпожа Эмилия.

Когда Кими ушла, Эмилия сказала:

Было бы куда легче подтвердить или опровергнуть написанное в свитках, если бы мы знали, где стояли старые здания. Например, та келья. Автор рукописи заявила, что оставит знак своего пребывания там.

Боюсь, даже план не очень бы нам помог, – сказала Ханako. – Здание, в котором находилась та келья, могло быть разрушено несколько веков назад.

Но если бы у нас был план, мы могли бы установить, где оно находилось, и, не найдя никакого знака, о котором она упоминает, знали бы, что этим свиткам не стоит верить. – Она помолчала и добавила. – Я им в любом случае не верю.

Эмилия открыла свой саквояж и достала один из свитков. Они с Ханako уселись на пол и принялись вместе изучать его. За прошедшие годы Эмилия научилась сидеть на японский манер. Сидеть так часами напролет она не могла, но несколько минут – вполне.

Возможно, мы неправильно поняли этот абзац, – сказала Эмилия.

Нет, все правильно, – возразила Ханako и прочла из свитка: – «Мы встретимся в женском монастыре Мусиндо, когда вы войдете в мою келью. Вы заговорите, я – нет. Когда вы приметесь искать меня, вы меня не найдете. Как такое возможно? Вы не будете знать этого до тех пор, пока не появится дитя, но тогда вы будете знать все твердо».

Это предсказание не может не быть ложным, – сказала Эмилия.

Для нас это еще только должно произойти. Но автор пишет об этом как о чем-то уже свершившемся. Об истории.

Эмилия с сомнением покачала головой.

Как человек, который, предположительно, умер шестьсот лет назад, может говорить о чем-то, что произойдет в будущем, как о прошлом? Я не верю, что это было написано в древности. Я думаю, это подделка, состряпанная специально, чтобы причинить какой-то вред.

Ханako улыбнулась.

Вы начинаете думать, как мы, Эмилия.

Ну, я полагаю, это до определенной степени неминуемо, – сказала Эмилия. – Времена сейчас беспокойные, а у князя Гэндзи много врагов. Я думаю, некоторые из

них совершенно лишены совести, и они пошли бы на все, лишь бы навредить ему.

Мне хотелось бы согласиться с вами, но я не могу, – сказала Ханako. – Заговор, подобный тому, который вы описываете, нельзя исполнить подобным образом. Во-первых, свитки принесли вам, а всем известно, что вы всецело преданы князю Гэндзи. Во-вторых, поскольку они написаны по-японски, следовало ожидать, что вы приметесь с кем-нибудь советоваться, а всем известно, что я – ваш ближайший друг. В моей преданности князю Гэндзи тоже нельзя усомниться. Таким образом, никак нельзя ожидать, что содержимое этих свитков станет достоянием общественности – а без этого чем они могут послужить подобному заговору?

Не хочешь ли ты сказать, что думаешь, будто эти свитки подлинные?

Я думаю, что нам не следовало приезжать в Мусиндо, – сказала Ханako.

Мне – следовало, – возразила Эмилия, упрямо поджав губы, – чтобы опровергнуть то, что здесь написано. Ты точно не боишься?

Нам не следовало сюда приезжать, – повторила Ханako.

Тут из-за двери донесся голос Таро.

Госпожа Ханako, я разместил людей в монастыре и вокруг него, как вы и приказали. Сегодня ночью я буду лично охранять внутренний дворик.

Пожалуйста, войдите, Таро, – сказала Эмилия.

Дверь скользнула вбок. Таро, оставаясь снаружи, поклонился.

Мне нужно приглядеть за людьми, госпожа Эмилия. Если вам что-нибудь потребуется, позовите, и к вам сразу же кто-нибудь придет.

Спасибо, Таро, – поблагодарила его Эмилия.

Когда мы были здесь в прошлый раз, мы были насквозь мокрые от лошадиной крови, – сказала Ханako.

Кажется, будто это было так давно, – сказал Таро. – С тех пор так много изменилось...

И еще больше изменится, – сказала Ханako. – Но мы должны оставаться непоколебимыми.

Воистину, – с поклоном отозвался Таро.

После того, как он закрыл дверь, Ханako прислушалась к звукам его удаляющихся шагов.

Что такое? – спросила Эмилия.

Ничего, – отозвалась Ханako. Незачем беспокоить Эмилию, рассказывая ей о своих подозрениях; возможно, они не имеют под собою оснований. Но в течение всего путешествия Таро вел себя не так, как всегда. Ханako не могла сказать, что конкретно ее беспокоит. Просто что-то едва уловимо изменилось в его взгляде, осанке, голосе. Скорее всего, на Таро оказало свое воздействие общее беспокойное состояние нации, как и на всех на них. Но возможно было и более зловещее объяснение. Ханako заметила, что все воины, которых Таро взял с собою, были его непосредственными вассалами. Среди них не было ни одного из самураев ее мужа, Хидё. При других обстоятельствах Ханako даже не обратила бы на это внимания. Но эти слабые, едва различимые перемены в Таро обеспокоили ее в достаточной степени, чтобы начать высматривать другие несоответствия.

Эмилия снова перечитала этот абзац.

«Мы встретимся в женском монастыре Мусиндо, когда вы войдете в мою келью. Вы заговорите, я – нет. Когда вы приметесь искать меня, вы меня не найдете. Как такое возможно? Вы не будете знать этого до тех пор, пока не появится дитя, но тогда

вы будете знать все твердо».

Ханако пробрал озноб.

Как-то это все бессмысленно, – сказала Эмилия. – Какое дитя? И кого она называет «вы»? Здесь не осталось ни одной целой кельи. И Мусиндо – мужской монастырь, а не женский.

В 1292 году, когда Мусиндо только был построен, он был женским, а не мужским. Что? – Эмилия почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

Прежде, чем он превратился в руины в ходе сражения, которое вел князь Гэндзи, его разрушали и прежде, во время войны между основателем нашего клана, князя Хиронобу, и предателями, убившими его. Тогда же они сожгли Мусиндо дотла, вместо со всеми, кто здесь находился. Он на протяжении столетий оставался заброшенным. Старый настоятель Дзенген – он умер как раз перед тем, как вы приехали в Японию, – отстроил его собственными руками. Он-то и основал здесь мужской монастырь.

Но это все равно не дает ответа на остальные вопросы, – попыталась воспротивиться Эмилия.

Нет, – согласилась Ханако, – но не так трудно сделать некоторые предположения.

У меня не получается. А у тебя?

Ханако заколебалась. Ей не хотелось об этом говорить, но теперь она верила, что в том не будет вреда. Ощущение неизбежности нарастало в ней с тех самых пор, как она впервые увидела, как Эмилия читает эти свитки – еще в Эдо, во дворце «Тихий журавль». Ханако знала: чему быть, того не миновать.

Ребенок, который упоминается в свитках, – сказала Ханако, – это наследник, который продолжит род. «Вы» – это особа, которой эти свитки адресованы.

Эмилия потрясенно уставилась на нее.

Ханако, я надеюсь, ты не имеешь в виду меня?

Мы здесь, – сказала Ханако, – так что скоро мы все узнаем.

Или не узнаем, – сказала Эмилия несколько энергичнее, чем намеревалась. – Возможно, эта Сидзукэ была очень умна, но, конечно же, она не обладала никакими сверхъестественными силами. Ведьм не существует.

Лучше бы вы не произносили ее имени, – сказала Ханако, приложив все усилия, чтобы голос ее не дрогнул.

Этой ночью двое женщин спали урывками, в страхе ожидая того, что одна из них считала неизбежным, а другая – невозможным. Когда рассвело, а к ним так никто и не явился, обе они сделались намного веселее, чем накануне. На самом деле, Ханако впервые за все время путешествия ощутила подъем духа. Даже ее подозрения по отношению к Таро растаяли.

Я рада, что вы оказались правы, – сказала Ханако. – Мы, японцы, чересчур суеверны. Мы слышали так много старых историй, что начинаем верить в них вопреки собственному здравому смыслу.

Это изменится, – отозвалась Эмилия. – Япония вот-вот войдет в сообщество цивилизованных наций. Настанет день – и он недалек, – когда Япония станет такой же современной и высокоразвитой страной, как Соединенный Штаты, Британия, и другие великие государства. Всех нас будет вести логика, а не бабушкины сказки.

Во второй половине дня Ханако отправилась вместе с Кими полюбоваться огородом, устроенным Горо. Как сказала Кими, кроме обычных овощей Горо выращивал еще и съедобные цветы. Он узнал про них, наблюдая за дикими цветами,

которые собирал монах-чужеземец, Джимбо.

Какой прекрасный сегодня день, – сказала Эмилия. – Я, пожалуй, пройду тут по лугу.

Она неспешно прошла через рощу, растущую у самой стены монастыря. Два самурая, которых приставил к ней Таро, следовали за ней на некотором расстоянии. Это была не та сторона монастыря, у которой произошла битва. Хотя прошло шесть лет, Эмилии не хотелось ступать по земле, на которой умерло столько людей. Эти воспоминания до сих пор причиняли ей боль. Погрузившись в эти размышления, она уже почти миновала купу сосен, когда заметила, что в их тени стоит какая-то женщина и смотрит на нее. Контраст между солнечным светом, в котором стояла Эмилия, и тенью, окутывающей женщину, придавал незнакомке какой-то эфемерный вид. Из-за этого, да еще из-за того, что она стояла так неподвижно, ее очень легко было не заметить.

Женщина была очень юной, судя по тому, что ее волосы не были уложены во взрослую прическу, а были просто забраны в девчоночий хвост. Кроме того, она была исключительно хороша собою: тонкие черты лица и не такие узкие глаза, как обычно у японцев. Эмилия подумала, что это, наверное, одна из тех женщин, которые пришли сюда из Йокогамы вместе с Кими и Горо. Молодая женщина смотрела на Эмилию с таким видом, словно представшая ее взору картина ее слегка забавляла. Возможно, она никогда еще не видела вблизи ни одного чужеземца. Эмилия решила, что это прекрасная возможность попрактиковаться в японском с человеком, не привыкшим к ее акценту.

Добрый день, – произнесла Эмилия по-японски, сопроводив свои слова подобающим поклоном по местному обычаю. Но она не получила ожидаемого ответа. Вместо того, чтобы тоже поклониться и вежливо поздороваться женщина ничего не сказала, а лицо ее исказилось от ужаса.

Я приехала издалека, – сказала Эмилия. – Меня зовут Эмилия.

Госпожа Эмилия! – услышала она позади голос Таро. – С вами все в порядке?

Я просто упражняюсь в японском языке, – объяснила Эмилия. – Но без особого успеха.

Она снова повернулась к молодой женщине и обнаружила, что та ускользнула. Эмилия улыбнулась.

Похоже, что мой японский настолько плох, что приводит незнакомых людей в ужас. Вы очень добры, раз не реагируете на него подобным образом. Вы не видели, куда она направилась?

Таро взглянул на двух самураев, сопровождающих Эмилию. Оба пожали плечами.

Нет, – сказал Таро. – Извините.

Возможно, она вернулась обратно в монастырь, – сказала Эмилия. – Надо будет, чтобы Кими представила нас друг другу, как подобает, – пусть она увидит, что меня нечего бояться.

Таро снова повернулся к самураям.

Вы видели эту женщину?

Нет, господин Таро.

Вам следует быть внимательнее, – сказал Таро. – Какая польза в телохранителях, не сумевших увидеть возможного убийцу?

Мы никого не видели, господин, – сказал один из самураев и несколько озадаченно взглянул на своего товарища.

Именно об этом я и говорю, верно? – резко произнес Таро. Он не любил выслушивать оправдания.

Тут Эмилия споткнулась обо что-то, скрытое в траве. Ей пришлось ухватиться за сосну, чтобы не упасть. Она взглянула под ноги. Оказалось, что это был большой плоский камень, наполовину ушедший в землю.

Камень от фундамента, – сказал Таро.

Простите? – переспросила Эмилия, от замешательства перейдя на английский.

Таро не отличался особой способностью к языкам, но достиг в английском почти таких же успехов, как Эмилия в японском. Он пояснил:

Это камень от старого фундамента. Вероятно, здесь прежде стояло какое-то здание. При разрушении и восстановлении здания иногда переносят. Преднамеренно, чтобы изменить карму этого места. Или непреднамеренно, потому что никто не помнит, где располагалось старое здание.

Здание? – снова переспросила Эмилия.

Да, – сказал Таро, вглядываясь в траву. – Небольшое. Видите? Вот еще один камень от фундамента. Это было очень маленькое здание.

Келья, – произнесла Эмилия, и рухнула без сознания.

Когда она снова открыла глаза, то увидела Ханako, с беспокойством глядящую на нее, а рядом – Кими.

Она очнулась, – сказала Кими.

С вами все в порядке? – спросила Ханako.

Да-да, – отозвалась Эмилия, садясь. – Я просто немного перенапряглась. Ничего серьезного.

Она огляделась и увидела, что вокруг нее собралось около дюжины женщин. Но той молодой женщины из рощи среди них не было.

А что, это все жительницы монастыря?

Все, кроме одной, – сказала Кими. – Она отправилась в деревню с поручением. Иногда она ходит не по тропе, а бродит по лесу.

Эмилия облегченно вздохнула.

Так вот кого я видела...

Она улыбнулась Ханako.

У меня разыгралось воображение. Я видела девушку, а потом она куда-то делась. Я споткнулась об камень. Я подумала о свитках, и подумала, что это была... – Тут она вспомнила, что Ханako просила, чтобы она не произносила этого имени. – ...та, кого я ожидала увидеть. Она очень робкая? – спросила Эмилия у Кими.

Да, – отозвалась Кими. – Очень, очень робкая.

Да, такое как раз иногда бывает с самыми красивыми девушками, – сказала Эмилия.

С самыми красивыми? – озадаченно переспросила Кими.

О, а вот и она, – сказала какая-то из женщин. – Ясуко! Иди сюда! Госпожа хочет тебя видеть. Не убегай.

Эмилия посмотрела на приближающуюся женщину – коренастую, ширококостную. Она выглядела бы достаточно нескладной, даже если бы голова у нее и не клонилась так странно набок: этот недостаток особенно бросался в глаза из-за туго стянутых волос. В ней не было ничего изящного, прекрасного или хотя бы эфемерного.

Она повредила себе шею там, в Йокогаме, – пояснила Кими. – Теперь у нее голова

не держится ровно.

У Эмилии снова закружилась голова, но на этот раз она не потеряла сознание.

Женский монастырь Мусиндо, – прошептала она.

Она бредит, – сказал Таро.

Боюсь, что нет, – отозвалась Ханако.

ГЛАВА 7

Дитя тайны

Древнее изречение гласит, что мужчина – это мужество, а женщина – доброта. В нем есть некое приятное сочетание симметрии и контраста и, подобно многим приятным вещам, это изречение полностью лживо.

Мужество и доброта неразделимы.

Если же одно существует без другого – будьте начеку!

Перед вами – хорошо замаскированные трусость и жестокость.

“Аки-но-хаси”. (1311)

1867 год, развалины монастыря Мусиндо

Люди Таро, которым он поручил охранять Эмилию во время прогулки, были наименее надежными среди всех находившихся у него в подчинении телохранителей. Он взял их с собой именно ради этого их свойства. С ними вполне можно было рассчитывать, что они позабудут о своих обязанностях, – и именно это они и сделали, предавшись взамен ленивой болтовне. И точно так же они не заметили Таро, спрятавшегося среди деревьев, хотя умение маскироваться никогда не числилось среди самых выдающихся его достоинств.

Подобно всем истинным самураям, Таро ненавидел ухищрения и скрытность, предпочитая в открытую заявлять о своих намерениях. Способ, которым он намеревался претворить в жизнь свое предательство, причинял ему почти такую же боль, как само предательство. Но князь Саэмон убедил его, что сейчас не время для традиционной показной храбрости. Таро необходимо скрывать до надлежащего момента, что теперь он верен иному. Потому он собрался не просто убить женщину, и не просто женщину, а ту, кого он пообещал защищать, но еще и убить ее из засады, что утраивало терзающий его стыд. Но он собирался сделать это, чтобы защитить древние традиции чести и мужества, которые князь Гэндзи почти готов был отринуть. Не странно ли, что первый его открытый шаг на этом пути оказывается столь нелепо трусливым? И все же это вполне согласовывалось с прочими противоречиями, созданными присутствием чужеземцев. Если бы Таро лучше умел чувствовать, сколь нелепа временами бывает жизнь, сейчас он бы рассмеялся над собою.

Он был одним из двух наиболее доверенных вассалов князя Гэндзи, заместителем командующего войском клана, человеком, который несколько раз рисковал жизнью, защищая Гэндзи. Гэндзи возвысил его, сына незнатного самурая, до положения

владельца господина, наделив его землей. Никто не оказал ему большей чести, чем Гэндзи. Никто не заслуживал его верной службы, его благодарности, его уважения больше, чем Гэндзи. А Таро отвернулся от него ради службы князю Саэмону, человеку, возможно, еще более отвратительному, чем покойный отец князя Саэмона, Каваками Липкий Глаз, глава тайной полиции сёгуна.

Липкий Глаз получил свое последнее воздаяние – усекновение головы – в сражении, произошедшем на этом самом месте. Таро и Эмилия были среди горстки тех, кто был тогда при князе Гэндзи и остался в живых. “Он сражался при Мусиндо!..” За прошедшие годы Таро не раз слышал у себя за спиной эти слова, произнесенные с благоговейным трепетом, и всякий раз они наполняли его гордостью. Но через несколько мгновений эти слова приобретут совсем другое значение. Лучше бы он умер тогда, с честью. Хотя дело его было правым, Таро знал, что муки, причиненные предательством, отравят и лишат радости всю его оставшуюся жизнь, долгой ли она будет или короткой.

Госпожа Ханako, которую он тоже предавал, потеряла левую руку в той битве, защищая своего мужа, Хидё, лучшего друга Таро, ныне тоже сделавшегося владельцем господином и командующим войсками клана. Таро надеялся хотя бы в этом обойтись без фатальных последствий. Он не желал Ханako вреда. Он только будет удерживать ее в заложниках, пока не сумеет убедить Хидё присоединиться к нему. Ведь наверняка же даже Хидё, при всем его упрямстве и слепой верности князю, поймет необходимость и правомерность действий Таро, если заставить его остановиться и подумать.

Он стоял в тени, скрытый густой листвой, а лучи света били у него из-за спины. Солнце как раз стояло на небе ровно так, чтобы мешать смотреть всякому, кто взглянул бы в его сторону. Эмилия неспешно шла к купе сосен. Когда она подойдет туда, то окажется примерно на расстоянии пятидесяти длин стрелы. Даже такой посредственный лучник, как он, Таро, сможет на таком расстоянии попасть в столь медленнодвигающуюся цель. Ружье было бы надежнее, но воспользоваться им нельзя, из практических и политических соображений. Во-первых, грохот и дым слишком явно выдадут его местоположение. Во-вторых, использование лука и стрел – традиционного оружия, никак не связанного с чужеземцами, имеет свой смысл.

Смерть Эмилии сразу же принесет пользу в нескольких вопросах. Она спровоцирует ответные действия со стороны чужеземных стран, и если эти действия будут такими же, как и прежде, то есть, плохо нацеленными и чрезмерными, они увеличат и без того уже яростные античужеземные настроения. Также она привлечет внимание к неподобающей дружбе князя Гэндзи с чужеземной женщиной и дополнительно ослабит его позицию, которая и без того не слишком сильна. Затем неизбежно воспоследующая казнь двух проштрафившихся телохранителей увеличит раскол среди самураев клана, и по мере усиления кризиса с князем Гэндзи будет оставаться все меньше и меньше народа. И, в завершение, то, что неизвестный убийца ускользнет неузнанным, усилит страх и подозрения, а люди, охваченные страхом и подозрениями, склонны совершать больше ошибок, чем те, кто ими не охвачен.

Все происходило в точности так, как Таро себе и представлял. Двое стражников были слишком заняты болтовней, чтобы заметить его. Эмилия двигалась настолько медленно, что ее передвижение вообще не создавало трудностей. Таро поднял лук. Он уже готов был спустить тетиву, когда Эмилия остановилась и заговорила по-японски. Кто это еще там? Таро не мог стрелять, не зная этого. Тот человек хорошо прятался

среди деревьев: Таро, как ни старался, не мог его разглядеть.

Момент был упущен. Таро не собирался спешить и действовать, когда обстоятельства неблагоприятны. Ничего, представится и другая возможность. Он положил лук среди кустов и вышел к Эмилии. Хотя вскоре он оказался почти у нее за плечом, он по-прежнему никого не видел. Казалось, будто Эмилия обменивается любезностями с сосной.

Госпожа Эмилия! – окликнул ее Таро. – С вами все в порядке?

В порядке явно было не все, потому что после нескольких совершенно безобидных слов про старые камни, оставшиеся от какого-то фундамента и ныне скрытые травой, Эмилия вдруг упала без сознания. Разве не достаточно плохо само по себе то, что его князь так подружился с чужеземкой? Неужто она еще и подвержена галлюцинациям и обморокам? Для Таро произошедшее было лишним свидетельством того, что он принял правильное решение, сколь бы трудным и сопряженным со злом оно ни было. Он полностью признавал свою ответственность за все то, что совершил. Но в то же самое время, разве остались еще сомнения в том, что князь Гэндзи отрезал для него все иные пути?

Месяц назад, во время встречи с Хидё и Таро, князь Гэндзи наконец-то зашел слишком далеко.

Теперь у всех наших самураев есть револьверы, – сказал Гэндзи. – А вскоре у всех отрядов появятся еще и пушки на колесах, которые можно брать с собой повсюду.

Да, господин, – отозвался Хидё, – и мало кого из них это радует.

Что – пушки? – спросил Гэндзи.

В целом огнестрельное оружие, мой господин.

Их не радуют револьверы? – Казалось, Гэндзи удивился. – Но ведь не думают же они, что смогут сражаться в грядущих войнах мечами?

Это не вопрос практики, – пояснил Хидё. – Они не верят, что огнестрельное оружие может должным образом выразить самурайский дух.

Они могут выражать свой дух столько, сколько пожелают, – сказал Гэндзи, – но на поле боя проявление духа мало чего стоит без физической мощи.

Но мечи имеют и практическое применение, мой господин, – возразил Таро. – Люди говорят о битве у монастыря Мусиндо как о примере того, что мечи по-прежнему имеют ценность.

Как так? Исход этой битвы решило огнестрельное оружие. Что тогда сделали мечи, кроме как продемонстрировали свою полную неэффективность?

Когда враги пошли на штурм наших позиций, – сказал Таро, – мы встретили их мечами, и мы победили их.

Кажется, память окончательно тебе изменила. Ты уже забыл, как зарывался в кровавую грязь, чтобы укрыться от пуль? Ты не помнишь, как прятался за искромсанными тушами наших лошадей?

Таро не совсем неправ, мой господин, – сказал Хидё.

Должно быть, я присутствовал при каком-то другом сражении. Пожалуйста, расскажите мне о вашем.

Все те тысячи пуль, что выпустили враги, не убили нас, – сказал Хидё. – В конце концов им пришлось пойти на нас в атаку с мечами.

Ты был там, и у тебя язык поворачивается сказать такую нелепицу? Ты наглядно демонстрируешь, почему время самураев минуло. Проблема не в мечах у вас за

поясом, а в мечях у вас в голове.

Самураи тысячу лет защищали Японию, – сказал Таро.

Скорее грабили, чем защищали.

Господин, – сказал Таро, – это скверная шутка.

Шутка? Отнюдь. Мы тысячу лет превосходно резали и угнетали тех, о ком вроде как должны были заботиться. Если поставить с одной стороны убитых, а с другой – убийц, кого будет больше?

Мы сражались друг с другом, – сказал Таро. – Мы не воевали против крестьян.

Да ну? На каждого самурая, павшего в битве, сколько приходится затоптанных, заколотых, зарубленных или просто заморенных голодом и непосильной работой крестьян? Пять? Десять? Скорее сотня или две. Мы упражнялись во владении мечом. Они, в основном, в умирании.

Такова судьба крестьян, – сказал Хидё. – Они должны принимать ее, как мы принимаем нашу.

Сомневаюсь. Вот французские крестьяне ее не приняли. Они восстали и отрубили головы своим аристократам.

И Гэндзи улыбнулся, как будто эта мысль доставляла ему удовольствие.

Здесь этого произойти не может, – сказал Таро. – Мы – цивилизованный народ. У нас даже крестьяне принадлежат к более высокому рангу. Им такое даже в голову не придет.

Да, я полагаю, ты прав. Печально, не правда ли?

Это повод скорее для гордости, чем для печали, – сказал Таро.

Возможно. А возможно, и нет. Вместо того, чтобы ожидать прихода нашего собственного Царства Террора, было бы разумнее смело совершить перемены и отменить нас, наши владения и весь этот древний принцип господ и вассалов.

Господин! – хором воскликнули Хидё и Таро.

Гэндзи рассмеялся.

Есть такое чужеземное выражение: «Пища для размышлений». Если вы будете меньше беспокоиться и больше питаться, это пойдет на пользу вам обоим.

Его слова были ядом, а не пищей. Князь смеялся, но Таро знал, что Гэндзи имеет в виду ровно то, что сказал.

Теперь же, оглядываясь назад, Таро понял, что именно в тот самый миг он перестал быть верным вассалом князя Гэндзи.

Его первая попытка убить Эмилию провалилась. Вторая не провалится.

Вы уверены, что уже достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы сесть? – спросила Ханako.

Вполне, – отозвалась Эмилия. Теперь, когда она находилась в восстановленной хижине настоятеля, ей было неловко за то, что она так по-дурацки свалилась в обморок. Никаких причин для подобной реакции не было. Из того, что красивая молодая женщина, которую она встретила в лесу, не принадлежала к числу обитательниц храма, еще не следовало, что она видела призрак. Женщина могла прийти сюда из деревни, хотя, пожалуй, она выглядела слишком хорошо одетой для крестьянки. Возможно, это была какая-то прохожая, ненадолго отставшая от своих спутников.

Спасибо, – Эмилия поблагодарила Ханako и приняла чашку с чаем. – Как я уже говорила, она была необыкновенно красивой. Особенно примечательными были глаза.

Они ближе к западному типу, чем к азиатскому. Но я думаю, в этом ничего особенного нет. В конце концов, все мы люди, и не так уж сильно отличаемся друг от друга.

Вы сказали, что у нее были очень длинные волосы, – сказала Ханako, – почти до земли.

Да. Насколько я могу судить. Она находилась в тени, а я стояла на свету. Ее трудно было разглядеть.

Она казалась... – Ханako запнулась, подбирая точное слово. – Она казалась расплывчатой?

Ну, не то, чтобы расплывчатой... Игра света и тени часто обманывает зрение. А узор ее кимоно мешал еще больше.

Узор ее кимоно?

Да. – Эмилия была благодарна Ханako за подобную заботу об ее здоровье. Однако же ход и подробность ее распросов казались Эмилии несколько странными. – Он был очень похож на листву деревьев, среди которых она стояла. И из-за этого она почти сливалась с рощей.

Ханako побледнела. Взгляд ее сделался каким-то отрешенным, и она покачнулась. Эмилии на миг даже показалось, что Ханako тоже сейчас потеряет сознание. Но та все же удержалась, хотя и оперлась руками об пол, чтобы не упасть.

Что случилось? – спросила Эмилия.

Ханako ответила не сразу. Она не знала, что сказать. Что будет лучше для Эмилии, знать или не знать? Она была убеждена, что Эмилия видела госпожу Сидзукэ, принцессу-ведьму, которая то ли спасла клан на заре его существования, то ли наложила на него проклятие, не избытое до сих пор. Или, быть может, верно было и то, и другое. Большие глаза, длинные волосы, полупрозрачность – именно ее Эмилия ошибочно приняла за узор на кимоно. Она просто видела сквозь нее. Все произошло в точности так, как и предсказывал свиток – встреча состоялась в монастыре Мусиндо, в старой келье, что служила ей домом в годы детства. Тогда, быть может, и прочие упоминающиеся в нем предсказания окажутся правдой.

Лишь те, в ком есть кровь Окумити, могли видеть госпожу Сидзукэ. Раз Эмилия видела ее, значит, оставалась лишь одна возможность, какой бы невероятной она ни была.

Тот день, когда уехала госпожа Хэйко, – сказала Ханako. – Шесть лет назад.

Я прекрасно его помню, – отозвалась Эмилия. Тогда она в последний раз видела Хэйко и Мэттью Старка. Их корабль в час прилива отплыл в Калифорнию.

Госпожа Хэйко сказала мне нечто такое, чему я не поверила. – Ханako поколебалась и добавила: – Но теперь верю.

Был Новый год по японскому календарю, первое новолуние после зимнего солнцестояния, в шестнадцатый год царствования императора Комэй. Хэйко не верилось, что она еще когда-либо увидит родную землю.

Пусть волны храбрости несут вас вперед, – сказал Гэндзи, – и пусть волны памяти принесут вас домой.

Произнося эти слова, он смотрел прямо ей в глаза.

Шестеро друзей собрались вместе перед отплытием «Вифлеемской звезды». Гэндзи, Хэйко, Хидё, Ханako, Эмилия и Старк поклонились и осушили маленькие, предназначенные для церемоний чашечки сакэ. Год пролетел быстро, и за это время многое изменилось.

Хидё, гуляка, игрок и бездельник, стал главой телохранителей князя. Он проявил мужество в яростных сражениях на перевале Миё и у стен монастыря Мусиндо. Никто не разглядел подобных достоинств, скрытых в той ленивой бездари, какой прежде был Хидё. Никто, кроме князя Гэндзи, который неожиданно для всех повысил Хидё в ранге.

Господин Хидё, – произнес Гэндзи. – Хорошо звучит, не правда ли?

Когда Хидё был назначен на должность главы телохранителей, он был одновременно с этим наделен землей. А следовательно, теперь его следовало именовать господином.

Лицо Хидё сделалось красным, словно седалище горной макаки.

Я никак не могу к этому привыкнуть, мой господин. Я чувствую себя самозванцем.

Все рассмеялись – по-доброму. Все, кроме Гэндзи. Он заговорил, и то, что он говорил тихо, лишь подчеркивало серьезность его слов.

Ты ни в коем случае не самозванец. Я не знаю более искреннего человека, чем вы, господин Хидё. И думаю, что я за всю жизнь не встречу никого, кто превзошел бы вас в этом отношении, разве что, быть может, будды и боги.

Кровь мгновенно отхлынула от лица Хидё, а глаза увлажнились, и плечи поникли. Бесстрашный и стойкий в битве, он так легко давал волю слезам в волнующие моменты, что подчиненные прозвали его «командир Кабуки».

Ханако быстро вмешалась в происходящее, чтобы предотвратить надвигающийся поток слез. Она за этот год превратилась из служанки в жену Хидё и мать их новорожденного сына, Ивао. Она потеряла у Мусиндо руку, но не свою грацию и очарование. Если малыш унаследует силу отца и мудрость матери, он станет воистину необыкновенным человеком. Кто бы мог представить, что эти двое станут такой прекрасной, гармоничной парой? Кто, если не сам Гэндзи, лично устроивший их брак?

Хэйко ничего не могла с собой поделаться: ей виделась в этом горькая ирония. Он сумел свести воедино двоих людей, даже не думавших друг о друге, но в том, что касалось ее, Хэйко, он не смог придумать ничего лучше, кроме как отослать ее прочь.

Господин Гэндзи, вам следовало бы вместо титула пожаловать ему театр, – сказала Ханако. – Мой талантливый муж способен расплакаться легче, чем самые искусные героини сцены.

В театре Кабуки актерами были только мужчины. То есть, женские роли играли они же, и это считалось наивысшим искусством.

Хидё в роли гейши! – воскликнул Гэндзи. – Что ты на это скажешь, Хэйко?

Теперь смеялись все, включая самого Хидё, который позабыл о своих слезах, лишь представив нарисованную князем картину.

Ты – добрый друг, Хидё, – подключился к разговору Мэттью Старк, – но вот что я тебе скажу: мне случалось видывать в Западной Вирджинии пугала, одетые лучше, чем ты.

Старк был христианским миссионером, который приехал в Японию, чтобы убить, исполнил свое намерение, и теперь возвращался к себе на родину на том же самом корабле, который увозил Хэйко с ее родины. Смягчило ли свершившееся возмездие боль его потерь? Принесло ли оно ему покой? Боль, проступающая в его глазах всякий раз, когда он слышал детский смех или видел улыбку ребенка, говорила, что нет. Его потеря, какой бы она ни была, была столь велика, что он слышал голоса своих мертвых и видел их лица более ясно, чем живых. Даже когда он смеялся – вот как

сейчас, – Хэйко видела, что этот человек скорее мертв, чем жив, невзирая на то, что сердце упорно бьется в его груди. Такие люди долго не живут. Это видно всем. Всем, кроме Гэндзи, который доверил Старку охранять крупную сумму золотом, которую отсылал с ним в Америку, чтобы тот стал его торговым агентом там.

Во взаимоотношениях Хэйко и Старка существовало безукоризненное, печальное равновесие, не так ли? Он потерял все, что имело для него значение, и с ней вот-вот должно было произойти то же самое.

Если существует рынок красивых чучел, – сказал Гэндзи, – возможно, вам стоило бы туда заглянуть.

Может, и загляну, – отозвался Старк. – Если время будет.

Мы много лет будем партнерами, – сказал Гэндзи. – У нас хватит времени для множества вещей. Быть может, даже настанет такой день, когда каждый из нас будет говорить на языке другого с такой же легкостью, как на собственном.

Губы Старка изогнулись в улыбке, но глаза его остались печальны.

По правде говоря, я и на своем-то языке не большо хорошо говорю. Слишком много лет я провел в седле, и слишком мало было вокруг людей, знающих, как говорить правильно.

А что же сама Хэйко? На двадцатом году жизни она находилась в расцвете своей красоты и была самой знаменитой гейшей Эдо, столичного города сёгунов; о ней уже складывали легенды, как о прославленных куртизанках, принцессах и благородных дамах былых времен. Слава о ее отваге, зримом доказательстве ее необычайного физического совершенства, изысканность ее манер, изящество, с которым она совершала даже самые обыденные действия, и – быть может, самое поразительное, – отсутствие всякой напускной надменности, часто встречающейся у менее красивых гейш, – все это, вместе взятое, делало ее неотразимой почти для любого мужчины. Любого, кроме Гэндзи, который отсылал ее в Америку вместе со Старком, как предполагалось – для того, чтобы основать там опорный пункт для клана, но на самом деле – просто отсылал ее прочь.

Почему?

Этого Хэйко не знала. Она знала, что он любит ее. Это видно было по тому, как смягчался его взгляд при каждом взгляде на нее, как он медлил, пытаясь продлить каждое прикосновение к ней, какая нежность звучала в каждом его слове, в отчаянном желании, с которым он сдавался ей в каждую ночь страсти. И все же он отсылал ее прочь.

Что-то изменилось в Мусиндо. Когда Гэндзи вернулся с той, последней встречи с Каваками Липким Глазом, что-то в его отношении к ней переменилось. Не то, чтобы он сделался холоднее или отдалился. Перемены были не из тех, какие легко заметить и разложить по полочкам. Нет, они были почти неощутимы. Хэйко смогла уловить их лишь благодаря своей отточенной наблюдательности. Об угасании любви речь не шла, поскольку за прошедший год их любовь лишь усилилась. Течение сделалось сильнее, но поток вместо того, чтобы нести их рядом, разносил их в разные стороны.

Почему? Гэндзи знал. Он знал многое, чего не знал никто больше. Но он ничего не говорил. Всякий раз, когда Хэйко спрашивала его об этом, он говорил, что ему нечего сказать.

Лжец.

Князь, герой, провидец, возлюбленный, лжец.

Прежде всего – лжец.

Мы снова будем вместе там, в Америке, – сказал он.

Лжец.

Мир стремительно изменялся, и Хэйко могла представить себе многое, что совсем недавно казалось невообразимым, но она не видела Гэндзи в Америке. Он – князь империи. Более того, он – князь, стоящий на грани исторической победы, он готов вот-вот свергнуть своего наследственного врага, сёгуна Токугава, слабеющего с каждым днем. Никто не знает, к кому перейдет власть, но возможных кандидатов много, и Гэндзи – среди них. Ни один князь в такой момент не покинет Японию и не отправится в Америку.

Она уезжала. Гэндзи никуда не поедет, ни сейчас, и ни когда бы то ни было. Она уедет и никогда больше не увидит его.

Почему?

Хэйко не знала. Она исследовала эту ситуацию как можно подробнее, но не нашла ничего информативного. Через несколько недель после битвы у Мусиндо Гэндзи устроил налет на владения Каваками в Хино. Говорили, будто он что-то искал – амулет, свиток, человека, – варианты расходились. Кроме того, слухи гласили, будто он вырезал какую-то глухую деревню, но это казалось маловероятным. Возможно, Гэндзи напал на уцелевших твердолобых вассалов Каваками, бежавших туда в поисках укрытия, что было с его стороны вполне благоразумно. Кроме этого ничего необычного не произошло. А потому в конце своих поисков Хэйко знала не больше, чем в начале. Каваками что-то сказал, что-то сокрушительное, и по какой-то причине Гэндзи ему поверил.

Я уверен, что после жизни, заполненной множеством обязанностей, вы найдете американскую свободу бодрящей, – сказал Гэндзи.

Хэйко поклонилась.

То, что один из нас в этом уверен, утешает меня, мой господин.

Она произнесла это весело, с улыбкой, но ей вовсе не было весело. Если Гэндзи и разглядел ее подлинные чувства, то никак этого не выказал. Он тоже улыбнулся. Они играли в эту игру в последний раз.

Когда прощальная встреча закончилась, Хэйко отправилась в свои покои, чтобы взять дорожную сумку.

Вскоре к ней заглянула Ханako.

Госпожа Хэйко, вы меня звали?

Да, Ханako. Спасибо, что пришла. Входи, пожалуйста.

Она закрыла дверь за гостьей. Хэйко уже давно думала об этом. Она не имела права что-либо рассказывать Ханako, поскольку эта тайна принадлежала Гэндзи, а не ей. Но поскольку она уезжала и ей, по всей видимости, не суждено было вернуться, необходимо было, чтобы кто-то это знал, и мог принять должные меры предосторожности.

Прошлой весной, – сказала Хэйко, – ты должна это помнить – князь Гэндзи потерял сознание в розовом саду замка «Воробьиная туча».

Да, я прекрасно это помню. Он тогда еще не полностью оправился от ран и переутомился.

Причина была не в ранах. Его посетило видение.

А! – отозвалась Ханako. Конечно же, она об этом знала. Все знали. Слуги разузнают новости лучше, чем любая шпионская сеть, какую только может придумать сёгун. Поскольку Ханako сама совсем недавно была служанкой, она до сих пор

пользовалась привилегией выслушивать самые интересные слухи. Но, конечно, никто из слуг не знал, что же князь Гэндзи узрел в видении.

Князь Гэндзи поделился со мной своим видением, – сказала Хэйко. – Эмилия понесет его ребенка.

Ханако была потрясена.

Он это предсказал?

В нескольких словах. Но предзнаменования были очевидны.

Возможно, не так уж очевидны, – сказала Ханако. – Если он не сделал предсказания, возможно, вы неверно поняли его слова. Эмилия – чужеземка.

Эмилия – такая же женщина, как любая другая, – сказала Хэйко. – Она так же способна выносить ребенка, как ты или я.

Князь не может иметь ребенка от чужеземки. Его вассалы его не примут. Если у него вообще останутся вассалы.

Это будет видно. Но есть знаки, явленные в видении. Ты намерена не обращать на них внимания?

Ханако заставила себя успокоиться. Она не могла допустить, чтобы собственные мысли отвлекали ее. Должно быть, Хэйко ошиблась насчет видения. Но что, если она права?

Нет, – отозвалась Ханако. – Не обращать внимания на видение нельзя.

Отлично. Так значит, я могу рассчитывать, что ты будешь присматривать за Эмилией?

Было бы полезно, если бы я могла заручиться поддержкой других.

И кого же другого ты знаешь, кому можно было бы без страха доверить это знание?

На мужа Ханако, Хидэ, можно было положиться без колебаний. Однако же, ему свойственно было теряться в необычных обстоятельствах. А когда он бывал сбит с толку, то действовал отнюдь не блестяще. И если сообщить ему столь невероятную весть, вреда будет больше, чем пользы.

Таро, ближайший друг ее мужа, обладал теми же сильными и теми же слабыми сторонами. И если она ничего не скажет мужу, как она может довериться другому мужчине?

Что же до женщин, то все, с кем ее связывали тесные отношения, были служанками во дворце в Эдо и в замке в княжестве Акаока. На лучших из них можно было бы положиться в том отношении, что они действительно стали бы ревностно опекать Эмилию. Но служанки непрестанно сплетничают. Что знает одна, то становится известно всем, а если это будут знать все, то с неизбежностью эта новость выйдет за пределы дворца и станет известна и прочим, включая врагов князя Гэндзи – все это будет лишь вопросом времени.

Значит, ей не к кому обратиться за помощью.

Ханако поклонилась.

Я сделаю все, что в моих силах.

Спасибо. Теперь я могу уехать со спокойной душой.

Мы все будем ждать вашего скорого возвращения.

Я не вернусь, – сказала Хэйко.

Конечно же, вернетесь, госпожа Хэйко. Наш господин не сможет долго переносить ваше отсутствие. Его чувства к вам слишком очевидны.

На глаза у Хэйко навернулись слезы. Ее поза сделалась менее официальной – она

уронила руку на циновку, словно бы затем, чтобы опереться на нее.

Я чем-то вызвала его неудовольствие, – сказала Хэйко, – и не знаю, чем именно. Ты не знаешь, что бы это могло быть?

Нет, моя госпожа, – отозвалась Ханako. – Должно быть, вы ошибаетесь.

А ты ничего не слыхала от слуг?

О вас – лишь восхваления. На самом деле, многие строят предположения о том, когда же князь Гэндзи официально примет вас в клан. Нет, правда, госпожа Хэйко – вы непременно вернетесь. Большинство думает, что это будет весной, потому что весна – это начало. Я же считаю, что это произойдет осенью, потому что когда дни становятся холоднее, страсть вспыхивает с новым жаром.

Хэйко рассмеялась, как на то и надеялась Ханako.

Что, неужто слуги и вправду говорят об этом?

Да, моя госпожа. Спорят лишь о времени. Они строят догадки обо всем. Например, в каком году вы родите. Все ставят на год, следующий за вашим возвращением. То есть, через два года от нынешнего момента, потому что никто не верит, что князь Гэндзи выдержит разлуку с вами больше года. Также много догадок строится об имени наследника.

Наследника? Даже так? Разговоры уже зашли настолько далеко? – Голос Ханako вновь счастливо зазвенел.

Да-да! Одна из служанок, Мицуко, – вы ее знаете? – даже ходила советоваться к гадалке в Йокогаме.

Две подружки прикрыли лица рукавами и захихикали. Действительно, обращаться к уличной мошеннице, чтобы узнать судьбу князя, способного заглянуть в будущее – это было уже чересур.

И что же сказала эта гадалка? – поинтересовалась Хэйко.

На самом деле, она вообще ничего не сказала, – ответила Ханako, едва сдерживая смех. – Это была чужеземка, не умеющая говорить по-японски. Она использовала странные карты с картинками. Мицуко рассказывала, что она указала на две карты и кивнула головой, да. Красавец-принц и прекрасная принцесса – Мицуко выбрала эти карты для князя Гэндзи и для вас. Затем она закрыла глаза, впала в транс...

В транс! – Хэйко так хохотала, что не могла уже сидеть прямо. От смеха у нее щекам потекли слезы.

...открыла книгу, написанную кандзи, и указала сперва на иероглиф «ко» – «дитя», а затем «макото» – «правда».

Когда подружки наконец-то отсмеялись, они позвали служанку, и та принесла чай. Искорки, плясавшие в глазах служанки, свидетельствовали, что она подслушала конец их разговора, и эта история ее тоже немало повеселила.

Если даже чужеземная гадалка с этим согласна, – сказала Ханako, – значит, ваша разлука временна. Князь Гэндзи призовет вас обратно сразу же, как только ваша задача будет исполнена. Вы уезжаете, но не потому, что он желает избавиться от вас, но потому, что он доверяет вам как немногим.

В это приятно верить, не так ли? – сказала Хэйко, прихлебывая чай.

Куда легче поверить в то, что вы скоро вернетесь, – сказала Ханako, – чем в то, что Эмилия родит ребенка нашему князю.

И тем не менее, ты будешь приглядывать за ней?

Непременно.

Но даже когда Ханako говорила об этом, на уме у нее был будущий ребенок

Хэйко, а не Эмилии. Хотя она и смеялась над предсказанием гадалки, она не сомневалась в его правдивости. Те, кого боги одарили своими дарами, не всегда таковы, как от них ожидают. Князь Гэндзи сам был тому примером. Не может ли и эта чужеземная гадалка из Йокогамы быть такой же? Ханako была уверена, что в обозримом будущем поздравит подругу с возвращением в Японию. А потом сколько может пройти времени между ее возвращением и появлением долгожданного наследника? Если пройдет больше года, она, Ханako, очень удивится.

Когда Ханako завершила свой рассказ, Эмилия долго молчала.

В конце концов она произнесла:

Я не появилась во сне Гэндзи.

Она не могла заставить себя сказать – «в видении», поскольку считать, что это и вправду видение, было бы богохульством. Никто, кроме пророков Ветхого завета, не знал грядущего. Веря, что Гэндзи и вправду пророчествует, Ханako предавалась ереси. Однако же, сейчас не время спорить о религиозных доктринах, какими бы важными они ни были. Это может подождать.

Да, – сказала Ханako.

Тогда как же они пришли к выводу, что я к этому причастна?

Из-за медальона, который вы носите на шее. С цветком лилии. В видении Гэндзи видел этот медальон на шее у своего ребенка.

Это вряд ли можно считать доказательством. – Эмилия через блузку прикоснулась к медальону. – Это может быть какой-то другой медальон. А если даже то был и вправду он, он мог попасть к ребенку самыми разными путями, а вовсе не обязательно от меня.

И какими же? – поинтересовалась Ханako.

Ну, по-первых, я могу отдать его Гэндзи, а он затем передаст его своему ребенку.

А вы отдадите его ему?

Должна признаться, я этого не планировала.

Но такое возможно?

Внутри этого золотого сердечка находился миниатюрный портрет прекрасной молодой женщины и прядь золотых волос. Женщина, изображенная на портрете, была бабушкой Эмилии – Эмилия никогда ее не видала. Все, кто видел этот портрет, утверждали, что эта женщина очень похожа на саму Эмилию, хотя Эмилии, когда она на него смотрела – а она это делала как минимум раз в день, во время вечерней молитвы, – он напоминал ее мать. Она скончалась при трагических обстоятельствах, когда самой Эмилии было четырнадцать лет. От умершей матери у Эмилии осталось всего две вещи: любимая книга матери, «Айвенго», и эта миниатюра и прядь волос, заключенные в золотом сердечке. Это было все, что осталось ей на память.

Нет, – признала Эмилия. – Он мне очень дорог. Я не могу представить, чтобы я отдала его кому-нибудь. Но в любом случае, мне кажется неправильным делать такие далеко идущие выводы на основании столь шатких доводов.

Довод – не только этот медальон, – возразила Ханako. – Довод – это медальон и другое видение.

Другое видение?

Да, – подтвердила Ханako. – Ваше.

Это было не видение! – сказала Эмилия. – Там была молодая женщина.

И совершенно случайно ее появление произошло в точности так, как было

предсказано в свитке? – Ханako развернула свиток и прочитала вслух: – «Мы встретимся в женском монастыре Мусиндо, когда вы войдете в мою келью. Вы заговорите, я – нет. Когда вы приметесь искать меня, вы меня не найдете». Разве все не произошло именно так?

Мы пока что ее не нашли, – возразила Эмилия, подчеркнув это «пока что». – Но мы ведь не очень и искали. Завтра нам надо будет попросить Таро помочь распросить жителей деревни.

Ханako стала читать дальше:

«Когда вы приметесь искать меня, вы меня не найдете. Как такое возможно? Вы не будете знать этого до тех пор, пока не появится дитя, но тогда вы будете знать все твердо».

Эмилия покачала головой.

Это бессмысленно. Должно быть, она упоминает о двух не связанных между собою событиях.

Я с вами не согласна, – сказала Ханako. – Она говорит – как такое возможно, что вы двое встретитесь? И отвечает – вы узнаете, как такое возможно, когда появится дитя.

То есть, по-твоему, тогда, когда я рожу?

Я думаю, скорее. Вы считаете возраст ребенка с момента рождения. Мы же считаем, что ребенку, когда он рождается, уже один год – считая тот год, который мать носила его.

А! Но все же – как я могу что-то понять только потому, что буду носить ребенка?

Об этой госпоже говорят, что она являлась неоднократно на протяжении многих столетий. Но только тем, в ком ее кровь.

Ну вот, – сказала Эмилия. – Теперь ты сама себе противоречишь. Если это так, то я никак не могла увидеть ее сегодня, да и когда бы то ни было. Что бы ни произошло в будущем, я никогда не буду ее потомком. Я – урожденная Гибсон, и таковой умру.

Она ощутила огромное облегчение. Как Эмилия ни настаивала, что видела живую девушку, до нынешнего момента она не была в этом уверена. От того, что эта встреча очень напоминала описанное в свитке, Эмилии было сильно не по себе.

К удивлению Эмилии, Ханako не разделила ее облегчение. Вместо этого вид у нее сделался еще более обеспокоенный.

Если ребенок – от князя Гэндзи, – сказала Ханako, – значит, он потомок рода Окумити. Пока вы носите это дитя, в вас – кровь этой госпожи.

Эмилия покраснела.

Я не ношу никакого ребенка, ни от Гэндзи, ни от кого другого.

Да, не носите, – согласилась Ханako. – Пока что.

Услышанное так взволновало Кими, что ей не терпелось немедленно пойти и рассказать все остальным девушкам. Но нынешнее расположение стражи не позволяло ей уйти прямо сейчас. Придется ей ждать здесь, пока не стражники не уйдут. Когда госпожи двигались, пол в хижине настоятеля скрипел над ней. Кими слышала, как они укладывались. Для одной из них день выдался тяжелый. Не удивительно, что они решили пораньше лечь спать.

Госпожа Эмилия говорила по-японски, не считая тех моментов, когда начинала сильно волноваться. Словарный запас и построение фраз у нее было великолепное, куда лучше, чем у Кими. Этого, впрочем, следовало ожидать. Кими говорила

по-японски, как безграмотная крестьянка, каковой она, собственно, и являлась. Госпожа Эмилия же училась языку во дворцах и замках, беседуя с благородными господами и дамами. В ее речи чувствовался американский акцент, но не слишком сильно. К счастью, Кими понимала почти все, что она говорила, за небольшим исключением.

Ага! Стражники двинулись дальше, в обход монастырской стены. Кими подождала еще минуту, пока они скроются из вида, затем выползла из щели под хижиной, тихонько прокралась подальше от нее, а затем бегом помчалась на розыски подруг.

А ты точно уверена, что они сказали, что у госпожи Эмилии будет ребенок от князя Гэндзи? – переспросила одна из девушек.

Да, – подтвердила Кими, – уверена.

Потому, что так предсказала Сидзукэ?

Тс-с-с! – зашикали несколько девушек сразу. – Если произносить ее имя, она подумает, что ты ее зовешь, и придет!

И все сбились потеснее.

Ничего она и не придет, – заявила Кими, оттолкнув от себя соседку. – Не придет, если ты не Окумити. А если ты Окумити, то что ты делаешь в этой жалкой деревне? Ступай к себе домой, в «Воробьиную тучу»!

Кими права. Все знают, что она является только своим потомкам.

А я слыхала, что чокнутая Одо часто видала госпожу, потому-то и сошла с ума. Чокнутая Одо вовсе не благородная дама.

Если бы вы выросли в этой деревне, как я, – заявила Кими, – вы бы знали, почему чокнутая Одо видела то, что видела. Ее мать когда-то соблазнил один из предков князя Гэндзи. Кажется, его прадедушка. Моя бабушка это знала. Только теперь она выжила из ума и ничего не знает даже про себя.

Так значит, она тоже Окумити.

А я не верю. С чего вдруг самурай, который может спать с красивыми господами, захочет маленькую грязную крестьянку?

А с чего ты думаешь, что самурай лучше крестьянина, и будет запускать свой плуг только в правильную борозду?

Девушки дружно рассмеялись.

Тс-с-с! – шикнула на них Кими. – Стражники нас услышат.

Если чокнутая Одо – Окумити, тогда и любая из нас тоже может оказаться Окумити. Так что лучше нам не произносить имя госпожи.

Сидзукэ, Сидзукэ, Сидзукэ, – сказала Кими, – Сидзукэ, Сидзукэ, Сидзукэ.

Кими, перестань!

Сидзукэ, Сидзукэ, – упрямо повторила Кими, – Сидзукэ, Сидзукэ, Сидзукэ...

Все затаили дыхание.

Ну, видите? – спросила Кими. – Приятно, конечно, воображать себя знатной дамой, а не обычной крестьянкой, но мы то – что мы есть, разве не так? Князь Гэндзи не приедет и не увезет нас с собой, потому что мы его родственницы.

Вот именно! – согласилась одна из девушек. К ней явно вернулась уверенность.

Ха! Ты так же боишься произнести имя ведьмы, как и мы все!

Так вы хотите услышать, что я вам могу рассказать, или нет? – спросила Кими.

Хотим, хотим!

Когда Кими закончила пересказывать все, что услышала, одна из девушек

сказала:

Чего-то я не понимаю. Так госпожа Эмилия беременна или нет?

Ты что, совсем не слушала? Она только будет спать с князем Гэндзи, но еще не спала.

Значит, никакого ребенка у нее в животе нету?

«Не беременна» именно это и означает. Что ребенка в животе у женщины нету.

Но если ребенка нету, значит, крови Окумити внутри нее нет. А если госпожу может видеть только тот, в ком ее кровь, как же ее увидела госпожа Эмилия?

Для Сидзукэ кровь, которая будет, уже есть, – объяснила Кими.

Все равно не понимаю. Как может что-то такое, что произойдет в будущем, уже произойти шестьсот лет назад, и в то же время происходить сейчас? Это же чушь какая-то.

Если ты чего-то не понимаешь, это еще не значит, что этого нету, – сказала Кими. – Ты что, понимаешь все речения Будды? Все высказывания дзенских патриархов? Или вообще хоть одно слово из них?

Девушки снова рассмеялись, и одна из них сказала:

Дзенские патриархи всегда говорят загадками. Как мы можем понять их слова?

Вот точно так же жизнь – сама по себе загадка для нас, тех, кто внизу, – сказала Кими. – Только те, кто наверху – как князь Гэндзи – понимают все. – Теперь Кими безраздельно завладела всеобщим вниманием. Она выдержала эффектную паузу, потом договорила: – Время – это тюрьма для нас. Но не для Сидзукэ. Для нее прошлое и будущее – это одно и то же. Потому что если что-то произойдет, для нее это все равно что уже произошло.

Я же тебе говорила, что она была ведьмой!

Она не была ведьмой, – сказала Кими. – Она была принцессой. Прекрасной принцессой из царства, расположенного за Китаем. Она знала магию, которую знают все тамошние принцессы. – Она вспомнила название места, которое упоминали госпожи. Оно звучало так красиво и так необычно...

Царство гор Синего Льда и реки Красного Дракона, – сказала Кими.

1308 год, монастырь Мусиндо

Сидзукэ опрометью выбежала прочь из кельи. Поскольку она уже больше месяца вела себя почти как нормальный человек, преподобная настоятельница Суку приказала, чтобы ее дверь не запирали. Это оказалось поразительно кстати, потому что если бы Сидзукэ не смогла убежать от призрачного демона, заговорившего с ней, она наверняка снова вернулась бы в прежнее безумное состояние. О, нет! А вдруг это существо гонится за ней? Сидзукэ боялась посмотреть.

Но еще больше она боялась не посмотреть. Она обернулась. И, к великому своему облегчению, не увидела никого.

У этого демона, как у многих являвшихся признаков, глаза и волосы были не такие, как у окружающих ее монахинь, и иные пропорции лица и тела. Сидзукэ начала уже понимать, что это были пришельцы из другого времени, прошлого или будущего, но не нынешнего. Здесь сейчас таких людей не было. Сидзукэ уже научилась отличать настоящее от возможного. Она думала, что научилась это делать очень хорошо.

Но этот призрак увидел ее!

Он с нею заговорил!

Что это означает? Мысли и чувства Сидзукэ пребывали в таком смятении, что она не могла достичь ясности. Нужно погрузиться в покой медитации. Собственная келья слишком пугала ее. Сидзукэ прошла в главный зал для медитаций и уселась поближе к алтарю – считалось, что там защита Будды сильнее всего.

ГЛАВА 8

Люди Добродетели

Самые жестокие, самые трусливые, самые вероломные люди никогда не считают себя злодеями. Они считают себя героями, совершающими небывалые деяния и справляющимися с невероятными трудностями.

Они убеждают себя в этом, видя только то, что желают видеть, похищая у слов их значение, забывая истинное и помня ложное. И в этом они не очень отличаются от настоящих героев.

В чем же разница?

Настоящие герои находятся на нашей стороне.

А жестокие, трусливые, вероломные негодяи – это герои наших врагов.

“Аки-но-хаси”.(1311)

1867 год, дворец князя Саэмона в Эдо

Саэмон, всегда бывший о себе высокого мнения, сейчас был доволен собою даже более обычного. То, что ему удалось перетянуть Таро на свою сторону, нанесет Гэндзи вред вне зависимости от того, будет Эмилия Гибсон убита, или нет. Ключом была сама измена Таро. Таро, конечно же, этого не понимал. Он, примитивный традиционалист, думал, что смерть чужеземной женщины имеет огромное значение. Таро и прочие ему подобные, пребывающие в плену у бесполезной мифологии прошлого, верили, что, остановив современно мыслящих деятелей наподобие того же Гэндзи, они смогут сохранить ту Японию, которую знают. Но на самом деле эта Япония уже была смертельно ранена. Она поборется за жизнь еще год-другой, а затем ее место займет новая Япония, во многом – такая, как предвидел Гэндзи. В противном случае, она просто не выживет.

Англичане, американцы, русские, французы, испанцы, португальцы, голландцы приходили повсюду, и повсюду результат был одинаков. Что случилось с африканцами? Их превратили в рабов. Великие ханства Центральной Азии теперь находились под сапогом у царя. Раджи Индии склонили колени перед сувереном Англии – перед женщиной! Есть ли хоть какие-то причины предполагать, что эти же самые чужеземцы не попытаются проделать в Японии то же самое, что уже прекрасно сработало в других местах? Конечно же, нет. Разве они не начали уже разделявать и грабить Китай?

Стремление Гэндзи к переменам вполне разумно. Саэмон не хуже Гэндзи знал,

что у Японии нет иного способа пережить бойню, которую чужеземцы развяжут рано или поздно. Но он никогда не скажет этого вслух. Пускай Гэндзи и прочие ему подобные совершат все необходимые шаги и примут на себя всю ненависть. Когда эти идеалисты уйдут, тогда вперед выступят реалисты, такие, как он, Саэмон, и возьмут власть. Традиции обречены, но пока что Саэмон считал весьма полезными тех, кто по-прежнему твердил о своей приверженности к ним.

Это было воистину смешно. Традиции верности и чести, которыми так гордятся самураи – это всего лишь сказочки, точно такие же, как и сказочки чужеземцев о христианских добродетелях. Великая заповедь их Бога гласит: не убий. Они же убивали и несли опустошение на всех пяти континентах, на протяжении тысячи лет – под этим самым знаменем. Нет, Саэмон отнюдь не презирал чужеземцев за это. Лицемерие – существенная часть всех разновидностей власти. Немногочисленные выдающиеся люди делают то, что пожелают, и при этом убеждают легковверных следовать правилам, которыми они сами пренебрегают. И ту же самую роль, какую для христианских королей и вельмож играли заповеди, для самураев играл миф о верности и самопожертвовании, маскирующий многовековую традицию самовосхваления и измены.

Настоящий самурай – это не слепо преданный служака, стремящийся к самопожертвованию и связанный по рукам и ногам своими понятиями о чести, а скорее практичный, умеющий манипулировать людьми, вероломный политический гений – иными словами, человек, подобный самому Саэмону.

Таро представлял собою лишь одну часть тайной кампании, которую Саэмон вел против Гэндзи. Другой ее стороной был закон, предложенный Гэндзи – введение равенства для всех, включая отмену явления, которое сам Гэндзи именовал «буракумин», а все прочие – «эта». Сам по себе этот закон был необходим, поскольку Японии нужно было хотя бы внешне изобразить, будто она следует странным верованиям чужеземцев, касающихся «свободы» и «равенства». Но донесения говорили об активном участии Гэндзи в уничтожении деревни эта в княжестве Хино, произошедшем несколько лет назад. Не правда ли, занятное совпадение? Саэмон был уверен, что Таро что-то знает об этом, хотя пока что он ничего не сказал. Но наверняка есть способ разговорить его. Главное – найти этот способ.

Спешить не надо. Саэмон всегда мастерски умел подыскать нужный прием для нужного человека. Найдет и то, что подойдет для Таро. Ну а пока что он уже отправил агентов в Калифорнию, расследовать еще одно полученное им странное донесение. Это был скорее слух, чем информация, но это был волнующий слух.

Он гласил, что гейша Майонака-но Хэйко, прославленная красавица, которая, как известно, была любовницей Гэндзи во времена сражения при Мусиндо, вскорости после этого была отослана в Калифорнию и несколько месяцев спустя родила там сына. Через сколько именно месяцев это произошло – пока установлено не было. Источники Саэмона также не смогли сказать ничего определенного об отце. Самым вероятным считался американец Мэттью Старк, бывший товарищ Гэндзи по оружию и нынешний деловой партнер. Но – именно это и вызывало особое волнение – не исключалось, что это сам Гэндзи.

Если отец мальчика – Гэндзи, то что мальчик до сих пор делает в Калифорнии? Даже если он – сын гейши, он – наследник мужского пола, а в нынешний момент другого у Гэндзи нету. Это было особенно загадочно, если учесть данные Хэйко. Женщина ее талантов и красоты – более чем приемлемая мать для наследника. Ей

совершенно не обязательно становиться женой Гэндзи, но из нее, несомненно, вышла бы превосходная наложница. Этого не произошло. Почему?

Существовала ли какая-то связь между предложением Гэндзи отменить княжества, законом, касающимся касты отверженных, и изгнанием красавицы-гейши, которая, возможно, являлась матерью его единственного сына? Саэмон не мог придумать никакой хоть сколько-нибудь вразумительной связи между этими событиями. Однако же, опыт учил его, что если он в настоящий момент не способен угледеть каких-то взаимосвязей, это еще не значит, что их не существует.

Продолжать размышления не имело смысла. Единственный способ выяснить правду – продолжать исследовать, в данном случае – исследовать прошлое. Гейша Хэйко сюда не возвращалась. Если что-то и было сокрыто, то это было проделано в Америке, а значит, там это и следует раскрыть. Саэмон уже послал двух лучших своих агентов в Сан-Франциско. А тем временем заставил Таро действовать. Один подход, или другой, или, быть может, оба сразу со временем принесут Гэндзи горький плод.

Монастырь Мусиндо

Господин Таро, нам не следует больше медлить.

Мы не медлим, – сказал Таро. – Мы сопровождаем госпожу Ханako и госпожу Эмилию. До тех пор, пока они желают оставаться здесь, мы тоже здесь остаемся.

Заместитель придвинулся к Таро поближе и негромко произнес:

Люди начинают нервничать, а нервничающим людям недостает решимости. Господин, давайте покончим с этим сопровождением и займемся нашей настоящей задачей.

И из-за чего они нервничают?

Таро до крайности бесило то, что этот разговор вообще имел место быть. Что случилось с великой добродетелью самураев – беспрекословным повиновением? Нынешние молодые люди совершенно не похожи на тех, что были в его время. Насколько другими в их возрасте были они с Хидё! Никаких непрерывных вопросов, никаких непрошенных предложений, никакого нервного нетерпения. Да, господин. Слушаю и повинуюсь, господин. Так оно было, не больше и не меньше. Что бы сделал старый господин управляющий, Сэйки, если бы Таро или Хидё принялись ему говорить, как следует поступить? Несомненно, огрел бы их мечом плашмя. То, что Таро и не думал обойтись так со своим заместителем, показывало, насколько мягкотелыми стали они все за каких-нибудь несколько лет.

Им становится не по себе просто от пребывания здесь, в Мусиндо, господин.

Не по себе? Это должно быть честью для них – что они находятся в месте, где наш клан одержал одну из величайших своих побед.

Это и есть честь для них, господин Таро. Я вовсе не хотел сказать, что это не так. Проблема во всех этих старых слухах.

Каких еще слухах?

Про призраков и демонов.

Таро прикрыл глаза. Он сделал несколько медленных, глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться и не заорать в гневе, и лишь после этого снова открыл глаза. Он заговорил – очень мягко, как всегда, когда бывал разъярен.

Когда мы вернемся в Эдо, – сказал Таро, – напхни мне, чтобы я набрал настоящих самураев, а этих переодетых маленьких девочек вернул матерям.

Господин! – воскликнул заместитель. Он виновато поклонился, благодаря чему несколько замаскировал дрожь в коленках. – Я понимаю, это глупо. Но тут нечто большее, чем просто слухи. Странные звуки исходят из зданий, из рощ, а иногда словно бы и из самой земли. Трудно винить людей за то, что им не по себе.

Звуки возникают из-за подземных потоков, – сказал Таро. – Господин Сигеру однажды сказал мне, что здесь они иногда поднимаются к поверхности и время от времени начинают бить горячие источники. Он сказал, что в них очень приятно купаться.

Господин Сигеру! – воскликнул заместитель.

Таро снова сделал глубокий вдох. Он очень спокойно произнес:

Я надеюсь, ты не собираешься сказать мне, что они боятся еще и господина Сигеру?

Жители деревни говорят, что его время от времени видят в лесу. Вместе с маленьким мальчиком. И с воздушным змеем в виде воробья.

Неужто наше время настолько выродилось, что самураи прислушиваются к болтовне невежественных крестьян? Господин Сигеру мертв. Я видел его отрубленную голову собственными глазами, шесть лет назад, в какой-нибудь сотне шагов от этого самого места, на котором мы сейчас сидим. Я присутствовал при его сожжении. И при том, как его пепел захоронили в «Воробьиной туче».

Да, господин. Мне следовало выразиться более ясно. Здешние жители не утверждают, что видят живого господина Сигеру.

А! – отозвался Таро с раздраженным выдохом. – Его призрак.

Да, господин.

Оставь меня, – приказал Таро. Его терпение иссякло. Он не открывал глаз, пока за заместителем не закрылась дверь. Если это – самые стойкие самураи, каких он смог найти, – а это так и есть, – то как самураи смогут выстоять против чужеземных армий? Призраки, демоны, бесплотные голоса. Чушь какая!

Но из всего, что сказал заместитель, одна деталь беспокоила его, хотя и слегка. Он сказал, что жители деревни видели призрак Сигеру в обществе маленького мальчика с воздушным змеем в виде воробья. Когда Таро в последний раз видел Сигеру вместе с его сыном, мальчик запускал воздушного змея, которого для него сделал господин Гэндзи.

Воздушного змея в виде воробья.

Откуда здешней деревенщине знать об этом? Мальчик никогда не бывал в Мусиндо. Несомненно, слухи расходятся повсюду, и пути их загадочны. Ну да неважно. Важно другое – их дело. В этом заместитель прав. Таро необходим новый план, и нужно его выработать поскорее. Прежде, чем его люди запаникуют, и прежде, чем женщины решат возвращаться в Эдо.

Завтра. Он приступит к действиям завтра. А сегодня ночью он придумает, что ему делать.

Хоть Эмилия и заявляла, что нисколечки не верит ни в какие пророчества, содержащиеся в свитках, ей, несмотря на всю усталость, долго не удавалось уснуть. Ханako охотно избавила бы ее от беспокойства, если бы неведение давало ей безопасность. Но увы. Так что пусть лучше она знает правду и смирится с нею. Когда дыхание Эмилии стало медленным и глубоким, Ханako подошла к двери и открыла ее, впуская внутрь серебро ночи. Она видела одного из так называемых стражников в тени

стены. Она слышала, как еще один кашлянул с другой стороны хижины. Эти люди должны быть получше, чем те, кого Таро днем приставлял к Эмилии для охраны, поскольку порученная им задача – настоящая. Что ж, придется ей проскользнуть мимо них, как уже сделала эта пройдоха Кими.

Луна, пребывающая в последней четверти, превратилась в едва заметный изогнутый серп в небе; свет ее был слаб и почти не давал теней. Когда на месяц напоззло облако, Ханako выскользнула в дверной проем и забралась в нишу под хижинкой. И принялась там ждать, как незадолго до того ждала Кими. При мысли об этой девчонке Ханako улыбнулась. Слишком уж она храбрая – напросится еще на какие-нибудь неприятности. Такая черта подошла бы мальчишке, поскольку мальчикам полагается быть храбрым. А девочка должна быть более скромной и сдержанной. Инь и ян. Равновесие мужского и женского начала.

То, что Кими подслушала значительную часть их с Эмилией разговора, было не так уж безобидно. Она ведь не утерпит и поделится такой потрясающей новостью с подружками, и эта весть быстро вольется в поток слухов и легенд, постоянно кружащих вокруг каждого князя Акаоки. Однако же, ее присутствие под хижинкой сослужило и свою пользу. Оно означало, что никого другого там в этот момент не находилось. То, что их разговор подслушала девчонка-сплетница, особого вреда не сулило – а ведь мог подслушать и кто-нибудь из врагов князя Гэндзи, которые кишели повсюду. Даже среди его телохранителей. Во всяком случае, так подозревала Ханako.

Бежать будет трудно. Она смогла бы ускользнуть. Эмилия не сможет, а важна именно Эмилия. Как странно. Хэйко оказалась права. Эмилия и князь Гэндзи были предназначены друг для друга, а Хэйко и князь Гэндзи, вопреки всем признакам, нет. Хэйко так и не вернулась в Японию из Калифорнии. Равно как и ее сын. А это означало, что мальчик – не от Гэндзи, поскольку если бы это был его сын, Гэндзи, конечно же, призвал бы его к себе, даже если бы он, по причинам, ведомым лишь ему, вознамерился отвергнуть Хэйко. Но что же случилось? Узнает ли она об этом когда-нибудь?

Ханako, конечно же, знала, что Эмилия влюблена в Гэндзи – и влюблена уже много лет. Это было очевидно для всех. Эмилия не понимала, что ее тайная любовь ни для кого не тайна. Достаточно лишь взглянуть, как она смотрит на князя, как неосознанно тянется к нему, когда он рядом, как меняется ее голос – не только тогда, когда она разговаривает с ним, но даже и тогда, когда она просто произносит его имя. Если чужеземцы все настолько открыты, их любовные романы волей-неволей превращаются в подобие представления на сцене, открытой всем взорам. На что это должно быть похоже – подобное чрезмерное пренебрежение к чужим личным тайнам?

А вот в поведении князя Гэндзи ничто не намекало, что он испытывает к Эмилии какие-либо чувства, кроме дружбы. Но, поскольку князь мастерски умел скрывать свои тайны, это еще ни о чем не говорило. И все же было очень маловероятно, чтобы он разделял чувства Эмилии. Он отличался чрезвычайно утонченным вкусом, даже для высокородного господина, а чужеземная женщина, да еще и со столь ограниченными познаниями об интимной стороне жизни, как Эмилия, не может быть притягательной для него. Если пророчество, записанное в свитках, истинно, оно исполнится неким совершенно неожиданным образом.

Ханako услышала приглушенные голоса. Теперь оба стражника сошлись вместе. Она выползла из-под хижины с другой стороны и, незамеченная, нырнула в лес.

Она без труда отыскала два камня, оставшихся от фундамента. Ханako никогда не

могла запомнить знаменитые стихи, которые другие женщины цитировали с такой легкостью. А вот память на места у нее была безукоризненная – стоило всего один раз где-нибудь побывать. Она ощупала края первого камня, ничего не обнаружила и першла к другому. Ханako сама не знала, что она ищет, но что бы это ни было, оно должно было находиться здесь. Сидзукэ написала в свитке, что оставит для Эмилии знак своего присутствия. Сперва Ханako предположила, что это упоминание о самих камнях фундамента. Но что они подтверждали, кроме того, что здесь некогда в давние времена стояла келья? А это и так уже было записано в свитках. Нет, должно быть что-то еще. Второй камень был таким же, как и первый – просто плоский, тяжелый камень, торчащий из земли. Ханako медленно прошла по траве к тому месту, где должен был находиться третий камень. Он действительно там был. И снова ничего. Ханako мысленно нарисовала стену и прошла к четвертому камню. В отличие от остальных, он не врос в землю. Шестьсот лет назад здесь было ровное место. С тех пор смещение земли на горном склоне заставило зимний ручей течь в эту сторону, и он размыл почву.

Ханako запустила руку под камень. Ничего – только грязь и мелкие камешки. Ханako пошарила еще, но так ничего и не нашла. Было слишком темно, и зрение не служило подмогой.

Но тут Ханako услышала неподалеку осторожные шаги и застыла. Кто-то шел через густой лес шагах в ста от нее. Самурай – Ханako видела, что это самурай, по его силуэту, по волосам, забранным на макушке в хвост, – наклонился и подобрал что-то в кустах. Когда он выпрямился, он повернулся к Ханako боком. Он пришел сюда за луком и стрелами. Видно было плохо, и Ханako не удавалось его узнать. Когда самурай двинулся обратно к Мусиндо, Ханako последовала за ним. Было поздно, и все огни в монастыре были потушены. Лишь у ворот висел один-единственный фонарь. Но самурай не пожелал подходить к нему, и ловко перебрался через неосвещенную стену. Но когда он влез на стену, лицо его на миг оказалось освещено.

Таро.

Ханako задумалась, вспоминая вчерашний день. Эмилиа видела Сидзукэ на прогалине, неподалеку отсюда. Таро забрал свое оружие с места, которое давало ему одновременно и укрытие, и возможность без труда попасть в цель, даже для такого посредственного лучника, как он. И выстрелить ему помешало лишь странное поведение Эмилии.

Ханako поспешила обратно в хижину. Сейчас не время было беспокоиться о посланиях от призраков. Если Таро предпринял одну попытку покушения, он предпримет и другую – и почти наверняка до того, как они покинут Мусиндо. Он желал изобразить неведомого убийцу, что давало двум женщинам небольшое преимущество. Но как ей использовать это преимущество наилучшим образом?

Поутру Таро решил, что он начнет действовать сразу же, как только они двинутся в Эдо. Первым делом его люди схватят и свяжут Ханako, чтобы удержать ее от попыток защищать Эмилию. Если они убьют Ханako, Хидё никогда не примкнет к ним и не выступит против князя Гэндзи, насколько бы правым он ни считал их дело. Таро решил отказаться от всякой скрытности. Он убьет Эмилию в открытую, мечом.

Госпожа Ханako, госпожа Эмилиа, – позвал Таро, остановившись у дверей хижины настоятеля. – Мы готовы отправиться в путь сразу же, как только вы...

Он ощутил удар пули в бровь раньше, чем услышал грохот выстрела.

Предатель! – выкрикнула Ханako из-за закрытой двери. Она воспользовалась голосом Таро как ориентиром и выстрелила туда, где, по ее прикидкам, должна была находиться его голова. Правда, Ханako не очень надеялась, что она в него попала. Это было бы слишком большой удачей.

Таро постарался как можно быстрее отползти на четвереньках назад; льющаяся кровь застила ему глаза и мешала смотреть. Неужто она выбила ему глаз? Он даже и не знал, что у Ханako есть револьвер.

Госпожа Ханako! – крикнул он. – Что вы делаете? Это же я, Таро!

Я знаю, кто ты такой, – отозвалась она, – и знаю, что ты такое.

Перед рассветом Ханako пробралась в хижину к девушкам и велела Кими как можно скорее отправить послание в Эдо. Они окружены предателями.

«Я отправлюсь сама, – сказала Кими. – Я бегаю быстрее всех».

«Ты не сможешь пробежать всю дорогу до Эдо», – сказала Ханako.

«А мне и не придется. Князь Хиромицу – друг князя Гэндзи. Здесь неподалеку находится поместье одного из его старших вассалов. Он поможет».

Пронырливая девчонка теперь была их единственной надеждой. Если ей не удастся достаточно быстро привести подкрепления, Таро с его людьми возьмут хижину штурмом и убьют Эмилию. Помимо револьвера тридцать второго калибра – подарка Старка, пересланного из Калифорнии, – у нее в запасе была еще одна хитрость. Но это было довольно рискованно, и Ханako предпочла бы к ней не прибегать, если без этого можно будет обойтись.

Ханako, ты уверена, что ты права? – спросила Эмилия. – Таро много раз рисковал ради меня. Мне не верится, что он желает мне зла.

Тот лук и стрелы не имеют иного объяснения. – Ханako принялась скатывать циновку. Эмилия помогла ей закрепить ее в дверном проеме. – Это их не остановит, но замедлит. Может быть, на достаточное время.

Может быть, он охотился, – сказала Эмилия.

Ночью? На кого? На сов, что ли?

Может, он охотился днем, увидел, как я упала в обморок, побежал ко мне и забыл лук и стрелы там.

Чтобы самурай забыл свое оружие? – хмыкнула Ханako. Это было немислимо. Они занялись следующей циновкой.

Вы потеряли часть брови, – сказал Таро его заместитель.

Таро оттолкнул его руку и сам приложил к ране лоскут.

Приведите девчонку.

Он со своими людьми отступил от хижины настоятеля на пятьдесят шагов. Лучше всего было бы уговорить Ханako сдаться. В противном случае придется штурмовать хижину. Таро не знал, насколько хорошо Ханako стреляет. Он никогда не видел, чтобы она тренировалась, так что, возможно, она не особенно хороший стрелок, невзирая на то, что в него она попала первым же выстрелом. Однако же, на близкой дистанции, в замкнутом пространстве, при той решимости, которой наделена Ханako, ситуация может сделаться очень опасной. Таро не волновало, что среди его людей могут быть потери, и даже что он сам может погибнуть. Он боялся, что Ханako будет биться насмерть, защищая Эмилию. Именно этого он и хотел избежать, намереваясь захватить ее врасплох, когда они отправятся в путь. К несчастью, Ханako каким-то образом почувствовала опасность.

Вот она.

Заместитель вытолкнул Кими вперед. Руки у нее были крепко связаны за спиной.

Вы обречены, – сказала Кими. – Сдайтесь, и, быть может, вас помилуют.

Заткнись!

Заместитель отвесил ей пощечину тыльной стороной руки, да такую, что Кими полетела на землю. Он поднял ее, рванув за веревку, и вознамерился ударить еще раз.

Таро перехватил его руку. Девчонка шаталась после удара, и из носа и с разбитых губ капала кровь, но на лице ее не было ни тени страха. Она или очень храбрая, или полная идиотка, как тот здоровяк-монах, что молча бродил вокруг Мусиндо, постоянно улыбаясь.

Ты что, замаскированная принцесса, что в твоей власти даровать нам помилование? – поинтересовался Таро.

Помилование будет исходить от князя Гэндзи, конечно же, – сказала Кими. – Всем известно, что у него доброе сердце.

Ах ты, наглое отродье! – Заместитель потянул меч из ножен.

Отставить! – скомандовал Таро. – Ее голова полезнее там, где она сейчас. Пока что.

Ему надо показать Ханako, что ее надежда на спасение несостоятельна. Девчонка не сумела пройти мимо его часовых.

Вы не сможете добиться успеха, – сказала Кими.

Ага, я понял, – сказал Таро. – Ты не принцесса, ты провидица.

Не я, – заявила Кими, вызывая все скинув голову. – Госпожа Сидзукэ.

Самурай, до этого насмешливо переговаривавшие между собою, мгновенно смолкли. Звуки, раздающиеся в Мусиндо по ночам, сыграли свою роль. Как и говорил заместитель, люди нервничали, и упоминание имени ведьмы не пошло им на пользу.

Она давно мертва, – сказал Таро, – а мертвые не возвращаются к жизни.

Возможно, – согласилась Кими, – но ее пророчества живут. Или ты никогда не слыхал про «Осенний мост»?

Никакого «Осеннего моста» не существует, – отрезал Таро. – Это все сказочки, которыми пугают детей.

Тогда что же это за свитки, которые читали госпожа Ханako и госпожа Эмилия?

Таро рассмеялся.

Эмилия переводит историю нашего клана. Даже крестьяне наподобие тебя могли бы знать об этом.

А что, ваша история предсказывает встречу госпожи Эмилии с госпожой Сидзукэ? В ней написано: «Мы встретимся в Мусиндо, там, где некогда стояло мое скромное жилище. Только ты увидишь меня. Когда другие посмотрят, они не найдут меня. Но я буду там». – Кими не помнила точных слов. Но она повторила их достаточно близко к тексту. Так вышло даже лучше, судя по тому, как принялись озираться некоторые самурай. – Разве вы сами не видели остатков старого фундамента?

Откуда ты знаешь, что там сказано? Ты что, умеешь читать?

У меня есть уши, – сказала Кими. – Я слышала, как они об этом говорили.

Довольно! – Заместитель с силой дернул за веревку, и Кими снова полетела на землю. Он потащил ее за собой к хижине настоятеля, на открытое место. – Госпожа Ханako! Ваш посланец не достиг цели! Вам остается только сдаться! Вам не причинят никакого вреда! Даю слово!

Сколько весит слово предателя? – отозвалась Ханako. – Меньше пушинки на воде!

И она снова выстрелила. Тарo никогда не видел, чтобы она тренировалась. Очевидно, она делала это втайне. На спине заместителя расцвел ярко-алый цветок, и в следующее мгновение он рухнул мертвым. Кими вскочила и кинулась к хижине; веревка волочилась за нею.

Схватите госпожу Ханako, не причиняя ей вреда, – велел Тарo. – Эмилию я беру на себя.

Они извлекли мечи из ножен и ринулись вперед. Грохнули еще четыре выстрела. Два самурая упали. Тарo с разгону ударился об дверь.

И напоролся на вспышку огня. Ханako подожгла хижину. Тарo выскочил наружу и покатился по земле, сбивая пламя, уже охватившее его одежду.

Что вы стоите и пялитесь?! – зарычал он на своих людей. – Найдите их!

Несколько самураев двинулись к пылающей хижине.

Да не туда, идиоты!

Ханako могла бы пожертвовать собою Но она никогда бы не допустила, чтобы умерла Эмилия.

С другой стороны!

Сюда! – крикнула Кими Ханako и Эмилии. – Скорее!

Стоило им добраться до леса, и они могли бы воспользоваться любой из сотни потайных тропок, идущих от Мусиндо к окрестным долинам и горам. Там они будут в безопасности.

Но Эмилия двигалась слишком медленно. Люди Тарo нагонят их прежде, чем они успеют добежать до ближайшего дерева. Ханako выхватила свой короткий меч, и встала, закрывая подругу собою.

Глупец! – бросила она Тарo. – Уж ты-то мог бы понимать!

Будущее нашей нации важнее любого отдельно взятого человека, – отозвался Тарo. Удастся ли ему обезоружить Ханako, не убивая ее? Это будет нелегко. Он уже видал Ханako в бою, почти на этом самом месте. Она управлялась с мечом лучше большинства его людей.

Будущее – загадка, – сказала Ханako. – Для тебя, для меня, для всех. Для всех, кроме князя Гэндзи. Да как тебе только в голову пришло выступить против него?

Пришло время вершить историю, – сказал Тарo, – а не повторять старые сказки.

Он сделал обманный выпад влево, потом вправо. Если ему удастся убить Эмилию, то Ханako, у которой не останется причин продолжать бой, может и сдаться.

Первый финт Тарo Ханako проигнорировала, но сделала движение навстречу второму, чтобы отбить его, как будто решила, что эта атака будет настоящей. Двое из людей Тарo, увидев возникшую брешь, которую Ханako пожелала им продемонстрировать, ринулись в туда, чтобы схватить ее сзади. Ханako мгновенно развернулась в их сторону, полоснула одного на прямом движении, и второго – на возвратном. Она не смогла бы одолеть двух самураев, если бы те решились использовать оружие. Но управиться с двумя самураями, которые не хотели с ней сражаться, а стремились лишь схватить, было куда проще. Но зато в результате у Тарo появился шанс. Теперь Ханako оказалась спиной к нему. Тарo прыгнул вперед и крепко обхватил за туловище.

Перестань сопротивляться, – сказал он. – Все окончено.

Его люди окружили Эмилию, но не схватили. Таро приказал схватить Ханako, не причиняя ей вреда, а Эмилию оставить ему. Поскольку он сам схватил Ханako, а с Эмилией ничего не сделал, его люди не могли выполнить его приказ. Без точного приказа они оказались сбиты с толку, когда обстоятельства изменились. Их с самого детства приучали повиноваться, не задавая вопросов. И не приучали проявлять инициативу, поскольку это предполагало бы некомпетентность командира, отдающего приказы, которые невозможно выполнить.

Их замешательство усугублялось из-за статуса Эмили. Они постоянно, вплоть до нескольких последних минут, обращались с ней с величайшим почтением, из-за ее длительных отношений с князем Гэндзи и той роли, которую она сыграла в исполнении пророчества. И ее внезапное превращение в чужеземку, которой следует пожертвовать, оказалось для них слишком резким. Беспокойная ночь, проведенная ими в Мусиндо, тоже не пошла на пользу. Жутковатые звуки в сочетании с многочисленными слухами и легендами, связанными с этим местом, заставили многих видеть и слышать то, чего не было. И теперь никто не хотел убивать Эмилию. Пусть это делает Таро.

Эй, держите госпожу Ханako! – велел Таро. Его люди двинулись выполнять приказ, и в этот самый миг на правую ногу Таро грохнулся здоровенный камень. Из-за внезапной боли Таро потерял равновесие, а Ханako в тот самый миг рванулась, стараясь выскользнуть из его хватки. Таро упал, все еще продолжая удерживать ее. Это отродье, Кими, снова схватилось за камень, но ей пришлось отскочить, когда один из людей Таро замахнулся на нее. Первый удар почти достал ее, но второй лишь скошил высокую траву. Девчонка исчезла.

От падения хватка Таро ослабела. Меч до сих пор был в руке у Ханako. Она извернулась и изо всех сил ударила мечом назад, в корпус Таро. Клинок глубоко вошел между нижними ребрами.

Таро вскрикнул и откатился.

Ханako выдернула меч из тела Таро и ударила ближайшего к ней самурая, а затем принялась прорубать себе путь к Эмили. Поскольку самураям приказано было не причинять ей вреда, им оставалось лишь отступить перед ней.

Господин! – Люди Таро кинулись к нему на помощь.

Отойдите! – велел Таро.

Одежда его пропиталась кровью. Он попытался зажать рану рукой. Внутренние повреждения были серьезными, но Таро удалось приостановить хлещущую кровь. Они вернулись к тому, с чего начинали: самурай стоит вокруг Эмили и Ханako, а Ханako сжимает в руке меч, готовая убивать и умирать. Разница лишь в том, что за последние несколько минут он потерял шесть человек. При том, что противниками ему были чужеземка, деревенское отродье и однорукая жена его лучшего друга.

Довольно!

Таро поднялся на ноги.

Он не обращал внимания на сильную боль. Вполне возможно, что его рана смертельна. Если он свалится, не убив Эмилию, весь их план развалится, даже не начав осуществляться. Она должна умереть – неважно, какой ценой. Таро шагнул к двум женщинам.

Госпожа Ханako, – произнес он, – вы жертвуете собою напрасно. Что будет с вашим сыном, если он останется без матери?

Он надеялся, что его слова достаточно отвлекут Ханako, чтобы его люди смогли

захватить ее врасплох. Он знал, что никакие его слова не ослабят ее решимости.

Ханако держала меч так, что его острие смотрело Таро в глаза. Она сказала:

Он будет верным самураем, таким же, как его отец, и когда настанет его час, умрет с честью. Награда, которой ты себя решил.

Эмилия не может пострадать! Госпожа Сидзукэ предсказала, что Эмилия родит князю Гэндзи ребенка. Если этого не произойдет должным образом, кто знает, к каким трагическим последствиям это приведет? Ханако постоянно смещалась влево-вправо, стараясь удержать всех своих противников в поле зрения.

Тут один из людей Таро с изумленным вскриком рухнул на колени и схватился за голову. Между пальцами показалась кровь. Взгляд у него поплыл.

Второй брошенный камень рассек другому самураю скулу до кости.

Третий чуть не угодил в самого Таро.

Молодец, Горо, – сказала Кими. – Молодец.

Кими, – отозвался Горо, подбирая очередной камень.

Запомни: если они погонятся за нами – беги со всех ног к Грибному горячему источнику, – сказала она. – Обо мне не беспокойся. Я маленькая. Я могу спрятаться в траве.

Кими, – сказал Горо.

Горо, – сказала Кими.

Горо швырнул камень. С расстояния в пятьдесят шагов он кидал их с поразительной точностью. В те времена, когда он еще не начал подражать монашескому образу жизни, он так убивал кроликов для матери. Она тоже была идиоткой, как и сам Горо. Лишь поэтому ревностные буддисты деревни не изгнали их из общины за убийство живых существ и нарушение закона Будды. Поскольку они были идиотами, они и так были вне общины. Впрочем, кое-что мать Горо делала лучше любого нормального человека – готовила. Кролика она тушила – пальчики оближешь. Но теперь, когда Горо принялся строить из себя монаха, он никого больше не убивал. Впрочем, поскольку мать его умерла, готовить тушеного кролика все равно было некому. Ну а с тех пор, как Горо перестал подшибать кроликов камнями, их не то чтобы носили в деревню связками, так что и это значения не имело.

Теперь, когда самураи-изменники увидели Горо, они принялись уворачиваться от летящих камней. Впрочем, камни все равно были на пользу, поскольку мешали им заниматься двумя господами. Но как им только в голову пришло выступить против князя Гэндзи? Кими, еще будучи маленькой девочкой, вместе с прочей деревенской ребятней видела знаменитую битву. Сотни мушкетеров окружили их и выпустили в них много сотен пуль – эти пули до сих пор во множестве валяются среди руин Мусиндо. И никто не попал в князя Гэндзи. Ну еще бы! Как может пуля попасть в князя, знающего будущее? Его просто не будет там, куда она прилетит.

При обычных обстоятельствах Кими никогда бы не посмела возражать самураям, и уж тем более кидаться в них камнями. Но тут было совсем другое дело. Она помогала князю Гэндзи. Князь Гэндзи всегда побеждал. Он видел будущее, и потому никто никогда не мог его победить. Несомненно, он предвидел это предательство, и уже принял меры к тому, чтобы сокрушить предателей. Он может прибыть в любой момент во главе отряда своих знаменитых кавалеристов, под развевающимися знаменами; копыта с длинными наконечниками будут сверкать на солнце, а верные самураи – выкрикивать его имя как боевой клич. Вот здорово будет!

Конечно же, князь Гэндзи может одержать верх и совершенно другим образом, как-нибудь так, как она, Кими, не в состоянии и вообразить. Как там оно говорится? Старики в деревне всегда повторяют это высказывание, когда хотят выглядеть умными. А, да!

«Князь Гэндзи говорит: «Предвидение всегда исполняется непредвиденным образом».

Старики утверждают, будто слышали это от него самого, после битвы, когда его немногочисленный отряд разгромил большой отряд Липкого Глаза. Интересно, это правда? В отличие от большинства односельчан, Кими и вправду видела князя Гэндзи вблизи, и слыхала, как он говорит. Правда, это был всего лишь случайный, ненароком подслушанный ею разговор – ничего такого особенного. Но этот опыт позволил ей до некоторой степени постичь характер князя. Кими полагала, что он, скорее всего, улыбнулся тогда и сказал что-нибудь забавное, а не столь высокоумное, как ему приписывают здешние старики.

Целься вон в того, который держится за бок, – велела Кими.

Кими, – сказал Горо.

Горо, – сказала Кими.

Кими, – сказал он и кинул камень.

Перестаньте скакать, как придурки! – рявкнул Таро. – Беритесь за луки! Эй, ты – застрели того идиота с камнями. И отродье. А ты убей чужеземную женщину. – Он зарубил бы Эмилию сам, если бы рана в боку не сделала это невозможным. – И постарайся не попасть по ошибке в госпожу Ханako.

Господин! – откликнулись двое его людей, вытащили стрелы из колчанов, натянули луки и изготовились стрелять.

Дворец «Тихий журавль», Эдо

Когда Чарльз Смит подъехал ко дворцу, у ворот его ожидали несколько самураев. Смит был верхом, поскольку Гэндзи пригласил его на утреннюю прогулку. Когда он спешил, самураи низко поклонились ему. Один из них, не выпрямляясь, взял поводья и произнес что-то по-японски: как предположил Смит, заверил, что за лошадей гостя присмотрят со всем тщанием.

Спасибо, – сказал Смит и поклонился в ответ. Он не так уж много знал об Японии и японцах, но считал, что вежливость поймут всегда и везде, даже если не поймут слов. Боковые ворота распахнулись, и самураи снова поклонились; их старший жестом показал Смицу, чтобы тот проходил первым. Главные ворота открывались лишь при приезде и отъезде князя Гэндзи, либо тогда, когда его посещали знатные господа. Смит на это не обижался. Древние культуры склонны к жесткому следованию традициям. Когда большая часть этих традиций отменяется или отмирает, культура тоже неизбежно гибнет.

Это произошло с ацтеками в Мексике и с инками в Перу, когда туда пришли испанцы. Когда англичане и французы явились в Новый Свет, это произошло с гуронами, могиканами и чероки, и происходило прямо сейчас с сиу, шайенами и апачами. Когда его собственные предки в начале столетия приехали на Гавайи, миллион гавайцев выращивали богатые урожаи таро, ловили рыбу в изобильных морях и исповедовали религию богов и табу, что предписывали равновесие и гармонию между

природой и обществом. К сегодняшнему же дню число гавайцев сократилось вдесятеро, под воздействием болезней, завезенных американцами и европейцами; они пали духом, убедившись в несостоятельности своих богов, и теперь их народ двигался к вымиранию, а государство – к аннексии. То же самое творилось не только в Новом, но и в Старом Свете. Русская армия сокрушила татар и казахов, последние остатки монгольской империи, Золотой орды, некогда раскинувшейся на большей части двух континентов, от Тихого океана до Черного моря. Англичане и французы, и даже голландцы рвали Африку на куски, стремясь захватить себе побольше. В Азии Британская империя неостановимо поглощала Индию. Британия, Франция и Россия приценивались к Китаю. А после Китая не настанет ли очередь Японии? Японцы – воинственная нация, но то же самое можно было сказать и об ацтеках с инками, однако же, они пали. Японцы – многочисленный народ, их около сорока миллионов, но Индия и Китай намного больше, однако же, сейчас они терпят поражение. Японцы не так восприимчивы к незнакомым болезням, как гавайцы, но они вооружены мечами, копьями и древними мушкетами, да и тех немного, в то время как страны западного мира владеют самым смертоносным оружием, какое только сумела произвести наука. Для японцев современные методы ведения войны окажутся столь же смертоносны, как чума, с которой они совершенно не способны бороться.

Законы природы, открытые Чарльзом Дарвином, вполне применимы не только к диким животным, но и к людям, и к целым народам. Выживают самые приспособленные.

Смит это знал. Он знал, что японцы обречены, и потому их чрезмерная гордость или нескрываемое отвращение не задевали его. Это было невежество и тщеславие призраков, еще не осознавших, что их время уже миновало. Их кончина была так же неизбежна, как восход солнца. Бесспорно, в свое время цивилизации Востока были великими. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на Тадж-Махал, на Великую Китайскую стену или на громаду Золотого Будды в Камакуре. Смит видел все это собственными глазами, и потому он знал. Но теперь дни величия Востока остались в далеком прошлом. Индия, Китай, Япония и все прочие были статичными обществами, стремящимися к стабильности и неизменности, этому великому идеалу Востока. У них не было самой концепции прогресса, и потому прогресс сметет их с пути. Вопрос не упирался в одни лишь паровые двигатели, пушки, армии или военные флота. Вопрос, как это всегда было с людьми, упирался в веру. Запад верил, что золотой век человечества лежит впереди. Восток же верил, что он лежит в прошлом. В том-то и разница.

Смит не испытывал никаких особых отрицательных чувств по отношению к японцам, несмотря на злобный антизападный настрой большинства их лидеров. Они не могли вырваться из хватки застоя и вырождения, сжимавшейся на протяжении веков. Правильнее было бы сказать, что, вдобавок ко вполне естественному чувству превосходства, Смит испытывал к ним сострадание, каковое подобает испытывать цивилизованному человеку по отношению к тем, кто стоит перед лицом исчезновения. И, конечно же, он не испытывал никаких отрицательных чувств к самому Гэндзи. На самом деле, Смит скорее нравился этот человек. Тот факт, что и Гэндзи тоже обречен, не доставлял ему удовольствия. Он просто понимал реальность и принимал ее. Это было горько, поскольку Гэндзи в душе был человеком прогрессивным. Он входил в число тех немногих японцев, которые выступали за принятие западной науки и методов в широких масштабах. Но этого было слишком мало – и слишком поздно. Во

многих отношениях Япония находилась там, где Европа пребывала пятьсот лет назад. А пять веков не преодолеть за то время, которое осталось у Японии до того, как ее сокрушат. На заре двадцатого столетия – а до этого момента осталось меньше трех десятков лет, – Япония, как и весь прочий Восток, окажется под пятой Запада. Единственное, что пока неясно, так это у кого именно. При правильной администрации в Вашингтоне это могут оказаться Соединенные Штаты. А почему бы и нет? Кто сказал, что веления Судьбы перестают действовать у западного края североамериканского континента? Во времена цезарей Средиземное море было римским озером. Смит не видел, почему бы Тихому океану не стать теперь американским озером.

Самураи провели его по недавно построенному крытому переходу во внутренний сад. Там Смит, к своему удивлению, увидел Гэндзи, сидящего на стуле в главной комнате, обставленной – когда Смит это понял, его изумление возросло, – в точности как какая-нибудь западная гостиная. Гэндзи был одет, как обычно, в традиционный наряд самурая, только на ногах у него были не сандалии, а английские сапоги для верховой езды.

О, князь Гэндзи, – сказал Смит. – Я вижу, вы, наконец-то, решили перестроиться на западный лад!

Гэндзи рассмеялся.

Я бы не назвал это перестройкой. Скорее уж пробой. – Он обвел комнату широким жестом. – Вам нравится?

Еще бы! Она очень похожа на мою собственную гостиную в Гонолулу.

Гэндзи улыбнулся.

Так и должно быть. Я опирался на ваши рассказы. Судя по тому, что вы говорили, климат Гонолулу не очень отличается от японского, каким он бывает в теплое время года.

Да, верно. Впрочем, зима – совсем другое дело.

Возможно, зимой я обставлю эту комнату по-другому, – заметил Гэндзи, – в соответствии с рассказами лейтенанта Фаррингтона о его доме в Огайо.

При упоминании Фаррингтона хорошее настроение мгновенно покинуло Смита.

Это, пожалуй, слишком хлопотно – возня не стоит результата, – сказал Смит. – Я бы вам посоветовал избрать один вариант и придерживаться его.

Смит реагировал так нервно потому, что подозревал, что Эмилия предпочитает Фаррингтона ему. В те краткие моменты, когда он заставлял их вместе, он никогда не замечал в их поведении ничего, намекающего на близость или романтические отношения. Но и к самому Смицу она относилась без особого тепла. Поскольку Эмилия дала понять им обоим, что намерена выбирать между ними двумя, вывод был очевиден для Смита. Он не отказался от ухаживания потому, что не привык пасовать перед трудностями. Пока решение не объявлено во всеуслышание, всегда остается шанс.

И Смит держался за этот шанс, не потому, что он любил Эмилию, а потому, что он ее желал, как не желал никого и ничего в своей жизни. Она, несомненно, была самой красивой женщиной, какую он видел живьем, на портретах или даже в воображении. То, что он не любит Эмилию, его ни капли не смущало. Любовь – это для женщин и детей, а не для мужчин. Женщины подчиняются и зависят от чувств, а мужчины подчиняют и господствуют. Тоже, кстати, по Дарвину. Здоровый, энергичный мужчина – в точности как и здоровая, энергичная нация – постоянно

борется за увеличение своей мощи и владений.

Я кое-чего не понимаю в западной архитектуре, – сказал Гэндзи.

И чего же? – поинтересовался Смит.

Ее негибкости. Комната всегда служит лишь для одной цели. Мебель, однажды будучи поставленной, так и остается на одном месте. Вы находите это логичным?

Нахожу, – сказал Смит. – Наши комнаты остаются такими, какие есть, потому что у нас много мебели и крепкие, прочные стены. Ваши комнаты изменяются по необходимости, потому что у вас мебели мало, а вместо стен – передвижные ширмы.

Я вижу логику и в том, и в другом. Я спрашивал не об этом. Вы полагаете, что ваши обычаи логичнее наших?

Если бы я мог высказаться честно, не нанося оскорблений... – начал было Смит и замялся.

Я никогда не обижаюсь на честность, – сказал Гэндзи. Потом улыбнулся и добавил: – На самом-то деле, я прилагаю все усилия, чтобы не обижаться на преднамеренные оскорбления.

Прошу прощения, сэра, – но я предполагал, что самураи всегда готовы ответить на малейшее оскорбление мечами.

Да, и это – глупая и напрасная трата времени, сил и жизней. Это все равно как если бы вы позволили контролировать спусковой крючок вашего револьвера всякому, кто пожелал бы на него нажать. Вы станете так поступать?

Конечно же, нет.

Вот и я предпочитаю этого не делать. – Гэндзи слегка поклонился. – Пожалуйста, продолжайте.

Западные комнаты логичнее японских, потому что столы и стулья логичнее их отсутствия. Мебель западного образца позволяет человеческому телу принимать более здоровые, более естественные позы для отдыха, а не страдать от напряжения мышц и нарушения циркуляции крови, вызываемых сидением на полу. Аналогично, крепкие стены куда более эффективно защищают человека от непогоды, насекомых и паразитов, и обеспечивают куда большую безопасность, чем стены из подвижных бумажных экранов. Я бы предположил, что последний аспект должен быть особенно важен для вас, поскольку вы – самурай.

Безопасность зависит не от прочности стен, – возразил Гэндзи, – а от верности вассалов. Без нее меня не защитят даже нескорушимые стены из стали.

Мой господин!

Во двореке появился Хидэ, глава телохранителей князя Гэндзи и командующий войсками клана. А с ним – лейтенант Роберт Фаррингтон, атташе по делам военного флота при американском посольстве и соперник Смита, оспаривающий у него руку Эмили Гибсон.

Прошу прощения за вторжение, – сказал Фаррингтон и бросил враждебный взгляд на Смита. – Должно быть, я неверно истолковал ваше приглашение.

Ничуть, – возразил Гэндзи. – Входите, пожалуйста.

Прошу меня простить, господин Гэндзи, но я предпочитаю находиться где угодно, но не в обществе вашего нынешнего гостя.

Где угодно – это именно то, куда мы собираемся. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

Смит встал, поклонился Гэндзи и смерял Фаррингтона столь же враждебным взглядом.

Не утруждайте себя, адмирал. Я всегда готов уступить героям войны.

Смит едва ли не выплевывал слова, и это делало их куда более красноречивыми, чем непосредственный их смысл.

Гэндзи увидел, что Хидё слегка переместился, чтобы удобнее было выхватить меч и зарубить Фаррингтона одним движением. Два самурая, сидящих в коридоре, неотрывно следили за Смитом. Оба американца были вооружены револьверами. Поскольку Гэндзи относился к ним как к друзьям, он не требовал, чтобы они сдавали оружие, прежде чем приблизиться к нему – вопреки совету и к сильной тревоге своих вассалов. И потому всякий раз при визите Фаррингтона или Смита его люди постоянно пребывали в готовности нанести удар. Несколько более в готовности, чтобы чувствовать себя уютно. Американцы постоянно двигались, куда больше, чем японцы, и часто размахивали руками при разговоре. Эти непредсказуемые движения частенько заставляли телохранителей тянуться за мечом. Если бы Гэндзи заново представилась такая возможность, он попросил бы своих знакомых-американцев оставлять револьверы у входа – скорее ради их блага, чем ради собственного.

Что ж, – сказал Гэндзи, – я полагаю, если один из вас откажется проехаться вместе со мною, Эмилии будет проще. Однако же, действительно ли это хорошо? Мне казалось, американские женщины высоко ценят возможность самостоятельно делать выбор.

Как он и ожидал, его слова захватили обоих американцев врасплох. Теперь они оба уставились на него, позабыв о сопернике.

А при чем тут Эмилия? – спросил Смит.

Она тут при всем, – ответил Гэндзи. – При мне, как при ее друге, и при вас, как при претендентах на ее руку.

Прошу прощения, князь Гэндзи, – сказал Фаррингтон, – но я не понимаю, как с этим соотносится вопрос о том, поедем или не поедем мы с мистером Смитом или кто-то один из нас с вами на прогулку. Мы оба – ваши друзья, и мы оба стремимся завоевать руку Эмилии. Но отсюда вытекает, что нам с ним лучше не находиться рядом друг с другом без крайней на то необходимости.

Ну наконец-то, сэр, мы с вами хоть в чем-то согласны, – сказал Смит. – А необходимость велит, чтобы мы вежливо, как джентльмены, распрощались друг с другом, как только обнаружим, что, по несчастливому стечению обстоятельств очутились в одном и том же месте.

Фаррингтон слегка, на западный манер, поклонился Смицу.

Поскольку вы прибыли раньше меня, сэр, я не стану далее мешать вашей беседе с князем Гэндзи, – сказал он.

Напротив, – возразил Смит, в точности так же поклонившись своему сопернику, – поскольку я уже имел возможность побеседовать с ним, ясно, что это я должен уступить вам.

Позволю себе с вами не согласиться, сэр, – заявил Фаррингтон.

Гэндзи вздохнул. Они снова заиклились друг на дружке, позабыв о нем. Он был человеком терпеливым, но их постоянные перебранки превышали пределы его терпения. До чего же все-таки американцы отличаются от японцев! Были бы они самураями, они бы уже несколько месяцев назад подрались бы на поединке и проблема была бы решена. А так они лишь обменивались пустыми, бессмысленными словами. Конечно же, прежде всего, ни один разумный самурай не стал бы тратить столько сил из-за какой-то там женщины, и уж точно из-за женщины, подобной

Эмилиии, то есть, не имеющей ни ранга, ни богатства, ни каких-либо политических связей.

Вы можете не соглашаться друг с другом и уступать друг другу, сколько вам угодно, где угодно, и когда угодно. Однако же, я вынужден буду извиниться и отбыть. Могу я передать Эмилиии ваши сожаления о том, что вам не удалось с ней повидаться?

Прошу прощения, князь Гэндзи, – сказал Фаррингтон, – но мне казалось, что Эмилиии сейчас нет в городе.

Совершенно верно.

Смит рассмеялся.

А! Теперь я понял ваш замысел, князь. Мы поедем ей навстречу.

Гэндзи кивнул, подтверждая его догадку.

А по дороге, – сказал Смит, глядя на Фаррингтона, – мы определимся с вопросом, кто же из нас получит руку Эмилиии.

Гэндзи снова поклонился. Это было единственное решение, которое ему удалось придумать. Эмилиия была так же далека от принятия выбора, как и шесть месяцев назад, когда она впервые встретилась с этими двумя молодыми людьми. А необходимо было, чтобы она выбрала кого-нибудь из них и как можно скорее покинула Японию.

Разве вы забыли о предупреждении Эмилиии? – поинтересовался Фаррингтон. – Если мы прибегнем к какому бы то ни было насилию, она не пожелает иметь ничего общего ни с кем из нас.

Но раз ее здесь нет, откуда она об этом узнает? – парировал Смит.

Постоянное отсутствие одного из нас уже само по себе станет достаточно красноречивым – не так ли?

Смит пожал плечами.

Это уже будет дело выжившего – сострять какую-нибудь правдоподобную историю.

Вы предлагаете, чтобы мы солгали Эмилиии?

А почему бы и нет? Чем это ей повредит?

Ложь есть ложь, сэр, – сказал Фаррингтон. – Я не смогу ее произнести.

Смит улыбнулся.

Можете не волноваться, сэр – вам и не придется.

Равно как и вам. Я отказываюсь принимать участие в подобном обмане.

Смит фыркнул.

Какая удобная отговорка, адмирал! Хотя чего я удивляюсь? Вы в прошлом не стеснялись стрелять по беспомощным женщинам, так с чего бы вам теперь стесняться прятаться за слова женщины.

Вы всегда обвиняете нас в нелогичности, – сказал Гэндзи, прежде чем Фаррингтон успел что-либо ответить. – Если ваше нынешнее поведение – образец западной логики, то, должен признаться, я ее не понимаю. На мой взгляд, мистер Смит предложил вполне подходящее и логичное решение.

Логично – не всегда означает этично, – отозвался Фаррингтон. – Да, если один из нас застрелит другого, выбор Эмилиии окажется предрешен без лишних усилий с ее стороны. Но она доверяет нам и надеется, что мы так не поступим. А потому мораль требует, чтобы мы оправдали ее доверие. Даже если это не вполне нас устраивает. Я очень люблю Эмилиию. Я знаю, что мистер Смит ее не любит, и потому знаю, что он не сумеет сделать ее счастливой, потому что без любви не сумеет обращаться с нею так, как она того заслуживает. Однако же, я опасаюсь, что она не разглядит этого и

подпадет под воздействие его привлекательных сторон. Его приятной внешности, его богатства, его поверхностного обаяния. А потому, если рассуждать с позиций логики, мне следует принять его предложение о дуэли, поскольку я не сомневаюсь, что одержу верх. Я спасу Эмилию – ей не придется провести жизнь рядом с не подходящим ей человеком, и она не станет несчастна. Но я не могу, потому что пообещал ей не делать этого. Я оказываюсь в проигрыше, сэр. Я в этом сознаюсь.

Чем дольше говорил Фаррингтон, тем сильнее наливалось краской лицо Смита.

Да как вы можете говорить о моих самых сокровенных чувствах?! – вскричал он. – Как вы можете предполагать, что знаете о них хоть что-либо?

Вас нетрудно понять, – парировал Фаррингтон. – Человек, способный с такой легкостью солгать ради хорошего дела, без труда солжет и ради плохого. А лжец не может быть подходящим мужем для Эмилии.

Джентльмены, – сказал Гэндзи, прервав бесконечный, судя по всем признакам, спор, – давайте же тронемся в путь. Если он не приведет нас к решению, которое устроило бы всех, он, по крайней мере, приблизит нас к Эмилии.

Несмотря на нежелание Фаррингтона принимать от Смита вызов на дуэль, Гэндзи казалось, что если ему удастся вытащить обоих молодых людей на дорогу к Мусиндо, вполне вероятно, что насилие проложит выход из этой ситуации. Они с трудом терпели присутствие друг друга в течение нескольких минут. Разве же они смогут прожить бок о бок два дня? Гэндзи это казалось очень маловероятным.

Фаррингтон лежал на спине и смотрел на темноту между звездами. Во время войны он провел множество ночей на берегу, устроившись где-нибудь в одиночестве, под куполом неба. В те времена он просто не мог подолгу находиться в здании. Быть может, он видел слишком много обуглившихся трупов в развалинах южных городов и местечек, которые он помогал осаждать и обстреливать. Когда война завершилась, вместе с нею закончилась и его фобия. Быть может, окончание насилия освободило его сердце от не до конца еще сформировавшегося страха. Быть может. Точно он этого не знал, и вряд ли когда-нибудь узнает.

Гэндзи, Смит и прочие их спутники остались где-то позади. Возможно, они устроились на ночь где-нибудь в деревне, которую он проехал сегодня днем. Фаррингтон представил, насколько не по себе сейчас Смигу от того, что он находится впереди. Не удержавшись, он улыбнулся. Он согласился на это путешествие лишь на том условии, что он поедет один, отдельно от Смита. Смит, конечно же, принялся энергично возражать.

«Откуда нам знать, что вы, скрывшись с наших глаз, не пришпорите коня, чтобы прибыть первым и воспользоваться этим преимуществом?» – сказал он.

«Я даю слово, что не стану этого делать», – ответил Фаррингтон.

«Ваше слово?» – переспросил Смит.

«Вашего слова вполне достаточно», – сказал Гэндзи.

«Князь Гэндзи, – сказал Смит, – хотя бы пошлите с ним вашего генерала, Хидё, чтобы он, так сказать, не сбился с пути».

«Я уже бывал в Мусиндо, – отозвался Фаррингтон. – Туда добираться несложно – с пути не собьешься». Затем он обратился к Гэндзи: «Будет ли удобно, если мы встретимся на поляне у восточной стены монастыря?»

«Вполне», – сказал Гэндзи.

«Тогда до встречи», – сказал Фаррингтон, поклонился Гэндзи и ускакал. Он почти

ожидал, что Смит выстрелит ему в спину. От лжеца до труса один шаг, а трус пойдет на что угодно, чтобы добиться своего. Фаррингтон слышал позади гневный голос Смита. Но выстрела не последовало.

Фаррингтон поехал в одиночку не только затем, чтобы избавиться от общества Смита. Он нуждался в одиночестве, чтобы привести в порядок свои мысли, ибо пока что в них царил полная путаница. Фаррингтон нимало не сомневался в том, какие чувства он испытывает по отношению к Эмили. Он влюблен в нее. Казалось бы, раз так, он должен четко представлять, что ему делать. Но увы, в сложившейся ситуации почти все было сомнительным, а ясных ответов имелось слишком мало.

И тягостнее всего было то, что Фаррингтон не понимал истинной природы взаимоотношений Эмили и Гэндзи. Даже самые первые из услышанных им слухов сходились лишь в основных фактах. Все начинали с того, что рассказывали, до странности увлеченно, про то, что во дворце у князя Гэндзи, одного из самых развратных феодалов Японии, живет некая миссионерка Эмилия Гибсон, молодая и очень красивая. А вот далее версии расходились.

Они нагло издеваются надо всеми законами Божескими и человеческими, запрещающими смешение религий и рас.

Они – благочестивые христиане; она обратила его, и теперь они живут целомудренно, словно монахи.

Она – безнадежная наркоманка, приученная к опиуму, а он без малейших угрызений совести снабжает ее зельем.

Он – сексуальный извращенец, совративший ее на свой гнусный восточный лад, и теперь она в результате превратилась в жалкую, униженную рабыню.

Она – вообще никакая не миссионерка, а тайный политический агент Франции, России, Англии, Голландии, Соединенных Штатов или папского престола, плетущая интриги за или против сёгуна или императора, с целью поставить Японию под контроль Франции, России, Англии, Голландии, Соединенных Штатов или папского престола.

Он – не просто развратник, но еще и безумец, считающий себя пророком и строящий планы – планы, в которые втянута и эта падшая женщина – стать первосвященником новой религии, которая даст ему возможность вытеснить императора, сёгуна, Будду и древних богов Японии и стать верховным правителем нации фанатиков, беззаветно верящих ему.

Самые дикие слухи, ходившие среди солдат и матросов во время войны, не шли ни в какое сравнение с тем, что Фаррингтон услышал за какую-нибудь неделю после прибытия в Эдо. Мало было того, самого по себе невероятного, шокирующего факта, что белая женщина устроилась во дворце восточного князя, – беспредельные домыслы раздувал еще и скандал, вспыхнувший в связи со Светом Истинного Слова пророков Христовых, секты, от имени которой Эмилия и прибыла в Японию с миссией. Церковь Истинного Слова развалилась три года назад, под грузом обвинений в извращениях, столь диких, что в них и верилось-то с трудом. Даже не страдающие откровенностью официальные источники намекали на извращенные, возмутительные плотские отношения, вполне достойные Содомы и Гоморры.

Фаррингтон никогда особо не прислушивался к слухам, но и не отметал их прямо с порога. За время войны он убедился, что, к сожалению, иногда случается и самое невероятное. Человек способен постепенно, по шажочку, сам того не замечая, сделаться худшим зверем, чем хищники в джунглях. Диких зверей сдерживали рамки

законов природы. Человек же, утративший человеческий облик, не имел этой спасительной благодати.

Наибольшее беспокойство внушали слухи об опиумной зависимости. К тому моменту Фаррингтон не был знаком ни с Эмилией Гибсон, ни с этим феодалом, предоставившим ей кров, – он их даже в глаза не видел, – так что он не знал о них ничего сверх доходивших до него противоречивых рассказов. Но когда их эскадра обходила восточные порты, Фаррингтон побывал в Гонконге, и там собственными глазами убедился, что способны сотворить с человеком наркотики. Если эта мисс Гибсон и вправду наркоманка, ради дозы своего зелья она пойдет на что угодно. В опиумокурильнях и публичных домах Гонконга Фаррингтон видел женщин, пребывавших в различных стадиях наркотической зависимости; они предлагали самые извращенные удовольствия всякому, кто готов был платить. Фаррингтона шокировало и печалило, что его соотечественница, да к тому же еще и христианская миссионерка, могла пасть в ту же пропасть.

Но вся эта история его не затрагивала – во всяком случае, не более, чем джентльмена затрагивает случайно услышанная история о несчастье, постигшем некую леди. Этот мир – воистину юдоль слез. Фаррингтон не мог надеяться, что сумеет облегчить страдания каждого несчастного, с которым его сводила судьба. Он усвоил этот урок во время войны и не раз убеждался в его истинности. А потому он сочувствовал, но совершенно не собирался вмешиваться в эту историю.

А потом он увидел ее.

Это произошло на приеме в посольстве. Его устроили, чтобы дать возможность растущему деловому сообществу американцев познакомиться с влиятельными японскими вельможами. А из-за сильных античужеземных настроений посольство пришлось окружить отрядом американской морской пехоты в полной боевой готовности.

Как неудачно, – сказал Фаррингтону посол. – Они несколько ухудшают доброжелательную, гостеприимную атмосферу, соответствующую нашим целям.

Возможно, и нет, господин посол, – ответил Фаррингтон. – Возможно, наша демонстрация военной мощи будет больше соответствовать атмосфере праздника, чем мы предполагаем. Войска сёгуна патрулируют все ведущие сюда дороги и, несомненно, каждый феодал прибудет сюда в сопровождении собственного отряда. Похоже, японцы, в отличие от китайцев, любят смотреть на войска.

Будем надеяться, что вы правы, – сказал посол. А затем он увидел одного из прибывших гостей и у него вырвалось: – Боже милостивый! Какая дерзость! Он привел

Простите?

Вон та шишка – это князь Гэндзи, влиятельный член сёгунского совета. Я уже упоминал о нем.

Прошу прощения, сэра. За прошедшую неделю я слышал столько японских имен, что еще плохо в них разбираюсь. К сожалению, я не припоминаю, что именно вы о нем говорили.

Помните, как я рассказывал вам про так называемую миссионерку? Ну, Эмилию Гибсон.

Да, помню. Очень печальная и необычная история.

Вон та женщина с князем Гэндзи – это она.

Сперва Фаррингтон увидел ее волосы: мерцающие, вьющиеся золотые пряди

среди темных голов. Затем он заметил ее фигуру, на удивление статную и пропорциональную даже в строгом, простом платье, вышедшем из моды лет десять назад.

У нас нет выхода, – сказал посол. – Мы не можем позволить себе нанести оскорбление князю Гэндзи.

И он повел Фаррингтона к новоприбывшим.

Добрый вечер, посол ван Валькенбург, – сказал Гэндзи. – Благодарю вас за ваше любезное приглашение.

Гэндзи вовсе не был похож на того угрюмого феодала, которого представлял себе Фаррингтон. Он часто и охотно улыбался. Более того, он его манеры были совершенно не воинственными, возможно даже, слегка женственными. Но больше всего лейтенанта удивило то, что Гэндзи говорил по-английски почти без акцента.

Это большое удовольствие для меня, князь Гэндзи, – сказал посол и вежливо поклонился спутнице князя. – Мисс Гибсон, рад видеть вас снова. Мы так давно не виделись.

Спасибо, сэр, – отозвалась Эмилия.

Князь Гэндзи, мисс Гибсон, позвольте вам представить лейтенанта Роберта Фаррингтона, моего нового атташе по делам военно-морского флота.

Собеседники обменялись еще некоторым количеством вежливых банальностей. Фаррингтон плохо сознавал, что он слышит, а собственные слова забывал, едва успев произнести. Видал ли он хоть когда-то столь безукоризненное воплощение женственности? Фаррингтон мог совершенно честно, не покрывив душою, сказать, что нет. Но его пленила не красота Эмилии, или, по крайней мере, не только красота. Он уловил в ее открытом взгляде и робкой улыбке признак затаенной глубокой печали. И эта потаенная боль, причин которой он не ведал, глубоко тронула Фаррингтона. И с этого момента, еще до того, как они сказали друг другу хоть что-то существенное, эта женщина стала ему не безразлична.

С тех пор у него было достаточно возможностей хорошенько подумать. Стал бы он так заботиться о ее благополучии и спасении души, будь ее внешность иной? А если бы она была калеккой? Или просто невзрачной, неприметной женщиной? Что тогда? Тогда ее судьба взволновала бы его настолько сильно, или нет? Если уж быть откровенным, выдержат ли его мотивы внимательное, пристальное изучение? Действительно ли его любовь более благородна, чем стремление к обладанию, которое он приписывает своему сопернику, Смиту?

Фаррингтон всегда отвечал на этот вопрос «да», поскольку знал, что именно ее печаль делает красоту Эмилии столь неотразимой для него. Он был достаточно тщеславен, чтобы решить, что сможет излечить ее уже одним тем, что будет любить ее верно и безраздельно. Любовь была величайшей надеждой, сохранившейся у него. Веру он потерял где-то посреди войны.

Фаррингтон ожидал, что Гэндзи будет чинить препятствия его сватовству, но князь не стал этого делать. Напротив, он с самого начала поддерживал Фаррингтона. Но в то же самое время он поддерживал и Чарльза Смита, хотя сперва Фаррингтон этого не знал. Но как бы то ни было, и то, и другое достаточно убедительно свидетельствовало, что Гэндзи не испытывает привязанности к Эмилии. Правда, это еще не доказывало, что их взаимоотношения можно считать добродетельными. Познакомившись с Эмилией, Фаррингтон понял, что она никогда не станет сознательно участвовать ни в чем аморальном. Но из этого еще не следовало, что ее не

могут обмануть и использовать без ее ведома. Гэндзи был восточным властелином, обладающим абсолютной властью в своем княжестве и над членами своего клана. Его дворец и замок, без всякого сомнения, были пронизаны тайными ходами, тайными же комнатами и местами для незаметного наблюдения за окружающими. Гэндзи не был христианином. Для Фаррингтона это было очевидным, несмотря на то, что Эмилия уверяла, что обращает князя в истинную веру. За прошедшие несколько месяцев Гэндзи во время бесед с Фаррингтоном не раз показывал, что является последователем древней и непонятной буддийской секты, не признающей никаких правил морали, этики или приличия, а вместо этого сосредоточенной на мистическом освобождении от законов человеческих и Божеских. Такой человек способен на все.

Фаррингтон повернулся на бок и закрыл глаза. Надо спать. Если он всю ночь так и будет пялиться в небо и по сотому разу обдумывать одни и те же мысли, толку с этого все равно не выйдет. Завтра они доберутся до монастыря, увидят Эмилию, и все решится. Фаррингтон не был уверен, что все устроится, как следовало бы, в его пользу. Но даже если Эмилия выберет Смита, по крайней мере, тот увезет ее от Гэндзи. Фаррингтон боялся, что она предпочитает Смита ему. Должно быть, так оно и есть, потому что Эмилия никогда не выказывала по отношению к нему никаких знаков привязанности. Он встречал с ее стороны лишь вежливость, с какой порядочная леди общается со знакомым джентльменом. Если Эмилия не испытывает по отношению к нему никаких чувств, тогда, должно быть, ее привязанность отдана Смигу. Но если это так, отчего она так долго не объявляет о своем решении? Фаррингтон знал, что у нее очень нежная, ранимая душа. Возможно, Эмилия не хочет ранить его своим отказом и надеется, что произойдет что-нибудь такое, что можно будет не объявлять о нем. Конечно же, она не желает дуэли между ними. Возможно, она

надеется, что Фаррингтон увидит всю безнадежность своего сватовства и сам откажется от него, и ей не придется ничего говорить.

Но была и еще одна возможность. Она пришла Фаррингтону на ум, когда он уже проваливался в сон, и она была столь невыносима, что наутро, проснувшись, лейтенант начисто о ней позабыл.

Моряк едет один, опережает князя Гэндзи и второго чужеземца примерно минут на пять, если скакать галопом, – доложил разведчик князя Саэмона. – С князем Гэндзи едет господин Хидё и двадцать четыре самурая.

Двадцать четыре человека. Интересно, с чего бы вдруг? Гэндзи всегда путешествовал с минимальным сопровождением. Так отчего же на этот раз он взял с собой такой значительный отряд? Поездку от Эдо до монастыря Мусиндо нельзя назвать ни долгой, ни опасной. Неужто он что-то заподозрил? Конечно же, что бы он ни заподозрил, он не мог угадать замысел Саэмона. Саэмона сопровождало всего десять вассалов. И даже в них не было необходимости. Саэмон не нуждался ни в чьей помощи для претворения своих намерений в жизнь. Поскольку он пользовался популярностью и среди тех самураев, которые терпеть не могли чужеземцев, и среди тех, кто стоял за взаимодействие с западными державами, и среди сторонников, и среди противников сёгуна, равно как среди сторонников и противников императора, в телохранителях он тоже не нуждался. Они сопровождали его исключительно из соображений приличия. Князь не путешествует в одиночку.

Саэмон знал, почему Фаррингтон и Смит не едут вместе. С тех пор, как молодые люди принялись ухаживать за Эмилией Гибсон, они превратились в злейших врагов.

Саэмон находил это чрезвычайно забавным. Офицеру следовало бы сосредоточиться на своей военной карьере, а бизнесмену – на увеличении прибылей. Они же вместо этого тратили драгоценное время и силы, завоеывая в жены женщину, которая не только не имела никаких связей, но на которую ее же соотечественники смотрели с отвращением. Воистину, непостижимое поведение.

Тебя видели?

Нет, господин. Я уверен, что меня никто не заметил.

Саэмону захотелось сделать разведчику выговор, но он сдержался. Какой в этом смысл? Два столетия мира подточили искусность самураев, но зато усилили их самомнение. Ну вот откуда он может быть уверен, что его никто не заметил? Ведь не может же! И все же он, ни секунды не колеблясь, заявляет такое. Гэндзи куда наблюдательнее, чем кажется, да и Хидё тоже. Они оба принадлежат к числу немногих самураев современности, имеющих опыт реального боя. Вполне возможно, что его разведчика таки заметили, но Гэндзи достаточно умен, чтобы не показывать этого.

Давайте присоединимся к князю Гэндзи, – сказал Саэмон. – Скачи вперед и спроси у него дозволения.

Слухи меня не оскорбляют, – сказал Гэндзи Смиту. – Такова природа слухов: они обязаны быть скандальными.

Я с вами согласен, – отозвался Смит. – Лишь естественно, что людям любопытно, чем же вы с Эмилией занимались эти шесть лет.

Это верно, – согласился Гэндзи. Он улыбнулся, но отвечать не стал.

Смит рассмеялся.

Так чем же, все-таки, вы занимались? Я полагаю, что я, как возможный жених Эмили, имею некоторое право на подобный вопрос.

Хидё прислушивался к разговору. Они неспешно ехали по дороге к Мусиндо, более неспешно, чем ему хотелось бы. Разведчик, которого он засек в предыдущей долине, скорее всего был человеком Саэмона. Хидё опасался засады, потому и настоял, чтобы они взяли с собой двадцать четыре человека.

«Саэмон не станет устраивать мне засаду на дороге в Мусиндо», – сказал Гэндзи.

«Желал бы я разделять вашу уверенность, господин», – отозвался Хидё.

«Сто человек – это чересчур много», – сказал Гэндзи.

«Нет – если у Саэмона будет двести», – сказал Хидё.

«Если мы превратим повседневную поездку в процессию – а так оно и будет, если мы возьмем с собой сто человек, – то привлечем к себе слишком много внимания, и лишь увеличим опасность, вместо того, чтобы уменьшить ее», – сказал Гэндзи.

«Пятьдесят, – сказал Хидё, – вооруженных ружьями».

«Двадцать пять, считая тебя, – сказал Гэндзи. – И вполне достаточно будет луков со стрелами».

«Двадцать пять, с ружьями», – сказал Хидё.

Гэндзи раздраженно вздохнул.

«Ну хорошо, пусть будет двадцать пять с ружьями».

Теперь, когда нападение сделалось неминуемым, Хидё был рад, что настоял на этом числе и на огнестрельном оружии. Он взглянул на своих людей. Они смотрели на него. Они, не дожидаясь приказа, уже приготовились отражать нападение. Смит ничего не заметил. Он ехал с таким же небрежным видом, как и прежде.

Мужчины и женщины, – сказал Смит, – ведут себя так, как им то предназначено

природой, а не так, как того требуют правила, созданные людьми.

Таковы христианские верования? – поинтересовался Гэндзи.

Таковы факты, которые я наблюдал на протяжении всей моей жизни на Гавайских островах.

Мы с Эмилией были заняты, каждый – своей работой. Она проповедовала христианскую веру, а я разбирался с политическими кризисами.

Что, все шесть лет?

Последние шесть лет выдались чрезвычайно насыщенными, – сказал Гэндзи.

Господин! – послышался голос Хидё. Хидё прищипорил своего коня и подъехал к Гэндзи. С востока к ним приближался всадник.

Это был гонец от князя Саэмона.

Похоже, эти двое не испытывают друг к другу теплых чувств, – сказал Саэмон, указывая на Фаррингтона и Смита. Те ехали бок о бок в полном молчании и демонстративно смотрели куда угодно, только не на спутника.

В недавней войне между американцами они выступали за разные стороны, – пояснил Гэндзи.

Интересно, продлится ли их вражда двести шестьдесят лет, как это случилось в Японии?

Американцы больше думают о будущем, чем о прошлом. Похоже, они не повторят наших глупостей.

Это возможно, только если обе стороны будут прилагать значительные усилия к примирению, – сказал Саэмон.

Мне остается лишь согласиться с вами, – сказал Гэндзи, – и искренне надеяться, что в данном случае так оно и будет.

Я разделяю ваши надежды, – сказал Саэмон.

Хидё отвернулся, чтобы скрыть свое недовольство. Эти небрежные, шуточные намеки на то, что предки этих двух князей принадлежали к разным сторонам, раздражали его. Гэндзи был слишком беспечен. То, что Саэмон Лживый находился теперь среди них, еще не означало, – как, судя по всему, думал его господин, – что нападение сделалось невозможным. Это всего лишь меняло возможные варианты предательства. За каждым из людей Саэмона следило по два самурая Гэндзи. Сам же Хидё готов был зарубить Саэмона при первой же провокации.

Насколько я понимаю, – сказал Саэмон, – они также соперничают из-за вашей гостьи, мисс Гибсон.

Вы прекрасно информированы, князь Саэмон.

Не особенно, князь Гэндзи. Просто о них и о мисс Гибсон ходит много разговоров.

И обо мне?

Саэмон поклонился.

Увы, это неизбежное следствие. Как ваш друг и союзник, я должен посоветовать вам как можно скорее обособиться от этой дамы. Политическая ситуация сейчас очень нестабильна. А из-за нее вы теряете ценную поддержку, которой в противном случае могли бы располагать.

Хидё не удалось до конца подавить недобрый смешок. Саэмон – друг и союзник Гэндзи?

Ты желаешь что-то добавить, Хидё? – поинтересовался Гэндзи.

Нет, господин. Я просто закашлялся. Вдохнул поднятую пыль.

Гэндзи обратился к Саэмону.

Всякая поддержка, в которой мне отказано из-за присутствия мисс Гибсон, это поддержка, лишённая внутренней сути, и я не жалею об ее отсутствии. Но в любом случае, у нее скоро помолвка, и вскорости после этого она покинет Японию.

В самом деле?

Это было удивительное открытие, и Саэмон сомневался, стоит ли ему верить. Он знал, что Фаррингтон и Смит вроде как ухаживают за Эмилией. Но он предполагал – и намеревался так считать и далее, пока не получит каких-нибудь более веских доказательств, чем слова Гэндзи, – что все это не более чем фарс, затеянный для того, чтобы эти четверо могли плести интриги вместе. Ему пока что не удавалось разгадать суть этой интриги, но заговор, в который вовлечено так много людей, не может долго оставаться тайным. Именно потому всегда, когда это только было возможным, о его интригах самого Саэмона не знал никто, кроме него самого.

Потому Саэмон не верил, что эти двое мужчин всерьез враждуют между собой. Что же касается женщины – ну, не может человек быть настолько слепым и наивным, как она из себя изображает. Саэмон был твердо уверен, что она тесно связана со всем происходящим, что бы это ни было. Похоже было, что эта женщина – агент американского правительства. Американцы превосходно подобрали агента, который совершенно не будет навлекать на себя подозрений, и сможет при этой успешно собирать сведения. Они знают, что японцы не обращают внимания на женщин. Никого – кроме самого Саэмона – совершенно не интересовало, чем Эмилия занимается, что окончательно завершало ее образ существа безвредного. По данным информаторов из числа людей Гэндзи, Эмилия окончательно прекратила христианские проповеди, которые и изначально вела не слишком ревностно, и теперь с головой ушла в перевод тайной истории клана Окумити на английский язык. То, что она прибегла к такой нелепой уловке, показывало, какого она оскорбительно низкого мнения о японцах. Ну кто, спрашивается, поверит, что история, с которой испокон веков дозволялось знакомиться только членам княжеского рода, будет открыта чужеземцам, да еще и на их собственном языке? В то же время она очень сблизилась с одним из князей, играющих важную роль в политике, и проживала либо в его дворце в Эдо, столице сёгунов, либо в его замке в княжестве Акаока, на острове Сикоку, извечном очаге антисёгунских настроений. Очень умно. Фаррингтон – военный моряк, Смит – торговец, так что у обоих свободный доступ к заморским связям. Эмилия безо всяких проблем может передавать им сообщения, пока они разыгрывают это представление с ухаживанием. Вовлечен ли Гэндзи в их деятельность? Если да, то это может быть предательство наихудшего пошиба. В Индии некоторые тамошние князья – там их именуют раджами, – отдали свои владения под власть англичан под предлогом того, что они ищут у них защиты. Не может ли произойти то же самое и в Японии, только на месте раджей будет Гэндзи, а на месте англичан – американцы?

И кто же стал избранником мисс Гибсон? – спросил Саэмон.

Она еще не решила, – ответил Гэндзи.

Она еще не решила! И снова – очень умно. Превосходная хитрость, позволяющая прикрывать их бесконечную деятельность. Саэмон не мог не восхититься тем, как безупречно Гэндзи обставил каждую деталь своего запутанного заговора. Да, он – первостатейный интриган и грозный противник. Неудивительно, что он нанес поражение отцу Саэмона, князю Каваками, невзирая на то, что его отец имел в своем

распоряжении всю сёгунскую тайную полицию. И это несмотря на то, что он, судя по всему, обнаружил некую жизненно важную тайну Гэндзи, – возможно, связанную с той пропавшей гейшей, Хэйко. В этом вопросе, в отличие от других, Саэмон пошел по отцовским стопам. То, что мог обнаружить отец, сможет и он, Саэмон. Он ждал доклада из Калифорнии со дня на день.

Женщины по природе своей так не склонны умалять свой выбор, что зачастую притворяются, будто вовсе забыли его сделать, – сказал Сэмон.

Несомненно, иногда все именно так и выглядит.

Всадник, возглавлявший отряд, внезапно пришпорил коня. Со стороны монастыря Мусиндо к ним приближался кто-то пеший. Это была женщина, голова у которой клонилась вправо под весьма опасным углом. А на бегу голова вообще болталась так, что казалось, будто она вот-вот оторвется.

Монастырь Мусиндо

Перестаньте скакать, как придурки! – рявкнул Таро. – Беритесь за луки! Эй, ты – застрели того идиота с камнями. И отродье. А ты убей чужеземную женщину. И постарайся не попасть по ошибке в госпожу Ханako.

Господин! – откликнулись двое его самураев. Первыми выстрелами они ни в кого не попали. Их мишени мгновенно рухнули в высокую траву, и стрелы просвистели над ними, не причинив им никакого вреда. Самураи снова натянули луки, но никто так и не появился.

Найдите их, – приказал Таро. Он со своими людьми двинулся вперед, держа мечи наизготовку. – Возьмите госпожу Ханako живой и убейте всех остальных.

Будь Ханako одна, она вполне смогла бы ускользнуть от них. Но ее связывала необходимость защищать Эмилию. Они не могли уйти далеко.

День выдался безветренный. Таро принялся выискивать просветы в траве, способные указать на то, что там лежит или ползет человек, и при этом следил, не примется ли трава колыхаться.

Ага, вот!

Беспокойство за Ханako не позволяло ему наугад, не глядя тыкать мечом в качающуюся траву. Он продвигался вперед с осторожностью. Трава была примята, но того, кто здесь лежал, уже на месте не было. Справа из травы торчала ветка. Таро проследил за ней взглядом и обнаружил, что другой конец ветки зажат в тонкой девчоночьей руке, и девчонка шевелит палкой траву. Отродье. Таро сделал выпад в ее сторону, но промахнулся; острие его меча воткнулось в грязь. Девчонка двигалась со скоростью и хитростью голодной крысы.

Господин Таро!

Его люди обнаружили Ханako. Они окружили ее, и она теперь постоянно перемещалась в этом кругу, стараясь уследить за противниками. Эмили не было видно. Должно быть, она лежит в траве у ног Ханako.

Таро опустил меч и двинулся к ним.

Госпожа Ханako, – сказал он, – мы не желаем вам вреда. Пожалуйста, отойдите с дороги.

Предатель!

Когда она прыгнула на Таро, один из его самураев кинулся на нее сзади, пытаясь ее схватить. Конечно же, этого она и хотела. Ханako ловко развернулась и полоснула

противника. Самурай рухнул наземь; из рассеченной сонной артерии ударила кровь. Ханako же мгновенно атаковала самурая, оказавшегося теперь ближе всех к ней, вынуждая его отступить.

Таро кинулся к ней, но тут из травы встал этот здоровяк-идиот, и, стоя почти лицом к лицу с Таро, изо всех сил запустил ему камнем в лоб. Таро услышал звук, напоминающий треск ломающейся кости. Тело его занемело. Хватаясь за ускользящее сознание, почти ничего не видя из-за крови, льющейся из свежей раны, Таро рефлекторно отступил назад, заметив солнечный блик на несущемся к нему клинке. Он ударил кого-то, сам не зная, кого, и, пошатываясь, отступил, стирая кровь с глаз. Таро думал, что дрожь земли под ногами вызвана очередным падением камня, но тут один из его людей воскликнул:

Господин Саэмон!

И действительно, это был Саэмон, а с ним – отряд самураев, и они галопом мчались к месту схватки. Это могло означать лишь одно: их план достиг цели. Где-то на дороге из Эдо Саэмон подстерег Гэндзи и убил его.

Таро пожертвовал личной верностью ради принципов. Чтобы сохранить путь самурая, он предал человека, которым восхищался и которого уважал более всех на свете, и вступил в заговор с человеком, которого презирал. Таро невольно ощутил, что достиг вершины нелепости. Пожертвовать реальными, чтимыми, освященными историей взаимоотношениями ради абстрактного принципа – не есть ли это суть пути чужеземцев, для которых идеи значат гораздо больше, чем конкретные люди и традиции? Их образ мыслей отравляет всех, даже тех, кто упорнее всего противостоит им. Не означает ли это, что они уже завоевали Японию? За мыслями неизбежно следуют действия. Возможно, Гэндзи и вправду это предвидел.

Тут совсем рядом с Таро раздался женский крик. Здоровяк-идиот куда-то исчез. На его месте теперь стояла Эмилия, зажав руками рот, с круглыми от ужаса глазами.

Таро отступил на несколько шагов. Саэмон приехал. Пусть он и довершит грязную работу.

Гэндзи и Саэмон ехали во главе колонны, сразу следом за ними – Хидё. Разобрать, что там говорит женщина с кривой шеей, оказалось очень непросто. Она задыхалась от бега, присутствие князей устрашало ее, увечье сделало голос сдавленным, и с губ ее срывались отдельные, бессвязные слова.

Господин!.. Госпожа Ханako!.. Опасность, страшная опасность!.. Измена!.. Пожалуйста!.. Скорее!..

Они ринулись к Мусиндо; Хиде по-прежнему не спускал глаз с Саэмона. Эта женщина наверняка была орудием Саэмона, и ее задачей было отвлечь внимание от самого князя. Ханako и Эмилия под охраной Таро, лучшего друга и самого надежного товарища Хидё. С этой стороны измена прийти не может. Это было настолько невероятно, что Хидё окончательно уверился: опасность, как он и подозревал, исходит от Саэмона. И какую бы измену он ни замыслил, все должно состояться вот-вот. То, что у Саэмона было с собой так мало людей, указывало лишь на то, что куда большее их число где-то прячется. Отец Саэмона, князь Каваками, устроил Гэндзи засаду у Мусиндо и проиграл. Каким удовольствием для сына было бы отомстить за отца на месте его гибели! Гэндзи отмахнулся от просьбы Хидё поостеречься и помчался вперед. Если Хидё не мог защитить своего господина, он мог, по крайней мере, умереть вместе с ним, но перед этим позаботиться, чтобы коварный Саэмон не

пережил их и не порадовался своему предательству.

Но все эти мысли мгновенно выскочили у Хидё из головы, когда он вылетел из роши на поляну у монастыря. А дальше все развивалось стремительно. Хидё увидел, как несколько самураев окружили Ханako, как она зарубила одного, как другой ударил ее, как в воздух взлетели брызги крови, и как она упала.

Ханako!

Пока Хидё отвлекся, Саэмон выхватил из-под куртки спрятанный там револьвер. Хидё заметил это краем глаза, но было поздно: Саэмон прицелился и выстрелил. Хидё развернулся, собираясь наброситься на Саэмона, но притормозил, обнаружив, что Гэндзи невредим. Саэмон выстрелил в самурая, который только что ударил Ханako и теперь собирался напасть на Эмилию.

Этим самураем был Таро.

Эмилия сидела в траве, прижимая Ханako к себе. Одежды обеих женщин промокли от крови Ханako. Глаза Ханako были распахнуты, но взгляд их был незряч, и они уже начали утрачивать блеск, отличающий живых от мертвых. Эмилия была настолько ошеломлена внезапностью кончины Ханako, что не могла ее осознать – слишком ошеломлена, чтобы понять, что ее единственная подруга умерла, а она даже не попрощалась с ней. Рядом раздался пронзительный, восторженный вопль этой девочки, Кими.

Князь Гэндзи приехал! Я знала, что он приедет! Я же сказала предателям, что он приедет, ведь правда?

Кими, – сказал Горо. – Кими, Кими, Кими...

Мчавшиеся галопом лошади остановились почти вплотную к ней, и с них принялись прыгивать мужчины. Эмилия даже не взглянула на них. Она отчаянно искала слова молитвы и нашла их. «Всякий, кто верует в Него, не умрет, но обретет жизнь вечную». Это была не совсем подходящая молитва, потому что Ханako в Него не верила – она всю свою жизнь верила в Будду Амида, средоточие беспредельного сострадательного света, и верила не в Царствие небесное, обещанное нашим Господом и Спасителем, но в Сухавати, Чистую землю, отведенную для последователей Амиды. Не будь это богохульством, Эмилия пожелала бы, чтобы стало по вере Ханako, а не по ее собственной, ибо это означало, что Ханako будет жить в раю – а кто более нее был этого достоин? Эмилия никогда в жизни не встречала другого человека, который бы так полно воплощал в себе доброту, милосердие и наивысшие христианские добродетели.

Гэндзи прибыл. Эмилия поняла это по тому, что Кими и Горо рухнули на колени и прижались лицом к земле. Она почувствовала, как он легонько коснулся ее плеча.

Эмилия, – позвал он.

За годы, прожитые в Японии, ее ощущение времени изменилось – постепенно, по шажочку, но настолько сильно, что теперь не имело почти ничего общего с прежним. Эмилия больше не мыслила категориями дней, недель, месяцев, лет, но лишь мгновениями, рассыпанными словно бы в случайном порядке по календарю прошлого и собранными воедино в ее памяти, чтобы дать откровения, которые, в противном случае, прошли бы незамеченными. И эти отдельные моменты, собранные, словно редкие и драгоценные зерна, образовали знание о тех, кто стал самыми близкими для нее – Хэйко, Ханako и Гэндзи. Были ли их взаимоотношения реальными, или все это – всего лишь вымысел? Хэйко она в последний раз видела шесть лет назад. Ханako

умерла. А Гэндзи... действительно ли он испытывал те чувства, о которых, наполовину страшась, наполовину надеясь, предполагала Эмилия?

Эмилия, – снова позвал Гэндзи.

Его ладонь легла ей на плечо, и Эмилия наконец-то смогла заплакать.

Гэндзи кивнул Хидё.

Хидё забрал тело Ханako у Эмилии, стараясь это сделать как можно мягче. Должно быть, у него получилось, потому что Эмилия, кажется, ничего не заметила. Из глаз ее катились слезы, грудь поднималась и опускалась, но с губ не срывалось ни единого звука. Хидё глубоко сострадал Эмилии. Ханako была ее единственной подругой. Теперь она осталась совершенно одна. Себе же Хидё запретил что-либо чувствовать. Он не думал о своем сыне, в столь юном возрасте лишившемся матери. Он не думал о себе, лишившемся единственного человека, перед которым мог не стыдиться и не прятать ни слабости, ни слез, единственного, на которого мог положиться в любом несчастье, той единственной женщины, рядом с которой рассчитывал прожить до конца своих дней. Он забрал тело Ханako у Эмилии и поклонился Гэндзи.

Господин!.. – произнес один из его людей. Голос его был полон боли.

Что уставились? – грубо произнес Хидё. – Наш господин и госпожа Эмилия под надежной охраной?

Самурай подтянулся и принял более подобающую воину позу.

Да, господин Хидё. И несколько человек не спускают глаз с Саэмона.

Хидё буркнул нечто одобрительное.

Если кто-то из этих предателей еще жив, не убивайте их. Их следует допросить.

Да, господин. Я уже распорядился.

Ну? И почему ты все еще здесь?

Я думал... возможно... – Взгляд самурая метнулся к Ханako.

Я вполне в состоянии самостоятельно управиться с одним трупом, – отрезал Хидё. – Иди.

Самурай поклонился и удалился.

Хидё закрыл Ханako глаза. Веки все еще были теплыми. Хотя небо было ясным, начался дождь. Хидё стер капли с лица Ханako. Его рука была такой шероховатой, мозолистой, загрубелой от жизни самурая... Сколько раз он извинялся перед ней за свою суровость и грубость... Сколько раз она смеялась, брала его за руку и говорила: «Как бы я могла быть нежной, не будь ты суровым? Как я могла бы быть мягкой, не будь ты загрубелым?..»

Тут к Хидё подлетел его заместитель.

Господин Таро еще дышит!

Саэмон смотрел на лежащего Таро и желал ему смерти. Выпущенная им пуля не убила его бывшего союзника наповал. Во всех прочих отношениях его план до сих пор исполнялся безукоризненно. Втянув Таро в заговор, пусть даже и ложный, он лишил Гэндзи одного из самых значительных его вассалов и посеял в клане семена дальнейшего недовольства и подозрений. Полным успехом было бы, если бы Таро убил Эмилию, а Гэндзи убил Таро. Но события развивались так, что Саэмону предоставилась другая, более выгодная возможность. Застрелив Таро в тот самый момент, когда тот уже готов был убить Эмилию, он приобрел благодарность Гэндзи, и, быть может, усиление доверия с его стороны. В том и заключалась суть плана

Саэмона. В затее его отца с Хэйко ошибка заключалась в том, что он попытался приблизить кого-то к Гэндзи, а потом через этого кого-то сделать нечто нужное. Саэмон учел эту ошибку. Единственным человеком, на которого он мог полагаться безоговорочно, был он сам, а значит, он сам должен как можно теснее сблизиться с Гэндзи. Смерть Ханako была дополнительной выгодой, поскольку причинило боль и ослабило ее мужа, Хидё, самого верного из вассалов Гэндзи. Однако же, все его достижения сгинут без следа, если только Таро проживет достаточно долго, чтобы сказать о его причастности к этому делу.

Хидё опустился на колени рядом с Таро.

Кто еще? – спросил он.

На мгновение Саэмону показалось, будто сейчас Таро взглянет на него. Уже одно это стало бы для него приговором. Хидё, всегда относившийся к нему с подозрением, не стал бы дожидаться ни приказа, ни дозволения. Он просто выхватил бы меч и, не сходя с места, снес ему голову с плеч. Но Таро не отвел взгляда от Хидё. А когда он все же заговорил, то произнес всего одно слово.

Самураи.

Это я – самурай, – сказал Хидё. – А ты – предатель. Искупите свое преступление. Скажи, кто еще замешан.

Самураи, – повторил Таро и умер.

Заберите его голову, – велел Хидё своим подчиненным. – Тело оставьте крестьянам – пусть они его сожгут.

Шесть лет назад почти на этом самом месте они с Таро вместе бились против сотен самураев Каваками Липкого Глаза и одержали победу. Теперь же Таро сделался предателем и умер, застреленный Саэмоном, сыном Каваками. В этом ощущалось нечто неправильное. Точнее, все здесь было неправильно.

Я сожалею, что мы не успели вовремя, чтобы спасти госпожу Ханako, – сказал Саэмон.

Мы успели вовремя, чтобы спасти госпожу Эмилию, – отрезал Хидё, – и положить конец предательству. Этого достаточно.

Он поклонился и отошел. Саэмон был замешан в этом деле. Хидё знал это. Но если Саэмон втайне поддерживал античужеземные настроения, почему он защитил Эмилию? И если он причастен к заговору, в котором участвовал Таро, почему он застрелил его? Хидё этого не знал. Зато он знал, что Саэмон – интриган, обожающий все запутывать. Он никогда ничего не делал в открытую, без наворотов. Гэндзи по-прежнему угрожала опасность.

Неприкрытое подозрение Хидё нимало не волновало Саэмона. Он – старший военачальник одного из князей, и это почти что его прямая обязанность – относиться с подозрением ко всем, и в особенности к ближайшим его сотоварищам. По определению, предать может только тот, кому доверяют. Именно по этой причине Саэмон не доверял никому, кроме себя самого. Он не принадлежал к числу самых значительных князей, но изо всех князей лишь он один был защищен от предательства.

Гэндзи тратил массу сил, чтобы добиться хоть какого-то согласия между сёгуном, склонным идти навстречу чужеземцам, и императорским советом, ратующим за их немедленную, поголовную высылку из страны. И в этом деле Саэмон втайне поддерживал Гэндзи. Он также втайне поддерживал Людей Добродетели, которые были исполнены решимости изгнать чужеземцев и уничтожить всех, кто сотрудничал

с ними, будь то простолюдины или знатные господа. Несомненно, это были противоречащие друг другу силы, и они никак не могли преуспеть одновременно. Саэмон намеревался оказаться на стороне победителей; а также он намеревался сделать так, чтобы Гэндзи очутился среди проигравших, вне зависимости от того, какая сторона выиграет. Если победят Люди Добродетели, Гэндзи обречен в любом случае. Если же победят примирители, позиции Гэндзи все равно можно будет рано или поздно подорвать, если заставить традиционалистов поверить, что именно Гэндзи сыграл ведущую роль в подавлении Людей Добродетели. Поскольку многие и так уже презирали его за его непостижимое упорное стремление дать права отверженным, добиться этого будет нетрудно.

Саэмон был человеком терпеливым. Да и к чему спешить? Те, кто слишком рьяно рвутся к своим целям, зачастую на самом деле несутся навстречу своему року.

Гэндзи оставил Эмилию на попечении двух молодых женщин, обитающих в Мусиндо. Они должны будут помочь ей вымыться и заменить окровавленную одежду. Когда он вышел во двор монастыря, Фаррингтон и Смит уже ждали его.

Как там она? – спросил Фаррингтон.

Она цела и невредима, – ответил Гэндзи, – но я не сказал бы, что с ней все в порядке. Ведь буквально только что у нее на глазах убили ее лучшую подругу.

Правильно ли я понял, что убийца был одним из ваших самураев? – спросил Смит. – Кажется, его звали Таро?

Да, Таро.

Но ведь господин Таро был вашим командиром кавалерии! – сказал Фаррингтон.

Да.

Зачем же ему потребовалось убивать госпожу Ханako? – спросил Смит. Он подозревал, что здесь дело было в разладившемся любовном романе. Как бы там самурай ни делал вид, что они пренебрегают женщинами и беззаветно преданы воинской дисциплине, они все-таки мужчины, и, как и все мужчины, подвержены всем мужским страстям и глупостям. Так же, как и он сам. Он так желал Эмилию, что перестал заботиться о скоте, землях и товарах, которые должны были бы приумножить его богатства. Завладев Эмилией, он не приобрел бы ничего, кроме обладания ею. Это совершенно нерационально. Но когда дело касается женщин, мужчины редко ведут себя рационально, а вот наоборот – гораздо чаще.

Он не собирался ее убивать, – сказал Гэндзи. – Он пытался убить Эмилию. А Ханako ему помешала.

Эмилию?! – спросил Фаррингтон. – Но почему?!

Античужеземные настроения очень сильны, – сказал Гэндзи. – Они повлияли даже на некоторых из самых надежных моих вассалов.

Фаррингтону это объяснение показалось совершенно неудовлетворительным. С тех пор, как коммодор Перри больше десяти лет назад заново открыл Японию для иностранцев, проживающие в Японии европейцы не раз страдали от нападений и убийств. Но никогда еще их жертвой не становилась женщина. Японцы, с их воинским чванством, сочли бы подобную выходку еще более прискорбной, чем европейцы. Чтобы высокопоставленный самурай, военачальник, унился до убийства беззащитной чужеземной женщины по политическим причинам – такое просто невозможно было вообразить. А Эмилия была не просто чужеземкой – она находилась под покровительством и защитой того самого князя, которому Таро служил. И как бы

ужасна ни была названная Гэндзи причина, похоже, правда была еще отвратительнее.

Лишь прямой приказ своего князя мог бы заставить Таро совершить подобное преступление, граничащее с бесчестьем. Должно быть, вся эта поездка в замок «Воробьиная туча» была частью хитроумного плана, нацеленного на то, чтобы заманить Эмилию сюда, где ее не увидит никто из иностранцев, и здесь ее убить. А из этого неизбежно вытекал вопрос: почему вдруг Гэндзи мог пожелать подобного исхода? И предполагаемые причины, способные привести к такому решению, были до крайности гнусны. Да, Эмилия была невинна, и не осознавала, насколько она беззащитна, пока живет у своего деспотичного покровителя – но нельзя было сбрасывать со счетов и тот вариант, что она могла невольно сделаться его жертвой. Неужели он уже опоздал, не успев спасти ее от участи худшей, чем смерть? И если это так, что же ему делать теперь?

Некоторые люди на Западе считают, что самураи – это японское рыцарство, – сказал Смит. – Если это и вправду так, то ваш кодекс чести не таков, каким ему следовало бы быть.

Гэндзи поклонился.

С вашим утверждением трудно не согласиться.

Женщины, помогавшие Эмилии, вышли из комнаты. Они поклонились Гэндзи и ушли, унося окровавленную одежду.

Джентльмены, могу ли я попросить вас задержаться здесь и подождать Эмилию? Мне кажется, когда она достаточно оправится от потрясения, чтобы принять чье-то общество, ей будет приятно увидеть рядом своих соотечественников.

Конечно, сэр, – отозвался Смит.

Фаррингтон лишь молча поклонился. Он пытался понять: зачем Гэндзи потребовалось брать с собой его со Смитом? Он хотел, чтобы они оказались свидетелями? Если да, то с какой целью? Чтобы они могли впоследствии засвидетельствовать, что Гэндзи сделал все, что было в его силах, чтобы спасти Эмилию, но, к несчастью, потерпел неудачу? Храбрость Ханакко, принявшейся защищать подругу, сорвала этот замысел. Значит ли это, что теперь им троим – Эмилии, Смиту и ему самому – угрожает опасность?

Может, заключим временное перемирие? – предложил Смит.

Давайте. – Фаррингтон протянул руку, и Смит ее пожал. – Давайте приложим все силы к тому, чтобы облегчить страдания Эмилии.

Он задумался – не поделиться ли со Смитом своими опасениями насчет возможной опасности? – но потом решил этого не делать. Слишком уж много объяснений потребуется, а объяснения могут быстро привести на очень неудобные размышления.

Гэндзи отправился искать Кими. Он обнаружил ее в огороде. Они вместе с Горо рыхлили землю под сев. Работая, они не то чтобы разговаривали в обычном смысле этого слова, – они обменивались словами, которые, похоже, позволяли им общаться между собой, точно так же, как обычным людям позволяет общаться беседа или совместное пение во время праздника.

Кими.

Горо.

Кими.

Горо.

Они были настолько поглощены работой, что не заметили его появления.

Кими.

Горо.

Кими, – позвал Гэндзи.

Господин Гэндзи! – воскликнула Кими.

Она рухнула на колени и уткнулась лицом в грязь. Горо последовал ее примеру, в точности повторив движения Кими, только вместо имени князя произнес ее имя.

Кими.

Тс-с-с!

Поразительная все-таки страна Япония. Даже идиот, и тот старается вести себя как можно лучше при встрече с князем. Гэндзи не знал, плакать ему или смеяться.

Вы с Горо оказали мне большую услугу. Я благодарен вам за это.

Заслышав свое имя, Горо приподнял голову ровно настолько, чтобы взглянуть на Гэндзи.

Кими, – сказал он.

Кими быстренько схватила Горо за руки и приложила его ладони к его же рту.

Вот так их и держи, и помалкивай, – велела она. Затем она снова поклонилась Гэндзи и сказала: – Простите, господин князь. Он старается, но ему это трудно.

Не так уж сложно закрыть глаза на незначительные нарушения приличий со стороны того, кто помог спасти жизнь твоему другу.

Спасибо, господин князь.

Я знаю, почему он это сделал. Потому, что ты ему сказала так сделать. Но почему ты решилась рискнуть жизнью?

Кими подняла голову, но ничего не сказала.

Пожалуйста, объясни. Я не стану сердиться, какова бы ни была причина.

Люди говорят, будто вы умеете видеть будущее, – неохотно произнесла Кими.

И ты в это веришь?

А это дозволено? – еле слышно поинтересовалась Кими.

Япония – страна, в которой существует множество уровней для всего, даже для верований. Точно так же, как крестьяне даже и не мечтают о том, чтобы оказаться рядом с сёгуном или императором, так же они даже и не думают о некоторых верованиях. Многие из них, и в том числе жители деревни Яманака, были последователями Хонена и Синрана, объяснявших на простом и понятном языке про путь Будды Амида и тропу, ведущую в Сухавати, Чистую землю. Господа наподобие Гэндзи были последователями дзенских патриархов, без слов указывающих путь, что ведет дальше будд, путь, непостижимый для простых крестьян и рядовых горожан. Кто его знает – а вдруг верить в провидческие способности князя Гэндзи дозволяется только самураям и знатным господам? Кими попыталась унять дрожь, но не преуспела.

Гэндзи рассмеялся. В смехе его не было ни насмешки, ни жестокости. Кажется, ее вопрос просто развеселил князя.

Кими, твоя голова – это твоя голова. Ты можешь верить во все, во что только пожелаешь. Впрочем, должен тебя предупредить: можно верить и во что-нибудь получше моих провидческих способностей. Видеть будущее – это не совсем то, что об этом думают люди.

Так значит, он и вправду обладает такими силами! Он же почти в открытую об этом сказал! Кими охватило такое возбуждение, что она готова была скакать от радости. До чего же им всем повезло! Все вокруг так неопределенно, а их князь

способен видеть грядущее! Ну, строго говоря, князь Гэндзи – не их князь. Княжеством Ямакава правит князь Хиромицу. Но монастырь Мусиндо вот уже шестьсот лет был аванпостом клана князя Гэндзи, а князь Хиромицу во всем прислушивается к князю Гэндзи, так что на самом деле Гэндзи все-таки приходится им князем, хоть официально им и не считается.

Спасибо, господин князь, – сказала Кими.

Твои благодарности преждевременны. Я еще не вознаградил тебя. И совершенно не обязательно называть меня одновременно и господином, и князем. Достаточно чего-то одного.

Да, господин. Благодарю вас. Но меня совершенно не обязательно награждать.

И тем не менее, ты получишь награду.

Да, господин. Спасибо, господин.

Итак, чего ты желаешь?

Господин?

Твоя награда. Я уже даровал тебе ее. Теперь назови ее.

Кими снова бросило в дрожь. Самой назвать собственную награду! Да разве она осмелится? Но разве она может отказаться? Самой называть награду – значит, выказывать жадность, которая наверняка повлечет за собой заслуженное наказание. Кто она такая, чтобы от жадности злоупотреблять великодушием князя?

Но не назвать ее – значит, не подчиниться повелению князя, а такое дерзкое неповиновение заслуживает смерти, причем не только для нее самой, но и для всех ее родственников, а может даже и для всей деревни.

Может, ей попросить какое-нибудь небольшое вознаграждение? Но и это с легкостью может привести к точно такому же исходу – к смерти! Просить слишком мало означает оскорблять достоинство князя. Неужто она думает, будто он не в состоянии богато вознаградить ее?

Кими так трясло, что ей трудно было дышать. Что за злосчастная судьба – родиться среди крестьян! И насколько же ужаснее стать той, кто привлекла внимание господина. Порадуешь ты его или разгневаешь, результат один. Гибель. Кими начала мысленно твердить молитву. Пускай, когда ее обезглавят, Будда Амида сразу же примет ее в свою Чистую землю. Она даже не поняла, что читает молитву вслух, пока Гэндзи не заговорил.

Наму Амида Буцу, – сказал он, повторяя ее слова. – Ты просишь подсказки у Будды Амида?

Господин! – только и смогла сказать Кими.

Возможно, так нам придется подождать некоторое время. По своему опыту я могу сказать, что боги и будды редко спешат ответить тем, кто в них верует. Ты по натуре своей религиозна?

Господин...

Хотя да, конечно, – сказал Гэндзи, – иначе ты бы не стала самостоятельно восстанавливать этот монастырь.

Он умолк надолго – так надолго, что Кими в конце концов осмелела настолько, что подняла голову от земли. Князь задумчиво взирал на отстроенное жилое крыло.

У меня к тебе предложение, – сказал Гэндзи. – Давай ты станешь настоятельницей этого монастыря? Я позабочусь, чтобы тебе выделили все необходимые средства и работников, чтобы ускорить его восстановление. Таким образом, Мусиндо делается из мужского монастыря женским.

А так можно, господин? – Кими боялась противоречить князю, но она боялась и гнева мистических покровителей святого места. – Разве для этого не нужно распоряжения главного настоятеля ордена Мусиндо?

Гэндзи улыбнулся.

Главный настоятель – я, по наследственному праву, полученному от моего предка, основавшего этот монастырь. И изначально он был именно женским, а не мужским. Это изменилось только при старом настоятеле Дзенгене. Я лишь восстанавливаю прежний порядок вещей, преподобная настоятельница.

Господин, но я ничего не знаю об учении Мусиндо!

Я вовсе не уверен, то там особо есть чего знать. Эта секта всегда была неприметной, без четкого учения. Когда просветленный монах Токукен спустится с гор, можешь попросить его об наставничестве. А до тех пор я своей властью позволяю тебе исповедовать нембуцу, или то, что ты сочтешь уместным.

Но если Мусиндо станет женским монастырем, он будет только для женщин? – спросила Кими.

Да. – Князь взглянул на Горо. – А, понял. Можно построить снаружи, у самой стены, хижину для привратника, и тогда твой помощник сможет и дальше жить здесь.

Благодарю вас, господин Гэндзи! – отозвалась Кими. У нее камень с души свалился. Очевидно, князь не только видит будущее, но и умеет читать мысли. Теперь Горо, Кими и остальные девушки-беглянки обрели дом, который по праву могут назвать своим. Никто не посмеет побеспокоить их. Они находятся под покровительством князя Акаоки.

Пожалуйста, преподобная настоятельница, – сказал Гэндзи, опускаясь на колени и кланяясь Кими, как будто она и вправду была настоящей настоятельницей. – Не забудьте свериться со священными текстами и выбрать себе подобающее монашеское имя. Тот, кто вступает на путь Будды, рождается заново.

Да, господин. Обязательно.

Хорошо.

Кими долго сидела, согнувшись в поклоне. Когда же она наконец подняла голову, князь Гэндзи уже ушел. От волнения Кими позабыла сказать ему про свиток.

Две недели назад, собирая пули на поле под стенами монастыря, Кими случайно наткнулась на большой камень, неплотно лежавший в земле. Это был один из четырех камней, некогда служивших фундаментом для давно исчезнувшей постройки. Свиток лежал под камнем, в провощенном ящичке, защищавшем его на протяжении многих лет, а может даже и столетий. Кими заглянула в ящичек и обнаружила там свиток, но в сам свиток заглядывать не стала. Да, она была любопытна – но при этом она была неграмотна, потому ей не было никакого смысла туда заглядывать. Кими собиралась отдать свиток госпоже Ханako, но госпожа Ханako умерла. Она не смогла отдать свиток князю Гэндзи раньше, потому что там присутствовал еще один князь, Кими никогда прежде не видела этого князя и не решилась что-либо показывать при нем. В его поведении, в движении глаз, в улыбке было что-то такое, что напомнило Кими жаб, которые в сезон дождей прячутся в грязи, так, что наружу торчат только глаза, и подкарауливают насекомых.

А теперь уже было поздно отдавать свиток Гэндзи. Он вернулся к своим самураям, а они непременно спросят, чего ей надо от князя, а если она им скажет, возможно, это будет дурно. Вдруг там что-нибудь тайное, о чем следует знать только князю Гэндзи? Если господин Таро предал его, можно ли поручиться за остальных

самураев? Нет, теперь она настоятельница, и будет действовать осторожно и благоразумно. Она дождетя благоприятного момента и передаст свиток Гэндзи из рук в руки.

Тут Кими услышала рядом приглушенный голос. Горо так и продолжал зажимать рот ладонями.

Горо, можешь уже опустить руки.

Кими, – сказал Горо.

Горо, – сказала Кими.

Кими.

Горо.

Кими.

Сан-Франциско

Японская община Сан-Франциско была очень маленькой, просто по пальцам сосчитать, потому когда двое новоприбывших, приплывших на корабле, вырядились простолюдинами, это заметили все. Новоприбывшие не были ни торговцами, ни учеными, ни крестьянами. На них просто написано было, что они самураи, невзирая на все их усилия подражать западной манере одеваться и на отсутствие двух мечей, которые здесь, в Америке, они все равно не могли бы носить в открытую.

Мистеру Старку, представителю Гэндзи, князя Акаоки, в Сан-Франциско тут же было доложено, что двое приплывших японцев – самураи, и что они усердно спрашивают про госпожу Хэйко, малыша Макото и самого мистера Старка. Конечно же, доложили об этом не самому мистеру Старку непосредственно, поскольку он не говорил по-японски. Как обычно, сообщение приняла миссис Старк. Она поблагодарила тех, кто принес ей известия, и вручила им вознаграждение, хоть они и уверяли ее, что в этом совершенно нет необходимости. Они были счастливы услужить князю Гэндзи, который, хотя и не присутствовал здесь, благодаря своему представителю был ближайшим к ним князем. Америка – не Япония, и здесь, в Калифорнии, они совершенно не были обязаны служить кому бы то ни было из князей. Однако же, благоразумнее было следовать традиционным нормам поведения, пока не станет окончательно ясно, что в этом более нет необходимости. У каждого имелся хотя бы один знакомый, преждевременно уверовавший в наступление новой эпохи, не выказавший достаточно почтения тому, кому следовало бы, и в результате распростившийся с головой. Правда, в Америке ничего подобного не происходило, но к чему рисковать без нужды?

Через неделю новоприбывшие исчезли. Все подумали, что они двинулись через континент по недавно достроенной трансконтинентальной железной дороге, или уплыли на север или на юг, в Канаду, в Мексику или куда-нибудь еще.

По воле случая, в то же самое время на берег Сан-Францисского залива выбросило два тела. Точнее, то, что по виду напоминало останки двух тел. То, что не доели акулы, истрепало море, а недостача различных частей тел не позволяла определить, что же послужило причиной смерти. Гробовщик, нанятый городом как раз для подобных случаев, только и смог сказать, что тел, похоже, было все-таки два, поскольку ноги и одна рука не совпадали с сохранившейся частью торса – разве что тут имело место настолько странная несоразмерность, что этого человека было бы в пору показывать в цирке. Кроме того, он с некоторой степенью уверенности

утверждал, что оба тела, если только их действительно было два, принадлежали мужчинам, либо женщинам с очень мужеподобной внешностью. Все прочее относилось к разряду чистых домыслов. Гробовщик предположил, что покойники были либо мексиканцами, либо китайцами, либо индейцами, или, может даже, ирландцами, или неграми, или немцами – но точно не гавайцами. Гробовщик только раз в жизни имел дело с гавайцем – тот умер от множества выпущенных в него пуль, множественных колотых ран и ударов дубинкой (это стряслось в одной из городских гостиниц лет шесть назад), – и предположил, что гавайцы все такие – в смысле, редкостные здоровяки. Сохранившиеся же останки были недостаточно велики, чтобы принадлежать гавайцам. В этом он, в отличие от всего прочего, был уверен.

Учитывая состояние трупов и то, что гробовщик, как обычно, был навеселе, сказать что-либо точнее не представлялось возможным.

1882 год, монастырь Мусиндо

Горо, – сказала преподобная настоятельница Дзинтоку.

Она открыла глаза. Ее вывел из медитации не звон храмового колокола, а ее собственный голос, донесшийся из глубин памяти.

Остальные монахини, находящиеся в зале, продолжали сидеть недвижно и безмолвно. Они по себе знали, что следование сострадательному водительство Будды позволяет подавленным переживаниям и чувствам выйти на поверхность. Во время медитации нередко раздавались отдельные слова, так же как всхлипы, смех или даже похрапывание – со стороны тех, кто позволил вниманию рассеяться. Если требовалось какое-то воздействие, дежурная монахиня, вооруженная палкой, заботилась о том, чтобы сознательное бытие вернулось туда, где ему полагалось находиться.

Настоятельница почтительно поклонилась алтарю, затем – своим спутницам на Пути. Она мысленно поблагодарила Будду и божеств-хранителей храма за то, что те даровали ей покой во время медитации. Затем она покинула зал. Ночь уже почти прошла. Небо на востоке начало светлеть. Настоятельница поклонилась, благодаря за ниспосланный новый день.

Много лет назад, когда здесь были здесь руины, госпожа Эмилия сказала, что Мусиндо был женским монастырем, и вот здесь снова женский монастырь. Как летят годы!

Вот только что, казалось, было «тогда».

Один вздох – и уже «сейчас».

Когда преподобная настоятельница двинулась через двор, начал накрапывать дождик.

Токио

Макото Старк сидел на подоконнике и скручивал папиросу. Он находился на четвертом, самом верхнем этаже гостиницы, большого и по большей части не занятого здания, расположенного в районе Цукудзи, отведенном для иностранцев. Из окна его комнаты видны были тяжелые серые тучи, нависшие над горами, что ограничивали с северо-запада равнину Канто. Если чувство направления не обманывало его, в Мусиндо сейчас шел дождь. Свернув папиросу, Макото сунул ее в рот, так, чтобы она небрежно свисала – как у задир-ковбоев Дикого Запада, о которых он читал в детстве в

дешевых десятицентовых романчиках.

Чего он ожидал от этой поездки в Мусиндо? Он надеялся на какой-то иной результат, а то, что он получил, принесло лишь новое разочарование и путаницу. Быть может, и не было ничего особенного в том, что история сражения, как ее рассказывали мать и Мэттью Старк, отличалась от той, которую рассказывали монахи. Но все несоответствия, все расхождения теперь приобрели для него несоразмерно большое значение. Он приехал в Японию, чтобы выяснить одну-единственную истину – о своем происхождении, – и теперь опасался, что одной истины ему окажется недостаточно.

Макото вышел из гостиницы – папироса по-прежнему небрежно свисала из уголка рта, – и отправился прогуляться по Цукидзи. Просто не верилось, что чуть больше дюжины лет назад, когда императорская столица Токио еще была столицей сёгунов, Эдо, в этом самом районе располагались дворцы даймё, японских крупных феодалов, правивших Японией на протяжении тысячи лет. Теперь все эти дворцы исчезли, сменившись этой самой гостиницей, разнообразными магазинами и всяческими заведениями, обслуживающими иностранцев. Во всяком случае, таков был изначальный замысел. Но иностранцы не хлынули сюда потоком, как на то рассчитывало новое правительство. Они по-прежнему предпочитали Йокогаму, порт, расположенный в двадцати милях западнее: там было больше комфорта, и общество было приятнее. Цукидзи был почти безлюден, и по сравнению с прочими районами города, кишашими людьми, производил жутковатое впечатление. Полицейский в воротах, одетый на европейский лад, поклонился выходящему Макото. Он стоял здесь не затем, чтобы помешать обычному японцу войти в Цукидзи, но, несомненно, его присутствие не придавало храбрости желающим войти.

Во время плавания через Тихий океан Макото сперва думал лишь о Гэндзи Окумити и о том, он ли его отец, а если да, то почему он его оставил. Но каким бы быстроходным ни был пароход, плавание все-таки измерялось неделями. А подобную сосредоточенность на одной мысли могли поддерживать лишь гнев и горечь. Время же действовало благотворно. Равно как и чистый морской воздух, очищающее чередование яркого солнца и дождей, бескрайний океанский простор, жизненный ритм самого корабля. К собственному удивлению, Макото обнаружил, что начинает смотреть в будущее с большим оптимизмом. Нет, не в плане предполагаемой реакции Гэндзи. Он отверг Макото двадцать лет назад и продолжал его отвергать по сей день. С чего бы вдруг ему менять свое отношение лишь потому, что Макото явится к нему собственной персоной?

Просыпающиеся в его душе надежды были связаны не с Гэндзи, а с самой Японией.

Сколько Макото себя помнил, он всегда пользовался массой преимуществ, предоставляемых богатством и политическим весом, которыми располагала его семья. Он никогда не оставался без защиты преданных телохранителей и опеки заботливых слуг. Везде, куда бы он ни приходил, его встречали с предельным почтением. Он общался исключительно с людьми своего круга – ну и, конечно, в детстве еще с детьми всех домочадцев, включая слуг. В этом он ничем не отличался от прочих избранных, составляющих элиту Сан-Франциско. В детстве Макото думал, что он вообще ничем от них не отличается. То, что это не так, стало ясно лишь после того, как на смену детству пришла юность – как то словно бы в одночасье, – и игры детских праздников сменились танцами и флиртом. И теперь его бывшие друзья – и в особенности подруги, даже те, с которыми он был знаком всю жизнь, – стали

относиться к нему сдержанно и отстраненно. Макото не нужно было объяснять причину. Он знал ее и так. В конце концов, ему не нужно было далеко за ней ходить. Он видел ее каждый день – в зеркале.

Макото решил, что просто не станет об этом думать. Однако, осознание всегда было рядом. И это стало особенно ясно в тот краткий, волнующий и трагически завершившийся период его жизни, когда он изображал из себя Чайнатаунского Бандита. Он испытывал странное, приятное возбуждение всякий раз, когда сыпал проклятиями, подделываясь под китайский выговор, угрожающе размахивал китайским мясницким ножом и видел страх в глазах людей, принимавших его за того, кем он не был – за буйного, одурманенного опиумом китайского кули, от которого можно ожидать чего угодно. И это были те самые люди, которые предпочитали умалять его существование лишь потому, что не могли принять его, Макото, таким, какой он есть. Ну и прекрасно. Пускай боятся того, что он изображает, и даже не знают, что того, чего они страшатся, не существует.

Но удовлетворение, приносимое этими странными, запутанными чувствами, не могло длиться долго. Эта жестокая помесь шуток и мести скорее подчеркивала, чем уменьшала его изолированность. Да, это было классное развлечение – но ведь он не мог продолжать играть в Чайнатаунского Бандита вечно. Макото никак не мог прийти ни к какому решению, но тут его криминальный фарс обнаружил Мэттью Старк и мгновенно все пресек. То, что вслед за этим Макото очутился на борту парохода, отплывающего в Японию, было чистой воды случайностью. Он вообще-то собирался в Мексику – тамошние девушки часто принимали его за богатого метиса и не относились к нему с презрением, – но шлюп «Гавайский тростник» ушел ровно в тот момент, когда Макото добрался до порта. А ему нужно было убраться как можно скорее, неважно куда.

За время путешествия ужас перед смертями, оставшимися позади, утратил свою остроту, а гнев на человека, которого он не знал, принялся утихать. Макото принялся вспоминать истории о Японии, которые на протяжении всей своей жизни слышал от Мэттью Старка, от матери, от слуг, от гостей из княжества Акаока и из Токио. Они описывали общество, основанное на старинных традициях, верности, порядке, и, что сильнее всего бросалось в глаза, на устоявшейся и нерушимой иерархии, в которой каждый знал свое место. Макото начал думать: раз он не чувствовал себя в Калифорнии дома – может, это потому, что настоящий его дом не там? Когда корабль наконец-то встал у пристани Йокогамы, его надежда переросла в ожидание.

Но то, что он обнаружил в Токио, напомнило ему его прошлогоднюю поездку в Монтану. По настоянию Мэттью Старка Макото посетил канадские шахты, принадлежавшие компании «Красный Холм». Там он решил воспользоваться случаем и посетить резервации сиу и шайенов, расположенных южнее канадской границы, раз уж он все равно оказался рядом с ними. Ощущение опасности вызывало у него дрожь возбуждения. Он читал множество романов о Диком Западе, в которых прославлялись храбрые ковбои и доблестные индейцы. Схватка Кастера с Бешеным Конем и Сидящим Быком на Малом Биг-Хорне состоялась всего шесть лет назад. И каково же было разочарование Макото, когда он увидел безоружных, скверно одетых, зачастую больших индейцев, слоняющихся по грязной резервации. Ни тебе боевых коней, ни боевой раскраски, ни головных уборов из перьев орла. Ни свирепости. У Макото просто в голове не укладывалось, что это те же самые люди, которые уничтожили прославленный Седьмой кавалерийский полк. И это они недавно заставили трепетать

всю Америку?

Вот и здесь он ощутил то же самое разочарование.

Никто не носил ни самурайских причесок, ни двух мечей за поясом. Единственными мечами, попавшимися на глаза Макото, были сабли европейского типа, висевшие на поясе у офицеров, которые и сами были облачены в форму европейского образца. Да, большинство местных жителей носили кимоно, и иногда довольно изукрашенные, в особенности женщины. Но при этом почти на каждом можно было увидеть ту или иную деталь западной одежды; чаще всего это были шляпы, ботинки, туфли, пояса или перчатки. Многие женщины носили зонтики. Смотрелась эта смесь странно. Если не знать, кто он такой, так Макото на вид почти ничем и не отличался от местных жителей. Казалось, будто вся страна теперь не знает, кто они такие. По крайней мере, именно так они одевались. Япония, о которой Макото слышал всю свою жизнь, оказалась такой же нереальной, как и Дикий Запад детских книг.

Макото резко развернулся и отправился обратно в гостиницу. Гэндзи сменил свой старый дворец «Тихий журавль» на новый, построенный за Токио, на берегу реки Тама. Макото решил, что не станет более медлить. Он спросил у дежурного портье, как туда добраться.

Попасть в поместье князя Гэндзи нелегко, – предупредил его портье. – На самом деле, там особо и нечего смотреть. Может, вы лучше посетите императорский дворец? Конечно же, вы не сможете войти внутрь, но он и снаружи являет собою великолепное зрелище.

Князь Гэндзи? – переспросил Макото. – А я думал, что княжества упразднены, а вместе с ними и князья.

Да, княжества были упразднены, но некоторые из князей стали пэрами империи, и по отношению к ним по-прежнему употребляется почетный титул. Кроме того, некоторые из них были назначены губернаторами провинций в свои бывшие княжества. И князь Гэндзи, конечно же, входит в их число, поскольку он сыграл видную роль в деле восстановления власти его императорского величества.

Итак, князей больше нет, – сказал Макото, – и княжества были упразднены. Но князь Гэндзи – по-прежнему князь, и по-прежнему правит своим княжеством, только теперь оно называется провинцией.

Да, – кивнул клерк. – Япония очень быстро модернизируется. При таких темпах мы полностью догоним чужеземцев к началу следующего столетия.

Несомненно, – сказал Макото. – Но я хочу попасть в поместье не ради экскурсии, а чтобы встретиться с князем Гэндзи.

Портье взглянул на Макото с сомнением.

Это может оказаться непросто. Да и кроме того, князь сейчас не в своем поместье на реке Тама, а в провинции Мурото, в замке «Воробьиная туча».

Насколько я понимаю, провинция Мурото – это нынешнее название княжества Акаока.

Да.

А замок «Воробьиная туча» так и остается замком «Воробьиная туча»?

Да.

Как утешительно знать, – сказал Макото, – что на свете есть хоть что-то незименное.

ГЛАВА 9

Яблочный князь

Молодой князь спросил:

Где найти мне слова, чтобы выразить то, что я ощущаю в сердце своем?

Самые сокровенные чувства невозможно выразить словами. На них можно лишь намекнуть.

Тогда это безнадежно, – сказал молодой князь. – Никто не поймет меня, и я никого не пойму.

Это не так. Самые близкие лучше всего поймут тебя по тому, о чем ты умолчишь, и точно так же поймешь их ты.

“Аки-но хаси”. (1311)

1867 год, замок “Воробьиная туча”

Смит выехал из замка, пустив лошадь кентером и не натягивая поводья. Ему было все равно, куда ехать. Конь вынес его на берег и остановился мордой к океану, в точности в сторону Гаваев. Смит отметил это совпадение, но в голове у него не промелькнуло ни единой мысли о доме. Они были заняты другим, более неотложным делом. Постояв так немного, он легонько стукнул коня пятками по бокам, посылая его вперед. Конь отвернулся от воды и зарысил вглубь берега, вверх по склону, а потом вдруг остановился, шумно принохиваясь.

Смит тоже уловил этот запах. Запах был ему незнаком. Выросший в плодородных тропиках, Смит с легкостью различал по аромату разные фрукты, в особенности манго, гуаву и папайю, к которым питал слабость. Тут же было нечто иное, но, несомненно, пахло какими-то фруктами. Это Смит мог сказать твердо, но не благодаря остроте обоняния, а просто потому, что он увидел внизу, в лощине небольшой сад примерно из сотни деревьев. Он двинулся вниз, чтобы рассмотреть этот сад получше.

Яблоки. Он когда-то пробовал одно в Виргинии; это был подарок, привезенный из Новой Англии кузеном, с которым он никогда прежде не встречался.

“Нью-йоркцы заявляют, будто их яблоки самые лучшие, – сказал кузен, – но я ручаюсь, что с вермонтскими яблоками не сравнится ничто. Вот, держи, кузен Чарльз. Попробуй-ка его”.

Смит попробовал, и ему потребовалось все его самообладание, чтобы изобразить удовольствие и не выплюнуть откушенный кусок. Яблоко не было сочным, мягким, упругим, как плоды Гавайев, к которым он привык. Кузен обещал, что яблоко будет сладким и сочным. С точки зрения Смита, куда справедливее было бы назвать его кислым, да и по сочности ему было далеко до спелого манго. Сочным его можно было бы назвать разве что по сравнению с сушеным фруктом. Возможно, ему вполне успешно удалось скрыть свое потрясение, но вот изобразить энтузиазм ему так и не удалось.

Ты слишком долго пробыл в этих языческих тропиках, сказал кузен. Хорошо, что ты приехал к Вильяму и Мэри, пока твои вкусы и взгляды не выродились

окончательно.

Смит вернулся на Гавайи еще до Рождества. Он сказал родителям, что не смог выдержать холодную и мрачную виргинскую зиму. На самом же деле у него больше не хватало терпения выслушивать пустую болтовню и устарелые взгляды, которыми его непрестанно пичкали в колледже. Его дед не просто выжил, но и благоденствовал при короле Камеамеа Первом, невзирая на их религиозные разногласия. Его отец, упокой Господи его душу, помогал Камеамеа Четвертому сохранять целостность его государства перед лицом хищнических замыслов европейских империалистов. Разве мог внук и сын столь деятельных людей проводить лучшие годы молодости в захолустном Вильямбурге и растрачивать их на болтовню вместо действий?

Пока Смит сидел там, он прочел – ну, по крайней мере в основном прочел – “Оливера Твиста”, “Повесть о двух городах” и “Большие надежды”, поскольку утверждали, что Диккенс – величайший англоязычный писатель современности. Смиуту он показался занимательным, но не более того; ни особо глубоких мыслей, ни вкуса, ни даже стиля он в этих книгах не углядел. И ему не показалось, что этот англичанин способен проникать в суть вещей. В этом отношении Смит куда выше ставил Джейн Остин, хотя никогда бы не сказал во всеуслышание, что женщина в чем-то превзошла мужчину. По правде говоря, он вообще никогда никому не признавался, что читал ее книги, пока не заговорил об этом с князем Гэндзи.

“Женщины лучше понимают суть поединка, чем мужчины, – сказал тогда Гэндзи. – Первый японский роман написала женщина. И я полагаю, что еще ни один мужчина не сравнялся с ней в наблюдательности”.

Смит же сказал: “Вот уж где-где, а в Японии я не ожидал, чтобы мужчина отдал первое место женщине. Разве ваша власть здесь не абсолютна? Мне казалось, здесь слово мужчины – закон”.

“Властвование и достоинства – не одно и то же, – сказал Гэндзи. – Мужчины правят Японией, опираясь на силу своих мечей, а не на силу своих достоинств”.

Смит читал – ну, точнее говоря, просматривал – основные положения Гибсоновского “Заката и падения”. История вторжения варваров была интересной, а повествование об императрице Феодоре – очень поучительным. Оно показывало, что женщин недооценивать нельзя, а сбрасывать со счетов их жажду мести – и по-прежнему. Впрочем, Смит не видел, чем история падения Рима может быть полезна лично для него.

Он никогда не читал ни Аристотеля, ни Платона в оригинале, и не собирался. На самом деле, даже если бы он и собрался, то не смог бы, поскольку греческого не знал. Впрочем, он не собирался читать их и по-английски. Строить из себя, подобно другим, эдакого американского афинянина? Смит отказывался участвовать в подобной глупости.

В последний свой вечер в университете он понаблюдал, как невежественные студенты последних курсов устроили претенциозное обсуждение “Признаний” де Квинсея, и твердо решил немедленно завязать с этим бесполезным времяпровождением. В мире множество возможностей и опасностей. И он не желает больше терять ни единого дня, рискуя потерять первые или прячасть от вторых.

Вспоминая о тех днях, Смит всегда испытывал странное чувство, в котором облегчение мешалось с сожалением. Через год с небольшим после его отъезда Южная Каролина первой из южных штатов объявила о выходе из Союза, а следующим летом армия Союза вторглась в Виргинию. Останься он тогда в колледже, у него появилась

бы возможность пойти в армию. А так он очутился на Гавайях, и родители наотрез отказались разрешить ему вернуться. Он был единственным сыном при пяти дочерях. Он рисковал бы не только собственной жизнью, но и продолжением рода. А потому он остался дома и пропустил величайшее приключение своего времени. Кроме того, ему не удалось поприсутствовать при убиении шестисот тысяч человек, одним из которых он вполне мог стать. Экая, однако, ирония судьбы: если бы он попал в армию, то сражался бы под одними знаменами с лейтенантом Фаррингтоном. Да, семейство Смита впроисходило из Джорджии, но при этом они были убежденными аболиционистами. Все люди – дети Божьи, и равны в его глазах. Так как же может один человек владеть другим?

Конечно же, Смит никогда бы не сказал Фаррингтону об этом. Видимость полного противостояния лучше соответствовала тем взаимоотношениям, что сложились между ними из-за их соперничества за руку Эмилии Гибсон. И именно мысли о странном обороте, которое это соперничество приняло теперь, тяготили Смита.

Поведение Фаррингтона по отношению к Эмилии изменилось, не по внешним проявлениям, а по сути. Лейтенант делал вид, будто все осталось как прежде, но он перестал ухаживать за Эмилией всерьез. Если другие этого и не замечали – а похоже, что так оно и было, – то для Смита это было очевидным. После того печального происшествия у монастыря Мусиндо все рвение Фаррингтона куда-то подевалось.

Почему?

Похоже, один момент произвел на Фаррингтона особенно сильное впечатление. Смит помнил, какой ужас отразился на его лице, когда Гэндзи прямо заявил, что мишенью убийцы была Эмилия, а не Ханako, жена генерала Хидё. И то, что убийца оказался одним из самых доверенных подчиненных князя Гэндзи, похоже, усилило ужас Фаррингтона. Какой же вывод сделал лейтенант из этого сочетания фактов и предположений, что вся его пылкая любовь мгновенно испарилась?

Нет, дело было не в страхе. Смит достаточно хорошо знал Фаррингтона, чтобы сразу отмести этот вариант, невзирая на то, что сам постоянно норовил подколоть лейтенанта за его предполагаемую трусость во время войны. Но если дело не касалось мужества, значит, оно касалось чести. Что еще могло бы обеспокоить джентльмена? При других обстоятельствах недостатком могло бы стать полное отсутствие родни и какого-либо наследства у Эмилии, поскольку получалось бы, что она не принесет в семью приданного. Для Смита это не имело ни малейшего значения. Возможно, имело бы для Фаррингтона. Но поскольку ее знатный покровитель наверняка преподнес бы ей к свадьбе щедрые дары, этот недостаток был скорее умозрительным, чем действительным.

Но какая же деталь, задевающая честь, была настолько очевидна для Фаррингтона, и почему он, Смит, не мог ее разглядеть?

Вероятно, ответ следует искать в ходе мыслей Фаррингтона.

Мишенью убийцы была Эмилия.

Убийцей был генерал Таро, до этого момента – беззаветно преданный князю Гэндзи командир его кавалерии.

Следовательно...

Следовательно что?

Смит не мог проследить дальнейшего хода размышлений Фаррингтона. Даже если мишенью Таро действительно была Эмилия, каким образом это оттолкнуло

Фаррингтона? Уж скорее тут должен бы был выйти на первый план его инстинкт защитника, особенно заметный в человеке военном.

Предательство со стороны ранее верного вассала тоже не было разумным основанием. В последнее время убийства сделались до печального обычны, и в большинстве случаев убийцей оказывался кто-либо из вассалов жертвы. Понятие верности в Японии сделалось опасно запутанным.

Все это смущало Смита и лишало его самообладания. Если он победит Фаррингтона – это одно. Если же тот отступит сам, добровольно – это уже совсем другое. Сегодня они обедают вместе. Возможно, он сможет подметить что-нибудь, что поможет разгадать эту загадку.

Смит повернул коня к замку.

Эмилия стояла у восточного окна башни и смотрела на Тихий океан. Сегодня он вполне соответствовал своему имени. По крайней мере, на поверхности. Кто знает, какие бури и течения рвут его изнутри? Сам этот остров, на котором они сейчас находились, как и все прочие острова Японии, – всего лишь вершины подводных вулканов. Сейчас они бездействовали, но землетрясения, регулярно сотрясающие горную цепь, напоминали, что успокаиваться рано. Устойчивость была лишь иллюзией. Мирное на вид море могло в любое мгновение породить огромную волну, цунами, гора могла извергнуть поток лавы, сама земля под этим могучим замком могла задрожать и разверзнуться, и всем обитателям замка, равно как и всем их трудам, пришел бы конец. Все было не таким, каким выглядело, и ничему нельзя было доверять. Наверное, величайшая из всех глупостей – верить в постоянство чего бы то ни было.

Нет-нет! О чем она только думает? Это же богохульство. Ведь сказано же: “Засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает в век”. Да, именно так и сказано в Библии. Аминь.

Но это обещание не принесло ей утешения.

Она потеряла свою лучшую подругу.

Она вот-вот должна будет расстаться с человеком, которого любит.

Скоро она останется в полном одиночестве. Даже хуже, чем в одиночестве. Она будет жить во лжи, заключив помолвку, а затем вступив в брак с человеком, к которому она испытывает лишь уважение, и ничего больше. И неважно, кто окажется ее супругом, Чарльз Смит или Роберт Фаррингтон – это ничего не изменит. Эмилия напомнила себе, что руководствуется любовью, решимостью избавить Гэндзи от опасности, созданной ее присутствием. Но это не уменьшило ее душевных терзаний. Вместо радости самопожертвования она ощущала лишь боль утраты. Какая же она эгоистка! Что на это сказал бы Цефания?

Все эти годы, со времен его кончины Эмилия не думала о своем бывшем женихе. Несомненно, теперь она вспомнила о нем лишь потому, что сама оказалась в тяжких обстоятельствах. Что бы он сказал ей? Наверняка что-нибудь о том, что она обречена на вечные муки. Он вообще предпочитал в своих проповедях напоминать об карах для грешников.

Думай сперва о других, а потом уже о себе, Эмилия.

Да, сэр, – ответила бы она.

“Сэр” – слишком неприветливое обращение к человеку, который должен стать твоим мужем, Эмилия. Зови меня по имени, как и я тебя.

Да, Цефания.

Широки врата и просторен путь, ведущие в погибель.

Аминь.

Она всегда говорила “аминь”, когда Цефания цитировал Библию. Цитировал он часто, а потому Эмилия часто повторяла “аминь”.

Кто не будет верить, осужден будет.

Аминь.

По мере того, как энтузиазм Цефании возрастал, голос его делался громче и торжественнее, вены на лбу опасно набухали, как будто готовы были вот-вот лопнуть, а глаза расширились и лезли из орбит – такова была сила владеющих им чувств.

Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну?

Аминь!

Но Цефания уже шесть лет как мертв. Он не явится, чтобы обрушить на нее видения божественного воздаяния. Сейчас Эмилия лишь обрадовалась бы этому, только бы прогнать другие, более опасные мысли, идущие от ее надежд и мечтаний. Будь Цефания жив, она была бы сейчас миссис Цефания Кромвель, не находилась бы сейчас в этом замке, не была бы влюблена в мужчину, которого ей не следует любить, и не была бы обречена познать несчастье вне зависимости от своего выбора.

Сюда, в башню ее привел страх – но и надежда. Она вообразила себе призрак там, в монастыре Мусиндо. Конечно же, вообразила – потому что если она вправду видела то, что вроде бы видела, тогда свитки “Осеннего моста” на самом деле отображают ее судьбу. И она пришла в башню, которую молва называла излюбленным обиталищем этого призрака, чтобы бросить ему вызов. Если призрак и вправду здесь, то пускай она покажется. Или оно – ведь у демонов нету пола, лишь иллюзия мужественности или женственности. Эмилия была настолько уверена в том, что никакого призрака нету, что даже не обдумала, что же она будет делать, если тот все-таки появится. И это отсутствие подготовки – хотя о какой подготовке тут могла идти речь? – теперь страшило ее. Эмилии было не по себе: ей казалось, будто на нее кто-то смотрит. Ей хотелось обернуться, но она боялась оборачиваться слишком быстро. А вдруг тогда она увидит то, чего вовсе не желает видеть? Но всякий раз, когда она поворачивалась, она не видела ничего, кроме стены, окна, двери и ниш, в которых стояли урны с прахом предков Гэндзи.

Здесь никого не было. Раз она не может видеть призрак, значит, и призрак не может видеть ее. Ведь верно? А вдруг нет? Эмилию пробрал озноб. Как это ужасно, если за ней следят, а она не в состоянии даже увидеть следящего! Возможно, зря она вообще сюда пришла. Не такая уж это хорошая идея. Эмилия уже совсем было собралась уйти, как вдруг ей почудился какой-то звук на лестнице, быть может – слабое, далекое эхо шагов. Но чьих шагов? Или это был тихий стон ветра, несущегося к вершине башни. Но воздух за окнами неподвижен. Никакого ветра нет. А единственный способ попасть в башню или выбраться из нее – эта лестница.

Эмилия попятилась. Этого не может быть...

Этого и не было. В дверях появился Чарльз Смит.

Надеюсь, я вас не побеспокоил? – спросил Смит.

Вовсе нет, – отозвалась Эмилия, несколько более тепло, чем намеревалась. – Я очень рада вас видеть, Чарльз.

Все готово. Мы можем выехать в любой момент.

Все готово?

Ну да. Для пикника.

Ах, да!

Если вы не в духе, мы можем перенести его на другой день.

Нет-нет, что вы. Сегодня прекрасная погода для пикника.

Идея принадлежала самой Эмили. Чарльз и Роберт так беспокоились из-за ее душевного состояния, что Эмилия решила, что просто обязана сделать что-нибудь, чтобы развеять их беспокойство. Но нужно было, чтобы они поверили, что это они делают для нее, а не наоборот, иначе никакого толку не будет. Потому она незаметно навела Чарльза на эту идею.

Я сейчас, только соберусь быстренько.

Смит окинул взглядом ряды урн.

Странное место для работы, даже для изучения древних свитков.

Свитки действительно здесь, но сейчас я ими не занималась. Я пришла сюда в надежде, что меня озарит нужная мысль.

Если нужные мысли скорее озаряют вас в присутствии праха земного, возможно, вы по натуре более склонны к монашеству, чем к браку.

Я знаю, увы, что не способна на первое. И боюсь, что мне может не хватить необходимых качеств для другого.

На самом деле, мало кто из людей воистину склонен к чисто духовной жизни – включая и тех, кто все-таки за нее берется. Один человек, обитавший некогда в монастыре на Монте-Кассино, рассказывал мне, что зависть и соперничество бушевали там даже сильнее, чем в его предыдущем месте обитания – а это был сам Рим.

Как же вам посчастливилось встретиться с таким примечательным человеком?

Я как раз находился в Гонолулу, когда он проезжал через Гавайи по пути в Кохингину.

Он ехал туда проповедником?

Смит улыбнулся и покачал головой.

Нет. Наемником. Он сказал, что раз уж он оказался не в состоянии спасти свою душу в монастыре, то, быть может, сумеет помочь другим душам найти свой путь к Создателю.

Эмилия нахмурилась. С ее точки зрения, в этой истории не было ничего забавного.

Это ужасная история, Чарльз. Надеюсь, вы никогда больше не станете пересказывать ее.

Боюсь, все-таки придется, – отозвался Смит, состроив унылую мину. – Ведь она полностью правдива, и может оказаться для кого-нибудь благотворной.

Если у этой прекрасной женщины и имелся какой-то недостаток, так это ее ограниченное чувство юмора. Его же эта история забавляла, но Смит благоразумно предпочел этого не выказывать.

Увы, я не могу отыскать в этой истории ничего душеполезного.

Теперь ее неодобрение сделалось особенно зримым. Румянец, окрасивший скулы и веки Эмили, подчеркнул белизну ее безукоризненно гладкой кожи. Пульсация крови в этой почти просвечивающейся плоти внезапно вызвала у Смита приступ вожделения. В более варварскую или в менее чопорную эпоху он дал бы волю своим инстинктам, а предложение руки и сердца отложил бы до более удобного момента. Или, быть может, эти мысли посетили его лишь потому, что он недавно перечитывал

свои любимые главы из "Заката и падения", те, в которых рассказывается о завоеваниях и подвигах Атиллы? Настолько же свободен был любой дикий гунн, и насколько же несвободен он сам, Смит, и все цивилизованные мужчины. Цивилизация подавила все их природные инстинкты и энергию. Современный идеал – рыцарственный джентльмен, а не варвар-гунн. Но иногда, когда он смотрел на невыносимую красоту Эмилии, еще более соблазнительную из-за ее невинности и каких бы то ни было намеренных провокаций, он от всей души сожалел об эпохе, месте и судьбе, которые обычно считал великим благом.

Видимо, под воздействием похотливых стремлений тела в глазах Смита вспыхнуло плотоядное выражение, и он не успел вовремя его прогнать: Эмилия подняла голову, и их взгляды встретились. Смит быстро заговорил, надеясь, что слова замаскируют его чувства:

Вы не видите в этой истории ничего душеполезного просто потому, что вы в этом не нуждаетесь. "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные".

Аминь, – отозвалась Эмилия, но во взгляде ее по-прежнему читалось сомнение.

Смит искренне понадеялся, что сомнение это относилось к предполагаемой полезности рассказанной истории, а не к выражению, которое она увидела на его лице.

Большой шатер, который обычно ставился для князей во время охоты, чтобы обеспечить им хотя бы минимум удобств, теперь был предоставлен для пикника. Гэндзи, Смит, Фаррингтон и Эмилия неспешно ехали верхом. Следом за ними шли слуги со всем необходимым.

Вот, – сказала Эмилия. – Самое подходящее место.

И она указала на красивый луг, раскинувшийся у берега. Находящийся неподалеку высокий мыс Мурото защищал его от ветра.

Гэндзи не решился огорчить Эмилию, сообщив ей, что за место она выбрала. Она и так в последнее время слишком часто сталкивалась с убийствами и трагедиями. Довольно с нее и этого. Нет, ведь правда: если он сейчас скажет ей правду, потрясение может свести на нет все улучшение, которое наблюдалось в последние недели.

На этом лугу в свое время клан Окумити устроил врагам настоящую резню. Да, действительно, это произошло шесть веков назад, но некоторые неприятные детали до сих пор то и дело выходили на поверхность. Гэндзи понадеялся, что никто – и в особенности Эмилия – не наткнется сегодня ни на что подобное. Конечно же, ему не потребовалось ничего объяснять слугам. Когда Эмилия указала на луг, никто из них даже бровью не повел. Едва лишь князь подтвердил ее выбор, слуги быстро и ненавязчиво осмотрели выбранное для пикника место, прежде чем устанавливать шатер и сервировать трапезу. Где-нибудь в другом месте возобладало бы почтение к мертвым. Но для Гэндзи большее значение имело почтение к живым. Кроме того, он все равно не смог бы припомнить ни единого луга, холма или отрезка берега на расстоянии дня езды от замка, который подходил бы для пикника, и при этом не был местом состоявшегося в былые времена смертоубийства. По крайней мере, здесь они одержали победу.

И вправду, очень приятное местечко, – сказал Смит, дожидаясь, пока слуги все подготовят. – Даже удивительно, что вы не выбираетесь сюда почаще.

Князь Гэндзи принадлежит к народу воинов, – заметил Фаррингтон. – Пикники и прочие им подобные увеселения не пользуются среди них особой популярностью.

На самом деле, – заметил Гэндзи, – у нас имеется масса свободного времени. В

Японии вот уже больше двухсот пятидесяти лет не велось никаких войн. Однако же, в силу закона о смене места пребывания, мы вынуждены были проводить свое свободное время в Эдо. И постоянно сидели в помещениях. – Он окинул луг взглядом и улыбнулся. – Приятно будет почаще наслаждаться общением с природой.

Войны не велись, – сказал Фаррингтон, – но и миром это назвать трудно.

К сожалению, вы правы, – согласился Гэндзи. – Мы дали мечи огромному количеству людей и обременили их преувеличенными представлениями о значении истории, чести и далге. Мы требовали от них, чтобы они готовы были в любое мгновение убить и умереть. А затем мы сказали им, чтобы они утихли и вели себя хорошо. Это трудно назвать идеальным путем к гармонии.

Неужели нам непременно нужно говорить о насилии? – спросила Эмилия.

Вовсе нет, – отозвался Смит. – Давайте поможем слугам накрывать на стол, а истории о войне пусть рассказывают солдаты.

Самураи частенько высказывались в том духе, что чужеземцев легко понять, поскольку у них все, даже самые сокровенные чувства написаны на лице – подразумевалось, в отличие от самураев. Наблюдая за тем, как Смит и Фаррингтон ведут застольные беседы с Эмилией, Гэндзи решил, что это высказывание – не более чем необоснованный предрассудок. Несомненно, у обоих мужчин что-то происходило в душе, под поверхностью, но он понятия не имел, что же именно. Они не подкалывали друг друга, как обычно между ними водилось, намеками на преступные и аморальные действия, связанные с недавней гражданской войной в Америке. Это было нечто иное, не названное ни прямо, ни косвенно – но, тем не менее, оно было.

И лишь Эмилия, как всегда, просто была собою, без всякого обмана и лицемерия. Казалось, что она оправилась если не от самой потери, то, по крайней мере, от потрясения, вызванного смертью Ханако. Оправиться от такой потери нельзя. Ее можно лишь принять или отвергнуть.

Одним из самых ранних воспоминаний Гэндзи о дедушке было воспоминание о том, как они встретились через несколько мгновений спустя после смерти матери Гэндзи. Гэндзи помнил, что князь Киёри пользуется репутацией свирепого воина, и потому тоже изо всех сил старался вести себя как воин. Он держался прямо и старался совладать со слезами. Он думал, что у него это очень хорошо получается.

Дедушка спросил: “Почему ты не плачешь?”

“Самураи не плачут”, – ответил Гэндзи.

Дедушка нахмурился и сказал: “Негодяи не плачут. Герои плачут. А знаешь, почему?”

Гэндзи покачал головой.

“Потому, что сердце негодяя полно лишь тем, что он приобретает. А сердце героя полно тем, что он теряет”.

И, к изумлению Гэндзи, князь Киёри тяжело упал на колени. Слезы хлынули у него из глаз. Нос его дергался совершенно не благородным образом. Все тело сотрясалось от рыданий. Гэндзи бросился утешать его, и дедушка сказал: “Спасибо”. Они стояли, обнявшись, и бесстыдно плакали. Гэндзи помнил, что он тогда подумал: “Должно быть, я герой, потому что я плачу, и сердце мое полно утратой”.

С тех пор он плакал не так много, как следовало бы. Возможно, это означало, что он не такой уж герой, как ему хотелось бы думать.

Глядя на Эмилию, он понадеялся, что нынешняя ее печаль впоследствии оживит ее воспоминания радостью.

Эмилия увидела, что Гэндзи смотрит на нее, и улыбнулась. И в тот самый миг, когда Гэндзи ответил ей на улыбку улыбкой, между Смитом и Фаррингтоном разыгралась некая загадочная драма – стремительно, буквально за десяток ударов сердца.

Началась она с Фаррингтона. Он взглянул на Гэндзи, и глаза его засверкали как-то не по-дружески, а лицо напряглось, и на нем отразилось странное чувство, быть может, смесь боли и гнева.

Смит, перехватив этот взгляд, на миг впал в замешательство и нахмурился.

Фаррингтон, отвернувшись от Гэндзи, посмотрел на Эмилию, и взгляд его смягчился; в нем отразилась глубокая печаль.

Затем он заметил, что Смит наблюдает за ним, и отреагировал весьма неожиданным образом. Он вспыхнул и опустил взгляд.

Очевидно, это каким-то образом подтолкнуло Смита к внезапному и ужасному откровению, ибо глаза его расширились, и он уронил челюсть.

Вы... – начал было он, но более ничего не смог или не захотел сказать. Вместо этого он вскочил и ринулся на Фаррингтона, с совершенно недвусмысленными намерениями.

Но двое телохранителей Гэндзи успели перехватить Смита прежде, чем он успел что-либо сделать. Гэндзи только не понял, собирался ли Смит просто от души врезать Фаррингтону, или все-таки выхватить револьвер и застрелить его. Ясно было лишь, что Фаррингтон в любом раскладе не собирался защищаться или оказывать сопротивление.

Отпустите меня, – потребовал Смит.

Сперва дайте слово, что не будете буйствовать, – сказал Гэндзи.

Даю слово.

Смит извинился перед Гэндзи и Эмилией, никак не объяснив свою вспышку, и перестал обращать внимание на Фаррингтона. Фаррингтон попытался возобновить беседу с Эмилией, но та была слишком потрясена этой вспышкой. Пикник оказался безнадежно испорчен.

Что же произошло? Гэндзи понятия не имел. Вот вам и якобы легко поддающаяся прочтению натура чужеземцев: сплошные предположения и никаких реальных фактов.

Смит поднялся первым, отрывисто поклонился и зашагал прочь, туда, где была привязана его лошадь. И на полдороге на что-то наступил. Раздался громкий треск. Двое слуг с ужасом взглянули на Гэндзи и поклонились, прося прощения, как будто в произошедшем была их вина. Смит же, весь во власти недавнего инцидента, на обратил на это никакого внимания.

Когда Гэндзи взглянул туда, где прошел Смит, он разглядел кусок черепа, скулу и глазную впадину, валяющийся среди белых обломков – вот и все, что осталось от костей после того, как по ним прошелся ботинок Смита.

Смит избегал Фаррингтона изо всех сил, насколько только мог. Но вообще-то это было нетрудно, поскольку и Фаррингтон избегал его. Смицу было сильно не по себе. Он жалел, что догадался, что именно Фаррингтон думает об Эмили и Гэндзи. И еще сильнее жалел, что набросился на него. Он не только самым позорным, недостойным джентльмена образом утратил самообладание, – он еще и получил подтверждение своих подозрений, поскольку Фаррингтон даже не попытался защититься. Так мог вести себя лишь человек, которому стыдно за собственные мысли.

Теперь Смигу все было ясно. Даже слишком ясно.

Фаррингтон полагал, что Таро как преданный вассал мог напасть на Эмилию лишь по приказу Гэндзи, и сделано это было по причине состояния Эмилии, каковое, пока еще незаметное, вскоре должно было возложить на него опасную ответственность. Это состояние было результатом аморальной, абсолютно неприемлемой интимной связи – безусловно, лишь так оно могло возникнуть. И связь эта оставалась таковой вне зависимости от того, возникла она с согласия Эмилии, или в силу обмана или принуждения со стороны Гэндзи. Неожиданное и совершенно несвоевременное – в смысле, для Гэндзи несвоевременное – вмешательство князя Саэмона спасло Эмилию жизнь. Но лишь на время. Состояние Эмилии требовало, чтобы она умерла, причем вскорости. И потому Фаррингтон оставался рядом с Эмилией. Хотя он более не желал жениться на ней, он как офицер и джентльмен чувствовал себя обязанным защищать ее от дальнейших возможных покушений со стороны хозяина дома.

Таков был ход мыслей Фаррингтона.

Он был столь мучителен и нелеп, что Смит не удержался бы от смеха, если бы услышал изложение этих мыслей от Фаррингтона, а не догадался о них сам, в приступе озарения. Невинность Эмилии была очевидна и не вызывала ни малейших сомнений. Никакое притворство столько не продержится. Ее религиозные убеждения, и еще в большей степени ее характер никогда бы не позволили ей ни на шаг отойти от требований морали. Что же касается Гэндзи, Фаррингтон приписал ему такую степень похоти, хитрости и неуправляемой страсти, какую можно было встретить – если вообще можно – разве что в Запретном Городе манчжуров или в серале турецкого султана, но никак не в этой суровой, воинственной стране.

Заблуждения Фаррингтона никак не повлияли на чувства самого Смита. Но когда он догадался о них, это заставило его взглянуть на Эмилию в ином свете, и то, что, как ему показалось, он увидел, потрясло Смита куда сильнее, чем измышления Фаррингтона. Что же это было – внезапный проблеск правды или уже его собственное заблуждение?

Смит отыскал Эмилию в комнате, выходящей в розовый сад. Двери были открыты, давая дорогу легкому бризу и позволяя любоваться цветами. Рядом с Эмилией лежало несколько развернутых свитков, исписанных японскими иероглифами. Но Эмилия не смотрела ни на свитки, ни на цветы; взгляд ее был устремлен на башню, высящуюся на противоположной стороне сада.

Даже когда вы сидите не среди урн с прахом, а в саду, кажется, будто ваши мысли по-прежнему с ними, – сказал Смит. – Вы точно уверены, что не склонны к уходу от мирской суеты?

Если мои перспективы будут таять с такой же скоростью, как сейчас, возможно, это и вправду будет наилучшим выходом для меня.

Что вы имеете в виду?

Роберт возвращается в Эдо.

Несомненно, потому, что его вызвал туда посол.

Так он сказал.

Какая же еще может быть тому причина? Он ведь обожает вас, как и я.

Вы действительно так думаете?

Он пробыл здесь три недели, чтобы только удостовериться, что вы пришли в себя после понесенной утраты. Лишь долг службы заставил бы его удалиться.

У меня такое ощущение, что он скорее наблюдает за мной, чем заботится обо мне.

У человека добродетельного чересчур обостренное чувство приличия иногда граничит с чрезмерно живым воображением.

Я не в состоянии понять, что в моем поведении могло дать основания для подобного воображения. И я не назвала бы Роберта добродетельным. Человек добродетельный не станет выносить поспешных решений.

Если он и был поспешен, то лишь потому, я уверен, что заботится о вашем благополучии. – Смит улыбнулся. – Экая, однако, ирония: я уверяю вас, что лейтенант Фаррингтон искренне о вас заботится. Даже забавно.

Мне тоже. Особенно в свете того, что вы чуть не набросились на него всего два дня назад.

Простите, сорвался. Но я ведь сразу извинился.

Вы не просто сорвались, Чарльз. В тот день между вами и Робертом что-то произошло. И в результате вы потеряли контроль над собой, а он впал в полнейшее замешательство. Что было тому причиной?

Смит чуть помедлил, тщательно подбирая слова.

Его мысли и то, что я вдруг о них догадался.

Это я поняла и сама.

Дальнейшее выходит за рамки беседы, которую подобает вести леди и джентльмену.

Эмилия нахмурилась.

У вас с Робертом появилась одна и та же мысль, предположительно, обо мне, мысль, которая подтолкнула вас наброситься на него. Однако же, вы не считаете возможным озвучить ее в моем присутствии? Надеюсь, вас не удивит, что ваш ответ меня не удовлетворяет?

Смит поклонился, признавая поражение.

И тем не менее, нам следует оставить эту тему.

Это наносит ущерб как моему любопытству, так и моим чувствам.

Когда вы будете помолвлены, Эмилия, это происшествие уже не будет иметь значения, а значит, не имеет и сейчас.

Когда я буду помолвлена... Простите, что я так долго тянула с ответом. Уверяю вас, ни вы, ни Роберт в этом неповинны. Это исключительно моя вина.

Я не стал бы называть любовь виной, – заметил Смит.

Лицо Эмилии тут же залила краска. И Смит понял, что его догадка верна. Присущая Эмилии честность выдала ее, хотя девушка и не произнесла ни слова. Эмилия старалась, как могла, скрывать правду, но теперь Смит ее разглядел.

Если бы я действительно была влюблена в вас или в Роберта, все было бы намного проще, – сказала Эмилия. – Но хотя я восхищаюсь вами обоими, это все-таки не то. И потому мне так трудно сделать выбор.

Трудно, – согласился Смит. – Но не в том, что касается выбора. Он-то уже сделан. Вы уже влюблены.

Теперь, когда он все понял, в душе его всколыхнулось сострадание. Лежащая перед Эмилией дорога была полна таких опасностей, каких она даже вообразить себе не могла. Покушение Таро – Смит теперь понимал, что в этом, если и не во всем прочем, Фаррингтон прав, – определенно лишь первое из многих.

Вы должны следовать зову своего сердца. Как же иначе? Тут лишь один вопрос: взаимны ли ваши чувства? Если нет, то любовь не принесет радости – одни лишь

страдания. В таком случае вам лучше бы было предпочесть восхищение любви.

Мне кажется, мы говорим о разных вещах, – заметила Эмилия.

Вы любите князя Гэндзи, – сказал Смит.

Если бы Эмилия не сидела в этот момент, она бы наверняка упала.

Господи, помилуй! – вырвалось у нее. – Это настолько заметно?

Нет, – успокоил ее Смит. – Я не был уверен вплоть до нынешнего момента. И насколько мне известно, я – единственный, кто это вообще заподозрил.

А Роберт – нет?

Его подозрения носят совершенно иной характер.

К радости Смита, Эмилия не стала более размышлять в этом направлении. Вместо этого она уронила голову и спрятала лицо в ладонях.

Что же мне делать?..

Потерпеть, – сказал Смит. – Когда мы с лейтенантом Фаррингтоном уедем, очень может быть, что князь Гэндзи угадает правду. Тогда он либо предпримет ответные действия, либо нет, и вы получите ответ.

Когда Эмилия подняла голову, глаза ее были влажны, но она улыбалась.

Спасибо вам, Чарльз. Вы – настоящий друг, добрый и надежный.

Смит поклонился.

Если ваша самая заветная надежда не исполнится, я готов по-прежнему быть добрым и надежным, и не только другом. Я должен буду провести ближайший месяц в Эдо – дела требуют. Но я навещу вас снова, прежде чем покинуть Японию.

Я не заслужила подобной предупредительности.

И тем не менее, она ваша. – Смит улыбнулся. – Но будьте осторожны. Ваши взаимоотношения с князем Гэндзи уже породили множество злостных слухов в здешнем европейском сообществе. Эти разговоры весьма вредят вашей репутации.

Сказано: «Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину». На это я и буду уповать.

Аминь, – отозвался Смит. – Но не забывайте, сказано также: «Яд аспидов на губах их, а укус аспида смертоносен».

Аминь, – сказала Эмилия. – Но я не сделала ничего дурного. И князь Гэндзи тоже.

Я никогда ничего такого о вас и не думал, – сказал Смит. И не стал добавлять: «В отличие от лейтенанта Фаррингтона».

Сперва лейтенант Фаррингтон, – сказал Гэндзи, – а теперь вы, мистер Смит. Как жаль. Я надеялся, что проблема решится. Да, надеюсь, ничего не случилось? Лейтенант Фаррингтон отчего-то казался куда мрачнее обычного.

Он позволил себе поддаться неверному образу мыслей, – сказал Смит. – И теперь всецело им захвачен.

Неверному образу мыслей?

Это означает, что он опирается на ошибочные предпосылки, с неизбежностью ведущие к неверным выводам.

Я понимаю смысл этого выражения, – сказал Гэндзи. – Я не понял, к чему вы его употребили.

А что тут не понимать? Мисс Гибсон, необыкновенно красивая молодая женщина брачного возраста, проживает у вас в доме, без родственников или компаньонки, вот уже несколько лет. В такой ситуации нетрудно прийти к неверным выводам касательно ваших взаимоотношений.

Эмилия не постоянно жила здесь одна, без товарищей, – возразил Гэндзи. – А кроме того, она проводила много времени в разъездах. И здесь, в замке, и во дворце в Эдо у нее имеются свои покои – расположенные, не могу не заметить, весьма далеко от моих. Нам случалось не то что по несколько дней – по несколько недель не видеться друг с другом. Насколько я понимаю, в других странах знатные господа тоже часто принимают гостей подобным же образом.

Да, но товарищи Эмилии не принадлежали к числу ее соотечественников, – сказал Смит. – Это были ваши вассалы и слуги. А всякий, кто провел в этой стране хотя бы час, знает, что любой приказ господина исполняется беспрекословно. Они не были ей реальной защитой. А гости, живущие подобным образом у каких-нибудь знатных господ в той же Англии, всегда имеют при себе собственных слуг и компаньонов.

Гэндзи кивнул.

Да, я сделал глупость. Мне нужно было посоветоваться с кем-то помимо Эмилии. Ее невинность иногда мешает ей заметить вещи, видимые другим. Следует ли мне предположить, что лейтенант Фаррингтон думает, будто я каким-то образом злоупотребил своим положением по отношению к Эмилии?

Коротко говоря – да.

А вы?

Смит улыбнулся.

Лейтенант Фаррингтон имеет привычку подавлять свои инстинктивные ощущения и вполне естественные мысли, словно вероломных мятежников. Он отказывается признавать их собственными и приписывает вместо этого другим. Я подобной привычкой не страдаю. Кроме того, князь, я полагаю, что если бы вы что-то пожелали, вы бы взяли это в открытую, наплевав на последствия. Именно так действуют самураи, разве нет?

Нам нравится так о себе думать, и нам хотелось бы, чтобы именно так о нас думали другие, – сказал Гэндзи. – На самом же деле мы столько думаем о последствиях и о том, что как будет выглядеть, что зачастую оказываемся вообще ни на что не способны. Мы так сильно зависим от несказанного, что часто не можем перестать беспокоиться и полагать, что никаких взаимоотношений нет вообще, что все это лишь наша выдумка. Там что зачастую мы отнюдь не решительны, а вовсе даже наоборот, как мне ни печально об этом говорить.

Тогда позвольте мне избавить вас от части вашего бремени и высказаться откровенно, – предложил Смит, – настолько решительно, насколько это в моих силах. Я вернусь в конце следующего месяца, перед тем, как отбыть домой. Если к этому моменту Эмилия по-прежнему не будет помолвлена, я снова сделаю ей предложение. Я надеюсь, что так оно и случится, хотя знаю, что сама она надеется на иное, и потому от всего сердца молюсь, чтобы она обрела счастье, где бы оно ни таилось.

«Сама она надеется на иное?» Вы хотите сказать, что она предпочитает лейтенанта Фаррингтона?

Нет, не лейтенанта. И ее чувства намного превосходят простое предпочтение. Она влюблена, и, как я полагаю, влюблена уже давно. Более того, я полагаю, что вам давно об этом известно.

И как же теперь, интересно, поведет себя Гэндзи? Разгневается? Удивится? Возразит? Рассмеется? Возможно, он позволил себе лишнее.

Лицо Гэндзи не изменилось. Все та же привычная легкая улыбка на губах, все тот же спокойный, ровный тон.

Я часто думал: интересно, а для ее соотечественников движения ее души так же наглядны, как для нас? – сказал он. – Очевидно, нет, иначе ни вы, ни лейтенант Фаррингтон не зашли бы так далеко. Иногда то, что не видно изнутри, заметнее со стороны. А могу я полюбопытствовать, как вы об этом узнали?

По чистой случайности, сэр. – Увидев, что Гэндзи реагирует абсолютно спокойно, Смит с облегчением перевел дух. – Просто стечение наблюдений, реплик, странностей в поведении. Все внезапно сошлось воедино, и я сумел это осмыслить. Вы же наверняка должны помнить: среди проживающих здесь европейцев ходит масса разговоров на эту тему, и по большей части – довольно нелестные. А попросту говоря – откровенно непристойные домыслы.

Но Эмилия очень чопорная девушка.

Она также очень красивая.

Насколько я понимаю, да.

Насколько понимаете? А сами вы этого не видите?

Честно говоря, нет. Наши представления о красоте настолько расходятся, что можно подумать, будто для наших народов красота и уродство поменялись местами.

Теперь пришла очередь Смита удивляться.

Так вы что, находите Эмилию уродливой?

Ну, уродливой – это слишком резко сказано. Я бы скорее употребил слово «непривлекательной».

Смит выдохнул, как будто затаил дыхание и лишь сейчас это осознал.

Это большое облегчение для меня, сэр, – сказал он. – Если бы вы отвечали на ее любовь взаимностью, ситуация сделалась бы опасной для вас обоих, во всех мыслимых отношениях. Оба наши народа относятся к смешанным бракам без благосклонности. Кроме того, вам ведь нужен наследник, а Эмилия, конечно же, никогда не согласится стать наложницей. Для нее это всего лишь разновидность распутства.

Вы сказали, что намереваетесь повторно сделать ей предложение.

Совершенно верно. Как только вернусь сюда.

А зачем ждать? Сделайте его сейчас.

Женщине, влюбленной в одного мужчину, требуется время, чтобы открыть свое сердце другому. Мы должны запастись терпением. Может быть, вы пока что расскажете ей о нашем разговоре – в смысле, о моем предложении, а не о том, что вы знаете об ее чувствах, – и скажете, что одобряете его? Ваше одобрение моего сватовства окажется красноречивее всякого объяснения.

Благодарю вас за мудрый совет, мистер Смит.

Смит ушел. Гэндзи остался один. Да, он вполне может поговорить с Эмилией так, как это посоветовал Смит. Конечно, потребуются кое в чем соврать, но это не проблема. Он куда более умелый лжец, чем она. Он давно уже скрывает свои чувства от Эмилии и ото всех окружающих. Еще один месяц трудности не составит. Но есть куда лучший способ, который сделает все, что он скажет, более правдоподобным. У чужеземцев есть подходящее высказывание на этот счет.

«Дела говорят громче слов».

Замок бурлил, словно котел на огне. Наконец-то их князь предпринял решительные меры, дабы обеспечить продолжение рода.

Ты слыхала? – поинтересовалась одна служанка у другой, когда они несли

подносы с чаем.

Конечно! Уже все все знают.

Интересно, кто же это будет?

Я слыхала, будто он еще не решил.

Третья служанка, шедшая им навстречу, бросила на ходу:

Придворные дамы.

Из двора императора или двора сёгуна?

И оттуда, и оттуда, конечно!

Политика и влечение, – сказала первая служанка.

Вторая кивнула.

Так оно всегда, верно?

Только не для нас, – отозвалась первая служанка, и они тихонько захихикали. На самом деле, они бы попросту расхохотались, не находишь они рядом с покоем высокопоставленных мужчин.

Через неделю после отъезда Чарльза Смита в замок прибыли две дамы из Эдо, состоявшие при дворе сёгуна. Состоялась церемония, на которую Эмилию не пригласили. Масами, ее служанка, рассказала Эмилии, что одна из дам – родственница союзника князя Гэндзи, Хиромицу, князя Яманаки. Вторая же приходилась дальней родней князю Саэмону.

Теперь они обе будут его наложницами, – сказала Масами. – Возможно, позднее он решит жениться на какой-нибудь из них, особенно если она родит ему наследника. Но скорее всего, князь прибережет эту почетную возможность для какой-нибудь еще более знатной дамы, с более выгодными политическими связями. Тогда, если какая-нибудь из наложниц родит наследника, жена его усыновит. Я думаю, что кого бы он ни взял в жены, она скорее будет из окружения императора, а не сёгуна. Звезда императора сейчас восходит, а сёгуна – закатывается.

Так она болтала без умолку, выполняя свою работу. Эмилия улыбнулась, кивнула и ничего не сказала в ответ. Если бы кто-нибудь пригляделся повнимательнее, то обнаружил бы, что ее глаза как-то странно блестят. Но, конечно же, никто не обратил на это внимания.

Гэндзи знал, что ему следует поговорить с Эмилией, но не спешил заводить этот разговор. Он знал, что будет много слез и безмолвных укоров. Безмолвных, поскольку Эмилия никогда ничего не скажет прямо. Да и что она могла бы сказать? Она не знает, как Гэндзи относится к ней на самом деле, и не знает, что Смит поделился с ним своими соображениями относительно ее чувств. Так что сказать ей нечего. Да, это будет мучительно. Он не сможет дать ей никакого утешения, – ее утешило бы лишь его признание, а он не может сознаться в своих чувствах. Если он скажет Эмилии, что любит ее, она останется в Японии, а если она останется здесь, она умрет. Так предвещало его видение. Гэндзи не хотел, чтобы Эмилия умерла, и потому отсылал ее прочь.

Жизнь важнее любви.

Месяц пролетел быстро. Гэндзи обещал поговорить с Эмилией, но до сих пор так этого и не сделал. Надо было ему пригласить Эмилию на церемонию встречи госпожи Фузаэ и госпожи Тиё. Все стало бы ясно без слов. Но Гэндзи не смог заставить себя

поступить так. Это было бы чересчур жестоко. А он не хотел причинять Эмилии боль, без которой можно обойтись. Возможно, ему удастся вообще обойтись без разговора, и даже, может, не видеться с Эмилией до тех пор, пока она не уедет с Чарльзом Смитом – а этот день уже не за горами. Когда Смит вернется, он сделает Эмилии предложение, и Эмилия наверняка его примет. Поведение Гэндзи соответствовало нерешительности самураев, о которой он сказал Смицу, и это одновременно и забавляло князя, и причиняло ему боль.

Он отправился в Яблоневою долину в одиночку, как часто поступал, когда ему нужно было обдумать какой-нибудь сложный вопрос. Было нечто умиротворяющее в прогулке между этими деревьями, выращенными много лет назад его матерью. Он не всегда додумывался здесь до ответа, но зато здесь на него нисходил внутренний покой, даже если проблема и оставалась нерешенной. Хидё строго-настрого приказал телохранителям никогда и никуда не отпускать князя без охраны, даже в сердце его собственных владений, рядом со стенами родового замка. С точки зрения Хидё, в последнее время чересчур участились убийства и покушения, и потому расслабляться было нельзя. Гэндзи тщетно пытался поставить Хидё на вид, что его видения о будущем включают, среди прочего, предсказание его смерти. Он знает, когда и где умрет, и час этот еще не наступил. Но Хидё оставался непоколебим. Кто ведает, говорил он, какие бедствия могут произойти, если они не будут бдительны? Или князь знает о будущем абсолютно все? Гэндзи вынужден был признать, что нет.

И потому, чтобы обрести одиночество, в котором он нуждался, князю приходилось удирать от собственных людей. Конечно, со временем они неизбежно находили его. Но хотя бы на некоторое время он оставался один. Чтобы его было труднее найти, Гэндзи въехал в долину не со стороны замка, как обычно, а по узкой тропе, обходившей долину по холмам.

Эти деревья всегда напоминали Гэндзи о матери, и все же с каждым минувшим годом он все хуже и хуже помнил ее, и ему приходилось все больше и больше придумывать. Мать умерла родами, когда Гэндзи еще не исполнилось четырех лет. С того времени прошло двадцать семь лет. Немалый срок, чтобы скучать по кому-то, кого даже не помнишь по-настоящему.

Тут в ветвях дерева, под которым находился Гэндзи, вдруг послышался шорох. У Гэндзи тут же, даже прежде, чем он успел пришпорить коня, промелькнула мысль, что Хидё в конце концов оказался прав. Сейчас развелось слишком много убийц, чтобы позволить себе расслабиться где бы то ни было. Конь рванулся вперед, и одновременно с этим Гэндзи выхватил меч из ножен и взглянул вверх, ожидая, что в любое мгновение на него сверху прыгнет убийца, свистнет стрела либо грохнет выстрел. Но ничего такого не произошло. Лишь мелькнул в ветвях клетчатый подол.

Гэндзи остановил коня и подъехал обратно к дереву.

Эмилия посмотрела на него сверху и сказала:

Вы бы ни за что не догадались, что я тут сижу, если бы я не потеряла равновесие.

Упав с такой высоты, она вполне могла бы разбиться насмерть. Гэндзи знал, что религия Эмилии запрещает самоубийство. Но случайного падения она не запрещала. Эмилия стояла на двух тонких, ненадежных ветках почти у самой верхушки дерева. Одной рукой девушка держалась за ствол, который и сам тут уже был довольно тонким. Другой же рукой она придерживала подол, как подобает леди – как будто леди подобает лазать по деревьям.

Эмилия, что вы делаете?

Сажу на дереве. По-моему, сегодня очень подходящий для этого день.

Пожалуйста, спуститесь.

Эмилия рассмеялась.

Не спускайтесь! Лучше вы поднимайтесь сюда!

Гэндзи озабоченно посмотрел на нее. Ее веселость казалась искренней, улыбка – непринужденной, а блеск глаз был вполне здоровым, а не болезненно печальным.

Мне кажется, было бы лучше, если бы вы спустились.

Эмилия покачала головой и снова рассмеялась

Я вижу, мы не придем к согласию. А потому каждому из нас придется поступать в соответствии с собственными наклонностями и не мешать в том другому.

Подобный подход ведет к анархии, – возразил Гэндзи. – Нам необходимо договориться. Я взберусь наверх, если вы согласитесь потом спуститься вниз вместе со мной.

Соглашусь, но только если вы заберетесь так же высоко, как и я.

Это было бы безрассудством. Эти ветви едва-едва выдерживают вас. Если туда поднимусь еще и я, они сломаются.

Тогда оставайтесь там, где вы есть, а я останусь здесь.

Гэндзи сдался. Он не мог оставить Эмилию на макушке дерева. Он ухватился за сук и прямо с седла полез на яблоню. Добравшись до ветки прямо под Эмилией, он снова начал переговоры.

Вы же видите, если я поднимусь на эти ветви, они сломаются.

Возможно, – отозвалась Эмилия.

Не возможно, а совершенно точно.

Ну хорошо, я сочту, что ваше обязательство выполнено, если вы ответите на один вопрос.

Ага. Вот оно. Теперь, когда они оба сидели на макушке яблони, нервное расстройство Эмилии дало себя знать. И как же ему удержать ее от падения и не свалиться самому? Гэндзи боялся, что ему это не удастся. Если Эмилия потеряет равновесие, ему останется лишь подхватить ее и попытаться смягчить их приземление. Если учесть, что до земли двадцать футов, тут потребуются такой уровень воинских умений, которыми Гэндзи, пожалуй, не обладал. Ну до чего же это по-женски – все усложнять без нужды! Похоже, это свойство присуще женщинам всех стран, невзирая на разницу культур.

Задайте его, когда мы спустимся вниз, – предложил Гэндзи. Впрочем, он не думал, что эта уловка сработает, и она действительно не сработала.

Нет, – просто сказала Эмилия.

Гэндзи не мог заставить ее спуститься силой. Потому у него не осталось иного выхода.

Что это за вопрос?

В вашем англо-японском словаре есть все, – сказала Эмилия, – за одним-единственным исключением. В нем нет статьи к слову «любовь», ни на том, ни на другом языке. Почему?

Это был не тот вопрос, которого ожидал Гэндзи, но князь увидел, куда он ведет.

Значение этого слова известно всем, – сказал он. – Потому ему не нужны дополнительные определения – довольно простого перевода. А теперь спускайтесь.

Эмилия покачала головой.

Ваш ответ недостаточен. Вы сказали, что значение этого слова известно всем.

Тогда скажите мне его. Что такое любовь?

Я возражаю. Вы сказали про один вопрос, и я на него ответил. Теперь вы должны выполнить свою часть сделки.

Речь не самурая, но торговца, – сказала Эмилия. Но все таки принялась спускаться. Когда они оба очутились на земле, она сказала: – Я не верю, чтобы вы знали, что такое любовь, князь Гэндзи.

Конечно, знаю. Но дать определение, пригодное для словаря – это уже совсем другое дело.

Никогда еще на памяти Гэндзи улыбка Эмилии так не напоминала ухмылку.

Вот-вот. Ответ человека, который этого не знает.

1830 год, замок «Белые камни» в княжестве Сироиси

Князь Киёри был рад видеть своего старого друга, князя Нао, но совершенно не рад был причине, что привела его в это далекое северное княжество.

Но как это может не быть радостной причиной? – сказал князь Нао. – Ты просишь руки моей дочери для твоего старшего сына. Это свяжет наши семьи навеки. Великолепно! Эми, забери чай и принеси сакэ!

Погоди, – остановил его Киёри. – Я еще не все сказал.

А что тут еще говорить? – удивился Нао. – Моя дочь станет женой будущего князя Акаоки. Мой внук – да ниспошлют его небеса как можно скорее – в свой черед тоже станет князем. Эми, где сакэ?

Она только что ушла за ним, господин, – отозвалась другая служанка.

Ну так что ты тут сидишь? Иди помоги ей!

Нао, выслушай меня, – сказал Киёри. Вид у него был мрачный. – Я прошу тебя отдать твою дочь за Ёримасу, но как друг я советую тебе отказать мне.

Что? Ты несешь чушь. Как ты можешь просить и тут же советовать отказать?

Мне было видение, – сказал Киёри.

А! – только и вымолвил Нао и уселся, приготовившись слушать. Они с Киёри были знакомы уже тридцать лет. За это время Киёри рассказывал ему о многих видениях, и все они оказались истинными. Может, кто-то и сомневался в провидческом даре князя Акаоки. Нао – никогда.

От этого брака родится наследник, – сказал Киёри. – Единственный наследник нашего клана, который выживет во время великих перемен. Но твоя дочь не сможет до конца оправиться от трудных родов. Вторые роды убьют ее.

Нао опустил взгляд. Несколько раз глубоко вздохнул, не говоря ничего и не поднимая глаз.

Это не неизбежно, – сказал Киёри. – Откажись от этого брака, и пусть ношу несет другой.

Но разве можно этого избежать? Ты же видел это в видении.

Я полагаю, мои видения – это то, что может быть, а не то, что случится непременно, – сказал Киёри.

А бывало ли, чтобы какое-нибудь из них не сбылось?

Нет.

Тогда что заставляет тебя думать, что с этим дело может обстоять иначе?

В прошлом я всегда следовал тому, что видел. А если мы не станем следовать? Ведь, несомненно, не видение, а наши действия определяют, что произойдет.

Ты в этом уверен?

Нет, – сознался Киёри, – но в том-то и дело. Если мы поступим вопреки видению, то не будем уверены ни в чем, в том числе – и в смертях, которые я предвидел.

Нао покачал головой.

Мы также лишимся явленной в твоём видении уверенности в том, что наш внук выживет и продолжит наш род. Сохранение клана важнее жизнью отдельных людей, особенно если оба наши клана воплотятся в одном главе.

И ты позволишь своей дочери выйти замуж, зная, что этот брак послужит причиной ее смерти?

Мы все умрем, – отозвался Нао. – Такова наша судьба. Если она умрет ради сохранения нашего клана, она умрет, как подобает дочери самурая. Ни ей, ни нам не следует сожалеть об этом.

Киёри кивнул.

Я так и думал, что ты это скажешь.

Нао расхохотался.

Тогда зачем ты вообще принялся со мною спорить?

Господин... – подала голос служанка, принеся поднос с сакэ. Нао взял чашечку. Повинуясь его настойчивости, Киёри тоже взял чашечку, но с явной неохотой.

Потому, что это не единственная причина отказаться от этого брака, – сказал Киёри.

Поразительно. Ты хочешь сказать, что есть и другая?

Да, и вкупе с первой они образуют очень веские доводы против.

Нао подождал, что еще скажет Киёри, но тот умолк. Он безмолствовал и, кажется, сделался еще мрачнее. Нао потягивал сакэ и терпеливо ждал. Он был уверен, что раз Киёри молчит, значит, на то есть веская причина. Нао уже начал было думать, что Киёри передумал делиться с ним второй причиной, когда тот все-таки заговорил.

Мой сын, Ёримаса, недостойный человек. Он – пьяница, бабник и мот.

Брак изменит его, как меняет всех.

Когда я назвал его пьяницей, бабником и мотом, я выразился недостаточно прямо. Он хуже. Намного хуже. Если бы он приходился мне не сыном, а вассалом, я уже давным-давно приказал бы ему покончить с собой. И то, что я не могу этого сделать – признак моей слабости как отца.

Что же он сделал?

Вещи, о которых мне стыдно даже думать, не то что говорить вслух, – отозвался Киёри.

Ёримаса давно ждал двух вещей. Момента, когда он примет власть над княжеством Акаока, и своего первого видения. Поскольку он являлся старшим сыном князя Киёри, в первом он был уверен. А непоколебимая уверенность в собственном особом предназначении сулила ему второе. И его характер с самого раннего детства формировался под воздействием этих ожиданий, несмотря на увещевания отца, часто повторявшего, что жизнь изменчива и полагаться на нее нельзя, а на наследование пророческого дара – тем более. Ёримаса уродился редкостным упрямым. Он мог повторять: «Да, отец», – но на самом деле вовсе не имел этого в виду.

Поскольку Ёримаса был настолько уверен в себе, окружающие тоже были уверены в нем. Особенно если учесть, что он был старшим внуком по обоим линиям

родства. Неудивительно, что родственники возлагали на него большие надежды. К концу первого года жизни Ёримаса был смысленным и бодрым ребенком, уже говорящим осмысленные фразы. К третьей годовщине он уже научился писать. Он с немалым искусством обращался со своим маленьким мечом, метко пускал стрелы в цель из маленького детского лука и бесстрашно управлялся со своим пони, и все это прежде, чем ему исполнилось пять лет. Домашние носились бы с ним в любом случае. А благодаря его выдающимся качествам, включая красивую внешность, с ним носились еще больше обычного.

Рождение его брата, Сигеру, не умалило его достоинств. Сигеру был более тихим и более робким, чем Ёримаса, и далеко не таким красивым. И всем, когда они ударялись в воспоминания, казалось, что когда мальчики росли, Ёримаса все делал раньше, лучше и своеобразнее. Если Сигеру в чем и превосходил брата, так это в физической силе. Он был очень сильным мальчиком. Впрочем, среди мужчин сила ценится не настолько высоко, как среди быков. Да и как бы там ни было, поскольку, согласно законам и обычаям, наследовал всегда старший сын, первому сыну придавалось намного большее значение, чем второму. Особенно когда первый, как вот сейчас, обладал такими выдающимися дарованиями. Родственники, вассалы и слуги то и дело твердили друг дружке о том, как им необыкновенно повезло, что у них такой талантливый юный господин. Несомненно, будущее клана в надежных руках, особенно если учесть, что, судя по всем признакам, в этом поколении именно Ёримасе предназначено унаследовать провидческую силу.

Такой знатный юноша, обладающий всеми дарами, какие только может дать хорошая наследственность и семейное состояние, неизбежно обзаводится последователями среди ровесников. Ёримаса не был исключением. Отчасти из-за тревожного времени – беспорядков в стране, увеличения количества чужеземных военных кораблей у берегов, внушающих беспокойство политических перемен на азиатском материке, – возможность наличия провидческих способностей притягивали к Ёримасе куда больше молодых господ, чем это происходило бы в иных обстоятельствах. Но и так этого могло бы не произойти, если бы Ёримаса не представлял собою безукоризненный образчик благородного самурая. И мог ли он, живя подобной жизнью, воспринять отцовские предостережения всерьез?

И потому, когда разочарование настигло его, оно оказалось неопишимо огромным.

В канун его двадцать второго дня рождения отец сказал Ёримасе:

Ты не станешь князем после меня.

Потрясенный Ёримасу только и сумел спросить:

Почему?

«Почему» здесь ни при чем.

Я – ваш старший сын. Я не уступлю своих прав моему младшему брату.

Сигеру тоже не станет князем.

Невзирая на боль, Ёримасу рассмеялся.

Раз ни Сигеру, ни я не станем вашими наследниками, вы, должно быть, намереваетесь породить еще одного? Или уже проделали это втайне?

Перестань болтать глупости. Я сказал тебе правду. Прими ее.

Это пророчество?

Называй это как хочешь, или не называй никак, – сказал отец. – Учитывай его или не обращай на него внимания. Это ничего не изменит.

Кто же станет следующим правителем нашего княжества?

Тот, кто еще не родился.

Так значит, вы намереваетесь взять себе новую жену, или наложницу. – Первоначальное потрясение Ёримасы начало сменяться гневом. Какая-то ловкая женщина вскружила отцу голову. И старый дурак, влюбленный без памяти, пообещал, что сделает ее ребенка следующим князем. Кто же она такая? – Вы так уверены, что породите нового наследника? Вы уже не молоды, отец.

Лицо отца приобрело какое-то странное выражение. Сейчас его суровость казалась преувеличенной. Но скрывалось ли под ней какое-то иное чувство? Если и так, Ёримаса не мог его разгадать.

Решение принято, – сказал Киёри. – И обсуждать тут больше нечего.

Если обсуждать и было нечего, зато было что делать. Во-первых, Ёримасе нужно было выяснить, кто эта женщина, и где отец прячет ее и ребенка, если таковой уже существует. Затем нужно будет избавиться от них. Пророчество тут ни при чем. Киёри сказал о принятом решении. Он не стал бы говорить так о видении. А значит, будущее не было предрешено. И Ёримаса не собирался сидеть и молча терпеть, глядя, как его лишают права первородства.

Сперва самые упорные его поиски не давали никаких результатов. Ёримаса распросил всех слуг и всех вассалов. Никто и никогда не видел, чтобы князь Киёри навещал какую-то женщину. Никто и слыхом не слыхал ни о каком ребенке. Ёримаса попросил самых надежных своих друзей последить за отцом. Они ничего не узнали. Он сам следил за Киёри – с таким же результатом. То есть, с нулевым. Никакой женщины, никакого ребенка. Так что же заставило князя Киёри принять столь странное решение? Этого не знал никто.

Затем, вскоре после того, как Киёри объявил Ёримасе о своем решении, его поведение претерпело странные изменения. Он начал каждый день подолгу просиживать на седьмом этаже башни. И всем строго-настрого было запрещено подниматься выше третьего этажа, когда князь сидел наверху. Это было время, когда чужеземные корабли принялись еще чаще вторгаться в японские воды. Несколько раз они даже входили в залив, над которым стояла «Воробьиная туча». И подобное удаление от дел было со стороны князя глубоко неуместным.

Ёримаса даже начал задумываться: может, отец сошел с ума? Да, это было бы прискорбно, но зато весьма удобно. Если отец лишился рассудка, старшие вассалы поддержат его смещение. Такое уже бывало. Клану нередко приходилось сталкиваться с безумием. Похоже было, что его вызывают те же таинственные силы, благодаря которым кровь Окумити несет в себе провидческий дар. То, что князь Киёри втайне лишил двух своих сыновей наследства, и вдруг появившееся стремление обитать в башне, казалось, явственно намекало на этот вариант.

Среди вассалов поползли шепотки о том, что надо поставить Ёримасу регентом. К великому удовольствию Ёримасы, сам он не имел к этим разговорам ни малейшего отношения. Эта идея возникла сама собою. Даже самые верные вассалы отца – господин Сэйки, господин Танака и господин Кудо – выразили Ёримасе свое беспокойство. Ёримасе приятно было видеть, что они, как и прочие вассалы, начали относиться к нему с большим почтением, чем прежде. Отец энергично рыл себе яму. И казалось, что Ёримасе требуется лишь запастись терпением и подождать.

Но он был недостаточно терпелив.

Привычка отца сидеть в башне в одиночестве разжигала его любопытство. В

конце концов Ёримаса не выдержал и решил разузнать, что же Киёри делает там по многу часов, день за днем.

Войти в башню незамеченным труда не представляло. Киёри не ставил стражу ни у входа, ни на лестничных пролетах, ни где-либо между третьим и седьмым этажом. Он полностью полагался на силу своего повеления. Его и вправду хватало, чтобы держать на расстоянии всех. Кроме Ёримасы.

Еще прежде, чем подняться на седьмой, самый высокий этаж, Ёримаса услышал голос отца. Киёри с кем-то разговаривал. Его же собеседник, кем бы он ни был, говорил очень тихо, и Ёримаса не слышал ни единого его слова.

Вам следовало давно сказать ему об этом, – сказала Сидзукэ.

Как вы советовали, – отозвался Киёри.

Ну какое имеет значение, кто это советовал? Это было ошибкой, мой господин, откладывать столь важную беседу так надолго. – Она низко поклонилась. – Прошу простить меня за прямоту.

Что ж, теперь он знает. Он не будет князем.

Но вы не сказали ему, почему.

Нет.

И не сказали, что в его поколении даром провидения будет наделен не он.

Нет. Я надеюсь, что когда он увидит, с какими страданиями сопряжены видения, он не станет сильно сожалеть о них.

Сидзукэ улыбнулась.

Но он не видит, чтобы вы выказывали какие-либо признаки страдания, мой господин.

Это потому, госпожа моя, что у меня на самом деле не бывает видений, разве не так? Они бывают у вас. А вы говорите мне все, что я знаю о грядущем.

Но поскольку вы считаете меня видением, то, что вы слышите от меня от будущем – все равно как если бы вы это видели сами. – Сидзукэ умолкла и сделала вид, будто обдумывает эту мысль. – Но иногда вы считаете, что я – не видение, а призрак. В таком случае, являются ли мои слова видением для вас? Полагаю, да, ибо чем еще они могут быть?

Киёри нахмурился.

Я никогда не мог до конца определиться, что же я по этому поводу думаю. Единственное, что мне известно точно, так это то, что все, сказанное вами, оказывалось правдой, безо всяких подвохов и скрытых подтекстов. Являетесь ли вы той, кем себя именуете, или нет, но именно через вас ко мне приходят мои видения. У Сигеру все будет иначе. Так вы сказали.

Да, это будет иначе.

Он будет страдать.

Да.

Он ничего не будет понимать.

Да.

Когда Ёримаса увидит это, он станет меньше жалеть о том, что лишен этого дара.

Вы можете на это надеяться.

А вы не можете мне этого сказать? Ведь вы наверняка знаете.

Тут дверь внезапно распахнулась и со стуком врезалась в стену. На пороге возник Ёримаса, с мечом в руке. Он бледен, а глаза налиты кровью.

Что ты делаешь? – спросил Киёри. Он вскочил на ноги, но не прикоснулся к своему мечу.

Ёримаса увидел, что сакэ налито для двоих. Чашечка, стоящая перед отцом, была пуста. Чашечка, предназначенная для дамы – полна. Но женщины не было видно.

Где она?! – выкрикнул Ёримаса.

Немедленно убери меч и выйди! – Киёри бесстрашно шагнул навстречу сыну. – Ты забываешься!

Но Ёримаса не обратил на него никакого внимания.

И давно вы сделались рабом женщины? – спросил он. – Не смотрите на меня так яростно. Я сам слышал, как вы в этом сознались. Вы – лжец и лжепророк. А она – чародейка. Ясно, что чародейка, раз ради нее вы отказались от обоих своих сыновей. Где она?

Он обшаривал комнату взглядом, силясь отыскать вход в тайный ход. На стенах ничего не было заметно. Ёримаса внимательно осмотрел циновки на полу. Непохоже было, чтобы какую-нибудь из них быстро сдвигали с места. Мимо него женщина проскользнуть не могла. Равно как и не могла выбраться через окно, поскольку при свете дня ее непременно заметили бы снизу. Значит, тайных ход находится где-то в этой комнате. Ёримаса поднял взгляд.

И когда он сделал это, Киёри шагнул вперед и одним плавным, точно рассчитанным движением вывернул сыну руку, вынудив его выпустить меч и кубарем отлететь к дальней стене. Прежде, чем Ёримаса успел подняться или выхватить второй меч, Киёри ударил его в висок рукоятью отобранного меча.

Ёримаса пришел в себя в своих покоях. Над ним сидел доктор Одзава. Правая сторона головы болела, но серьезно Ёримаса не пострадал. Стражников у двери не было. Мечи находились на своем законном месте, на стойке. Ёримаса взял их и вышел из комнаты. Никто не пытался его остановить.

Он не стал искать отца. Он знал, что Киёри ничего не будет ему объяснять. Эта женщина, кем бы она ни была, ушла, спрятавшись в тайник. Если он не нашел ее прежде, уж наверное не найдет и теперь. Сейчас Ёримаса хотел увидеть другого человека. Если то, что он услышал, было правдой, у него ничего не осталось в жизни.

Он нашел Сигеру на тренировочном дворе; он стремительно двигался между манекенами, рубя их.

Сигеру заметил ушибленный висок брата.

Что случилось?

Ёримаса пропустил вопрос мимо ушей.

Отец когда-нибудь говорил с тобой о видениях? – спросил он.

Ты же знаешь, что да. Он всегда рассказывает нам о своих видениях одновременно.

Я имел в виду не его видения, а твои.

На лице Сигеру не дрогнул ни единый мускул, но уже одно то, что он замешкался с ответом, было достаточно красноречивым. Так значит, это правда. Видения будут приходить не к нему, а к Сигеру, и Сигеру знает об этом.

Так значит, отец наконец сказал тебе, – произнес Сигеру.

И снова Ёримаса не обратил внимания на его слова, а вместо этого спросил сам:

У тебя уже начались видения?

Нет. Отец сказал, что и не начнутся еще много лет.

И давно ты об этом знаешь?

Двенадцать лет.

То есть, с самого детства?

Да.

И ты ничего мне не сказал.

Почему никто ему ничего не сказал? Почему они позволили ему верить, что провидцем станет он? Стыд жег его даже сильнее разочарования. Какими глупыми и пустыми были все эти годы, наполненные гордостью и уверенностью в себе!

Не я правлю этим княжеством, – сказал Сигеру, – а наш отец. Он отдает приказы. Он сказал мне то, что желал сказать, и оставил остальное при себе. Насколько я понимаю, это и означает быть князем. Тебе следовало бы это знать.

С чего бы вдруг мне это следовало? Я никогда не стану князем, – парировал Ёримаса.

Конечно, станешь. Ты – старший сын. Тому, кто наследует отцу, совершенно не нужны видения.

Я не стану князем. Отец сказал мне, что я им не стану.

Сигеру нахмурился.

Что это может значить?

У него есть женщина, о которой никто не знает. Я слышал, как он разговаривал с ней в башне. Не знаю, сколько они уже вместе. Возможно даже, что у нас есть старший брат, о котором мы пока не знаем.

Это невозможно.

Ничего невозможного нет, – сказал Ёримаса.

Он оставил Сигеру во дворе, а сам направился в конюшню. Он не желал ни на час задерживаться в замке. Он решил, что поедет во дворец в Эдо и там попытается что-нибудь придумать.

Ёримаса!

Из теней выступил отец.

А, вы пришли, чтобы пожелать мне счастливого пути! Или чтобы запретить мне уезжать?

Это не то, что ты думаешь, – сказал Киёри.

Да ну? Тогда что же это?

Женщины тут ни при чем. И у меня нет другого ребенка, который мог бы стать моим наследником. Никакого другого ребенка нет. Пока что. А когда он появится, это будет твой сын, а не мой.

Господин, это пророчество?

Да.

Ёримаса низко поклонился.

Тогда я смиряюсь перед неизбежным и уступаю моему еще не рожденному сыну. Кто станет моей женой и когда свадьба?

Это пока еще не было мне открыто.

Ёримаса вскочил в седло и снова поклонился.

Пожалуйста, дайте мне знать, когда это станет ведомо. Каждое ваше слово – закон для меня.

Он еще раз поклонился, хрипло рассмеялся и послал коня с места в галоп.

Все его мечты рассыпались прахом. Он не станет князем Акаоки. Он не будет изрекать пророчеств. Уважение, граничащее с благоговейным трепетом, с которым к

нему относились прежде, сменится насмешками. Ёримасе хотелось умереть. Но покончить с собой сейчас было бы трусостью. А он не трус. Он вытерпит то, что на него обрушилось. Но он не обязан терпеть это в унынии.

Первые двадцать два года своей жизни Ёримаса провел, готовясь править. Он читал классическую литературу. Он осваивал рукопашный бой. Он изучал стратегию руководства армиями. Он по несколько часов в день сидел в дзадзен, освобождаясь ото всех ощущений, а затем освобождаясь от освобождения. Эти искусства были необходимы для человека, которому предстояло воевать и командовать другими людьми. Но отныне Ёримаса не нуждался в них. И отказался от них раз и навсегда. Если прежде он каждую минуту совершенствовал достоинства самурая, то теперь он принялся самозабвенно потакать плотским устремлениям и прихотям. Что еще могла дать ему жизнь?

Например, алкоголь, опиум, абсент и массу прочей бурды, изменявшей его восприятие и настроение так, как ему было угодно. Конечно, у них имелись негативные побочные эффекты. Но для их лечения имелись другие растворы, порошки, пилюли и курения.

Ёримаса испытал их все, включая все лекарства и противоядия. Он принял их столько, что уже почти способен был не обращать внимания на смешки за спиной.

Ёримаса ждал, что отец вмешается, и потому когда тот действительно вмешался, он не удивился. Но Киёри ограничивал его свободу ровно настолько, чтобы успело оказать действие лекарство от текущей болезни. Затем Ёримасу отпускали.

Вскоре Ёримаса понял, в чем причина. Если посадить его под стражу, у него не останется абсолютно никаких причин продолжать существование. Следовательно, заключение было неприемлемым, поскольку Киёри не мог допустить, чтобы Ёримаса покончил с собой. Его видение гласило, что Ёримаса должен жить, чтобы породить сына.

Но оно же гарантировало Ёримасе, что он не умрет по случайности, что бы он ни делал. Неминуемость его судьбы была также залогом его неминуемого выживания. Забавно, не правда ли?

Зелья, приносившие облегчение, одновременно и травили его. Его тело страдало. А мысли – еще больше. Вскоре галлюцинации и смены настроения перестали приносить ему удовлетворение. Ёримаса переключил внимание на женщин. Когда-нибудь настанет день, и отец прикажет ему жениться, и он подчинится. Он обслужит жену, как надежный племенной самец, каковым он и является. Ну а пока что... В Эдо много женщин.

Сперва его привлекала красота лиц. Но обычная физическая красота в таких количествах постепенно переставала чем-либо отличаться от некрасивости. Ёримаса более не замечал ничего, достойного внимания.

Тогда он заинтересовался другими частями тела. Их формой, строением, запахом, вкусом. В них было чарующее разнообразие, даже в одном и том же теле, а чем больше было тел для сравнения, тем больше и разнообразия.

Когда же он устал и от этого, он переключил внимание на собственное тело. Он экспериментировал со многими областями удовольствия. Осталась боль. Но Ёримаса не смог отыскать внешней боли, сопоставимой с той, которая терзала его изнутри. Он делал, что мог. Он был самураем. Он выдержал.

От собственной боли он перешел к боли чужой. Здесь он наконец-то обнаружил идеальное сочетание всех элементов. Галлюцинации, усиление чувственного

восприятия, красота, уродство и, главное, боль.

Иногда он заходил слишком далеко, и женщина погибала. Тогда ему приходилось платить солидную сумму денег заведение, к которому она принадлежала, и специальный утешительный взнос ее семейству. Это были всего лишь деньги.

Ёримаса увлекся извращенными сексуальными техниками, которые причиняли боль ему, и еще большую боль – им. Была некая особая пикантность в их слезах и некая особая музыка в их голосах. Некоторые смеси помогали увеличить его удовольствие. Некоторые курения помогали усилить их мучения. Он использовал все.

Ёримаса обнаружил, что достигает наибольшего возбуждения, когда уничтожает лучшие их свойства. Поначалу он принимал за таковые красоту. Ему не нужно было оставлять шрамы снаружи. Если таковые оставались изнутри, этого было достаточно. Но постепенно Ёримаса понял, что видимые проявления значения не имеют. У каждой из них, что бы они ни делали и что бы им ни довелось повидать, в глубине души жила сердечная тайна – драгоценное ощущение собственного «я», которое они умудрялись сохранить. Ёримаса научился разыскивать его с необычайным искусством. И тогда их крики делались такими громкими, что почти заглушали смех у него за спиной.

Если бы дочь ничего для тебя не значила, я бы так не волновался, – сказал Киёри, – но я знаю, что ты ее очень любишь.

Мидори – всего лишь девушка, – отозвался Нао. – Она не имеет значения. Значение имеет сын, которого она родит.

Не давай согласия столь легко, Нао. Позволь, я расскажу тебе, каким сделался Ёримаса.

Нет. Это неважно. – Нао поклонился. – Мы польщены честью, которую вы оказали нашему клану. Мидори выйдет замуж за Ёримасу.

Время шло одновременно и очень медленно, и очень быстро. Иногда Ёримаса был не в состоянии сказать, сколько же его прошло – неделя, или месяц, или большая часть его жизни. И подобное забвение было ближайшим доступным ему подобием счастья.

Ёримаса!

Он разглядел через опиумный дым лицо Сигеру.

А, братец! Не будь таким робким. Вдохни-ка. Не бойся, от этого не умрешь.

Сигеру рывком поднял его на ноги. Охранники опиумокурильни, обычно столь решительные, на этот раз оставались в почтительном отдалении. Репутация дуэлиста, которой Сигеру обзавелся еще в пятнадцать лет, за прошедшие годы создала ему устрашающую славу.

Я пришел, чтобы отвезти тебя в «Воробьиную тучу». Отец нашел тебе невесту.

Какой сейчас год?

Сигеру уставился на него с отвращением и ответил не сразу.

Четырнадцатый.

А какого императора?

Император Нинкё продолжает облагораживать мир своим божественным присутствием.

Сигеру наполовину вывел, наполовину вытащил брата из опиумокурильни. Ёримаса не сопротивлялся. Поразительно. Оказывается, прошел всего год. Или даже меньше.

А месяц сейчас какой, братец?

На протяжении трех недель отец заставлял его тренироваться вместе с вассалами, как будто в преддверии войны. Ёримаса ни единого часа не проводил под крышей; он жил в военном лагере, разбитом в горах к северу от «Воробьиной тучи». Он каждый день на рассвете вместе с другими кавалеристами ехал к берегу моря, спешивался и, не снимая доспеха, бежал от леса Мурото до мыса Мурото. Если он падал и пытался отдохнуть, Сигеру заставлял его подняться. Если Ёримаса не бежал сам, его волокли. Если он пытался вырваться, трое военачальников клана, господин Сэйки, господин Танака и господин Кудо хохотали во все горло, как будто сроду не видали зрелища потешнее. По ночам вассалы клана, изображающие вражеский отряд, устраивали налеты на лагерь и безжалостно лупили бамбуковыми палками тех, кто запоздал встать. Провизии им не подвозили. Кому удавалось поймать силками зверька, подстрелить птицу или найти съедобные растения, те и ели. Остальные ходили голодные. На четвертый день Ёримаса дошел до того, что принялся есть даже самых противных насекомых, каких удалось поймать. На шестой день он всерьез задумался о том, не забить ли ему свою лошадь. На седьмой день лагерь перенесли на побережье, и рыбаки из деревни Кагемиса дали им немного сушеной трески и нешлифованного риса. Ёримаса в жизни не ел ничего вкуснее.

По прошествии трех недель к Ёримасе вернулись трезвость и способность рассуждать. Это было временно и бессмысленно. Тот человек, которым он стал, с легкостью мог перенести период лишений. Он сделает то, чего от него требуют, а затем будет тратить силы менее оскорбительным для себя образом. Пускай отец сам воспитывает наследника. Какое ему дело до преемственности власти, раз его исключили из линии наследования? И чем для него будет сын, если не еще одним поводом для насмешек? Ёримаса уже ненавидел его. Он еще не родился, даже еще не зачат, и все же Ёримаса ненавидел его, как никого в жизни.

И еще свою будущую жену. Кто бы она ни была, ее он тоже ненавидел.

Дочь князя Нао? – Ёримаса думал, что его ничто уже не может потрясти, но оказалось, что он ошибался. – Князь Нао из княжества Сироиси?

Ты знаешь какого-нибудь другого князя Нао? – поинтересовался Киёри.

Яблочный князь! – выпалил Ёримаса. Идиот! Он-то думал, что унижения глубже, нежели он переживал сейчас, не бывает. Мог бы и знать, что хуже может стать всегда.

Это твой будущий тесть, – сказал Киёри. – Не оскорбляй его подобными прозвищами.

Это еще почему? Яблочный князь. Под этим титулом его знает вся Япония. Ты решил женить меня на дочери самого нелепого князя во всей империи. Но почему?

Стыд и ярость, терзавшие Ёримасу, были так велики, что на глазах у него выступили слезы. И только гнев мешал им пролиться.

Владения князя Нао невелики... – начал Киёри.

Невелики, незначительны, бедны, слабы и находятся в полной глуши – дальше на север уже только деревни этих жалких дикарей-айнов!

Владения князя Нао невелики, – повторил Киёри, – но он умело ими управляет. Его запасы риса позволили ему, как и нам, пережить недавний голод спокойно, без беспорядков, в отличие от множества других княжеств. Его войско...

Ты называешь эту пригоршню деревенских олухов войском?

Его войско, привычное к суровым зимам, входит в число тех немногих, которые

способны вести даже наступательные действия в это время года.

Да потому, что там всегда зима!

А в его садах, которые ты тут хаешь, растут лучшие яблоки империи...

Да кто их ест, эти яблоки, кроме лошадей?

...славящиеся своей красотой и ароматом. Сам князь Нао – достойный самурай старой школы. Мы с ним вместе сражались в нашей первой битве, когда оба мы были сущими мальчишками.

Это когда вы по приказу сёгуна разгромили голодающих крестьян? Теперь ты возвысил эту бойню до звания битвы?

Довольно! Завтра мы выезжаем в княжество Сироиси. Ты женишься на дочери князя Нао. Приготовься.

Ёримаса поступил, как ему было велено. Он стал готовиться к свадьбе.

Он подкармливал свою ненависть и гнев, отвращение и стыд воспоминаниями обо всех проявлениях неуважения, оскорблениях и унижениях, реальных и мнимых, обо всех уничижительных замечаниях и сдавленных смешках, раздававшихся за его спиной в течение последнего, самого скверного и жалкого года его жизни. Он пообещал демонам десяти тысяч преисподен, что вся та боль, которую он перенес и причинил, не пойдет ни в какое сравнение с той болью, что грядет.

Драгоценная дочурка князя Нао вскоре позавидует даже голодным призракам, влачащим жалкое существование среди кладбищенских туманов.

Ну?

Госпожа Тиemi весь вечер сверлила мужа взглядом, а он упорно ее игнорировал. В конце концов она не выдержала и нарушила молчание.

Что – ну? – переспросил князь Нао.

Когда ты намерен рассказать мне то, что, судя по твоему виду, ты мне рассказывать не желаешь?

Ты несешь чушь. Если бы я что-то хотел бы тебе сказать, то рассказал бы без промедления.

А если бы чего-то не хотел говорить, – откликнулась Тиemi, – то тянул бы с этим до последнего момента и рассказал лишь тогда, когда, по твоему мнению, было бы слишком поздно и никакие мои возражения уже ничего бы не изменили. Я тебя слишком хорошо знаю, Нао.

И вправду, она его знала. Нао и Тиemi еще в детстве играли вместе. Его отец был самым значительным из вассалов ее отца, а затем сделался князем Сироиси. Поскольку у него были только дочери, он усыновил Нао, когда они с Тиemi поженились, и сделал его своим наследником. Так что они знали друг друга всю жизнь и были почти что братом и сестрой, в лучшем смысле этого слова.

А здесь нечего возражать, – сказал Нао. – Все уже сделано. Мидори помолвлена.

С кем?

С сыном князя Киёри.

Госпожа Тиemi внезапно покачнулась, как будто ей сделалось дурно, и оперлась руками об пол.

С Сигеру?

С Ёримасой.

О, нет! Этого не может быть. Не может быть.

Свадьба состоится через неделю после летнего солнцестояния.

Господин мой! Я умоляю вас изменить решение! – Тиemi согнулась в поклоне и прижалась лбом к полу. – Ёримаса уничтожит ее!

Чепуха. Он – самурай знатного рода. Он будет терпелив.

Тиemi подняла голову. Лицо ее было мокрым от слез.

Ты не можешь не знать, что о нем говорят.

Я не прислушиваюсь к сплетням.

Ёримасе нравится причинять боль женщинам...

И тебе тоже не следовало бы к ним прислушиваться.

Он связывает их, дает им наркотики, мучает их...

Рассказывают, что некоторые гейши так играют. Это просто видимость, притворство, и только.

Он использует свой орган как оружие, чтобы унижать и причинять боль. Он насилует их при помощи органов, взятых у животных...

Я отказываюсь даже обсуждать...

Всхлипывая, Тиemi сказала:

Некоторые гейши больше не могут работать. Одна умерла от причиненных повреждений. Другая покончила с собой. Третья получила такую травму, что стала страдать сильным недержанием, и сошла с ума. Когда ее брат приехал за ней и увидел, во что она превратилась, он убил ее, а потом и себя. Пожалуйста...

И госпожа Тиemi расплакалась, не в силах продолжать.

Князь Нао некоторое время сидел в молчании, склонив голову. Когда слезы Тиemi иссякли, а дыхание успокоилось, он сказал:

Князь Киёри поделился со мной пророчеством.

Пророчеством? Никто не верит в его способности, кроме невежественных суеверных крестьян. Ну, и еще тебя. Ты что, и вправду настолько глуп?

За год до мятежа он сказал мне...

Крестьяне голодали! – воскликнула госпожа Тиemi. – Не нужно быть пророком, чтобы понять, что они взбунтуются!

Тиemi, успокойся.

Если ты не отменишь свадьбу, я убью себя. Даю тебе слово дочери самурая.

Тогда ты отнимешь у Мидори незаменимое достояние, которое понадобится ей для семейной жизни. Она слишком молода, чтобы обходиться без материнского совета и утешения.

Если я убью себя, никакой свадьбы не будет. Подобное зловещее предзнаменование заставит отказаться от нее.

Нет. Мидори выйдет за Ёримасу вне зависимости от того, будешь ты жить или умрешь, поскольку Мидори произведет на свет наследника княжества Акаока.

Это и есть то самое пророчество?

Князь Нао кивнул.

А как же сам Ёримаса? А Сигеру?

Ни тот, ни другой не станут правителями. Править будет сын Мидори. Киёри видел это.

А он видел, какие страдания его сын причинит нашей дочери?

Не думай об этом. Прими то, что должно свершиться.

Господин мой, Мидори – младшая из твоих детей и твоя единственная дочь. Ты очень любишь ее. Я знаю, что любишь. Как же ты можешь обречь ее на подобную участь?

Такова ее судьба. Попытки уклониться от судьбы приведут лишь к худшим несчастьям.

Что же может быть хуже?

Князь Нао придвинулся к жене и прижал ее к себе.

Давай будем наслаждаться совместным счастьем ближайшие несколько недель. Это – последние недели, пока она с нами. После солнцестояния она отправится вместе с мужем в «Воробьиную тучу».

Готова? – спросил Кацу. Он разделся до набедренной повязки; кожа у него была коричневой из-за бесконечного труда на полях, и блестела от пота после недавних усилий.

Готова! – отозвалась Мидори. Ее верхнее кимоно уже валялось на земле, вместе с искусно вышитым, тяжелым поясом-оби, сандалиями, веером и ножом танто, который отец велел ей всегда носить с собой, для самозащиты. Ради свободы движений Мидори пропустила подол нижнего кимоно между ног и заткнула за пояс, образовав подобие брюк, смахивающих на штаны-хакама, которые самураи носят во время боя, только покороче. Получилось не особенно изящно – на самом деле, вид получился совешенно неподобающий, и родители, а в особенности мать, поднимут жуткий крик, если застукают ее в этом виде. Но что ей еще оставалось? Мидори была твердо уверена, что в состоянии побить этого хвастуна Кацу – но, естественно, не в том случае, если она будет разнаряжена, словно кукольная принцесса.

Эй, как по-твоему, кто победит? – услышала она возглас в толпе. Работа застопорилась. Все, кто только находился в это время в саду, сбежались поглазеть.

Кацу быстрее всех в деревне. Конечно, он выиграет.

Мидори тоже проворная.

Она проворная для девчонки. Девчонки не могут побить мальчишек.

Мидори может. Она побеждала всех, с кем соревновалась, хоть девчонок, хоть мальчишек.

А, брось! Ей просто поддавались, потому что она дочка князя.

Ничто иное не могло бы так разозлить Мидори или так подстегнуть ее решимость победить, как эта реплика.

Пусть кто-нибудь даст сигнал, – велела она.

Давай я! – вызвалась Мити, ровесница Мидори и ее лучшая подруга среди деревенской детворы.

И я хочу! – заявил кто-то еще.

Ты всегда хочешь.

Потому, что мне никогда не давали подавать сигнал, вот почему.

Хватит спорить, – сказала Мидори. – Мити, ты подашь сигнал.

Ха!

Вот черт!

Взгляд Кацу был прикован к дереву, у которого они стояли.

Мидори оглядела Кацу. Ему было шестнадцать, он был крепко сбит и красив, хоть и грубоватой красотой. Для Кацу это была всего лишь еще одна возможность покрасоваться, похвастаться своей силой и быстротой перед деревенскими девчонками, а может, и перед самой Мидори тоже. Для Мидори же все это было куда серьезнее. Она приходилась дочерью князю этих земель. В ее жилах текла кровь бесчисленных поколений самураев. Всякая схватка между двумя людьми по сути

своей ничем не отличалась от смертельного поединка. Мидори продолжала смотреть на Кацу. Она не смотрела на дерево. Дерево тут и никуда со своего места не денется. Оружие имело значение, и оружием тут была погода, рельеф местности и время суток. Но истинный ключ к победе в том, чтобы победить своего противника еще до начала схватки. Мидори много раз слышала это от отца, когда он обучал ее братьев искусству ведения войны. Она продолжала смотреть на Кацу. В конце концов он тоже мимоходом взглянул на нее. И его глаза тут же оказались намертво скованы ее взглядом. Кацу от удивления приоткрыл рот. И ровно в это мгновение Мити подала сигнал.

Пошли!

Мидори взлетела, словно ракета во время фейерверка. Она не обращала ни малейшего внимания ни на вопли зрителей, ни на Кацу, взбирающегося на соседнее дерево. Она вообще ни о чем сейчас не думала. Она всецело растворилась в этом подъеме; в этот миг не существовало различий между ветром и ее дыханием, между ветвями и листьями и ее руками и ногами, между движениями ее тела и незыблемостью древесного ствола, между землей и небом. Мидори даже не осознала, что уже добралась до макушки, пока не услышала снизу радостные крики детворы.

Она его побила!

Мидори победила!

Прямо аж не верится!

Вот видишь? Девчонки могут побить мальчишек!

Мидори быстрее всех!

Над ней было лишь небо, синее, словно море, с белопенными гребнями проплывающих облаков. На миг Мидори почудилось, будто она находится под водой. Детвора вдруг стихла. Мидори посмотрела вниз и увидела, что все они пали ниц и согнулись в поклоне, как если бы она была принцессой императорской крови.

Мидори рассмеялась от счастья.

А потом она увидела, почему крестьяне кланяются. Они кланялись не ей.

Пока шло состязание, к этому месту подъехали три всадника. Одним из них был ее отец, и он-то как раз хмурился сильнее всего. Во втором всаднике Мидори узнала давнего отцовского друга, князя Киёри. А третьим был красивый молодой человек – Мидори в жизни не видала никого красивее.

Изящно изогнутые брови, длинные ресницы и тонкие черты лица делали бы его похожим на девушку, если бы не некая жесткость, сквозящая в очертаниях его скул, и не упрямый, волевой подбородок. Хотя он держался в седле весьма небрежно, его фигура и движения выдавали в нем самурая, отдавшего много лет серьезным тренировкам. Он послал лошадь вперед, чтобы лучше разглядеть Мидори. Он остановился прямо под ней и поднял голову. Увидев Мидори, он рассмеялся. У него был очень красивый смех.

Мидори покраснела – наверное, вся целиком.

Хоть я и знала, что ты у меня дурочка, но у меня просто в голове не укладывается, что тебе в такой день – в такой день! – вздумалось лазать по деревьям! – сказала мама.

Они сидели в покоях госпожи Тиэми. Мать укладывала волосы Мидори в прическу, а служанки пытались одновременно с этим обрядить ее в новое кимоно.

Они же должны были приехать утром, – возразила Мидори. – Они не приехали, и я подумала, что теперь они будут только завтра.

Да еще и голая, словно обезьяна какая! – Мать взяла ее лицо в ладони. – Позор какой! Что они о нас подумают?

Мама, вовсе я не была голая.

На тебе было верхнее кимоно?

Нет, но...

Разве твои ноги не были голые, всем напоказ?

Да, но...

Значит, ты была голая, бесстыдница этакая!

Но как бы я могла выиграть состязание, не снимая кимоно? Подол постоянно путался бы у меня в ногах.

Ты – дочь князя, готовящаяся встретить своего жениха, – сказала мать. – Чего тебя вообще понесло на это дерево?

Кацу сказал, что он быстрее меня. Я знала, что ничего он и не быстрее, и я это доказала.

Да какое имеет значение, кто быстрее лазает по деревьям? Что это за глупость такая?

Ты сама рассказывала мне, что в детстве лазила по деревьям быстрее всех в княжестве, – сказала Мидори. – Я бы не знала, как завязать кимоно, чтобы получились хакама, если бы ты мне не сказала.

Не дерзи, – сказала мать, но на щеках ее проступил румянец. Она отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Но потом вдруг улыбка сменилась гримасой, и госпожа Тиemi расплакалась.

Я больше не буду лазить по деревьям, когда выйду замуж, – пообещала Мидори.

Ей было очень стыдно за то, что она так опозорила родителей перед господином

Киёри и господином Ёримасой. По правде говоря, ей бы и самой хотелось произвести впечатление получше. Что о ней должен был подумать господин Ёримаса? Что его жена – невежественная деревенщина, которая раздевается до нижней одежды и лазает по деревьям вместе с крестьянами. Как же он, должно быть, проклинает сейчас свою судьбу! Он выглядит таким утонченным... Должно быть, она ужасно его разочаровала!

Я буду вести себя, как подобает, – пообещала Мидори.

Но ее обещание не успокоило мать; госпожа Тиemi заплакала еще сильнее. Вскоре к ней присоединились и служанки. Да, все это как-то не походило на радостное событие, каким должно бы было являться. И все из-за того, что она повела себя так несерьезно. Ну что ж, придется это как-то исправлять. Она должна стать наилучшей женой для господина Ёримасы и послушной невесткой для князя Киёри. Надо вести себя так, чтобы отец и мать слышали лишь похвалы в ее адрес.

Мама, не волнуйся, – сказала Мидори. Она едва удерживалась, чтобы не расплакаться тоже. Слезы – они такие заразительные. – Обещаю, ты будешь гордиться мною.

Позднее Ёримаса никогда не мог толком объяснить, почему же он так поступил в свою первую брачную ночь. И тот факт, что он оказался не в состоянии объяснить свои действия, поразил его не меньше, чем сам его поступок. Он думал, что уже не способен удивляться чему бы то ни было, когда выяснилось, что он может сделать с женщиной и что он может заставить женщину сделать с ним. В конце концов, разве он не уничтожил границу между удовольствием и болью? Разве он не испытал все возможное? Ёримаса думал, что так и испытал, однако же оказалось, что кое-что он

упустил, даже не осознав этого. И в результате мучения превзошли все мыслимые границы.

Ёримаса не строил никаких конкретных планов заблаговременно. Он только запасся некоторыми пустячками для пущего увеселения. Опиумные шарики были запрятаны в сладкие рисовые пирожки. Фляжку с абсентом Ёримаса засунул себе под одежду. Гротескные приспособления, словно вышедшие из сексуальных кошмаров, и разнообразные органы животных, созданные неведомым безумным художником, были закуплены у того же контрабандиста, который снабжал его опиумом. Бдительность отца была ровно такова, как ожидал Ёримаса, и ни рисовые пирожки, ни фляжка с абсентом обыска не пережили. Что же касается приспособлений, Ёримаса и не рассчитывал, что они доберутся до княжества Сироиси. Он прихватил их исключительно эффекта ради. Любопытно было, что сделает отец, когда обнаружит их. Станет ли он по-прежнему настаивать на свадьбе? Ну, по крайней мере, он взбесится, примется бушевать и, может быть, даже ударит его. Думать об этом было занятнее всего.

Но результат оказался совершенно неинтересным.

Киёри обнаружил эти приспособления среди вещей Ёримасы, и велел слугам выйти.

Голос его был тихим, а лицо – спокойным. Когда слуги исполнили распоряжение, Киёри завернул искусственный член в нижнюю одежду, изъятую из багажа, и унес. Он не стал проклинать Ёримасу. Он не ударил его. Точнее говоря, он даже не взглянул в его сторону. Он удалился, не сказал ни слова. Только глаза у него, как заметил Ёримаса, подозрительно блестели.

Теперь, припоминая этот инцидент, Ёримаса снова ощутил вспышку гнева. Какое у отца право чувствовать печаль, чувствовать стыд, вообще что-либо чувствовать? Разве это он все потерял? Разве он жил, ежесекундно испытывая нестерпимое унижение? Разве это его родной отец лишил всего, что ему подобает? Киёри – князь, провидец, вождь преданных ему вассалов. Те, кто его не уважал, хотя бы боялись его.

Кто уважает Ёримасу? Да никто.

Кто боится Ёримасу? Только женщины.

Он охотно выпил бы сакэ, но его лишили даже этого безвредного удовольствия. В груди у Ёримасы начал закипать гнев. Если отец думал, что Ёримаса изменит поведение, то вскоре он убедится в обратном. Он отыскал только те наркотики, которые должен был отыскать. А вот опиум и абсент, спрятанные в рукоятях мечей Ёримасы, он не нашел. Какой самурай заподорит другого самурая в столь гнусном святотатстве?

Ёримаса неспешно двинулся к покоям, где его ждала Мидори – несколько более неспешно и менее уверенно, чем намеревался. После месяца воздержания ему требовалось совсем немного, а он принял слишком большую дозу. Ну да неважно. Он вполне достаточно соображает.

Ёримаса не продумывал заранее, что он будет делать или что заставит делать ее. Заранее составленное мнение уменьшает силу реальности. Раз рождение сына Мидори предрешено, значит, он может делать все, что пожелает. Что бы он ни сделал, она не пострадает настолько, чтобы потерять способность зачать и родить. Конечно, она может умереть во время родов или сразу после них. Об этом видение не говорило ничего, поскольку это не имело значения. Для Киёри важно лишь одно – заполучить наследника. И осознание собственной свободы и того, что отец зависит от него,

отвергнутого сына, принесло Ёримасе ощущение освобождения. Можно придушить ее. Она не умрет – не сможет умереть, – она сможет только страдать. Может, она впадет в кому? Интересно, а может ли женщина, находящаяся без сознания, выносить и родить ребенка? Возможно, ему представится случай это выяснить. Грядущая ночь сулила массу возможностей.

Молодоженам обеспечили некоторое уединение, отведя им отдельное крыло замка «Белые камни». Однако же, если она закричит достаточно громко, ее услышат. Сумеет ли князь Нао сдержаться и не вмешаться, услышав, как его дочь вопит от боли? Сумеет ли удержаться Киёри? Может, князь Нао со своими вассалами кинется спасать Мидори, а отец с его вассалами попытается помешать подобному посягательству на честь клана? Тогда, несомненно, вспыхнет кровавая схватка – схватка между двумя добрыми друзьями, что трагичнее всего. А она обеспечит превосходный исход.

Мидори останется здесь, при семье.

Киёри и Ёримаса – если, конечно, они выживут в этой схватке, – вернутся к себе на юг.

Результатом станет развод.

А затем родится его наследник – во исполнение пророчества, – но на другом конце государства, а вовсе не во владениях, вроде как принадлежащих ему по праву рождения.

И неважно, кто останется жив, а кто умрет: дед и внук навсегда станут чужими друг другу. Их свяжут не кровь и имя, а ненависть и недоверие.

С точки зрения Ёримасы, это была идеальная месть.

Князь Киёри и князь Нао в сопровождении самых приближенных своих вассалов сидели в пиршественном зале, расположившись друг напротив друга. Прислуживали им самураи. Женщин в зале не было вообще. Равно как и не было праздничных лакомств на подносах, стоящих перед каждым мужчиной. Никто не провозглашал тостов. Все пили сакэ в мрачном молчании. Если бы тут вдруг оказался человек, не посвященный в суть событий, он никогда бы не догадался, что присутствует на свадебном пиру.

Как вы и просили, господин Киёри, я отослал мою жену и ее дам в монастырь Кагеяма, – сказал князь Нао. Поскольку введенный сёгуном закон жестко ограничивал число замков в каждом княжестве, Нао от души поддерживал религиозное рвение. Монастыри, разбросанные по его княжеству, располагались в стратегически выгодных местах, строились так, чтобы в них можно было выдержать серьезную осаду, а проживающие в этих монастырях монахи были куда сильнее и воинственнее, чем можно было бы ожидать. – Необычная просьба: отослать мать со свадебного пира дочери.

Киёри поклонился.

Я прошу у вас прощения за эту продиктованную необходимостью просьбу, господин Нао. Пожалуйста, примите мою глубочайшую благодарность.

Вам не следует ни извиняться передо мной, на благодарить меня, – сказал Нао. – Но я не могу не отметить, что и наша встреча проходит весьма необычно. Помимо прочих примечательных деталей – а их весьма немало, – одна просто-таки бросается в глаза. Господин Киёри, почему вы, господин Танако и господин Кудо явились без мечей? И где прочие члены вашей свиты?

В отведенных им покоях. Я приказал им совершить ритуальное самоубийство, если я не вернусь до рассвета.

Среди людей князя Нао прокатилось потрясенное бормотание. Сам же князь остался спокоен.

Странный способ отпраздновать свадьбу, – сказал он. – А почему вдруг вы можете не вернуться в свои покои?

Вы не позволили мне рассказать то, что вам следовало бы знать о Ёримасе, – отозвался Киёри. – Если этой ночью события будут развиваться так, как я того боюсь, потрясение будет воистину велико. – Он умолк ненадолго, потом спросил: – Вы по-прежнему доверяете мне?

Как и всегда, – ответил Нао.

Тогда пообещайте мне вот что. Пообещайте, что вы не станете вмешиваться, что бы вы ни услышали, и не позволите своим людям вмешаться. Не входите в покои новобрачных до самого утра. Потом же, если обстоятельства будут того требовать, я заранее дозволяю вам казнить Ёримасу и избавиться от его останков без каких-либо почестей или благословения.

Что?!

Прежде, чем вы пойдете туда, вы казните меня, господина Танаку и господина Кудо. Этого недостаточно, но это единственное извинение, которое я могу вам предложить. Чтобы избежать проблем с сёгуном, вы сообщите, что смерти произошли в результате несчастного случая. Я оставил господина Сэйки в Акаоке, поскольку наследнику нужен будет регент, способный обеспечить ему защиту на детские и юношеские годы. Он ждет сообщения о «несчастном случае».

Господин Киёри...

Мой младший сын, Сигеру, будет носить титул главы клана до тех пор, пока наследник не достигнет совершеннолетия. Затем он совершит ритуальное самоубийство во исполнение действий его брата. Так я ему велел.

Господин Киёри, но чего вы ожидаете нынешней ночью? – еле слышно прошептал Нао.

Дайте мне слово, – произнес Киёри, – или объявите брак недействительным. Еще не поздно.

Вы все это предвидите?

Нет. Мои страхи основаны на том, что я знаю своего сына.

Нао закрыл глаза и несколько мгновений хранил молчание. А когда открыл глаза, то сказал:

Я обещаю сделать так, как вы просите.

Киёри низко поклонился.

Благодарю вас, – сказал он. Его лицо исказилось: князь старался сдерживать рыдания. Несколько слезинок скатилось по его щекам, но у него не вырвалось ни всхлипа. – Сакэ! – велел он.

Страх заставляет нас воображать наихудшее, – сказал Нао. – Если вы не предвидели несчастья, значит, оно лишь возможно, но вовсе не неизбежно. А беда всегда ходит рядом с нами, даже в самых благоприятных обстоятельствах. Так давайте же выпьем за новобрачных и пожелаем им всяческого счастья.

Хоть Мидори и пообещала, что родители будут гордиться ею, когда она услышала у двери спальни шорох кимоно ее мужа, ей сделалось страшно.

Она была совершенно не готова к браку – даже менее готова, чем дочери других князей. Большинство из них проводили довольно много времени в Эдо, сёгунской столице, или в Киото, императорской столице, или в многочисленных городах великих княжеств. Они были в курсе всяческих тонкостей взаимоотношений мужчин и женщин, поскольку имели возможность наблюдать разворачивающиеся в утонченном обществе истории. Мидори же всю свою жизнь прожила в маленьком княжестве Сироиси, на крайнем севере Японии, вдали от очагов цивилизации. В этом она более походила на деревенскую девчонку, чем на дочь князя. Разве она сможет доставить удовольствие такому опытному, светскому молодому человеку, как господин Ёримаса? Она даже не знала, с чего начать. Конечно, она в общих чертах представляла себе, как происходят половые сношения. Она подсматривала за взрослыми в деревне, вместе с самыми озорными из деревенской детворы. Но поведение крестьян не поможет ей понять вкусы и желания такого человека как Ёримаса. Мидори была уверена, что ужасно разочарует его.

Мидори на коленях подползла к двери, отворила ее, стараясь двигаться как можно тише и изящнее, и низко поклонилась. Она так оробела, что не смела поднять взгляд.

Мой господин... – вот и все, что она сумела сказать, прежде чем ей от волнения окончательно перехватило горло.

Ёримаса посмотрел на согнувшуюся в поклоне женщину. Волосы у нее уже начали растрепываться. Очевидно, сложная прическа была для нее непривычна. Да, в этих удаленных от цивилизации местах редко возникает необходимость в столь замысловатых украшениях. Из выреза ее кимоно на Ёримасу пахло ароматом свежeweымытого тела. Будь она ребенком, он назвал бы это запахом невинности. А так этот запах лишь укрепил мнение Ёримасы об ее невежественности и примитивности. В городе даже самые неумелые женщины знали, как много значат запахи в искусстве обольщения. Отец дал ему в жены крестьянку с именем знатного семейства.

Ёримаса опустил на колени и поклонился в ответ. Он произнес мягко, совершенно не в соответствии со своим настроением:

Давайте прекратим кланяться и войдем внутрь. Мы не сможем сделать ничего должного на пороге, не так ли?

Госпожа Тиэми сидела в одиночестве в зале для медитации монастыря Киеми. Дыхание ее было очень замедленным; в промежутки между вдохом и выдохом укладывалось много ударов сердца. Она уже много лет не занималась медитацией – как, впрочем, и сейчас. Она лишь использовала дыхательную технику, чтобы дать телу спокойствие, которого было лишено ее сердце. Госпожа Тиэми считала вздохи, чтобы не думать о том, что сейчас происходит на супружеском ложе ее дочери.

Она не верила в пророчества князя Киёри. И никогда не переставала удивляться тому, что ее муж в это верит. Ведь он же – разумный человек, и обычно не склонен к легковерию. Но в юности Киёри и Нао сражались вместе, и это привело к необратимому и злосчастному искажению их отношений. Киёри спас Нао жизнь, и вот чем это закончилось.

Нао вел себя как глупец лишь в одном-единственном вопросе, и теперь их дочь поплатится за это жизнью. Все, что госпожа Тиэми слышала о Ёримасе, заставляло ее думать, что Мидори не переживет свою первую брачную ночь, а если и переживет, то пострадает настолько, что все равно долго не проживет. При вдохе Тиэми ощущала

прикосновение ножен танто к животу. Приносить оружие в храм Будды нехорошо. И проливать здесь кровь тоже нехорошо. Но Тиemi уже принесла его, и намеревалась пойти и дальше, как только услышит неизбежную весть, которой она так страшилась.

Госпожа Тиemi сбилась со счета.

Она вздохнула и начала отсчет сначала.

Мидори не могла сообразить, то ли ей предложить Ёримасе сакэ сразу, то ли это все-таки следует сделать позднее. Чай в покоях был, а сакэ не было – непростительное нарушение этикета. И о чем только думали служанки? Мидори позвала их, но никто не явился. Замок словно внезапно вымер. Как странно. Мидори думала даже, не сходить ли ей в то крыло, где располагались покои матери, но потом отказалась от этой идеи. А вдруг Ёримаса придет как раз в это время и не обнаружит ее? Это будет куда хуже, чем отсутствие сакэ.

И вот он пришел. Они оказались вместе. Мидори и так уже покраснела, и думала, что покраснеть сильнее просто невозможно. Но она ошибалась. Увидев улыбку Ёримасы, она ощутила, как кровь снова прилила к ее лицу.

Мой господин... – повторила она. До сих пор это были единственные слова, которые она сказала ему. Должно быть, он считает ее дурочкой. Конечно, считает, потому что она и есть дурочка! Что бы сейчас сказала настоящая знатная дама или искусная куртизанка? Такой человек как Ёримаса наверняка имел дело и с теми, и с другими. Какой же бестолковой и зеленой она должна казаться по сравнению с ними! Следует ли ей что-нибудь сделать, или надо ожидать, что станет делать он? А если ей все же полагается что-то делать, то что именно? Теперь Мидори понимала, что мать ужасно ее подвела. Ей следовало бы хоть что-нибудь объяснить дочери!

Когда она подняла голову, Ёримаса по-прежнему улыбался и смотрел не нее, и потому уловил ее попытку исподтишка взглянуть на него.

Мой господин... – произнесла она снова. Она просто не могла придумать ничего другого.

Ты превосходно лазаешь по деревьям, – сказал Ёримаса, – но не слишком искусна в беседе. Возможно, нам следовало провести ночь в саду.

Это унижение оказалось последней каплей. Не в силах более сдержаться, Мидори расплакалась.

Именно этого момента Ёримаса и ожидал. Сейчас она слабее всего. Она наивна, неопытна, не уверена в себе. Она нуждается в поддержке и утешении. Она имеет все причины ожидать этой поддержки от него. А он вместо этого поможет ей выйти за пределы столь мирских соображений. Он откроет ей драгоценную истину, которую она и не думала познать, особенно в столь неповторимую ночь. Он откроет ей смысл жизни.

Боль.

Пустота.

И ничего более.

Ёримаса положил руку на плечо Мидори и привлек ее к себе. Он не допускал грубостей и не делал ничего такого, что могло бы встревожить ее. У жестокости есть свои тонкости, и главные из них – внезапность и ощущение неизбежности, испытываемые жертвой. Без должного расчета времени можно уничтожить первое. Без терпения нельзя насладиться вторым. И потому Ёримаса вел себя словно воплощение чуткости.

Мгновение спустя она позволила себе прикинуться головой к его груди. Она начала доверять ему.

Либо пророчество князя Киёри воплотится в жизнь, вне зависимости от того, что произойдет здесь сейчас, либо Ёримаса сорвет его своими действиями. Ёримаса надеялся, что в любом раскладе результат будет один.

Он умрет от чужой руки.

И пускай выжившие наследуют руины.

Пусть они сами исполняют свои пророчества, провонявшие кровью.

Ничто в выражении лица или во взгляде князя Киёри не наводило на мысль, что он слышит девичий крик. Князь оставался все так же прям и бесстрастен, как и на протяжении всего этого вечера.

Нао вздрогнул.

Его вассалы потянулись к рукояткам мечей.

Спокойно! – приказал Нао.

И снова до них долетел крик, уже более громкий и долгий, и на этот раз они смогли разобрать слова.

Отец! Помогите! Помогите!

Вассалы Нао смотрели на него, ожидая приказа. Князь Нао стиснул зубы, напрягся, сжал кулаки – но не двинулся с места и не произнес ни слова.

Господин Нао! – младший из вассалов рванулся к князю. На лице его была написана мольба.

Спокойно, – повторил Нао.

Голос Мидори затих. Вассал прислушался. Тишина. Он склонил голову и заплакал.

Подал голос другой вассал:

Мой господин, нам следует выяснить, что происходит.

Нет, – отрезал Нао. – Я дал слово. Мы будем ждать до рассвета.

Господин Нао, это чересчур жестоко.

Я дал слово, – повторил Нао. – Или кто-то сомневается в слове самурая?

И этот вассал тоже склонил голову.

Отец! Отец!

Теперь голос Мидори звучал совсем близко. Он доносился из коридора, примыкающего к пиршественному залу.

У Киёри вырвалось сдавленное рыдание.

Помогите ей! Я освобождаю вас от вашего обещания! Идите!

Нао и его люди опрометью вылетели из зала, на ходу выхватывая мечи. Мидори находилась в дальнем конце коридора. Пояс ее исчез, кимоно было распахнуто, и вся нижняя одежда от груди до бедер была залита кровью.

Мидори!

Когда она увидела отца, то сделала шаг вперед, зашаталась и осела на пол. И осталась лежать недвижимой грудой.

Госпожа Тиэми услышала в предрассветной тиши грохот копыт. Это ехал посланец, появления которого она ждала и страшилась. У нее вырвался вскрик. Мышцы напряглись. Рукоять танто врезалась в ребра.

В тиши горящего сердца госпожа Тиэми воззвала к Сострадательному, но не

ради себя. Она просила ниспослать вечный покой ее возлюбленной дочери.

Наму Амида Буцу, Наму Амида Буцу, Наму Амида Буцу.

Эти несколько слов, произнесенные с полной искренностью, должны были обеспечить Мидори возрождение в Сухавати, Чистой земле.

Госпожа Тиemi не была уверена, что верит в это. Но она цеплялась за эту надежду, поскольку никакой иной надежды у нее не оставалось.

Она вынула танта из-за пояса, сжала в левой руке ножны, а в правой – рукоять ножа. Она услышала, как всадник осадил лошадь, а несколько мгновений спустя его шаги загрохотали по деревянному полу коридора. Она покрепче сжала нож и приготовилась выхватить его.

Дверь распахнулась.

Госпожа Тиemi! – выдохнул посланец. Он был еле жив после бешеной скачки, и долг, повелевающий поскорее передать вести, боролся с настоящей потребностью дышать. А потому он говорил отрывисто, едва переводя дух. И не успел он закончить, как госпожа Тиemi кинулась прочь из зала медитаций.

До того мгновения, как Мидори положила голову ему на грудь, Ёримаса видел свое будущее с такой ясностью, словно сам был пророком. Но затем, когда он обнял ее, притворяясь, будто пытается ее утешить, он обнаружил под кимоно куда более детское – и по размерам, и по сложению – тело, чем ожидал. Он впервые взглянул на нее с близкого расстояния. Кто-то – мать, или, быть может, служанки, – наложили ей искусный макияж. Издалека его вполне хватало, чтобы скрыть ее незрелость, особенно от того, кто и не приглядывается. Надо ему было повнимательнее слушать, что отец говорил про нее – он ведь наверняка говорил. Но как только Ёримаса узнал, кто она такая – дочь смехотворного Яблочного князя, – все прочее превратилось в несущественные подробности. Во всяком случае, так ему тогда казалось.

Мидори!

Да, мой господин.

В каком году ты родилась?

Господин?

Вопрос вогнал Мидори в замешательство. Он должен был это знать. Никто не согласится жениться, не посоветовавшись предварительно с астрологом. Отец говорил, что гороскоп Ёримасы благоприятен для нее. А ее гороскоп должен был подходить ему, иначе ни о какой свадьбе речи бы не шло. Но ей не полагается задавать вопросы мужу. Уж это-то она будет помнить. Когда он говорит, ее дело – повиноваться.

Во втором году царствования императора Нинкё, – ответила она.

А в каком месяце?

Мидори покраснела. Родиться в такой месяц и попасться на глаза мужу, когда ты лезешь на дерево! Можно ли придумать что-нибудь хуже?

В месяц обезьяны, мой господин, – ответила она еле слышно, надеясь, что он и вправду ее не расслышит.

Ёримаса взглянул в лицо девушки под слоем косметики. Неудивительно, что она не в состоянии следить за своей прической. Не удивительно, что она лазает по деревьям вместе с деревенскими мальчишками. Причина не в том, что она умственно неполноценна, как он уже было решил. Причина в том, что ей всего одиннадцать лет.

И его отец, зная, каким он стал и на какую жестокость способен, отдал ему ребенка. Киёри интересовало лишь одно: получить наследника и пророка для

будущего поколения. Его не волновало, кем для этого придется пожертвовать. Что собственный старший сын, что это ни в чем не повинное дитя – никто не имел для него никакого значения.

Да падет на его отца проклятие неумолимых богов и да будет он лишен сострадания и защиты будд!

Рука Ёримасы соскользнула с плеча Мидори.

Я не чудовище, – произнес он.

Нет, мой господин.

Ёримаса начал пугать ее. О чем он говорит?

Он встал, пошатнулся и чуть не упал.

Я творил зло, но я все же не чудовище.

Мидори знала, что она – неподходящая жена для такого человека. Неужто она настолько сильно разочаровала его, что он не пожелает хотя бы поговорить с ней несколько минут? Нет, тут что-то хуже. Ёримаса натолкнулся на стойку с мечами, схватил свой короткий меч и такой яростью отшвырнул ножны в сторону, что те пробили бумажную панель двери и вылетели в коридор. Ее недостатки настолько разочаровали его, что он собрался убить ее!

Пусть твое пророчество попробует объяснить это! – выкрикнул Ёримаса.

Мидори вскинула руку и закрыла лицо широким рукавом. Он не мог служить защитой, но он, по крайней мере, позволил ей не видеть опускающийся клинок. На пол прямо перед ней плеснула кровь. Капля попала Мидори на щеку. Но она не ощутила боли, и вообще не почувствовала прикосновения меча.

Это была не ее кровь!

Ёримаса вогнал меч себе в живот.

Мидори закричала.

Если бы он проглотил поменьше опиума, выпил поменьше абсента, не ослабел от стыда и не так торопился от гнева, Ёримаса мог бы стать первым человеком, которому удалось помешать исполнению пророчества, изреченному князем из рода Окумити. Но скверные привычки помешали исполнению благого намерения.

Он неудачно ухватил меч, и тот вместо кишечника оказался нацелен в уровень желудка. Поскольку Ёримаса не произвел всех тех приготовлений, которые предписывала традиция, клинку пришлось пройти через несколько слоев одежды, и потому, как Ёримаса ни старался, ему не удалось развернуть лезвие под нужным углом и вскрыть себе живот. Но даже так он вскорости истек бы кровью и умер, если бы не одно, совершенно неожиданное, событие.

Его спасением занялась Мидори.

Господин, что вы делаете?!

Ёримаса, плача от гнева и бессилия, попытался провести клинок вниз, в живот, но сбившаяся одежда его не пускала. Мидори же обоими руками ухватила за рукоять меча и дернула изо всех. Ёримаса в этот момент держал меч за клинок, ухватив его через ткань кимоно, и его захват оказался слабее, чем у Мидори. И в результате Мидори грохнулась на пол вместе с мечом.

Мидори бросила меч и кинулась обратно к Ёримасе. Он сам и пол вокруг него были залиты кровью. Мидори видела, как кровь толчками выливалась из кошмарной раны в животе. Она попыталась зажать рану, но у нее ничего не получилось.

Помогите! Помогите! Отец! Отец!

Мидори сорвала с себя оби, испортив тщательно вывязанный узел, и прижала его к ране. Кровь была повсюду. Ее потрясло, что кровь все еще текла из Ёримасы. Откуда только? Ясно же, что там уже ничего не могло остаться.

Помогите!

Да куда же все подевались?! Мидори не могла больше ждать. Если Ёримасе не помочь, он умрет.

Она выскочила из комнаты и кинулась искать отца.

Лучше бы ты дал мне умереть, – сказал Ёримаса. – А так мне теперь придется начинать заново. Отвратительно, не так ли? Самурай, который не может покончить с собой с первой попытки.

Я горжусь тобой, – сказал Киёри.

Ёримаса повернулся на кровати, чтобы лучше видеть отца, и скривился от этого усилия.

Я знаю, почему ты попытался зарезаться, – сказал Киёри. – Ты хотел удержаться от насилия по отношению к этой девочке.

Ничего ты не знаешь, – отрезал Ёримаса. – Я в любом случае не прикоснулся бы к ней. Я попытался убить себя потому, что я оказался ближайшим Окумити, только и всего. Если бы там был ты, я бы попытался убить тебя. Для тебя ничего не имеет значения, кроме твоих пророчеств. Ты прислал ее мне, словно животное на бойню к отверженным.

Пророчество будет исполнено. Ты женат. Ты жив. Наследник родится в должный срок. В этом я несколько не сомневаюсь.

Ты в конце концов выжил из ума, старый дурень. После такого несчастья князь Нао ни за что не допустит сохранения этого брака. Даже Яблочный князь не согласится смириться с подобным позором. К нынешнему моменту эта история наверняка уже разошлась по всей стране. А я все равно умру, как только ко мне вернутся силы.

История никуда не разошлась, – сказал Киёри, – потому что ничего не случилось. Свадьба прошла хорошо. Молодожены провели вечер за беседой, после чего молодая жена отправилась в покои к матери, чтобы подготовиться к переезду в «Воробьиную тучу». А тем временем молодой муж и его отец пользуются щедрым гостеприимством князя Нао.

Такое постыдное происшествие все равно не утаить.

Киёри улыбнулся.

Ты кое о чем забыл. Тем вечером, прежде чем ты пришел к Мидори, князь Нао отослал из замка всех женщин. Так что эту историю распространять некому.

Я не буду спать с ребенком.

Знаю. Я и не ждал, что ты будешь.

Теперь Ёримаса оказался сбит с толку.

Тогда как же ты намереваешься получить наследника?

Он появится, когда настанет срок. А до тех пор ты будешь опекать и защищать Мидори. В свое время она станет женщиной и будет готова к осуществлению брачных отношений.

Чушь какая. Такое бывает только в сказках. А я завершу начатое, как только поправлюсь.

Тогда сперва убей Мидори, – сказал Киёри. – Она думает, что ты попытался

покончить с тобой, потому что она жестоко разочаровала тебя. Ее терзает нестерпимый стыд. Она сказала матери, что если ты умрешь, она тоже не будет жить.

Это уже не моя забота, – сказал Ёримаса и закрыл глаза.

Киёри ничего на это не сказал. Но на губах его появилась и на некоторое время задержалась улыбка.

1867 год, замок «Воробьиная туча»

Моей матери было семнадцать, когда она родила меня, – сказал Гэндзи. – Как и предсказал дед, отец защищал и опекал ее до тех пор, пока она не выросла и не стала готова к браку.

Такие разительные перемены в характере обычно являются результатом религиозного откровения, – сказала Эмилия. – Не это ли произошло с вашим отцом?

Нет, – отозвался Гэндзи. – Он никогда не отличался особой религиозностью. Это было нечто совершенно иное.

И что же именно?

Он изменился, потому что познал, что такое любовь.

А! – улыбнувшись, произнесла Эмилияю – Очень умно с вашей стороны. Вы снова вернулись к этому вопросу. Надеюсь, вы не станете снова утверждать, что это нельзя выразить словами?

Я не говорил, что этого нельзя выразить словами. Я сказал, что это трудно сделать. Теперь, когда я рассказал вам о моих отце и матери, вы должны понять мое определение.

Итак?

Мой отец жил в ненависти, потому что не способен был думать ни о ком, кроме себя. Можно сказать, что в этом суть ненависти. Он изменился, потому что обрел в моей матери человека, который значил для него больше, чем он сам, и о котором он заботился больше, чем о себе. Таково мое определение любви. – Гэндзи взглянул на Эмилию. – А ваше?

Эмилиии не хотелось, чтобы на глаза ей наворачивались слезы, а когда они все-таки навернулись, ей не хотелось, чтобы они потекли по лицу. Когда же они все-таки потекли, она решила не обращать на них внимания и сказала:

– Мое точно такое же, мой господин.

ЧАСТЬ III

Вчера, сегодня, завтра

ГЛАВА 10

Виды из главной башни

Память обольстительна и коварна.

Если ты помнишь мало, ты тщетно стараешься вспомнить больше. Если ты помнишь много, ты все равно стараешься помнить больше. В обоих случаях ты будешь вспоминать то, что льстит тебе, и не обращать внимания

на прочее. Не правда ли, забавно, что память никогда не подводит тебя в этом? Ты непременно найдешь то, что ищешь.

А если ты помнишь все?

Тогда разгадка заключается в том, чтобы забывать, с той же тщательностью и любовью к своей персоне.

“Аки-но хаси”. (1311)

Когда они вернулись из Яблонево́й долины, Эмилия отправилась к себе в комнату, чтобы отдохнуть. Гэндзи же направился в главную башню. Все прочие сюда старались не ходить без крайней на то необходимости. Слухи о призраках, и в особенности о призраке госпожи Сидзукэ, не способствовали случайным визитам. Но иногда туда все же требовалось наведываться. В усыпальнице на седьмом этаже хранились урны с прахом князей и княгинь клана. Бывали времена, когда по этой лестнице регулярно поднимались лишь монахи и монахини. Каждое утро они возлагали на алтарь цветы, зажигали курительные палочки и читали сутры. Каждый вечер они возвращались, чтобы убрать цветы и пепел сгоревших благовоний, и исполнить требуемые церемонии, дабы запереть усыпальницу на ночь. Гэндзи нравилась тишина башни и виды, открывающиеся на все четыре стороны, а призраков он не боялся.

Он преклонил колени перед прахом своих предков и задумался о двусмысленном характере его недавнего разговора с Эмилией. Почему он рассказал ей о своих родителях? Он вовсе не обязан оправдываться перед ней в чем бы то ни было. Вскоре Чарльз Смит вернется и снова сделает ей предложение руки и сердца. Если бы Эмилия поверила, что Гэндзи не знает, что такое любовь, она была бы более склонна принять предложение Смита. Она покинула бы Японию. Они никогда бы больше не увиделись. Ему не пришлось бы больше беспокоиться о том, насколько много или насколько мало она думает о нем. И тем не менее, он рассказал ей о своих матери и отце. Хуже того – он подчеркнул подробности, которые выставили его детство в чрезмерно трагическом свете, мучительные глубины падения, которых достиг его отец, и искупительную, возрождающую силу любви его девочки-жены, будущей матери Гэндзи. Своим рассказом он вызвал у Эмилии слезы, и знал, что так оно и будет. Если женщина плачет по тебе, значит, она тебя любит и ничего не может с этим поделать. Следовательно, его рассказ превосходно соответствовал целям обольщения. Но он не стремился обольстить Эмилию. Наоборот. Разве не так?

Если бы он действительно хотел, чтобы она уехала, ему следовало бы не рассказывать ей ничего.

Или рассказать все.

Гэндзи посмотрел на две керамические урны, стоящие прямо перед ним. В той, что побольше, квадратной, из темно-серой глины, находился прах его отца; в той, что поменьше, с более мягкими обводами, посветлее, оттенка земли – прах матери. Гэндзи приходил сюда, чтобы взглянуть на них, на протяжении почти всей своей жизни, сперва – по обязанности, из чувства долга, затем – в надежде, что их останки наведут его на нужную мысль или ниспошлют ему бодрость духа. Даже в детстве Гэндзи осознавал свой статус. Он не мог позволить себе выказывать слабость в присутствии вассалов и слуг. И в самые трудные моменты ему могли помочь лишь его родители.

Поскольку они были мертвы, они никогда ничего ему не говорили. Но они были здесь. Их присутствие действовало на него успокаивающе. Он и сам не мог сказать, почему.

Возможно, несмотря ни на что, он был столь же суеверен, как и все вокруг, только вместо того, чтобы бояться духов ушедших, он возлагал на них некие смутные чаяния.

Или, быть может, причина была именно та, которую он называл, когда его спрашивали, почему он проводит в башне так много времени.

Он любил тишину.

1840 год

Гэндзи сидел рядом с отцом, перед урной с прахом матери. Он изо всех сил старался казаться спокойным, хотя его переполняло возбуждение. На следующей неделе ему исполнится пять лет. Четыре года – это граница. Многие, особенно женщины, до сих пор обращались с ним словно с несмышленным младенцем. Но пять лет – это уже не младенец. Пять лет – это маленький мальчик. Это уже несомненно. А если он станет не младенцем, а маленьким мальчиком, то затем он станет юношей, а вскорости после этого – мужчиной. Гэндзи очень хотелось стать мужчиной. Тогда, когда вассалы и слуги будут говорить “господин Гэндзи”, они уже не будут произносить это снисходительно и насмешливо. Они будут произносить его имя так же, как и имя его дедушки или дяди. Когда они говорили “господин Киёри” или “господин Сигеру”, вне зависимости от того, обращались ли к ним или упоминали о них в их отсутствие, их голос всегда был полон почтения. И Гэндзи очень хотелось стать таким же самураем, как его дед и дядя.

Быть таким, как отец, он не хотел. Люди говорили о господине Ёримасе с печалью, или с сочувствием, или с презрением, но никогда – с уважением. Что он за самурай? Уж точно не такой, каким хотелось бы быть Гэндзи.

Ты помнишь свою мать? – спросил Ёримаса.

Да, отец, – сказал Гэндзи. Отец задавал ему один и тот же вопрос всякий раз, как видел его – а после смерти матери это происходило не так уж часто.

Хорошо, – сказал Ёримаса. – Никогда не забывай ее. Она была самой доброй и самой прекрасной женщиной на свете.

Да, отец.

По правде говоря, воспоминания Гэндзи о матери постепенно тускнели. Может, для взрослых год был не таким уж долгим сроком, но для него год – это было очень много. Он помнил, что она была очень красивая, и от нее замечательно пахло, и она часто улыбалась ему, и никогда не ругала его, если он делал что-нибудь не так.

Она говорила: “Не делай так больше, Гэндзи”.

А он отвечал: “Хорошо, мама”.

“Ты хороший мальчик”, – говорила она и обнимала его.

Гэндзи помнил все это, но ее голос уже был неясным, а когда он пытался представить мать, лицо ее выглядело расплывчатым, словно в сумерках.

Пока я не знал ее, – сказал Ёримаса, – моя жизнь была полна горечи. Я знал, что не стану правителем этого княжества. Я знал, что не буду изрекать пророчества для нашего клана. И потому я думал, что моя жизнь лишена смысла.

Гэндзи надеялся, что отец не сердится на него. Дедушка сказал Гэндзи, что он станет его наследником, а вовсе не его отец и не дядя Сигеру. Он надеялся, что и дядя Сигеру тоже на него не злится. Дядя Сигеру был великим фехтовальщиком,

величайшим со времен Миямото Мусаси – так все говорили. Гэндзи был уверен, что проиграет, если дядя Сигеру решит вызвать его на поединок за право управлять княжеством. Самураю полагалось всегда быть уверенным в собственной победе, невзирая на имеющиеся шансы. Но Гэндзи знал, что против дяди Сигеру у него нет ни малейших шансов. Вот против отца кое какие были, хоть его отец – взрослый мужчина, а он – маленький мальчик. Отец всегда пьян. А пьяный самурай – не настоящий самурай. Дедушка повторял это много раз.

Но не похоже было, чтобы отец на него сердился. Он улыбался и по-прежнему говорил про мать Гэндзи.

Смысл жизни, – сказал Ёримаса, – в любви. Этому меня научила твоя мать. Нет ничего превыше любви.

Когда отец заводил подобные речи, Гэндзи впадал в замешательство и смущение. Отец говорил, как женщина, а не как самурай. Победа, честь, славная смерть – вот что имело значение для самурая. Любовь? Это для женщин.

Я – не сильный человек. И за это я прошу у тебя прощения. Всю жизнь я думал, что я сильный. А потом я встретил твою мать и обнаружил, что слабость сильнее силы. Любовь включает в себе множество благ. И лишь одно проклятие. Ты понимаешь?

Да, отец.

На самом деле, Гэндзи ничего не понимал. Как может слабость быть сильнее силы? Но если он сейчас скажет, что не понимает, отец еще дольше будет вести речи, вызывающие у него чувство неловкости, а Гэндзи этого не хотелось. Ему хотелось, чтобы отец перестал говорить и ушел.

Если бы она была жива... – Ёримаса умолк. Затем, улыбнувшись, он произнес: – Если бы мы не встретились, возможно, она осталась бы жива – и до сих пор была бы жива. Я никогда не узнал бы ее, никогда бы не полюбил ее, никогда бы не был любим ею. Моя жизнь осталась бы все тем же беспросветным ужасом, каким она была до нашей встречи. Но я бы согласился на это – пусть бы только она жила где-то и была счастлива.

Речи отца становились все более и более бессмысленными. Если бы он никогда не встретился с матерью, какая бы ему была польза в том, что она не умерла бы и до сих пор оставалась жива? Ему бы не было с этого никакого толку. Он ведь даже не знал бы, что она есть на свете.

Ты понимаешь?

Да, отец.

Ёримаса рассмеялся и положил руку Гэндзи на плечо.

Ничего ты не понимаешь. Но если ты тебе очень повезет и очень не повезет, когда-нибудь ты это поймешь.

Ну вот, опять он за свое. Опять говорит чушь.

Да, отец, – сказал Гэндзи. Ну когда же он уйдет?

Впоследствии Гэндзи всегда сожалел, что в тот день желал, чтобы отец поскорее ушел, потому что когда он все-таки ушел, то ушел навсегда. Через месяц его нашли мертвым. При нем был подарок для Гэндзи, аккуратно завернутый в шелковый лоскут, и короткое письмо.

Письмо гласило: “Мой дорогой сын, прости, что я не присутствовал на твоём дне рождения. Вот твой подарок. Надеюсь, что он будет для тебя таким же сокровищем, как и для меня”. В письме не было никакого памятного стихотворения. Настоящий самурай непременно бы его написал.

Подарком была красивая серебряная цепочка, к которой были прикреплены крохотные белые камешки, искусно ограненные в форме яблок. Цепочка принадлежала его матери. Гэндзи помнил, что она часто подвешивала ее к поясу.

Гэндзи сохранил и письмо, и подарок, не потому, что ценил их как последнюю памятку, оставшуюся от отца – вовсе нет, – просто так было должно. Самураи всегда поступают так, как должно, вне зависимости от собственных чувств. Он отложил письмо и цепочку и забыл про них, как обещал себе забыть про своего неудачника-отца.

1867 год

Гэндзи взглянул на цепочку с крохотными белыми яблоками, которую сжимал в руке.

Что они символизировали, любовь или смерть? Или и то, и другое? Во всяком случае, складывалось впечатление, что в их клане смерть и любовь неразрывно переплетены. Его отец и мать умерли во исполнение пророчества, приведшего к рождению Гэндзи.

Он много лет презирал отца за слабость и трусость. Он понимал смерть матери. Роды – это всегда серьезный риск. Но что это за самурай такой, который умирает от любви? Когда-то Гэндзи казалось, что он знает ответ. Теперь он не был в этом уверен. Что же в конечном итоге привело отца к смерти, слабость или сила? Сила слабости, которой не понимал Гэндзи-мальчик, сделалась исполнена глубокого смысла для Гэндзи-мужчины. Что же означала его способность понимать подобные вещи, что он силен или что он слаб?

Пользуясь тем, что он в башне один, Гэндзи громко рассмеялся.

Он снова посмотрел на крохотные каменные яблоки, лежащие у него на ладони, и коснулся их другой рукой. И сжал, так крепко и так надолго, что они стали не холодными, как подобает камню, а теплыми, как его плоть и кровь.

Окумити-но ками Гэндзи, князь Акаоки, просидел в главной башне замка “Воробьиная туча”, наедине с прахом своей возлюбленной матери и своего глубоко уважаемого отца далеко за полночь.

1860 год

У князя Киёри слегка закружилась голова. Сперва он подумал, что выпил слишком много сакэ. Затем он заметил, что его язык и горло начинают неметь, а конечности покалывает; вокруг госпожи Сидзукэ возник легкий светящийся ореол, напоминающий далекую радугу. Поскольку сама госпожа Сидзукэ была полупрозрачной, общий эффект лишь усилил ощущение головокружения.

Когда вы сказали мне, что мы более не встретимся после сегодняшней ночи, я неверно понял, что вы имели в виду. Вы хотели сказать, что я умру, – сказал Киёри.

Нет, мой господин, – возразила госпожа Сидзукэ, – я не это хотела сказать. Я сказала ровно то, что имела в виду: что после этой ночи мы более не увидим друг друга. Я никогда не говорила с вами загадками и никогда не пыталась вас обмануть.

Вы хотите сказать, что не знали, что я буду отравлен? – Киёри взглянул на пустую миску из-под супа. – Яд был в супе, верно? Кто меня убил?

Я знаю многое. Я делилась с вами лишь малой частью своих знаний. Неужто вы

предпочли бы, если бы я заранее рассказывала обо всем, что ждет вас в жизни: обо всех ваших победах и трагедиях, свершениях и разочарованиях? О том, где, когда и от чего вы умрете?

Киёри покачал головой.

Вы, как всегда, правы. Я и так уже знал куда больше, чем мне хотелось бы. Если бы я знал все, и без того тяжелая ноша сделалась бы просто невыносимой.

Вы хорошо несли ее, господин Киёри. Благородно, мужественно и достойно.

В самом деле? – Киёри тяжело осел набок. Пока что он дышал без затруднений. Однако же, мышцы его начинали слабеть. Вскоре он уже не сможет сидеть прямо. – Так кто меня убил? Эта сёгунская змея, Каваками Липкий Глаз?

Сидзукэ изящным движением скользнула к нему, не отрывая колен от пола, и словно бы мягко коснулась его руки. На самом же деле она не могла прикоснуться к нему, как и он не мог прикоснуться к ней.

Не волнуйтесь, – сказала Сидзукэ. – Сохраняйте спокойствие. Следуйте ритму дыхания.

Если это дело рук Каваками, – упрямо стоял на своем Киёри, – значит, предатель проник в самое сердце клана. Над Гэндзи нависла опасность. Я должен предупредить его.

Ноги уже не повиновались ему. Киёри пополз к нише, где хранились бумага, чернила и кисти.

Каваками здесь ни при чем, – сказала Сидзукэ, – и Гэндзи ничего не грозит. Тот, кто отравил вас, сам погибнет вскорости после Нового года.

Она не стала говорить старому князю, что это сделал его сын, Сигеру, и что Сигеру сойдет с ума, и что смерть Киёри – лишь первое из многих чудовищных убийств, которые Сигеру совершит на протяжении сегодняшней ночи. Пророчество, которое она сообщила ему, и которым он много лет назад поделился с князем Нао, вот-вот должно было исполниться до конца. После кровопролитий этой ночи единственными Окумити, оставшимися в живых, станут Гэндзи и Сигеру, а вскорости останется один Гэндзи.

Киёри прополз всего несколько шагов и дальше ползти не смог. Он перекатился на спину и устался в потолок. Даже моргать уже было трудно.

Сидзукэ подошла к нему и опустилась на колени рядом с ним.

Киёри взглянул на нее и произнес:

Гэндзи будет в безопасности...

Да.

Клан останется жить...

Да.

Мы свергнем сёгуна Токугава...

Да.

Вы говорите это не затем, чтобы обмануть и утешить умирающего?

Нет, мой господин. Я никогда не стала бы так поступать.

Киёри начал задыхаться. Слабеющие мышцы груди уже не выдерживали собственного веса.

Скажите... последнее... Кто вы?

Ваш верный друг, мой господин, как и вы – мой.

Я имел в виду...

Теперь каждый вздох был для Киёри великой победой. Он так и не сумел

договорить, что же он имел в виду.

Сидзукэ склонилась над ним. Если бы она могла, она бы сейчас обняла его, чтобы утешить и успокоить.

Князь попытался сказать что-то еще, и не смог. Он выдохнул и не сумел сделать новый вдох.

На глаза Сидзукэ навернулись слезы. Как глупо с ее стороны: плакать по князю Киёри, человеку, при чьей смерти она присутствовала, но который родится лишь через пять сотен лет.

Но что же еще ей оставалось? Она была женщиной, на глазах у которой прошла вся жизнь этого мужчины. Как же она могла не плакать?

1308 год

Сидзукэ старалась забыть так же истово, как другие старались что-либо запомнить. Она от рождения знала обо всем одновременно, и ее единственная надежда обрести самосознание заключалась в избавлении от одновременности и всезнания. Другие имели склонность помнить очень мало. Ей же слишком много нужно было забыть. Она знала, что здесь, в замке, был розовый сад. Но забыла, когда он был. Здесь никто и не слышал о князе Нарихире, который посадит эти розы. Он еще не появился на свет. А вот теперь, в башне, она не сумела подняться на тот этаж, который искала.

Сидзукэ остановилась на лестничной площадке и уставилась на потолок.

Что там такое? – спросил Хиронобу.

Ничего.

Она как можно небрежнее прошла к окну, выходящему на юг, и принялась смотреть на извилистое побережье острова Сикоку и лес, такой темный на фоне светлых вод Тихого океана. Хиронобу и так уже беспокоился после того, как она расплакалась, не найдя розового сада. Он забеспокоится еще больше, если она спросит у него, куда делся седьмой этаж. Сидзукэ знала, что этот этаж будет там уже при ее жизни, потому что именно там появится на свет ее дочь, и именно там умрет она сама.

Вспоминание и забывание оказались куда более сложным делом, чем она думала. Сидзукэ всю жизнь прожила в монастыре Мусиндо, малолюдном и уединенном месте. Но даже там нелегко было отличать прошлое от будущего и настоящее от них обоих, равно как и воспоминание от видения, а предчувствие от кошмара. Насколько же труднее все станет в стенах этого замка, где куда больше придется вспоминать и забывать – а у нее осталось так мало времени, чтобы справиться с этим всем.

Что, башня тебе чем-то не нравится?

Нет-нет, вовсе нет, мой господин.

Хиронобу улыбнулся и обнял ее.

Когда мы наедине, тебе вовсе не нужно называть меня “господин”.

Сидзукэ юрсила взгляд на двух телохранителей; те старательно делали вид, что не замечают столь открытого проявления чувств со стороны своего князя.

Оставьте нас, – приказал Хиронобу.

Господин...

Телохранители поклонились и, пятясь, покинули комнату.

Если замок недостаточно велик, я перестрою его для тебя. Скажи, чего тебе хочется, и ты это получишь.

Этот замок очень хорош и ни в чем не нуждается.

Хиронобу должен будет построить седьмой этаж, и в самом ближайшем времени. Однако же, он должен построить его, веря, что это его собственная идея, потому что если он будет думать, что идея исходит от нее, это плохо повлияет на его чувство собственной значимости. Сидзукэ не знала причин этого, но знала, что именно так все и обстоит. Многие несчастья, что обрушатся на этот клан, произойдут из-за пагубной привычки придавать чьему-либо малому существованию чрезмерное значение. Эта привычка была свойственна не только ее мужу, но и всем самураям. Сидзукэ ничего не могла с этим поделать. За свою жизнь она многое поняла, но ничего не изменила. Она видела сквозь время, но не могла действовать за его пределами.

Не знаю, не знаю... – сказал Хиронобу. Теперь он смотрел туда же, куда и Сидзукэ, на волны, накатывающие на берег. – Мой отец построил эту башню...

В его голосе проскользнула нотка неудовлетворенности. Возможно, это потому, что сыновья всегда стараются превзойти отцов?

Сидзукэ прижалась к мужу. Она чувствовала тепло его тела сквозь ткань их одежд. Хиронобу был очень теплым. Вскоре и она тоже сделается теплой, и жар их тел сольется.

1796 год

Да, господин Киёри, – сказал архитектор. – Я полностью понял, чего вы желаете.

Надеюсь, что да, – сказал Киёри. Даже собственные слуги не принимали его всерьез. Ему было всего пятнадцать лет, и он стал правителем этого княжества всего месяц назад, после внезапной кончины отца.

Я понял, мой господин.

Но?

Вы сказали, что хотите построить еще один этаж, седьмой, потому что обнаружили, что в древности здесь был седьмой этаж.

Да. И?

Вы прекрасно описали его, мой господин. Однако же было бы очень хорошо, если бы я мог хотя бы взглянуть на чертеж. Как говорил учитель Конфуций, “один рисунок может сообщить больше, чем тысяча иероглифов”.

Раздражение Киёри начало перерастать в гнев.

Вы что думаете, если бы у меня был чертеж, я бы не показал его вам сразу?

Вы имеете в виду, что у вас его нет? Не понимаю. А у кого же он?

Ни у кого.

Но... – Архитектор запнулся.

Продолжайте.

Прошу прощения, господин. Должно быть, я неверно вас понял. Мне показалось, будто вы сказали, что видели чертеж.

Нет, – отрезал Киёри. Он не мог сказать всю правду. Это повлекло бы за собой слишком много сложностей. – Я сказал, что видел седьмой этаж.

Архитектор моргнул, потом глаза его расширились. Он начал понимать.

Видение?

Да.

Киёри надеялся, что дальнейших объяснений не потребуется.

Архитектор согнулся в земном поклоне.

Позвольте вас поздравить, господин Киёри, и выразить надежду, что мы будем

облагодетельствованы еще множеством видений.

Спасибо.

Я немедленно займусь строительством – или, точнее говоря, восстановлением – этого этажа.

Хорошо. Когда будете готовы настилать пол, позовите меня, я хочу это видеть.

Вы желаете наблюдать, как будут настилать пол?

Да.

Призрак, посетивший Киёри прошлой ночью, сказал ему, что пол следует настелить в точности так, каким он был прежде.

“Если будет допущена хоть малейшая ошибка, – сказал призрак, – я буду появляться перед вами либо с ногами, уходящими в пол, либо буду парить над этим полом”.

“Но если ты мое видение, какое это имеет значение?” – спросил Киёри.

“Человеческий разум может воспринять лишь определенное количество того, что ему кажется невозможным, – сказала она. – Если превысить это количество, результатом станет безумие”.

– Хорошо, мой господин. – Архитектор снова согнулся в поклоне. – Все будет исполнено.

Известие о том, что молодой князь унаследовал отцовский дар, разлетелось быстро. С этого дня слуги и вассалы смотрели на него уже иначе. Когда Киёри говорил, они слушали внимательно. Когда он приказывал, они повиновались без колебания. Это в других местах люди могли смеяться над провидческими способностями князей Окумити. Но не здесь, не в княжестве Акаока. Сила клана основывалась на мистическом предвидении, и это было основой выживания и процветания всего княжества.

И потому здесь провидческий дар давал огромную власть, пусть даже провидцем оказался пятнадцатилетний мальчишка и пусть даже его предвидение было не совсем таким, как все думали. Все равно никто не сможет стать мудрее его.

Во всяком случае, Киёри на это надеялся. Ведь ее видит только он, верно же?

1308 год, главная башня

Сидзукэ проводила каждую ночь в покоях мужа или вместе с ним в своих покоях, когда он предпочитал приходить к ней. Все прочее время в течение первой недели своего пребывания в замке она проводила на верхнем этаже башни.

Но почему? – поинтересовался как-то Хиронобу. – У тебя есть твои придворные дамы, с которыми можно играть в разные игры. Музыканты, певцы, поэты – все в твоём распоряжении. Если тебе захочется покататься, ты можешь выбирать любую лошадь. Или экипаж, если тебе так больше нравится.

Меня притягивает вид, который открывается оттуда, – сказала Сидзукэ. – Я прожила шестнадцать лет на земле, за стенами монастыря. И возможность очутиться так высоко и видеть так далеко – это для меня настоящее чудо. Я знаю, что эта башня – дом воинов, их орлиное гнездо. Если мне не полагается там находиться... – Сидзукэ улыбнулась мужу и поклонилась.

Хиронобу рассмеялся.

Дом воинов? Вряд ли. Самураи клана Окумити не выслеживают врагов издалека. Мы не собираемся сидеть в осаде и не собираемся ее дожидаться. Мы – кавалеристы.

Лучшие во всей Японии. Во время войны мы скачем в атаку. Это нашим врагам приходится высматривать, не идем ли мы. А когда они видят нас, обычно бывает слишком поздно.

Во время первого разговора, состоявшегося между ними, Хиронобу рассказал, как он разгромил крупную армию Ходзё и в результате возвысился до статуса князя. Очевидно, таков обычай самураев: постоянно хвастаться своими деяниями, а когда говоришь о будущем, говорить так, как будто великие подвиги, которые ты поклялся совершить, уже все равно что свершены. Преувеличение оказывалось намного важнее реальных фактов.

Сидзукэ поклонилась.

Как же счастливы жители этого княжества! Они наслаждаются безопасностью и покоем, которых столь многие лишены. Войны опустошают страну. Но здесь, в Акаоке, царит мир.

Да, – согласился Хиронобу. – Безопасность и покой.

Сидзукэ видела, что он наслаждается этими словами. Позднее он использует их в истории, которую пишет. Когда последующие поколения будут читать ее, они будут поражаться его достижениям, совершенным в совершенно невероятных условиях. Они будут удивляться, как же получилось, что такой выдающийся владетель и военачальник – к тому же пользующийся репутацией провидца – не стал сёгунгом и даже не завоевал весь Сикоку, самый маленький из трех главных островов Японии.

А могу я задать вопрос? Или, может, это невежливо?

Ты – моя жена, – величественно изрек Хиронобу. – Ты можешь спрашивать меня о чем угодно, и в этом не будет ничего невежливого.

Благодарю вас, мой господин. Это очень великодушно с вашей стороны.

Хиронобу снова рассмеялся. Он уселся рядом с Сидзукэ и обнял ее за плечи.

Ты опять назвала меня «господин». Мы здесь одни. Подобные формальности излишни.

Он прижался лицом к ее шее и вздохнул.

Ты пахнешь чудеснее, чем любые благовония, какие мне только доводилось нюхать.

Сидзукэ покраснела.

Нобу-тян, – прошептала она, назвав мужа детским уменьшительным именем.

У Хиронобу перехватило дыхание, а когда он снова заговорил, в голосе его слышалось неприкрытое сексуальное возбуждение.

Ты... – только и произнес он, и запустил руку в широкий рукав ее кимоно.

Сидзукэ легла на пол. Нависшее над ней лицо Хиронобу было бледным, не считая крови, прилившей к векам, скулам и губам. Казалось, будто он горит. Над ним был потолок.

Сидзукэ знала, что вскорости там будет пол седьмого этажа главной башни.

После этого случая Хиронобу никогда уже не возражал против продолжительных визитов Сидзукэ в башню.

Сиди здесь, сколько хочешь, – сказал он. – Если бы я столько прожил за стенами храма, мне бы тоже нравилось любоваться такими видами.

Вы очень добры, – отозвалась Сидзукэ. – Только истинно мужественный человек может быть так добр.

Сидзукэ действительно, как она и сказала, поднималась сюда ради видов, но не

ради тех, о которых говорила.

Она сидела, медитируя, в позе лотоса, сложив руки на уровне живота, полуприкрыв глаза, и дыхание ее становилось еле заметным. Она усаживалась в позу медитации и сосредотачивалась всем своим существом на прямо противоположной цели. Вместо того, чтобы позволить уйти всем ощущениям, а потом и этому, последнему ощущению, Сидзукэ хваталась то за одно, то за другое, выделяла какую-нибудь одну иллюзию изо всех прочих, изучала бессмысленные мнения по бесполезным вопросам, наполняла саму пустоту не-мысли размышлением, воображением, рассуждением, надеждой, похотью и страхом. Она приманивала чувственный поток голода, жары и холода, боли и удовольствия, сладости и горечи, запаха, вкуса, осязания, зрения, нынешний, воображаемый и вспоминаемый. Внутреннюю тишину и покой затоплял рев десяти тысяч голосов, реющих одновременно.

Она позволит уйти всему позднее. А сейчас необходимо было вернуть некоторые воспоминания и предостережения, от которых она напрасно отказалась в своем ревностном стремлении постичь настоящее. Во время пробуждения она по ошибке приняла ограниченные пределы монастыря Мусиндо за реальность и очистила свое сознание от знаний, в которых нуждалась. Теперь же, чтобы заново обрести их, ей пришлось снова мысленно обратиться к своему безумию.

Внезапно по ее позвоночнику пробежал предостерегающий холодок и разошелся по спине, плечам, шее, затылку. За ее спиной в комнату вошло некое существо, обладающее сознанием. Со стороны лестницы не донеслось ни звука, ни шевеления воздуха, которые могли бы сообщить о чьем-то приближении. Что же это, вновь явившееся к ней ужасное видение или опасность, исходящая от скрытно подобравшегося человека?

Сидзукэ приостановила свои попытки ухватить и осмыслить происходящее внутри нее и обратила внимание вовне. Ей не понадобилось оборачиваться, чтобы узнать пришедшего. Она не могла больше читать в разумах других людей. Здравый рассудок с такой способностью несовместим. Но одно из своих свойств Сидзукэ все-таки сохранила: а именно, способность ощущать намерения. И по его намерениям она узнала этого человека.

Если ты это сделаешь, – сказала Сидзукэ, – Хиронобу узнает, что это был ты.

Она услышала совсем рядом с собой короткий, резкий выдох. Ее слова заставили пришедшего остановиться всего в нескольких шагах от нее.

Пусть знает, – отозвался Го. – Пускай казнит меня. Я приму смерть как награду, если ты тоже будешь мертва.

Сидзукэ повернулась к нему. В руках у него не было оружия. Он что, собрался выбросить ее из окна? Возможно.

Она улыбнулась.

Ты действительно уверен, что я не умею летать?

Ведьма! – яростно прошипел Го и вытащил меч из ножен.

Мой муж не станет убивать тебя быстро. Он сперва прикажет тебя пытаться, а потом посадит на кол.

Ты что, думаешь, что я боюсь боли? Не больше, чем смерти, а смерти я не боюсь вовсе.

Он шагнул к ней.

Своей – да, – сказала Сидзукэ.

Он снова остановился.

Ведь ты, великий военачальник, несомненно, обдумал все возможные последствия, которые повлечет за собой твоя измена. Хиронобу казнит тебя не в одиночку. С тобой отправятся в преисподню твои вассалы, твои слуги, твоя жена. И Чиаки.

Имя сына словно бы мгновенно лишило Го сил. Он опустил меч и, пошатнувшись, отступил.

Я убью тебя! – сказал он.

Убьешь, – согласилась Сидзукэ. – Но не сегодня.

Достаточно скоро.

Нет, недостаточно.

Недостаточно для чего?

Это ты тоже узнаешь недостаточно скоро, – сказала Сидзукэ.

Го убрал меч в ножны.

Я не позволю одурачить себя лживыми словами и фальшивыми предсказаниями. Ты знаешь не настолько много, как пытаешься изобразить. Это все старые ведьминские фокусы.

Он развернулся и быстро зашагал к двери.

Я знаю, кто я такая, – сказала Сидзукэ.

Го остановился и снова взглянул на нее.

Все знают, кто они такие, кроме младенцев, идиотов и сумасшедших.

Я знаю, кто ты такой.

Все знают, кто я такой. Этого княжества не существовало бы, если бы не я.

Я знаю, кто я такая, потому что я знаю, что ты такой, – сказала Сидзукэ. – Как это печально: отец, стремящийся убить свое дитя, вместо того, чтобы защитить ее.

Будь ты проклята навеки, – сказал Го, – вместе со всеми ведьмами, что когда-либо выходили из этой зловредной реки крови.

Сидзукэ слышала, как он спускается по лестнице, и как его шаги затихают вдали. Ее отец не войдет больше в эту башню до последних дней их жизни.

Если прежде Сидзукэ прилагала все силы, чтобы забыть, то теперь она так же усердно старалась вспомнить. Ей пришлось это сделать из-за призрака, появляющегося в башне. Возможно, она что-то знала о нем в дни своего всезнания и безумия, но затем она все это вычеркнула из памяти.

Кто он такой?

Ей нужно было вспомнить это прежде, чем будет построен седьмой этаж. Если он – друг, ей не нужно больше прятаться от него. Если же он – враг, ей нужно постичь его характер, чтобы знать, как от него защищаться. Этот призрак пугал ее, а она отвыкла бояться.

Впервые Сидзукэ увидела его в день своего приезда в замок. Она сидела в комнате на шестом этаже башни, охваченная разочарованием, которое вызвало в ней отсутствие седьмого этажа, и вдруг услышала, как кто-то поднимается по лестнице. На пороге появился незнакомый молодой человек. Ему было лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Заткнутые за пояс взрослые мечи казались слишком большими для него. Лицо его отличалось скорее искренностью, чем разумом, и скорее решимостью, чем красотой. Сидзукэ уже готова была окликнуть его – и тут вдруг поняла, что показалось ей странным.

Молодой человек был полупрозрачным.

Он повернулся в ее сторону и, казалось, уставился прямо на нее.

Сидзукэ застыла. Возможно, неподвижность вкупе с удлиннившимися вечерними тенями скрыли ее. Возможно, она была для него такой же полупрозрачной, как и он для нее, а поскольку она сидела в тени, ее труднее было рассмотреть. Возможно, он был всего лишь галлюцинацией.

Призрак прошел мимо Сидзукэ, как будто ее здесь и не было. Когда он добрался до дальней стены, то начал подниматься в воздух; его ноги шагали по ступенькам, которых не существовало.

Сидзукэ едва сдержала крик. Она укусила себя за руку, чтобы удержаться и не вскрикнуть от испуга. Она боялась, что стоит ей издать хоть звук, как это привлечет его внимание.

Но перед тем, как уйти в потолок, это существо заговорило.

Госпожа Сидзукэ! – позвал он. – Можно войти?

Очевидно, он получил дозволение от кого-то, поскольку поклонился и мгновение спустя скрылся в потолке.

Сидзукэ сидела, боясь пошевеливаться. Ей до ужаса хотелось убежать от этого существа, которое определенно было демоном, но ей столь же сильно не хотелось привлекать его внимание. Она осталась на прежнем месте и стала прислушиваться. Но ничего не услышала. Время шло, а она все сидела, парализованная страхом.

Сумерки сменились ночью. Сквозь окна башни затопило темнотой новолуния. Лишь редкие лучики звезд, пробивающиеся сквозь облака, позволяли провести границу между тенями.

Наконец-то страх оставаться здесь превзошел страх сдвинуться с места. Стараясь двигаться как можно тише, Сидзукэ направилась к лестнице, подобрав подол кимоно, чтобы слои шелка меньше шуршали.

Когда она уже добралась до лестницы и решила было, что путь к бегству открыт, появился второй призрак. Это был мужчина чуть старше двадцати. Загорелый, сильный, с уверенными манерами человека, которому уже доводилось воевать и убивать, и, конечно же, с двумя мечами за поясом.

Как и первый призрак, он пришел по лестнице.

Как и первый призрак, он был полупрозрачным и не обратил внимания на Сидзукэ.

Но, в отличие от первого, этот пошел прямо на нее. Сидзукэ быстро попятилась и едва успела убраться с его пути, прежде чем он вошел в комнату. Он поднялся в воздух тем же пугающим образом, что и первый, и, как и тот призрак, остановился и произнес потрясшее ее имя.

Госпожа Сидзукэ. Это я.

Затем это существо тоже скрылось в потолке.

Сидзукэ прижалась спиной к стене. Она очутилась в ловушке. Она не могла рискнуть спуститься по лестнице. Вдруг она встретит еще одного демона, и тот пройдет прямо через нее? Сидзукэ не была уверена, что ее рассудок достаточно крепок, чтобы пережить подобное потрясение и устоять. Однако же, если она не уйдет отсюда, то, несомненно, через некоторое время либо кто-то из этих демонов, либо новопривывший обнаружит ее и...

И что? Неопределенность лишь подбавляла страху.

Сидзукэ надеялась, что Хиронобу придет сюда за ней. Но она знала, что он не

придет. Ее хитроумное замечание о доброте и мужественности заставило его гордиться тем, что он предоставил жене свободу, которую, по его мнению, она желала.

Сидзукэ заметила под потолком движение тьмы среди тьмы, еле различимый силуэт человека, спускающегося по незримым ступенькам. Он добрался до пола комнаты и двинулся к лестнице – и к Сидзукэ.

Ей уже некуда было отступать. Который это? Сидзукэ сама не знала, кого из двоих призраков она боится больше. Поговаривали, будто самые опасные демоны маскируются, чтобы легче было обманывать и запугивать людей. В таком случае, тот, который казался моложе, мальчишка, был опаснее мужчины. Когда призрак приблизился, Сидзукэ показалось, что это и вправду худший из двух, поскольку силуэт был меньше, чем у воина.

Существо прошло мимо выхода на лестницу и подошло к окну. Теперь он находился в двух шагах от Сидзукэ, прижавшейся к стене. Он повернулся, и в свете звезд она увидела сухопарое, морщинистое лицо старика.

Сидзукэ закричала от ужаса и беспомощности, и помчалась вниз. Лишившись от потрясения всякой осторожности, она наполовину сбежала, наполовину свалилась с лестницы. На всем пути ее преследовали демонические причитания. Лишь очутившись в объятиях Хиронобу, Сидзукэ осознала, что этот вой исходил из ее груди.

Схватить всех! – приказал Хиронобу.

Да, господин!

Самураи выхватили мечи и ринулись в башню.

Сидзукэ знала, что они никого не найдут, потому что там никого и не было – только призраки.

Хиронобу крепко обнял ее.

Ты в безопасности, Сидзукэ. Ты в безопасности.

Сидзукэ в отчаяньи вцепилась в мужа. Ее трясло. Нет, она не в безопасности. Она никогда больше не будет в безопасности.

За миг до того, как закричать, Сидзукэ подумала, что видит третьего демона. Но затем она узнала в старике и того мальчишку, и воина. Это было вовсе не три демона, а один и тот же. Он прожил целую жизнь за каких-нибудь несколько часов.

Что же явится ей на следующий раз? Разлагающийся труп?

К горлу Сидзукэ подкатилась волна желчи. Сидзукэ сдержала эту горькую, горячую волну и удерживала ее, как ей показалось, очень долго, прежде чем так вернулась обратно.

Хиронобу мгновенно возложил ответственность за нападение, которое, как он предположил, предпринял нанятый ниндзя, на соседнего князя, которого он издавна не любил. Сидзукэ даже не стала пытаться переубедить его. Да и как бы она это сделала? Если она скажет мужу, что нападающий был не человеком, а демоном, и если он ей поверит, это все равно не избавит врага Хиронобу от подозрений с его стороны. Если уж такие подозрения возникли, они будут расти и расти, пока не придут к очевидному, с его точки зрения, выводу. Подлый трус, способный нанять ниндзя, несомненно, не остановится и перед тем, чтобы нанять колдуна и вызвать демона. А если Хиронобу ей не поверит, если он сейчас усомнится в ее здравом рассудке, то впоследствии, в будущем, когда она поделится с ним пророчествами, его восприятие будет уже искажено. Грядущее, которое она предвидит, настанет, невзирая ни на что. Но сопутствующие обстоятельства могут тогда оказаться прискорбно иными. Сидзукэ не могла пойти на такой риск. Придется допустить страдания и гибель ни в чем не

повинного человека.

В ту же ночь Хиронобу отправил гонцов к главным своим вассалам. Прежде, чем утреннее солнце прогнало росу с листвы, он в сопровождении девятисот конных самураев отправился на восток, дабы атаковать князя Теруо. К этому времени потрясение, которое Сидзукэ испытывала с момента появления демона, привело к лихорадке, ознобу, головокружению и постоянной тошноте.

Она удалилась в свои покои еще до рассвета. Она отпустила своих дам. Все равно если призрак явится, они ничем ей не помогут. Как и монахини в монастыре, они совершенно не ощущали демоническое присутствие. Они будут видеть лишь, как ведет себя сама Сидзукэ, и просто сочтут ее безумной. В коридоре перед ее комнатой встали стражники. Поскольку они выполняли приказ Хиронобу, Сидзукэ не могла отослать их. Она лишь надеялась, что ей удастся сдержать настолько, чтобы они ничего не услышали.

Если бы она была достаточно мужественной, она не стала бы дожидаться, пока демон придет к ней. Она пошла бы в главную башню и сама нашла его. Но она не настолько отважна.

Сидзукэ осталась одна. Она боялась идти и боялась оставаться на месте, боялась спать и боялась бодрствовать, боялась медитировать и боялась предаться видениям. В мире не осталось места или состояния рассудка, которые могли бы послужить ей убежищем.

С наступлением ночи тезавшее ее лихорадочное возбуждение лишь усилилось. В конце концов, побежденная болезненным состоянием, страхом и изнеможением, Сидзукэ прилегла. Но стоило ей улечься, как ее сознание принялось то затуманиваться, то проясняться с обманчивым коварством. Когда Сидзукэ казалось, что она бодрствует, она пыталась пошевелиться и обнаруживала, что не может этого сделать. Когда ей казалось, что она спит, она обнаруживала, что думает, будто спит, а это, конечно же, означало, что на самом деле она бодрствует. Однако же, она и тогда не могла двигаться. Ни пошевелить пальцем, ни приподнять веки, ни изменить ритм дыхания, ни расслабить или напрячь мышцы – все это было выше ее сил. И все то время, пока Сидзукэ вела эту безнадежную борьбу, она слышала отдаленный, размеренный, высокий звук, нечто среднее между чириканьем и хныканьем. Сперва Сидзукэ приняла его за пение цикад. Но в нем не было характерного для цикад ритма. Этот звук скорее напоминал затихающий звон храмового гонга, только вместо того, чтобы делаться тише, он становился все громче и пронзительнее. Не было ли это предвестием приближения демона? И снова Сидзукэ принималась бороться, чтобы обрести власть над своим телом, ну хоть сколько-то. За ее внешней неподвижностью скрывался страх, ужас, порожденный не столько болью или параличом, сколько ужасными предчувствиями. Если бы только она могла открыть глаза, или сжать кулак, или хотя бы прошептать слово...

Внезапно звон смолк. И в то же самое мгновение Сидзукэ услышала за дверью чей-то голос.

Почему я должен бояться? Это всего лишь комната, такая же, как и все остальные. Голос принадлежал юноше и был незнаком Сидзукэ.

1796 год, запретное крыло замка «Воробьиная туча»

Ну а я боюсь, – прошептала госпожа Садако. – Давайте уйдем отсюда.

Это ты первая придумала прийти сюда, – сказал Киёри.

Я передумала, – сказала госпожа Садако. Она легонько коснулась его руки и попыталась осторожно увлечь его обратно, пока он не открыл дверь. При свете дня легко было потешаться над историями про призрак злой колдуньи. Теперь же, когда тьму рассеивал лишь серебристый свет далеких звезд и молодого месяца, поверить в существование призраков и злых духов было куда проще.

Пожалуйста! – попросила она.

Киёри заколебался. По правде говоря, ему тоже было страшно. Он был единственным Окумити в своем поколении. А это означало, что именно его будут посещать пророческие видения. Киёри читал тайную летопись клана и знал, что подобные видения приходили к его предкам разными способами и в различных обликах, иногда – в настолько ужасных, что это приводило к безумию. Возможно, он искушает судьбу, явившись в бывшие покои госпожи Сидзукэ, той самой чародейки, которая дала его роду провидческий дар. Но желание произвести впечатление на Садако оказалось сильнее страха. Почему – трудно сказать. Садако была на год младше самого Киёри – ей было всего четырнадцать, – а казалась еще младше. Киёри не сказал бы, что она – самая красивая девушка, какую он встречал. Ее семье едва-едва хватало ранга, чтобы Садако допустили ко двору князя. И все же самые характерные ее черты, живительная прямота и искренность, вызвали восхищение и расположение Киёри. Если Садако что-либо говорила, Киёри мог быть уверен, что именно это она и имела в виду. Почему это привлекало его больше, чем красивое лицо, обольстительные манеры, любовное искусство и умные речи, Киёри и сам не знал. Возможно, с ним было что-то неладно.

Я уже сказал, что проведу ночь здесь, – заявил Киёри. – Если князь дал слово, он обязан его сдержать.

Поскольку он стал князем всего три недели назад, он куда больше склонен был подчеркивать свой статус, чем делал бы это при иных обстоятельствах.

Но вы не то чтобы действительно дали слово, – возразила Садако. – Вы всего лишь сказали, что не побоитесь провести ночь в той части замка, где появляется призраки. И вы сказали это только мне. А я и так вам верю. А теперь, пожалуйста, давай уйдем.

Ты можешь уйти, – величественно изрек Киёри. – А я дал слово, и потому должен остаться здесь.

Он взялся за дверь и толкнул ее. Киёри надеялся, что дверь заперта, и это помешает ему войти. Но та легко скользнула в сторону. Репутация этой комнаты охраняла ее надежнее любых замков. Священники и монахини каждый день убирали в этой части замка, и потому здесь не было ни паутины, ни пыли, ни затхлого запаха.

Садако испуганно ахнула и попятилась от открытого дверного проема.

Киёри заглянул внутрь. Он ничего не увидел. Но из-за теней в комнате было еще темнее, чем в коридоре, где они стояли.

Что ты видишь? – спросил он.

Темноту, – ответила Садако. – Неестественную темноту. Пожалуйста, господин мой, прошу вас, давайте уйдем.

Садако никогда не называла его «мой господин», разве что в самой официальной обстановке, когда это было совершенно необходимо. Ей действительно было очень страшно. И осознание этого заставило Киёри выказывать храбрость, которой он на самом деле не ощущал. Он вошел в комнату и начал закрывать за собой дверь. Как он

и надеялся, Садако шагнула через порог быстрее, чем он успел затворить дверь. Она вцепилась ему в руку и в плечо, и Киёри почувствовал, когда она прижалась к нему, что Садако дрожит всем телом.

Успокойся, Садако, – сказал Киёри, проходя дальше. – Наши глаза скоро привыкнут к темноте. И луна уже встает. Скоро здесь станет светлее.

Светлее станет гораздо раньше, если вы откроете дверь, – сказала Садако, – или хотя бы если мы останемся рядом с ней.

Если я открою дверь, можно будет подумать, будто я боюсь. Если мы останемся рядом с дверью, это, опять же, будет выглядеть как проявление страха. Вот. Мы сядем здесь, у ниши.

А разве не здесь, если верить рассказам, стояло ее ложе?

Садако внезапно остановилась. Поскольку она крепко держалась за Киёри, ему тоже пришлось остановиться.

Да, так говорят. Но люди много что говорят. Лучше всего полагаться на собственное суждение и не прислушиваться к болтовне тех, кто ничего не знает, но зато много говорит. Давай же наконец присядем.

Кажется, стало немного светлее, – сказала Садако и села. – Но я до сих пор мало что вижу.

Мы забыли прихватить постельные принадлежности, – с деланной небрежностью сказал Киёри. – Придется нам спать прямо на циновках.

Садако доверяла ему, и это доверие придавало Киёри уверенности. Он откинулся назад и собрался было растянуться на полу.

И тут же погрузился в невозможное. Его одновременно охватили леденящий холод и жгучее пламя; земная тяжесть сплющила его в бесконечно малую точку, а легкость небес разнесла его во все стороны космоса; невыносимая боль растерзала его тело, а беспредельный экстаз принес ему освобождение.

Киёри! – Садако в испуге уставилась на него. В свете восходящей луны виден был написанный на ее лице страх. – Что случилось?

Киёри не мог ей ответить. Даже если бы он был в состоянии говорить, он не знал бы, что сказать. Он видел настоящее, сосуществующее с бесчисленными мирами и бессчетными эпохами, и бесконечным множеством существ, которые были и в то же время не были им самим. Он видел прошлое и будущее, протянувшееся на беспредельное расстояние от безначального начала до бесконечного конца, которые он никогда не смог бы осознать, сохранив целостность рассудка.

Призрачная женская фигура поднялась из него, словно дух, покидающий тело. В этот миг Киёри понял, что произошло. Она пришла к нему, как он пришел к ней. Ее длинные волосы рассыпались по плечам и упали на него.

Нет, не на него.

В него.

Она парила на расстоянии ладони над циновкой, в обычной манере бесплотных упырей, и, подобно упырю, находилась отчасти внутри него, а отчасти снаружи. Все ужасные слухи о том, что в этом крыле появляется призрак, оказались правдой, но все было совсем не так, как представлял себе Киёри.

Киёри! – позвала Садако. Она протянула руку, но прежде, чем она успела прикоснуться к Киёри, он заговорил, но не с нею.

Госпожа Сидзукэ, – сказал он.

Господин Киёри, – отозвалась Сидзукэ и, отодвинувшись, вышла из него.

И тут Киёри потерял сознание.

Киёри!

Садако слишком перепугалась, чтобы прикоснуться к нему. Но что-то нужно было делать. Она вскочила и кинулась прочь из комнаты, за помощью. Но, не пройдя и пяти шагов, остановилась. Если кто-нибудь увидит Киёри в момент такой слабости, возможно, в момент приступа безумия – поскольку он обратился к чародейке древних времен, словно видел ее перед собою, – его и без того пока непрочная власть может окончательно пошатнуться. Киёри всего пятнадцать лет, и у него много врагов и мало друзей.

Садако оглянулась на темный коридор, ведущий к запретному крылу. Дрожа от страха, она направилась обратно, туда, где лежал Киёри. Садако была единственным человеком, на которого она могла положиться в вопросе сохранения тайны. Если Киёри не доверяет ей, он может казнить ее, и тогда о его тайне никто не узнает. Садако не хотелось умирать. Но она знала, в чем заключается ее долг. Ее отец не занимал видного положения, но все же он – самурай, а она – дочь самурая.

Садако держала Киёри на руках до самого рассвета, пока он не очнулся.

Главная башня, – сказал он. – Седьмой этаж.

Но там нет седьмого этажа, господин Киёри, – сказала Садако. Она намеренно назвала его по имени, на тот случай, если он вдруг позабыл, кто он такой.

Я должен буду построить его. Там мы будем...

Он умолк и взглянул на Садако. Она видела его в момент его величайшей слабости. Она слышала, как он разговаривал с призраком. Может ли он положиться на нее, понадеяться, что она будет хранить молчание? Существовал лишь один способ обезопасить себя в этом отношении. Казнить ее.

Или...

Нет, был и другой выход.

Жениться на ней.

И что из этого хуже? – невольно подумал Киёри. Все его тело, с головы до ног, болело. У него даже не было сил подняться с колен Садако.

Над чем вы смеетесь, мой господин?

Над тем, что наше небольшое приключение привело к куда худшим и куда лучшим результатам, чем любой из нас мог ожидать.

1311 год

Сидзукэ улыbnулась. Лицо Киёри было спокойным, хотя он и умер от яда. Он не страдал об боли. Сидзукэ была рада этому.

Шестьдесят четыре года из своих семидесяти девяти лет князь Киёри боялся ее. Он боялся ее потому, что она знала будущее. Он боялся ее потому, что она была призраком либо воплощением его собственного безумия. Он боялся потому, что она появлялась и исчезала без предупреждения. Но больше всего он боялся ее потому, что она была вечно юной.

Он никогда не задумывался над тем, насколько пугающим был он для нее. Та первая ночь в башне была лишь предвестием. За следующие три года князь Киёри с чудовищной скоростью прошел путь от юности до старости, как будто некие могущественные и безжалостные боги наложили на него проклятие. Возможно, это было правдой. Проклятие – объяснение ничем не хуже прочих.

Сидзукэ сидела над призрачным трупом князя Киёри, пока расплывчатая фигура не растаяла в последний раз.

Теперь в главной башне остался всего один призрак.

А прежде, чем солнце взойдет снова, не останется ни одного.

1842 год

Князь Нао не думал, что он когда-либо вернется сюда. Быть может, если бы он был более религиозен по натуре, пепел его дочери что-то значил бы для него. Но так... пепел – это всего лишь пепел. Нао не верил ни в бессмертие, не в перевоплощение в любой его разновидности – всех их описывали слишком неправдоподобно. Он не верил, что грешникам и злодеям предназначено страдать в демонских царствах, равно как не верил в то, что добрые и праведные люди получают в награду возможность обитать в небесном раю. Он не верил и в том, что духи ушедших вечно цепляются за свои плотские останки.

Жизнь есть жизнь.

Смерть есть смерть.

Только и всего.

Когда-то – не так давно – существование Нао было исполнено жизни, равно как и обещаний и возможностей, которые таит в себе жизнь. Затем, вскорости, на смену жизни пришла смерть. Мидори, которая в детстве была такой сорвиголовой, оказалась очень хрупкой женщиной. Как и предсказал его друг, князь Киёри, она так и не оправилась после родов своего первого ребенка, Гэндзи. Рождение второго ребенка, дочери, убило и Мидори, и младенца. Примерно через месяц по княжеству Нао прокатился мор, занесенный русскими китобоями. Сам Нао отделался сильным кашлем. Но его жена, сыновья и внуки оказались менее удачливы.

Его зять, Ёримаса, не прожил после смерти Мидори и года. Теперь его урна стояла рядом с урной жены. Это было данью традициям и сентиментальности, которая, как надеялся Нао, может принести кому-то утешение – но не ему. Некоторые высказывали сомнение по поводу того, что же послужило причиной смерти Ёримасы. Нао в их число не входил. Горе снова толкнуло Ёримасу к опиуму и спиртному. Чего к нему не вернулось, так это прежняя тяга к насилию. Ёримаса просто не вынес того, какой пустой сделалась его жизнь без Мидори. Нао понимал его. Он ощущал то же самое горе и пустоту. И то, что у него еще оставался один внук, благодаря которому их род сохранится, Нао не особенно утешало. Его больше не волновало сохранение рода. Должно быть, с Ёримасой произошло то же самое.

Его нашли на обочине дороги, со свернутой шеей; лошадь мирно паслась неподалеку. Все казалось очевидным. Ёримаса напился до полной потери сознания, упал и умер. Но по крайней мере один человек не разделял эту точку зрения. Об этом свидетельствовали воспоследовавшие вскорости смерти шестнадцати самураев, игроков и контрабандистов, каковых можно было заподозрить в том, что они приложили руку к смерти Ёримасы. Все шестнадцать были убиты одним ударом меча, нанесенным спереди; удар был столь силен, что либо сносил голову с плеч, либо разваливал туловище надвое. Каждый из умерших сжимал в руках оружие, либо оно валялось рядом с трупом. Никто не был убит из засады, скрытно. Слухи, конечно же,

указывали на Сигеру, но доказать никто ничего не мог. Свидетелей не было. Во всяком случае, никто не рвался выступить в этом качестве.

Нао услышал позади шорох одежд.

Если бы наши жизни не были такими долгими, – сказал он, – возможно, их жизни не стали бы такими короткими.

Князь Киёри сел рядом с ним.

Это никак не связано между собою. Иначе все родители жертвовали бы собою ради детей.

И все же я не могу избавиться от ощущения, что прожил слишком долго. Когда я родился, на троне Китая сидел император Чин-лунг, и никто не смел бросить вызов Поднебесной. Когда британский посол явился, чтобы повидаться с императором, император сказал: «У тебя нет ничего, что мы желали бы. Можешь идти». И англичанина тут же выставили за дверь. Теперь же англичане идут в Китае, куда хотят. Они продают китайцам наркотики, лишаящее их здоровья и воли. Китайцы и англичане воевали, и англичане победили. Трудно это представить, но это так. Я пережил свое время.

Мы с тобой родились в один год, – сказал Киёри. – Если ты пережил свое время, значит, и я его пережил.

Ты можешь видеть будущее, – возразил Нао, – и потому ты единственный из всех людей никогда не переживешь свое время.

Я часто предпочел бы его не видеть. Что пользы знать о трагедии, если ты не имеешь возможности ее предотвратить?

Ты не просил, чтобы тебя сделали провидцем. Это твоя ноша. Я же, в отличие от тебя, могу сложить с себя свою ношу. Я собираюсь написать сёгуну и сказать, что я отказываюсь от титула и власти.

Думаю, ты вполне можешь это сделать.

Помнишь, – сказал Нао, – как в молодости мы обещали друг другу и нашим предкам, что именно мы отомстим за наши кланы и свергнем сёгунов Токугава? Кажется, это единственное обещание, которого я не выполнил.

Киёри рассмеялся.

Молодые люди часто дают дурацкие обещания. Думаю, нас можно простить за то, что мы его не сдержали.

Некоторое время они сидели в молчании.

Потом Киёри спросил:

Что ты будешь делать?

Помнить, – отозвался Нао. – Все, кого я любил, теперь живут лишь в моей памяти.

ГЛАВА 11

Проклятие Матери ведьм

Мужчины думают, что это они правят миром. Не создавай себе лишних трудностей. Помалкивай и не разубеждай их.

Знать правду – мудро.

Кричать о ней – глупо.

“Аки-но хаси”. (1311)

1882 год, замок “Воробьиная туча”

Большую часть пути по морю от Йокогамы до провинции Мурото Макото провел, размышляя о том, что ему делать, если Гэндзи откажется встречаться с ним. Он мог бы не беспокоиться. Его приняли сразу.

Человек, вышедший ему навстречу в большой гостинной, был примерно того же роста и сложения, что и сам Макото. И тоже был одет в двубортный шерстяной пиджак, белую шелковую рубашку с черным шелковым галстуком, шелковый жилет, тонкие шерстяные брюки и туфли со шнурками. Его костюм был темно-серым, а костюм Макото – черным. Да еще на Макото вместо туфель были тяжелые ботинки для верховой езды. Только и разницы. Это слегка разочаровало Макото. Он надеялся, что хотя бы здесь, в старинной крепости он наконец-то увидит японского самурая в традиционном наряде.

Я рад встретиться с тобой, Макото, – сказал Гэндзи, протягивая ему руку. Вблизи он выглядел достаточно молодым, чтобы оказаться старшим братом Макото.

Его английский был почти безукоризненным. Если в речи Гэндзи и чувствовался легкий акцент, то не тот, что был характерен для японцев; скорее, это было ближе к выговору жителей штата Нью-Йорк, примерно среднее течение Гудзона, окрестности Олбани – если, конечно, Макото не ошибся. Занятия лингвистикой породили одно из хобби Макото: угадывать по манере произношения, откуда человек родом. Видимо, наставник Гэндзи был родом из тех краев. Надо будет у него поинтересоваться, если представится удобный случай.

Спасибо за то, что так быстро приняли меня, мистер Окумити. Я знаю, что вы очень занятой человек.

Я бы не сказал, что двадцать лет – это быстро.

Макото улыбнулся.

Вы меня поражаете, сэр. Я ожидал уверток или даже прямого отрицания. На самом деле, самым вероятным исходом мне казалось даже не отрицание, а отказ встречаться со мной.

Увертки бесполезны, – сказал Гэндзи, – а отрицание невозможно. Посмотри на себя. Посмотри на меня. Наше родство очевидно.

В самом деле? Вы не видите во мне ничего от Мэттью Старка?

Вижу, и много. Его храбрость, его умение сохранять спокойствие в сложной обстановке. В конце концов, он тебя вырастил. Как же ты можешь быть не похож на него?

В дверях появились две служанки и поклонились, прежде чем войти. Они были одеты не на европейский манер, как слуги, встретившие Макото на входе, а в кимоно. Возможно, Гэндзи, подобно турецкому паше, демонстрировал посторонним свою современность, а в собственном быту оставался приверженцем культуры, дающей возможность проявлять традиционный деспотизм. Возможно, внешние атрибуты феодальных владетелей, которые искал и не нашел Макото, были просто убраны с глаз чужаков.

Служанки поставили подносы на пол.

Разлить ли чай, господин? – спросила одна из них.

Спасибо, не надо, – отозвался Гэндзи.

Служанки поклонились и ушли. И их появление, и уход были обставлены очень ненавязчиво.

Моя мать тоже прислуживала вам так?

Она разливала чай, – сказал Гэндзи, – потому что это один из способов продемонстрировать изящество, утонченность и красоту. Поскольку она в изобилии обладала всемя этими тремя качествами, неудивительно, что она любила этим заниматься. А вот носить подносы она не особенно любила. В конце концов, она ведь не была служанкой, и от нее никто этого не требовал.

Не была служанкой? Насколько я понимаю, сэр, именно ею она и была. Горничной, или чем-то в этом роде. Здесь, в этом замке, и во дворце в Токио.

А!.. – промолвил Гэндзи. Он отошел к окну и стал смотреть на море.

Или я ошибся?

Нет, это моя ошибка, – сказал Гэндзи.

Вы бросили мою мать, сэр. Нет, я вовсе не обвиняю вас и не осуждаю ваши действия – это просто констатация факта. Мне хотелось бы знать – почему? Я не собираюсь предъявлять вам никаких претензий, ни материальных, ни какого-либо иного плана, так же как не собираюсь требовать, чтобы вы объявляли о нашем родстве или еще как-либо признали меня. Я хочу лишь одного. Чтобы вы объяснили, почему.

Я сознаюсь, что не признал тебя, как следовало бы, – сказал Гэндзи, – равно как и не признал твою мать. Но я надеюсь, что ты согласишься, что хоть это и было нехорошо с моей стороны, я все же вас не бросил. Никого из вас. Я заботился о твоём благополучии и, полагаю, мне удалось его обеспечить.

Прошу прощения, сэр, но в данном случае меня мало интересуют лингвистические тонкости, – сказал Макото. – Вопрос “почему” все равно остается, и он единственный, который имеет значение.

Гэндзи низко поклонился на манер европейского джентльмена, признающего правоту собеседника. У него был хороший наставник – кто бы это ни был.

Я попытаюсь объяснить, – сказал Гэндзи. – Модернизация нашего общества произошла недавно и до сих пор остается весьма поверхностной. Мы по-прежнему связаны воззрениями, совершенно средневековыми по сути своей. Двадцать лет назад, к моменту твоего рождения, дела обстояли еще хуже. Полагаю, ты даже представить себе не можешь, насколько хуже.

Тут в дверях возник другой человек. Теперь это оказалась девочка лет двенадцати. Ее детское кимоно не вполне вязалось с ее внешностью. Девочка напомнила Макото его сестер, оставшихся в Сан-Франциско. Как и в случае с ними, по ней сразу же было видно, что лишь один из ее родителей – японец.

Почему ты в кимоно? – спросил Гэндзи по-японски. – Я думал, ты терпеть не можешь японские наряды.

Девочка беспечно прошествовала в гостиную.

Это было вчера, – заявила она. – А сегодня я терпеть не могу европейскую одежду.

Понятно, – сказал Гэндзи. – Иди-ка сюда на минутку. Я хочу познакомить тебя с одним человеком.

Да, девочка напомнила Макото сестер за счет смешанной крови, но его сестры были просто красивыми, а она – потрясающе красивой. У нее были золотисто-каштановые волосы с рыжеватым отливом. В глазах цвета лесного ореха

словно бы плясали золотистые искорки. Кожа у нее была гладкой, словно лучший фарфор, и вся живость ее мимики не портила этого впечатления. В очертаниях ее лица, в величине и разрезе глаз, в форме носа, в подъеме скул воплотилась редкостная гармония между Востоком и Западом. Макото сразу же увидел в ней, особенно по форме рта и постоянной легкой улыбке, сходство с ее отцом и с ним самим. Девочка напомнила ему сестер потому, что тоже приходилоась ему сестрой.

Сидзукэ, это Макото, – сказал Гэндзи по-английски. – Макото, это моя дочь, Сидзукэ.

А почему ты говоришь по-английски? – спросила Сидзукэ по-японски.

Твое имя японское, – отозвался Гэндзи. – Так что я сказал не так уж много английских слов.

Папа, перестань! – сказала Сидзукэ. – Вечно ты шутишь не смешно!

Ваш отец говорит по-английски из вежливости, – сказал Макото. – Я – его гость, а мой основной язык английский.

Так вы не японец? – спросила Сидзукэ уже по-английски. Очевидно, она сочла объяснение Макото вполне приемлемым.

Я – японец по происхождению, но родился в Соединенных Штатах и всю жизнь прожил там. В Японию я приехал впервые.

Сидзукэ внимательно взглянула на него.

А, так вы тот самый Макото! – сказала она. – Теперь я вас узнала. Я видела много ваших фотографий. Мы с вами брат и сестра.

Макото посмотрел на Гэндзи.

Возможно, я рассказывал ей больше, чем следовало бы, – отозвался Гэндзи. – Один из типичных грехов отца, потакающего своему ребенку.

Насколько я понимаю, – сказала Сидзукэ, – мы брат и сестра только наполовину. У нас разные матери. И мы оба – наполовину сироты. Наши матери умерли при родах.

Я глубоко сочувствую вам, Сидзукэ. Но моя мать жива.

Хэйко все еще жива? – Смутившись, Сидзукэ посмотрела на отца.

Макото тоже.

Кто такая Хэйко? – спросил он.

1862 год, Сан-Франциско

Дзиро и Сёдзи стояли на палубе «Вифлеемской звезды» и смотрели через водную гладь на Сан-Франциско.

Даже издали он выглядит по-варварски, – заметил Дзиро.

А как еще он может выглядеть? – поинтересовался Сёдзи. По правде говоря, это место довольно сильно напомнило ему родной город его матери, Кобэ, на западе Японии, где волны того же самого океана тоже плескались у самой границы города, и тоже поблизости виднелись зеленые долины. Но, конечно же, он никогда не признался бы в этом другу. Кроме того, было и серьезные различия. Здесь дома строились не только у подножия холмов, но и на их склонах, и на вершинах. Этого никогда бы не могло произойти в цивилизованной стране, такой, как Япония, где вершины гор почитались как обиталище богов. – Земля варваров и должна выглядеть как земля варваров.

Тут у них за спиной раздался негромкий, мелодичный голос.

Возможно, настало время подправить ваши взгляды.

Невзирая на приятный голос, выговор прозвучал вполне недвусмысленно.

Узнав этот голос, оба самурая откликнулись: «Да, госпожа Хэйко», – еще прежде, чем увидели ее.

Приблечение Хэйко застало их врасплох. Всего лишь несколько мгновений назад они видели ее на другом конце корабля, где она беседовала с мистером Старком и капитаном. Хотя ее движения всегда были спокойными и неспешными, очевидно было, что при желании она способна двигаться очень быстро и очень тихо. История о ее скачке через горы с мистером Старком, о ее ночном налете на засаду, устроенную самураями предателя Сохаку, о яростной неустрашимости, проявленной ею в битве под монастырем Мусиндо, уже вошли в легенды, хотя все это случилось всего лишь год назад.

И мистер Старк, и госпожа Эмилия жили в этом городе, прежде чем приехать в Японию, – сказала Хэйко. – Оскорблять это место означает оскорблять их.

Да, госпожа Хэйко, – отозвались оба самурая, согнувшись в низком поклоне и не отрывая взгляда от досок палубы.

«Защищайте госпожу Хэйко, если потребуется – даже ценой жизни, – приказал князь Гэндзи, – и почитайте ее, как меня».

Разговор этот происходил во дворце «Тихий журавль».

Дзиро и Сёдзи пали ниц, прижавшись лицом к циновкам, и откликнулись: «Да, господин Гэндзи».

«Относитесь к Мэттью Старку, как относились бы к любому знатному самураю, состоящему у меня на службе, и помните, что он останется мне другом до самой смерти».

«Да, господин».

«В Америке мистер Старк и госпожа Хэйко будут исполнять планы, нацеленные на усиление нашего клана. Не забывайте: вы должны повиноваться им обоим без колебаний».

«Да, господин».

Разве вас отправили сюда не за тем, чтобы вы охраняли нас? – спросила Хэйко.

Да, госпожа Хэйко.

И как же вы сможете справиться с этой задачей, если постоянно будете смотреть в землю?

Самураи подняли головы и увидели, что Хэйко улыбается им. Несмотря на то, что она только что выразила им свое порицание, улыбка ее была настолько прекрасной и теплой, что оба самурая тут же приободрились.

С этого момента вы оба можете считать, что постоянно находитесь на поле боя, и не кланяться так низко. Мы не знаем обычаев этой страны. Мы должны постоянно быть начеку.

Да, госпожа Хэйко.

Тут к ним присоединился Старк.

Ну, вот мы и приплыли. Дзиро, Сёдзи, как вам ваш первый американский город?

Очень красиво, сэр, – сказал Дзиро.

Похоже, город значительно вырос за время моего отсутствия. Всего лишь за год – причем вырос намного.

Он напомнил мне Кобэ, – сказал Сёдзи. – Те же холмы, тот же город у океана.

Старк был поражен. Ни Дзиро, ни Сёдзи не отличались особой способностью к языкам, но оба в течение прошедшего года упорно изучали английский. Старк знал,

что сколько бы времени он ни провел в Японии, он никогда не смог бы так освоить их язык, как эти люди освоили его. Они были самураями и, как самураи, подошли к изучению английского так же, как изучали в свое время фехтование, стрельбу из лука и рукопашный бой – как к вопросу жизни и смерти.

Да, – согласился с Сёдзи Старк, – теперь, когда вы упомянули об этом, я тоже заметил это сходство. Только в Кобэ не строить дома на вершинах холмов.

Совершенно верно, мистер Старк, – сказал Сёдзи. – Очень верно подмечено.

Пока вы не освоите язык получше, используйте слова попроще, – сказала Хэйко по-японски, – или вы будете выглядеть слишком претенциозно и опозорите нас.

Да, госпожа Хэйко.

Через час их корабль встал у причала. Дзиро и Сёдзи наблюдали с палубы, как группа китайских кули разгружает товары. Рядом с ними трудилась группа грузчиков-американцев.

Похоже, китайцы и американцы не любят друг друга, – заметил Дзиро.

Мы не любим ни тех, ни других, – сказал Сёдзи, – а они не любят нас. Конечно же, они также будут не любить друг друга.

В его словах было что-то нелогичное, но прежде, чем Дзиро успел обдумать их и возразить, к ним присоединилась служанка госпожи Хэйко, Сатико. Прежде она возилась внизу, собирая вещи, и лишь теперь впервые взглянула на Сан-Франциско.

Это больше похоже на какую-то глушь, чем на город, – сказала Сатико. – А я-то думала, что Сан-Франциско – важный порт.

Так оно и есть, – отозвался Сёдзи. Он и прежде замечал, что Сатико очень красива. Теперь же, когда она оказалась единственной, за исключением госпожи Хэйко, японкой в радиусе семи тысяч миль, она показалась ему еще красивее.

Дзиро вполне разделял его мнение.

Но он совсем не похож ни на Нагасаки, ни на Йокогаму, – сказала Сатико. – Я думала, что увижу здесь больше домов, больше людей, больше всего. Ведь Америка – очень могущественная страна, верно?

Очень могущественная, – подтвердил Дзиро, – и очень большая. В двадцать раз больше Японии. И большинство населения живет далеко на востоке.

Она такая же большая, как Китай?

Сатико была ровесницей госпожи Хэйко, то есть, ей исполнилось двадцать лет. Вскоре ей нужно будет выйти замуж, пока она еще молода. Дзиро задумался: а что было на уме у князя Гэндзи, когда он отправил их сюда втроем? Сатико, он сам и Сёдзи. Кто-то из них окажется ни с чем. Разве что князь Гэндзи не намеревался долго держать их вдали от Японии...

Еще больше, – сказал Сёдзи.

В самом деле? Больше Китая? Поразительно!

Дзиро изо всех сил старался вспомнить еще что-нибудь про Америку. Нужно ему было больше времени уделять занятиям! Хотя и похоже было, что они помогут мистеру Старку основать фирму для князя Гэндзи, а затем вернуться в Японию, не исключено, что им придется задержаться на более длительный срок. А в таком случае ему бы стоило как-то произвести на Сатико лучшее впечатление, чем Сёдзи. Что ж тут еще есть такого интересного?

Сатико взглянула в сторону трапа. Мистер Старк и госпожа Хэйко уже готовились сойти на берег.

Ох, мне нужно идти. Потом вы мне расскажете еще что-нибудь!

И она поспешила на помощь к госпоже Хэйко.

Смотри, как госпожа Хэйко опирается на руку мистера Старка, – сказал Сёдзи.

Да. Она выглядит нездоровой с тех самых пор, как корабль отплыл из Японии.

И не похоже, чтобы ей становилось лучше.

Теперь, когда мы прибыли к месту назначения, возможно, ей поможет уход врачей. Ведь здешние жители разбираются в медицине, верно?

Да, – сказал Сёдзи. – Насколько я понимаю, они научились этоу искусству от голландцев, как и мы.

Некоторое время они молча наблюдали, как Старк, Хэйко и Сатико покидают корабль. Они медленно двинулись через порт к ожидающему их экипажу.

Сатико очень мила, – сказал Дзиро.

Будь осторожен, – сказал Сёдзи.

А что такое?

Я слышал, будто она ниндзя.

Я слышал это о госпоже Хэйко, но не о Сатико.

Не будь дураком, – сказал Сёдзи. – Если госпожа Хэйко – ниндзя, то как может Сатико не быть ниндзя?

По-моему, это вовсе не обязательно, – возразил Дзиро.

Посмотри на нас, – сказал Сёдзи.

А при чем тут мы? Мы уж точно не ниндзя.

Нет-нет, конечно же. Я имел в виду совсем другое. Князь Гэндзи – самурай, и потому его самые доверенные слуги – тоже самураи. Разве с госпожой Хэйко не тот же самый случай?

Они посмотрели, как Старк, Хэйко и Сатико уселись в экипаж, и тот покати́л в сторону города.

Она не похожа на человека, склонного к насилию, – сказал Дзиро с надеждой, чуть большей, чем испытывал на самом деле.

А госпожа Хэйко? – поинтересовался Сёдзи.

И она не похожа, потому-то мне и не верится в слухи, которые о ней ходят, – сказал Дзиро. – Помнишь, господин Хидё как-то услышал, как об этом говорили. Он строго отчитал тех, кто так говорил, и на месяц отправил дежурить на конюшню, чтобы они не болтали чепуху.

Если эти слухи были лживы, – сказал Сёдзи, – почему он просто не высмеял их?

Дзиро хотелось бы знать, действительно ли Сёдзи в это верит, или возражает лишь затем, чтобы подорвать все его романтические намерения в отношении Сатико и расчистить дорогу себе. Это трудно было понять. Пожалуй, лучшим исходом для всех заинтересованных сторон стало бы своевременное возвращение на родину.

Вот, приляг, – сказал Старк, подводя Хэйко к ближайшему дивану. Еще до того, как они покинули Японию, он договорился о постройке этого дома на лесистом холме за городом. За тот год, что его здесь не было, город успел дойти до этого холма, но пока что на нем почти не было других построек.

Я не инвалид, – сказала Хэйко.

Конечно, нет. Но пока что нет никаких чрезвычайных обстоятельств, которые тебе нужно было бы улаживать, и никаких битв, в которых нужно было бы сражаться. Так что отдыхай, пока есть возможность.

Во время плавания я только и делала, что отдыхала.

Если я правильно помню, ты еще носилась так, будто хотела скинуть плод.

Хэйко рассмеялась.

В самом деле?

Похоже, время уже прошло.

Три месяца, – сказала Хэйко. – Сверх обычного срока.

Когда князь Гэндзи узнает об этом...

Он не узнает, – сказала Хэйко. – Во всяком случае, пока.

Но зачем откладывать? Чем раньше он узнает, тем лучше.

Не стоит привлекать его внимание, пока мы не будем уверены.

Уверены в чем? Насчет твоего состояния никаких сомнений нет.

Хэйко улыбнулась.

Мы не можем быть уверены, что ребенок выживет. Зачем беспокоить его по делу, которое может оказаться совершенно пустячным?

Я думаю, Хэйко, он хотел бы об этом знать, и я думаю, что он предпочел бы узнать об этом прямо сейчас.

Подождем, пока ребенок родится. Если мы сообщим ему сейчас, возможно, он будет недоволен. Он может приказать покончить с этим делом.

Старк был ошеломлен.

Покончить с ребенком? Но почему?

Он – князь, – сказала Хэйко. – Кто знает, что он сделает? Обстоятельства необычны, и потому трудно предсказать, какие чувства это у него вызовет. Но точно можно сказать, что шансы ребенка будут выше, когда он уже родится. Приказ о его казни менее вероятен, чем распоряжение прервать беременность.

Не стану утверждать, будто за год я стал намного лучше понимать Японию, – сказал Старк, – но я все-таки не могу поверить, чтобы Гэндзи пошел на такое варварство, да еще и без причин. – Ему пришлось сделать над собою усилие, чтобы успокоиться и взять себя в руки. – В любом случае, мы теперь в Америке. Даже если он и отдаст такой приказ, никто здесь не совершит такого ужасного дела.

Дзиро и Сёдзи, – сказала Хэйко.

Прежде я их убью.

Хэйко улыбнулась Старку. И, как всегда, лицо ее при этом сделалось таким нежным и ласковым, что у Старка перехватило дыхание.

А меня ты тоже убьешь, Мэттью?

Старк уставился на нее и долгое время не мог произнести ни слова. Когда же он наконец заговорил, то голос его был хриплым. Он спросил, хотя и так знал ответ:

Неужели ты убьешь собственного ребенка?

Я выполню приказ моего князя.

Я не верю, чтобы он отдал подобный приказ, – повторил Старк. – Я не вижу для этого никаких причин.

Я не утверждала, что он это сделает, – сказала Хэйко. – Возможно, он будет счастлив. Но он – князь. У князей есть свои соображения, каких нет у обычных людей. Лучше избегать ненужного риска, не так ли?

Взгляд Старка был устремлен куда-то вдаль, и вид у него сделался совершенно несчастный.

Хэйко было жаль его. Она объяснила бы ему все, если бы могла, но ее и саму терзала неуверенность.

Продолжая делать вид, что любит ее, Гэндзи отправил ее в изгнание. Конечно же,

он это так не называл. Он вручил ей значительную сумму золотом и поручил основать прочную опору для клана здесь, в Америке. Он попросил Мэттью Старка, его верного американского друга, защищать и опекать ее у него на родине. Но оставался один простой, неопровержимый факт: теперь между ними пролег океан, и произошло это по распоряжению Гэндзи.

Хэйко верила, что он любит ее. То, как он смотрел на нее, как он к ней прикасался, его интонации, выражение его лица – даже то, как он дышал, когда спал рядом с нею, – все это говорило Хэйко, что он любит ее не меньше, чем она его – а она никого в жизни не любила так сильно.

И все же она очутилась здесь, в этой чуждой стране, а он остался там, на другом краю света. Почему он отослал ее? Узнает ли она об этом хоть когда-нибудь? А когда он узнает о рождении ребенка, что он станет делать? Велит ей вернуться? Прикажет убить и ребенка, и ее?

Хэйко положила ладонь на слегка раздавшийся живот. Если ребенок выживет... Если это будет мальчик... Но какой смысл строить догадки? Пока что оставалось только ждать. Ждать и хорошо заботиться о себе. Время ответит на все вопросы. Время и Гэндзи.

Хэйко закрыла глаза и, улыбаясь, начала понемногу засыпать.

Старк сидел, не смея пошевелиться. Хэйко уснула, прислонившись к нему. Она была такой маленькой и хрупкой, а путешествие – таким тяжелым.

Она ждала ребенка.

Старку даже не верилось. Хэйко сама казалась ребенком, слишком юным для того, чтобы столкнуться со смертельной опасностью, сопряженной с родами. Почти половина новорожденных умирала, и многие из них забирали матерей с собою. Мало было природных опасностей – так тут еще и эта неожиданная угроза, которая, по словам Хэйко, может исходить от Гэндзи.

Старк ощутил укол стыда. Он спросил у Хэйко – почему, но он и сам знал, почему. Во всяком случае, одно из возможных объяснений. Он не думал, что может влюбиться в Хэйко, и потому не остерегался этого. В этом отношении он беспокоился насчет Эмилии Гибсон, его спутницы-миссионерки. Эмилия была потрясающей златокудрой красавицей восемнадцати лет от роду, в первом расцвете женственности. Ее обаяние бросалось в глаза, и потому Старку легко было защищаться от него. Он приплыл в Японию за смертью, и не мог позволить себе отвлекаться на любовь. Он не остерегался Хэйко, поскольку эта возможность даже не приходила ему в голову. Она была японкой. Она была гейшей. Она была возлюбленной князя Гэндзи. По иронии судьбы, толчком к пробуждению его чувств стала не ее красота, а ее мужество. Несмотря на небольшой рост и видимую хрупкость, она собственными нежными ручками в двух стычках прикончила в сумме около двух десятков вооруженных самураев – и не из револьвера, а в рукопашной схватке, при помощи ножа, меча и специальных метательных звездочек, сюрикенов. К тому моменту, как Старк понял, что его восхищение переросло в нечто куда более сильное, было уже поздно.

Он полюбил ее.

Может, Хэйко боялась гнева Гэндзи потому, что знала о чувствах Старка к ней? Может, Гэндзи заподозрил, что Старк перешел от чувств к действиям? Но если так, почему же он отослал ее со Старком и попросил его заботиться о ней?

Размышлять об этом смысла не было. Старк не понимал японцев вообще, а Гэндзи – так в особенности. Хэйко была совершенно права по крайней мере в одном:

князьями двигали сложные и запутанные мотивы, и разгдать их не было никакой возможности. Ему оставалось только ждать и смотреть.

Мог ли Гэндзи приказать убить новорожденного ребенка? Старк знал его как человека доброго и мягкого, совершенно не похожего по манерам на тех свирепых воинов, которыми он командовал. Ему бы и в голову не пришло, что Гэндзи вообще способен на жестокость, если бы не некоторые происшествия. Старк видел, как по приказу Гэндзи была устроена настоящая бойня, и до него доходили еще более ужасные слухи. Не так уж давно Гэндзи со своими людьми вырезал целую деревню. Больше ста человек – включая женщин, детей и даже грудных младенцев – были преданы смерти, а деревня сожжена дотла. Во всяком случае, так гласили слухи, и их никто не опровергал. Зачем он это сделал? Этого не знал никто. Князь приказал, и приказ был выполнен. Для самураев этого было достаточно.

Старк знал, что если Гэндзи отдаст приказ, Дзиро и Сёдзи выполнят его без колебаний. Так же, как и Хэйко.

Нет, этого не произойдет. Он этого не допустит. Да, он сражался бок о бок с этими двумя самураями, но он застрелит их, словно ядовитых змей, но не позволит, чтобы они причинили вред ребенку Хэйко. А Хэйко? Как быть с ней? Если он просто заберет ребенка, чтобы помешать ей исполнить приказ Гэндзи, она покончит с собой потому, что не смогла выполнить его приказ. Надо придумать способ спасти и Хэйко, и ребенка, если такой приказ вдруг все-таки поступит. Но как? Этого Старк пока не знал.

Хэйко уютно прильнула к его груди. Его дыхание тоже замедлилось, подстраиваясь под ее ритм.

До появления ребенка на свет остается полгода. Пока что еще рано беспокоиться. А может, все его беспокойство вообще выеденного яйца не стоит. Все в конце концов может закончиться благополучно.

Надеяться на это было легче, чем верить, но и надеяться было нелегко.

После первого часа схваток у Хэйко открылось кровотечение.

Врач сказал:

Некоторое количество крови вполне естественно. Причин для беспокойства нет.

На пятом часу кровотечение сделалось обильным, а ребенок все еще даже не показался.

Я ничего не могу поделать с кровотечением, пока ребенок не покинет ее чрево, – сказал врач Старку.

На пятнадцатом часу Хэйко пришлось прилагать все усилия, чтобы оставаться в сознании. Простыни и полотенца под ней мгновенно делались темно-алыми – их едва успевали менять.

Если она сейчас уснет, мы потеряем их обоих, – сказал доктор.

На двадцатом часу Хэйко напряглась в последний раз, выпустила ребенка на свет и потеряла сознание. Ребенок, крепкий и здоровый, тут же заорал во всю глотку.

Я попытаюсь ее спасти, мистер Старк, – сказал врач, – но вы же сами понимаете: она – хрупкая женщина, и она потеряла очень много крови.

Ее мужества хватит на десятерых мужчин, – сказал Старк.

Несомненно, сэр, – согласился врач. – Но все это мужество, как ни крути, заключено в маленьком, уязвимом теле.

Я назову его Макото, – сказала Хэйко. Она лежала в постели и держала на руках малыша, завернутого в пеленку. Она подарила князю Гэндзи сына и наследника. Как только он узнает об этом, он тут же призовет ее обратно в Японию. – Макото означает «истина».

Хэйко представила себе деревья в Японии; сейчас их листва покраснела, возвещающая приближение зимы. Она всегда любила осень; увядание летних цветов и опадание листьев никогда не нагоняли на нее печаль. После зимы всегда наступает весна.

Макото – хорошее имя, – сказал Старк. Он сдерживал слезы, чтобы не беспокоить Хэйко.

«Мне удалось остановить кровотечение, – сказал врач, – но лишь потому, что у нее почти не осталось крови. Но оно начнется снова. Мне очень жаль, мистер Старк».

Он очень похож на князя Гэндзи, ведь правда? – спросила Хэйко.

Он прекрасен, как его мать, – сказал Старк.

Хэйко улыбнулась. Несмотря на всю ее слабость и бледность, ее улыбка была сияющей, словно заря.

Льстец, – сказала она. Затем она обеспокоенно нахмурилась и отодвинула пеленку от лица Макото. – Это неправда, верно? Он ведь не очень похож на меня?

Почему ты хмуришься? – спросил Старк. – Ему повезло, если он будет похож на тебя. Он будет красивее всех этих героев театра Кабуки, которых так любят женщины.

Он – не персонаж из пьесы Кабуки, – возразила Хэйко. – Он – следующий князь Акаоки. И для него куда лучше было бы, если бы он был похож на своего отца. Тогда его официальной матери легче будет полюбить его.

Мать – это мать, – сказал Старк. – Что значит – «официальная мать»?

Я не из знатного рода, – пояснила Хэйко. Она погладила сына по пухлой щечке. Он блаженно посапывал. – Князь Гэндзи должен жениться на знатной даме. Она и будет матерью Макото. – Она заметила, как изменилось лицо Старка, и сказала: – Не печалься. Я буду часто видеться с ним. Князь Гэндзи построит для меня отдельный дом. Возможно, он даже возвысит меня до статуса наложницы. А если и нет, это особого значения не имеет. Все равно мой сын – его наследник.

Час спустя кровотечение возобновилось.

Я умираю, – сказала Хэйко.

Нет! – не выдержал Старк. – Нет!

Принеси Макото.

Сатико принесла спящего младенца и протянула его Хэйко. Но та покачала головой.

Держи его ты, Сатико. Пусть он не почувствует тень смерти. Держи его и заботься о нем, пока князь Гэндзи не велит вернуть его домой.

Сатико попыталась что-то сказать в ответ, но не смогла. Прижав ребенка к груди, она упала на колени и разрыдалась, не в силах сдержаться.

Хэйко обратилась к Старку.

Мы не боимся смерти. Мы с тобой слишком часто были ее посланцами, чтобы бояться ее.

Да, – сказал Старк.

Хэйко протянула ему руку.

Помоги мне, – сказала она. – Я хочу видеть Японию.

Хэйко сидела в экипаже, привалившись к Старку. Они остановились на гребне

холма, высящегося над заливом и глядящего на запад, на Тихий океан.

Утро было ясным, но Хэйко сказала:

Туман. Я всегда любила туман. Когда я смотрю на него, то почти верю, что самые невероятные мечты сбудутся.

Хэйко! – позвал Старк.

Но она уже ушла.

Когда Старк вернулся домой, ему казалось, что он и сам умер.

Но потом он прошел в комнату Хэйко и увидел там Сатико. Она по-прежнему сидела на полу, всхлипывая, и прижимала к себе ребенка.

Старк обнял их обоих.

Младенец проснулся, и вскоре они плакали уже втроем.

1882 год, замок «Воробьиная туча»

Откровения Гэндзи настолько потрясли Макото, что он едва заметил, когда Гэндзи – то есть, его отец – извинился и вышел из комнаты. Мало того, что человек, о котором он с раннего детства думал как об отце, оказался не отцом ему – выяснилось, что и его мать ему на самом деле не мать. Макото начал вновь воспринимать окружающую действительность лишь после того, как обнаружил, что сжимает в руке ладошку своей маленькой единокровной сестры. Они поднимались по узкой лестнице.

Куда мы идем?

Навестить госпожу Сидзукэ, – отозвалась девочка.

Я думал, ты и есть госпожа Сидзукэ.

Я имею в виду первую госпожу Сидзукэ, мою тещу. Меня назвали в честь нее. Похоже, ты ничего не знаешь ни о себе, ни о своей семье. А это означает, что тебе нужно начать с самого начала.

А начало есть? – спросил Макото. – Если да, я буду очень рад.

Спираль лжи уходила вдаль и казалась Макото бесконечной.

Начало есть всегда, – сказала его сестра. – Не будь начала, откуда брался бы конец? Конечно же, и то, и другое – явления временные.

Временные? Как может что-то, уже случившееся в прошлом, быть временным? Оно же уже произошло и завершилось.

Из того, что начало и конец существуют, еще не следует, что все на самом деле прошло и завершилось, – сказала Сидзукэ. – Они что, там, в Америке ничему тебя не учили?

1308 год, монастырь Мусиндо

С тех пор, как госпожа Новаки прибыла в монастырь и привезла с собой свое ущербное дитя, прошло шестнадцать лет. За прошедшие годы преподобная настоятельница Суку часто размышляла о событиях, послуживших причиной изгнания. Ее подталкивали к этим размышлениям крики и стоны, несшиеся из кельи Сидзукэ в любое время дня и ночи. Хотя высокое положение избавляло ее от грязной работы по хозяйству, настоятельница по своей воле часто мыла и кормила безумную девочку. Прочие обитательницы монастыря восхищались тем, что настоятельница способна без колебаний прикасаться к грязному телу и бестрепетно переносить самые

отвратительные картины и запахи. Все они соглашались с тем, что настоятельница является собою безупречный образец человека, идущего по пути сострадания, предписанному Буддой.

Поведение Сидзукэ оставалось неизменным на протяжении шестнадцати лет, и все эти шестнадцать лет настоятельница продолжала обращаться с нею со все той же неизменной добротой. Хотя непостоянство и непредсказуемость были универсальными законами, настоятельница привыкла считать, что три вещи навеки останутся неизменными: безумие Сидзукэ, невнятные ночные кошмары, терзающие саму настоятельница со времен рождения Сидзукэ, и ее молитвы.

А затем однажды утром настоятельница проснулась необычайно бодрой и отдохнувшей, и поняла, что за прошедшую ночь ее не посетил ни один кошмар. Она все еще размышляла над этим благим чудом, когда к ней примчались две запыхавшиеся монахини.

Преподобная настоятельница!

Да?

Преподобная настоятельница, Сидзукэ очнулась!

Настоятельница мгновенно поняла, что имеют в виду монахини. Над монастырем не висело больше эхо безумных воплей. Сидзукэ молчала лишь когда спала, да и то не всегда. И никогда не молчала во время бодрствования.

Настоятельница закрыла глаза и молча принялась молиться, вознося благодарность за то, что у Сидзукэ, быть может, появилась возможность избавиться от безумия. Она уже собралась было встать, как вдруг ее поразила мысль о совпадении. Сидзукэ умолкла в тот самый день, когда она сама освободилась от ночных кошмаров. Связаны ли между собою эти два явления, и если да, то не носит ли эта связь зловещий характер? Она снова закрыла глаза и помолилась еще, прося божеств-хранителей защитить ее, если безумие, сделавшись тише, делается еще и более вредоносным. Затем она вместе с монахинями отправилась в келью к Сидзукэ.

Девушка сидела на полу и молча глядела на них. Никогда прежде настоятельница не видела, чтобы взгляд Сидзукэ был настолько сосредоточенным, и вообще чтобы ее поведение настолько походило на поведение нормального человека.

Доброе утро, Сидзукэ, – поздоровалась настоятельница.

Сидзукэ не ответила, но продолжала смотреть на настоятельница со спокойным интересом. Настоятельница за руку отвела девушку в купальню, вымыла ее и одела в чистую одежду. Исцеление продлилось лишь до окончания месячных, а затем Сидзукэ вновь овладел хаос.

На следующий месяц, когда у нее во второй раз пошла кровь, Сидзукэ удалось добиться передышки на более долгий срок. На третий месяц она еще крепче ухватилась за реальность. Поначалу ее все еще нужно было переодевать и купать по нескольку раз на дню, поскольку Сидзукэ не сразу уразумела необходимость наведываться в отхожее место. Но не прошло и недели, как она этому научилась. К осени посторонний человек мог бы подумать, что Сидзукэ просто еще одна из здешних монахинь: вся разница сводилась к тому, что она была моложе всех прочих, постоянно помалкивала и вместо обычных дневных хлопот сидела и созерцала происходящее. Она перешла от буйного безумия к постоянно затуманенному состоянию сознания. Она больше не кричала от страха, не плакала и не съеживалась по неведомым причинам, хотя иногда отключалась от действительности, как и прежде, и застывала, полуприкрыв глаза, словно находилась в этот момент не здесь, а где-то в

ином месте. Иногда казалось, будто Сидзукэ понимает, что ей говорят, а иногда – что нет. Она все-таки не была такой, как остальные, хотя ей и сделалось намного лучше. Иногда по ночам настоятельница заглядывала к ней и обнаруживала, что девушка сидит на постели с открытыми глазами и смотрит в никуда.

Очевидная связь между новообретенным здравым рассудком Сидзукэ и началом ее менструаций беспокоила настоятельница. Она сама не могла точно сказать, есть ли под этим беспокойством реальные основания, или оно порождено исключительно старым поверьем, гласящим, что женские кровотечения и ведьмовство тесно связаны между собою.

Приближалось время ежегодного осеннего визита госпожи Киёми. Вдова предыдущего князя Акаоки и мать нынешнего была одной из двух главных покровителей монастыря Мусиндо. Второй, господин Бандан, правитель Кагами, никогда здесь не появлялся. На этот раз преподобная настоятельница Суку с особым нетерпением ждала визита госпожи Киёми. Ведь та могла засвидетельствовать чудесное исцеление, сотворенное бесконечным состраданием Будды, шестнадцатью годами непрерывных молитв и ее щедрыми пожертвованиями.

Но когда настоятельница вышла к воротам монастыря, чтобы поприветствовать отряд путников, прибывших из княжества Акаока, то, к разочарованию своему, не увидела среди них своей благородной покровительницы. На этот раз князь Хиронобу, ее сын, приехал без матери.

По правде говоря, я приехал вместо нее, – сказал Хиронобу. – К глубокому моему прискорбию, я вынужден сообщить вам, что моя мать смертельно больна. Врачи говорят, что она не переживет этой зимы. Я отправился в эту поездку исключительно по ее настоянию. Мы разобьем на эту ночь лагерь под стенами монастыря, а наутро я отправлюсь обратно.

Мы будем молиться за нее, – сказала настоятельница.

Охватившая ее печаль была воистину глубока. Судьба изрекла свой приговор с безжалостной жестокостью. Госпожа Киёми никогда не увидит, какие плоды принесло ее доброе отношение к Сидзукэ. Да, она узнает об этом из письма, которое настоятельница передаст ей с ее сыном. Но она навсегда будет лишена радости увидеть чудесное преобразование собственными глазами.

Правила монастыря не позволяют мужчинам заходить сюда ни при каких условиях. Пожалуйста, подождите здесь. Давайте выпьем чаю у ворот, вы – снаружи, а я – внутри.

Одна из старших монахинь придвинулась поближе к настоятельнице и тихо, так, чтобы не услышал никто из самураев, поинтересовалась:

Преподобная настоятельница, а благоразумно ли это? Священные врата защищают Мусиндо от проникновения зла. Устанавливать здесь навес и устраиваться посередине – значит отрицать эту защиту. Демоны неизбежно заметят подобную уязвимость.

Этот навес невелик, – отозвалась настоятельница, – и будет установлен здесь лишь на краткий срок.

Ее переполняла печаль, вызванная болезнью госпожи Киёми, и радость, вызванная выздоровлением Сидзукэ. Эти чувства неким невозможным образом наполняли ее душу одновременно. Прилив и отлив не могут случиться одновременно. Это замешательство и заставило преподобную Суку настоять на своем приглашении. Ей суждено было жалеть о допущенном промахе до конца своей жизни.

Монахини с одной стороны и самураи с другой установили навес, подали чай и уселись ждать. Судя по выражению лиц, им всем было не по себе. Все они верили в то, о чем говорила старая монахиня. Лишь преподобная настоятельница Суку и князь Хиронобу чувствовали себя вполне уютно. Они вспоминали о прошлом, и князю, который был намного моложе своей собеседницы, оно казалось куда более далеким. Ведь когда Суку стала настоятельницей этого монастыря, Хиронобу было всего восемь лет.

Я помню, как стоял на этой скале, – сказал Хиронобу, – а Го строго порицал меня за то, что я делаю из себя мишень для убийц. Вы, наверное, не помните Го, моего телохранителя. Он только раз приезжал сюда вместо со мной и с матушкой, и вряд ли встречался с вами.

Вы были маленьким мальчиком, – сказала настоятельница и отвела взгляд, погружившись в воспоминания. – Но вы уже успели одержать две великие победы. Госпожа Киёми очень гордилась вами.

Я помню, как... Хм, действительно ли я помню то, что произошло, или лишь воображаю, будто помню? – Хиронобу рассмеялся. – Мы – столь ненадежные свидетели собственных жизней!

Настоятельница повернулась к Хиронобу, собираясь ответить. Князь как раз подносил чашку ко рту, и рука его застыла в воздухе на полдороге. Он смотрел мимо настоятельницы куда-то во двор монастыря.

Глаза его засверкали.

Лицо его напряглось, и черты сделались более резкими.

Губы слегка разомкнулись, и видно было, что князь стиснул зубы.

Он резко, судорожно вздохнул.

И задержал дыхание, как будто собрался нырнуть в глубокие воды.

Настоятельница обернулась. И увидела, что к ним идет Сидзукэ. Настоятельница снова посмотрела на Хиронобу; князь по-прежнему сидел, словно громом пораженный. Когда Суку вновь перенесла внимание на Сидзукэ, она услышала, как у Хиронобу вырвался долгий, потрясенный вздох. И она увидела Сидзукэ такой, какой ее, должно быть, видел Хиронобу.

Молодая женщина в тускло-коричневом монашеском одеянии двигалась со сверхъестественной грацией. Из-под капюшона выглядывало лицо, бледное, но при этом яркое, словно лунный свет. Руки с длинными, сужающимися к кончикам, женственными пальцами, напоминающими изящные изображения Сострадательного. Глаза, слишком большие, чтобы их можно было назвать красивыми, и слишком захватывающие, чтобы их можно было назвать как-нибудь иначе. Нос безукоризненной формы, и при этом достаточно маленький. Губы, маленькие и полные, и подбородок, идеально завершающий овал лица.

Настоятельница впервые взглянула на Сидзукэ с этой точки зрения, и была так потрясена, что не сумела достаточно быстро отреагировать. Прежде, чем она успела сказать хоть слово, приказать монахиням увести девушку, Сидзукэ уже стояла рядом с навесом. Она посмотрела на Хиронобу и просияла, как будто узнала его.

Сидзукэ улыбнулась и произнесла: «Аната». Ты.

Монахини и самураи потрясенно ахнули. Это было первое слово, произнесенное Сидзукэ – но не это вызвало всеобщее потрясение. «Аната» было чересчур фамильярным обращением для монахини, да и вообще для любой женщины, разговаривающей с мужчиной, которого она видит впервые в жизни, и уж тем более

когда этот мужчина – знатный господин. Хуже того: Сидзукэ произнесла это слово тихо, чуть растягивая гласные, с едва заметным намеком на женственное пришептывание; так говорят в опочивальне, когда одно-единственное слово выражает полнейшую близость.

Сидзукэ! – позвала настоятельница. Она встала, постаравшись закрыть девушку от Хиронобу. – Сейчас же возвращайся в храм.

Две монахини тут же, не ожидая приказа, пришли к ней на помощь, подхватили Сидзукэ под руки и повели прочь.

Прошу прощения, мой господин. Девушка не в себе. Она сама не знает, что говорит.

Сидзукэ... – повторил Хиронобу. – Так это и есть Сидзукэ?

Он не отрывал от девушки взгляда, пока она не вошла в храм и не скрылась из глаз.

Она безумна, мой господин. Она безумна с самого младенчества. Из-за этого она очутилась здесь – и здесь и будет пребывать до самой смерти.

Когда я был мальчиком, то всякий раз, когда приезжал сюда с матушкой, я пытался придумать способ взглянуть на нее. Про нее ходили самые ужасные слухи. Некоторые даже говорили, будто она не человек – ну, или не совсем человек. Мы с друзьями пытались угадать, какой же у нее мех: барсучий, медвежий или лисий?

Она с тем же успехом могла бы быть барсуком или лисой, – сказала настоятельница. – Она не говорит осмысленно, не умеет заботиться о себе, не умеет даже содержать себя в чистоте. Во времена обострения ее приходится содержать взаперти. А затем ее приходится мыть, потому что она вся измазывается в нечистотах.

Какое несчастье, – сказал Хиронобу.

Преподобная настоятельница Суку надеялась, что ее обескураживающие слова окажутся достаточно обескураживающими.

Но этого не случилось.

Хиронобу действительно уехал на следующий же день, рано утром, как и сказал. Но вскорости самолично привез настоятельнице письмо, извещающее о смерти его матери. Поводом для возвращения послужило то, что Хиронобу привез с собою урну с прахом госпожи Киёми.

Я прошу, чтобы ее прах в течение ста дней хранился в храме Мусиндо, – сказал Хиронобу. – После этого периода молитвы я верну его в усыпальницу «Воробьиной тучи».

Он поклонился и поставил урну на столик перед собой. Как и в прошлый раз, они встретились под открытым небом. Впрочем, на этот раз навес, под которым они сидели, был установлен полностью за стенами монастыря, вдали от ворот, и так, чтобы с этого места нельзя было заглянуть вовнутрь.

Будет исполнено, мой господин, – сказала настоятельница, принимая урну, и низко поклонилась. – Мы будем непрерывно читать над ним сутры на протяжении ста дней. Но ваша безгрешная матушка не нуждается в подобном вспомоществовании, чтобы достичь наилучшего перерождения. Она и так обретет его благодаря множеству свершенных ею добрых дел.

После того, как пройдет сто дней, я лично доставлю ее урну вам.

Со времен своего возведения в сан настоятельницы преподобная Суку никогда не покидала храм больше чем на несколько часов. Однако же, страх перед возвращением Хиронобу превозмогал ее нежелание выходить в мир. Чем чаще он будет появляться

рядом с Мусиндо, тем больше опасность того, что они с Сидзукэ встретятся снова. Первая встреча, хоть она и заняла всего несколько секунд, казалась настоятельнице чрезвычайно зловещим предзнаменованием.

Благодарю вас за вашу доброту, преподобная настоятельница. Но вам вовсе нет необходимости предпринимать столь трудное путешествие. Я останусь здесь до истечения этого срока.

Господин?

Хиронобу указал на окрестный лес.

Во время моего последнего визита я вдруг ощутил наслаждение от пребывания в подобной нетронутой глуши. Этот лес явно ближе к творению богов, чем подстиженные, лишенные свободы незначительные леса юга. Потому я решил построить здесь небольшую хижину и пожить вдали от мира.

Я всегда полагала, что горные леса Сикоку – одни из самых диких и глухих во всей стране, – сказала настоятельница. – Разве не в них случалось бесследно сгинуть целым армиям завоевателей? Разве сравнятся с ними здешние холмы и редкие леса?

Она говорила совершенно спокойно, вопреки полному отсутствию спокойствия в душе. Нет, не сосны, горные ручьи и долины завладели вниманием Хиронобу. Во время их беседы князь не поглядывал на ворота. Он вообще ни разу не взглянул в ту сторону. Чтобы столь последовательно избегать этого, ему нужно было непрестанно об этом думать, и никак иначе. И это уже само по себе служило для настоятельницы доказательством его истинных желаний.

Рассказы изрядно преувеличивают дикость лесов Сикоку, – сказал Хиронобу.

А как же ваше княжество? Не воспользуются ли ваши враги столь долгим вашим отсутствием?

Нет, пока Го на страже. Никто не посмеет.

А как насчет самого Го?

Он защищал и опекал меня, словно второй отец, с самых ранних лет моей жизни. Если я не могу полагаться на него, значит, я не могу полагаться на то что солнце и луна останутся в небе, а земля – у меня под ногами.

Эту землю часто сотрясают землетрясения, – сказала настоятельница. – Возможно, это следует воспринять как урок.

Хиронобу рассмеялся.

Очевидно, я не поэт. Мне не хватает воображения выразить то, что я имею в виду.

Поскольку Хиронобу не собирался уезжать, настоятельница сделала единственное, что ей оставалось. Она приставила монахинь непрестанно охранять ворота монастыря и тропу, ведущую к келье Сидзукэ. Сидзукэ никуда не пускали одну. На ночь ее запирали в келье.

Дни сменялись днями безо всяких происшествий, а недели – неделями. В храме беспрестанно звучали сутры. Настоятельница даже начала было думать, что ее подозрения были излишни.

Она встречалась с Хиронобу раз в неделю за стенами монастыря. Они говорили исключительно о госпоже Киёми. Казалось, Хиронобу чувствует себя легко и свободно. Возможно, здешние леса и вправду стояли ближе к замыслу творения, чем более густонаселенные части страны. Возможно, благословение богов защитит их всех.

Однажды ночью, проснувшись, настоятельница обнаружила, что сидит на постели. Одежды ее промокли от ледяного пота. Тело горело в лихорадочном жару.

Настоятельница не помнила явившегося ей кошмара – от него осталось лишь непреходящее ощущение ужаса. Она быстро поднялась и, даже не переодевшись, кинулась к келье Сидзукэ. Холод осенней ночи забирался под влажное кимоно и пронизывал тело до костей.

Монахиня, охраняющая келью, сидела в позе лотоса. Но голова ее склонилась набок, и вдохи и выдохи сопровождались тихим похрапыванием.

Дверь кельи была приоткрыта.

Сидзукэ исчезла.

Настоятельница пробежала через двор монастыря, выскочила за ворота и помчалась напрямик к хижине Хиронобу, построенной в самой глухой части леса между монастырем и зимним ручьем, который в это время года представлял из себя лишь каменистое русло.

Хиронобу в хижине не было. Равно как и Сидзукэ. И никого из самураев князя.

Настоятельница осмотрела все вокруг. Она не нашла никаких следов, которые свидетельствовали бы, что здесь за последнее время кто-то проходил. В отчаянии она запрокинула голову и устремила взгляд в небо.

Тусклый серпик молодой луны слал ей с небес жутковатый свет.

Настоятельница ничего не говорила. Она слышала вокруг себя множество голосов.

Она умрет! – всхлипнул кто-то. – И что тогда будет с нами?

Мы будем продолжать идти по пути Будды.

Что ты такое говоришь? Без преподобной настоятельницы Суку никакого Пути не будет. Князь Хиронобу и господин Бандан оставят нас.

Она права. Мусиндо находится далеко от их владений. Они проявляют интерес к такому удаленному месту только ради преподобной настоятельницы.

Настоятельница помнила, как бежала в ночи. Она открыла глаза. Оказалось, что она лежит в своей комнате, а вокруг ее постели столпились монахини. Многие плакали.

Преподобная настоятельница!

Сидзукэ, – сказала настоятельница.

Сейчас ночь, преподобная настоятельница. Она у себя в келье.

Покажите мне. – Настоятельница попыталась встать и обнаружила, что у нее не хватает на это сил. Две монахини практически отнесли ее из ее комнаты к Сидзукэ. Монахиня, которая перед этим спала, теперь бодрствовала.

Дайте мне взглянуть.

Монахини приподняли настоятельницу, чтобы она могла заглянуть в маленькое окошко. Сидзукэ спала на боку, лицом к стене.

Кто принес меня ко мне в комнату?

Преподобная настоятельница?

Из леса. Кто принес меня обратно в монастырь?

Монахини переглянулись.

Преподобная настоятельница, мы услышали крик в вашей комнате и прибежали туда. Вы лежали в горячке, между бодрствованием и сном, и не могли окончательно перейти ни в то, ни в другое состояние. Мы просидели рядом с вами много часов.

Здесь был какой-то обман. Обман, мучение и хитрость. Монахини ни в чем не виноваты. Они не участвуют в этом обмане. Они сами обмануты. Хиронобу, должно

быть, околдован. Сидзукэ воспользовалась своими новообретенными темными силами, чтобы бежать из этого святого места и творить злодеяния в миру. Но настоятельницу она не одурачила. Суку знала, что была в лесу. Она это не придумала. Хиронобу, находящийся под заклятием Сидзукэ, отнес настоятельницу обратно. Ведьма сделалал их невидимыми, и их никто не заметил. Потому-то настоятельница, придя к хижине Хиронобу, не увидела там ни его, ни Сидзукэ. Их тоже скрывало заклинание.

Она умерла, – услышала она голос какой-то монахини.

Нет, она снова потеряла сознание, – возразила другая.

Это заразно?

Непохоже. Я думаю, это мозговая горячка. Такая же была у моего двоюродного брата. Он сошел с ума и так уже и не поправился.

Настоятельница ничего не сказала. Она вся ушла в слух. Она слышала, как негромкие всхлипы удалялись и наконец смолкли вдали. Она долго еще, очень долго продолжала прислушиваться, но не слыхала больше ничего, кроме стука собственного сердца.

Той же ночью – или эта ночь уже прошла и наступила другая? – настоятельница проснулась. Недавнее возбуждение и беспокойство в ее душе сменилось глубоким покоем. Решение пришло к ней само. Существовали два способа добиться того, чтобы Сидзукэ не убежала. Первый – убить ее. Этим способом настоятельница воспользоваться не могла. Все последователи Сострадательного клялись никогда не отнимать жизнь, ни у человека, ни у животного. Придется прибегнуть ко второму способу.

Настоятельница выскользнула из своей комнаты. Она не могла пойти в зал для медитаций, поскольку там до сих пор читались сутры по госпоже Киёми. Она отправилась на кухню и уселась там, приняв позу лотоса. Так она сидела и медитировала до тех пор, пока первый, тусклый свет не возвестил о том, что час кролика сменился часом дракона; затем она встала и направилась в келью к Сидзукэ. Она прихватила с кухни длинный нож для нарезки овощей.

Настоятельница решила, что избавит Судзукэ от проклятия. Она уничтожит ее красоту, а без этой красоты ни Хиронобу, ни какой-либо другой мужчина ее не пожелают. Сидзукэ останется в монастыре, которому она принадлежит. Она отрежет Сидзукэ язык, раз та начала говорить – ведь ведьмы говорят только ложь. Сидзукэ останется бессловесной, какой и была всегда. Она ослепит ее, потому что зрение лишь вводит ее в обман. Сделавшись слепой, Сидзукэ впадет в прежнее свое мучительное состояние, но зато уже не встанет на дурной путь. Настоятельница будет заботиться о Сидзукэ, как заботилась всегда, с терпением и состраданием, до конца ее дней.

Так оно и будет. В душе настоятельницы не было сомнений, сердце билось ровно, и рука с ножом не дрожала.

Преподобная настоятельница.

Монахиня, дежурившая у кельи Сидзукэ, посмотрела на приближающуюся настоятельницу с испугом. Взгляд ее метнулся от лица настоятельницы к зажатому в руке ножу, затем обратно. Монахиня встала.

Преподобная настоятельница! – повторила она.

Настоятельница не ответила. Она прошла мимо монахини, отворила дверь и вошла в келью. Она решительно прошагала через темную комнату к постели, на которой спала девушка, опустилась на колени и сдернула с нее одеяло.

Сидзукэ уже не спала. Она посмотрела на настоятельницу и произнесла второе слово в своей жизни.

Мама, – сказала Сидзукэ.

Настоятельница отшатнулась. Она почувствовала, как кто-то схватил ее, и услышала чьи-то восклицания. Пальцы ее разжались, и нож выпал из руки.

Они стояли у ворот монастыря Мусиндо. Здесь же присутствовали все монахини. А также – князь Хиронобу, Сидзукэ и множество самураев на прекрасных боевых скакунах. Преподобная настоятельница сидела и молча слушала разговор. Происходило ли все это на самом деле или было всего лишь видением? Она сама точно не знала. А потому помалкивала и слушала.

Какое счастье, что вы очутились там и предотвратили трагедию, – сказала одна из монахинь.

Я искренне этому рад, – отозвался Хиронобу.

Как много произошло за сто дней, – сказала монахиня. – Много радостного и много горестного. Но все это – шаги на пути Будды, не так ли?

Я рад, что она достаточно поправилась, чтобы присутствовать на свадьбе, – сказала другая монахиня. – Кажется, это радует ее.

Интересно, вернется ли к ней когда-нибудь дар речи? – сказала еще одна.

Как это печально, – сказала первая монахиня, – что она утратила его тогда же, когда вы его обрели, госпожа Сидзукэ.

Да, – согласилась Сидзукэ. – Это воистину очень печально.

Монахиня взяла ящичек, обернутый белой тканью, и передала его Хиронобу.

Пусть госпожа Киёми вечно будет наслаждаться покоем Сострадательного, – сказала она.

Отряд собрался уезжать. Хиронобу помог Сидзукэ взобраться на лошадь, прежде чем самому сесть в седло.

Да будете вы благословлены здоровьем, преуспеванием и всеми сокровищами семейной жизни, мой господин, и вы, моя госпожа, – сказала монахиня. Все монахини поклонились.

Настоятельница встала.

Да будешь ты и все твое потомство навеки проклято красотой и одаренностью.

Преподобная настоятельница!

Мне очень жаль, – сказал Хиронобу Сидзукэ. – Если бы можно было сделать для нее хоть что-нибудь, кроме как заботиться о ней, я бы непременно это сделал.

Ее проклятие... – вымолвила Сидзукэ.

Она сошла с ума, – сказал Хиронобу. – Красота и одаренность – это благословение, а не проклятие.

Сидзукэ промолчала. Она посмотрела на настоятельницу, и их взгляды встретились. Отряд уже тронулся с места, а они все смотрели друг другу в глаза. Хиронобу мог этого не понимать, но настоятельница знала, что Сидзукэ осознает правду, поскольку они обе были отмечены этим проклятием.

Красота и одаренность – воистину проклятие.

Настоятельница больше не знала, то ли она старуха, то ли юная девушка, то ли она грезит, то ли сошла с ума, есть ли между этими понятиями хоть какая-нибудь разница и имеет ли это хоть какое-нибудь значение. Вопросы, не имеющие ответов, поглощали всю ее энергию, денно и ночью. Она никогда более не произнесла ни

единого слова.

Следующей весной она умерла во сне. Преподобной настоятельнице Суку, что некогда была красавицей Новаки, дочерью господина Бандана, не исполнилось и тридцати двух лет.

1882 год, поместье князя Гэндзи на реке Тама, рядом с Токио

Ожидая, пока его примут, Цуда размышлял о тех невероятных переменах, что произошли за столь краткий срок. И сам город был тому первым примером. В дни молодости Цуды это был Эдо, столица сёгуна, чей клан, Токугава, правил Японией на протяжении двух с половиной веков. Теперь же не только времена власти Токугава ушли в прошлое, вместе с самим институтом сёгуната, но и на смену Эдо пришел Токио. Это было нечто большее, чем просто смена имени. Токио был новой столицей императорского семейства, до этого тысячу лет проживавшего в Киото. Император Мицухито стал первым, кто сделал центром своего правления Токио, и первым императором за последние шестьсот лет, который реально принялся править.

Жизнь самого Цуды тоже была превосходным примером перемен на более низком уровне. Он родился в крестьянском семействе, в удаленном княжестве Акаока. Его талант к строительству зданий привлек к нему внимание князя Гэндзи, и ему поручили важное задание, строительство христианской церкви. Другой талант Цуды, умение разместить здание в счастливом месте, проистекал из его серьезного, почти по-религиозному ревностного отношения к фэн-шуй. Сочетание двух этих талантов и возвысило Цуду до нынешнего положения компаньона, советника и делового партнера своего бывшего князя. Определяя наилучшее место для постройки церкви, Цуда обнаружил таинственный сундучок, украшенный варварским изображением красного дракона над синими горами, в котором содержались еще более таинственные свитки. Цуда до сих пор не знал, какова была истинная роль этих свитков, но многие истово верили, что это была рукопись легендарного, пророческого, магического, давно утраченного «Осеннего моста». Что бы это ни было, но та находка изменила всю его жизнь.

Вошедшая служанка объявила:

Мистер Старк готов вас принять, мистер Цуда.

Макото Старк ждал его в саду, среди причудливо расположенных камней. Цуда полагал, что его примут в более официальной обстановке – как-никак, это их первая встреча. Американцев часто упрекали в том, что они слишком сильно любят неформальную обстановку. Очевидно, это правда. Прогнав с лица выражение недовольства, Цуда поклонился.

Мистер Старк, я счастлив наконец-то встретиться с вами.

Благодарю вас, мистер Цуда.

Макото протянул руку. Поколебавшись долю секунды, Цуда принял ее и энергично потряс.

Ваш отец, мистер Старк-старший, часто говорил о вас. Я почти что чувствую, что знаю вас, хотя и заочно.

Тогда вы находитесь в более выгодном положении, чем я. Чем больше я узнаю о себе, тем меньше знаю.

Макото произнес эти слова так, словно это и вправду доставляло ему беспокойство, а не как обычную условность, позволяющую идти к самопознанию

через пустоту. Потому Цуда воздержался от общих слов об освобождающей природе медитативных практик Мусиндо. Ему показалось, что Макото говорит вовсе не об медитации.

В самом деле? – сказал он вместо этого. Это замечание было точно таким же общим местом, пригодным буквально для любой ситуации, и способным – опять же, в зависимости от ситуации, – с равным успехом означать «да», «нет», «может быть», «я согласен», «я не согласен», «я не понимаю, о чем вы говорите», «я вам сочувствую», «продолжайте, пожалуйста», «пожалуйста, перестаньте» и многое другое. Здесь были важны интонации. А потому, поскольку Цуда точно не понял, что Макото имел в виду, он постарался произнести эти слова как можно более нейтральным тоном – то есть, так, чтобы они не означали ничего. Он инстинктивно опасался, что Макото переведет разговор на опасную почву. Он надеялся, что молодой человек не настолько американец, чтобы заводить в лоб специфические беседы. Увы, его надежды тут же разлетелись вдребезги.

Мистер Цуда, хорошо ли вы знали моих родителей?

Мы с мистером Старком совместно ведем дела – в основном в сфере импорта и экспорта, и в банковской сфере, – вот уже на протяжении пятнадцати лет. Все это время мы встречались примерно раз в год, обычно в Гонолулу. Очень удобное место для нас обоих. Но я никогда не имел чести встречаться с миссис Старк.

А до того, как она стала миссис Старк?

Цуда уже начал сожалеть, что вообще встретился с Макото.

В те времена мы с мистером Старком принадлежали к разным социальным слоям, как и с князем Гэндзи. Я никогда не имел случая пообщаться с будущей миссис Старк.

Понятно. – Макото заметил, что Цуде не по себе, и ошибочно приписал это физическому неудобству. – О, прошу прощения, мистер Цуда. Давайте пройдем в дом. Я забыл, что далеко не все так любят прогулки в саду, как я.

Внутри дворец почти целиком был отделан и обставлен на европейский манер. Макото еще не видел его полностью – он гостил здесь всего два дня, а дворец был велик, – но, насколько ему было известно, лишь одно небольшое крыло дворца было обставлено в традиционном японском стиле. И то, что Гэндзи проводил большую часть времени именно там, кое-что о нем говорило.

Цуда выпил шотландского виски вместо сакэ, хотя для виски, пожалуй, было еще рановато. Он постепенно стал предпочитать западные спиртные напитки японским.

Макото внезапно поинтересовался:

Вы знали Хэйко?

Хэйко? Вы имеете в виду знаменитую гейшу? Я знал о ней. В те времена все о ней знали.

Вы никогда не были ее покровителем?

Я?! – Цуда рассмеялся. Виски очень быстро развеселило его. – Даже если бы это было мне по карману – а это не было бы мне по карману, даже если бы я продал все, что владел, и украл имущество всех, кого только знал, – гейша ее ранга и достоинств никогда не снизошла бы до меня. Нет, эта привилегия могла принадлежать лишь знатным господам.

Включая князя Гэндзи?

Да. Они были любовниками. Это не секрет. Их роман напоминал те, о которых пишут в книгах. Я уверен, что когда-нибудь об этом напишут пьесу для театра Кабуки.

Цуда, что ты здесь делаешь?

Князь Саэмон остановился в дверях. Служанка, приведшая его, опустилась на колени, ожидая дальнейших распоряжений. Саэмон был одет, в соответствии с нынешними своими привычками, в прекрасно скроенный английский костюм. Волосы его были аккуратно подстрижены, напоминая прическу, которой в последнее время отдавал предпочтение император. Он не носил бороду, но компенсировал это роскошными усами «а-ля Бисмарк».

Господин Саэмон, – отозвался Цуда, поднимаясь и кланяясь. – Я здесь в гостях у мистера Старка.

Мистера Старка?

Мистера Макото Старка, – пояснил Цуда, – сына мистера Старка-старшего. Он сейчас гостит у князя Гэндзи.

А! – Саэмон вошел в комнату. – Наконец-то мы с вами встретились. Я много лет с нетерпением ждал возможности познакомиться с вами, мистер Старк.

Почему? – спросил Макото.

Саэмон моргнул.

Простите?

За все те годы, что Цуда был знаком с Саэмоном, он никогда еще не видел, чтобы тот оказался захвачен врасплох. Это произошло впервые. Даже этот коварный сын коварного главы тайной службы оказался не готов иметь дело с американцами. Цуда изо всех сил старался сдержать ухмылку.

Почему вам так не терпелось познакомиться со мной? Я ничего из себя не представляю. А много лет назад представлял еще меньше.

Ну, вполне естественно, мистер Старк, что вы были мне интересны – вы ведь ребенок... сын... единственный сын... очень важного друга Японии.

Друг Японии, – повторил Макото. – Я никогда прежде не слышал, чтобы его так называли, а на моей памяти его называли по-всякому. Так значит, вы хорошо его знали?

Лучше, чем многие, которые могут назваться его знакомыми, но не так хорошо, как близкие друзья.

Служанка, приведшая князя Саэмона, придвинулась к дверному проему, не поднимаясь с колен.

Господин Саэмон, вы желаете подождать здесь? – спросила она.

Да, если мистер Старк и мистер Цуда не возражают.

Вовсе нет, и даже напротив, – сказал Цуда, придвинул стул Саэмону и поклонился. – Возможно, вы сумеете помочь мистеру Старку там, где это не под силу мне. Он спросил меня о Хэйко. Я верно понимаю, что вы и ваш отец знали ее?

Хэйко, – произнес Саэмон и улыбнулся. – Да, мой отец хорошо ее знал, я же – лишь мимолетно.

Цуда был рад, что сумел затронуть тему, доставившую удовольствие князю Саэмону. Саэмон был человеком могущественным, и предполагалось, что он вскорости займет пост министра, может быть, даже министра финансов. А для банкира наподобие Цуды министр финансов был почти что пророком богов на земле.

Что именно вам хотелось бы узнать о Хэйко, мистер Старк? – Саэмон отказался от предложенного Цудой виски и принял от служанки чашку чаю. – В те дни, когда ее слава достигла зенита, вам, должно быть, было... – Он вдруг осекся, как будто его внезапно посетила какая-то мысль. Чтобы замаскировать замешательство, он пригубил чай, и лишь после этого продолжил: – Вы должны были находиться в очень юном

возрасте.

Точнее говоря, я попросту еще не существовал. Я родился в 1862 году. Насколько я понимаю, ее карьера завершилась годом раньше, и сразу после этого она покинула Японию.

Да, теперь я припоминаю, – сказал Саэмон. – Она отправилась в Калифорнию в сопровождении вашего отца. Ее отъезду сопутствовали весьма загадочные обстоятельства.

И какого же рода?

Я не уверен, что мне следует о них говорить. Может показаться, будто я распускаю слухи. Все равно никто не знает ничего определенного.

Я вполне согласен на слухи.

Ну, тогда, с вашего дозволения... – Саэмон поклонился. – Поговаривали, будто Хэйко – агент тайной полиции сёгуна. Это могло бы объяснить, почему она часто встречалась с моим отцом – он тогда возглавлял эту организацию. Кроме того, это отчасти объясняло бы и ее отъезд из Японии, поскольку так тем, кому она причинила вред за время работы в этом качестве, было бы труднее отплатить ей той же монетой. Однако же, это не объясняет, что заставило вашего отца взять ее под свое покровительство. Мистер Старк-старший был – и остается – близким другом князя Гэндзи, а князь Гэндзи и мой отец были смертельными врагами.

Что, вправду? А мне казалось, будто вы с князем Гэндзи друзья.

Мы, японцы, погрязли в бесконечной паутине вражды, корни которой уходят на много столетий вглубь. Если мы не вырвем их, мы никогда не догоним Запад. Мы с князем Гэндзи предпочли оставить прошлое позади.

Очень цивилизованное решение, – сказал Макото.

Цуде показалось, что в его словах не было искренности. Но, возможно, дело было в его несколько странном произношении. Цуда заново наполнил свой бокал и стал слушать дальше. До сих пор он не узнал ничего важного. Но похоже было, будто в любой момент могут прозвучать важные откровения – откровения, которые могут сулить прибыль.

Пожалуйста, продолжайте, – сказал Макото.

Незадолго до отъезда Хэйко произошла резня. Деревня отверженных, не имеющая никакой стратегической ценности, была сожжена дотла, а все ее жители убиты. Они не представляли из себя никакой угрозы ни для кого, равно как и не имели ценности, как живые, так и мертвые. Очень странная история.

Деревня отверженных?

Один из пороков эпохи Токугава, ныне объявленный вне закона. В Японии нет больше отверженных. Все японцы равны перед законом, точно так же, как это обстоит в цивилизованных странах Запада.

Это абсолютно не соответствовало истинному положению дел, и Цуда, как и любой японец, прекрасно это знал. Да, действительно, правительство приняло такой закон, но не для того, чтобы на самом деле использовать его, а исключительно для того, чтобы прикрыть срам, оскорбляющий чувства западных держав. Чего они не видят, то их не волнует. С точки зрения Цуды, ничего плохого в этом не было. Цель политики не в достижении неосуществимого совершенства – каковое, кстати, два народа все равно понимают по-разному, – а в неуклонном поддержании различных интересов, для чего следует мудро балансировать между ними и избегать крайностей. В этом искусстве оба князя, как Саэмон, так и Гэндзи, были мастерами, каждый на

свой лад. Как ему повезло, что он оказался у них на службе!

Хэйко была из отверженных? – спросил Макото.

Что?! – одновременно вырвалось у Саэмона и Цуды.

Прошу прощения, господа, – кланяясь, сказал Цуда. Лицо его залила краска. – Я вовсе не имел этого в виду. Я только хотел сказать...

Ну и что тут скажешь? Что вообще можно сказать в ответ на столь возмутительную, скандальную, оскорбительную и неимоверно опасную реплику? Опасную не только для того, кто ее произнес, но и для тех, кто слышал. Особенно для него, Цуды! Саэмон – князь (да-да, официально князей больше не существовало, но многие из них сохранили свой престиж, силу, связи и богатство), он занимает ведущее положение среди ветеранов Реставрации, у него много могущественных друзей, и он знает тайны, при помощи которых он может давить на тех, кто иначе не стал бы помогать ему. Цуда же лишен всего этого – он лишь считает и хранит деньги. Зачем он только пришел повидаться с Макото Старком? Дурак! А скоро может стать и мертвым дураком!

А что вас так удивляет? – спросил Макото. – По-моему, тут все очевидно.

Мне – нет, – отозвался Саэмон. Он не сказал ничего больше и смотрел на Макото со спокойствием, которое казалось абсолютно неуместным в данной ситуации.

Ну, ладно, – сказал Макото, – он ушел. Говорите, что вы хотели сказать.

А почему вы решили, что мне есть, что сказать? – поинтересовался Саэмон. Цуда поспешно улизнул, словно крыса из горящего дома. Как может человек, позволяющий себе столь явно проявлять свой страх, думать, что он способен сравняться с людьми, которые рождены были самураями?

Да будет вам, князь Саэмон. Я привык к тому, что меня презирают из-за того, что я – американец в теле японца. Но мне очень не нравится, когда ко мне относятся, словно к умственно неполноценному. Уверяю вас, я вполне нормален.

Что вы, что вы, мистер Старк, в этом никто и не сомневается.

Саэмону представилась редчайшая возможность. Но если он допустит малейшую ошибку, эта возможность превратится в смертельно опасную ловушку, которая может стоить жизни ему самому, а отнюдь не его врагам.

Вся эта история, мистер Старк, – сказал он, – включает в себе огромную опасность для всех связанных с нею лиц. И эта опасность выходит далеко за пределы правды и лжи. Уже само предположение о том, что знатный человек такого ранга, как князь Гэндзи, мог хотя бы прикоснуться к отверженной, абсолютно неприемлемо. Я вынужден настойчиво просить вас никогда более не повторять его.

Ничего не понимаю. Ранги отменены, и вы сами мне сказали, что отверженных больше не существует. Так кого это может волновать?

Всех, – сказал Саэмон. – В этой стране происхождению придается огромное значение. Если княжеская кровь клана Окумити была замарана, на их чести окажется пятно, которого никто из Окумити никогда уже не сумеет смыть. Будет разрушено множество судеб. Прольется кровь.

Вы сказали – замарана?

Так на это посмотрят.

И вы тоже смотрите на это так?

Конечно же, нет, – сказал Саэмон. – Каждый человек сам решает свою судьбу – предки вовсе не держат ее мертвой хваткой. – Он очень осторожно подбирал слова.

Поверят лжи или нет – это в огромной степени зависит от того, как ее представить. – Людям предназначено самим творить себя.

В самом деле? – Макото налил себе еще немного виски и посмотрел сквозь бокал на свет. Потом поставил его, не прикоснувшись к спиртному. – Так что же вы мне посоветуете, князь Саэмон.

Поговорите с вашим отцом, – Саэмон сделал паузу. Сейчас от его слов, и от того, как на них отреагирует Макото, зависело его будущее. – Я всегда считал Мэттью Старка честным человеком – даже излишне честным.

Мэттью Старк мне не отец, – сказал Макото.

Саэмона захлестнула радость; сердце его бешено заколотилось. На протяжении пятнадцати лет все его усилия раскрыть тайну Гэндзи ни к чему не приводили. В свое время он заподозрил, что Макото – сын Гэндзи, а не Старка. Но когда Гэндзи не стал возвращать Макото в Японию, Саэмону пришлось отказаться от этой мысли. Он не мог тогда придумать никаких причин, которые могли бы вынудить Гэндзи оставить сына в Америке. Хэйко – отверженная! Ответ – наряду с оружием, позволяющим им воспользоваться – сам пришел к нему в руки! Из всех сил сдерживаясь, чтобы не выказать свое возбуждение, он сказал:

Я вас не понимаю, мистер Старк. Как такое возможно?

Прежде всякий раз, когда Макото гневался, он чувствовал, как у него поднимается температура. Теперь же, когда им владел гнев, по сравнению с которым все, испытанное им до сих пор, казалось легким раздражением, вместо жара он ощущал холод. Если бы кто-то прикоснулся к нему сейчас, он наверняка решил бы, что прикоснулся ко льду – Макото был в этом уверен.

Гэндзи не просто солгал ему, не просто отказался от него, не просто отнял у него имя, принадлежавшее ему по праву. Он украл у Макото всю его жизнь. Все, что он помнил, все, что пережил – все было ложью. Все эти воспоминания и весь опыт не принадлежали ему. Они принадлежали другому человеку, которого на самом деле никогда не существовало. В двадцать лет он родился заново, как сын порочного манипулятора и прославленной проститутки. Но и это еще не самое худшее во всей этой истории, если Сидзукэ сказала правду. Один из его родителей выказывал явные признаки наследственной болезни, которая проявлялась как своего рода одержимость. Сидзукэ говорила о ней как о провидческом даре, но определенно лишь потому, что ее отец лгал, желая утешить ее. Его отец.

Кто же тогда сам Макото?

Он – ангел мести. Он смывает грех кровью. Сегодня после обеда Гэндзи должен был встречаться с императорскими министрами. Макото перехватит его во дворце. Это будет идеальное место. Пускай сын Гэндзи – сын, которого он настолько стыдился, что на протяжении двух десятилетий отказывался признать, – пускай этот сын положит конец его вероломству. Макото вынул револьвер из-за пояса и проверил барабан. Револьвер тридцать второго калибра, подарок отца – или, точнее, человека, который изображал из себя его отца, – был полностью заряжен и готов к стрельбе.

Макото встал, собираясь уходить. Но когда он повернулся к двери, то увидел перед нишей с висящей там картиной стойку с двумя самурайскими мечами, длинным и коротким.

Вот она, последняя, завершающая деталь.

Он убьет Гэндзи этим самым оружием, мечом, взятым из его собственного

дворца. Этим клинком, символизирующим якобы безупречно чистую душу самурая, он пресечет жизнь человека, вся мнимая честь которого – лишь притворство и ложь.

Макото Окумити взял со стойки короткий меч, спрятал его под пиджак и вышел.

Императорский дворец, Токио

Приблизившись к мосту через крепостной ров, экипаж Гэндзи поехал медленнее.

Гэндзи до сих пор по привычке думал об этом огромном замке как о сёгунском дворце, точно так же, как этот город до сих пор оставался для него Эдо, так и не став Токио. Свержение сёгуна Токугава, восстановление императорской власти, ликвидация самураев как социального класса, отмена княжеств, небывалый наплыв чужеземцев в Японию, уничтожение последних героических поборников бусидо – все это произошло менее чем за десять лет. Гэндзи восхваляли – и обвиняли – за эти перемены куда более, чем он того заслуживал.

За время Реставрации на него покушались семь раз. Каждое покушение терпело неудачу, потому что так было суждено. Он умрет от руки убийцы, но много лет спустя. Он это предвидел. Это произойдет на заседании парламента, которого пока еще не существует, и он умрет на руках своей дочери, Сидзукэ. В его видении она была молодой женщиной. Сейчас же она всего лишь девочка. Значит, ему гарантировано еще много лет жизни.

Экипаж остановился у ворот Сакурада, тех, через которые Гэндзи следовало войти во дворец. Императорские гвардейцы двинулись ему навстречу, дабы убедиться, что это действительно он. В те несколько мгновений, когда их внимание и внимание его собственных стражников было приковано друг к другу, к экипажу внезапно ринулся молодой человек в европейской одежде, на бегу выхватывая из-под пиджака короткий меч. Прежде, чем стражники заметили его, он оказался в двух шагах от Гэндзи.

Было уже поздно что-либо предпринимать.

Гэндзи увидел направленный на него меч.

Еще мгновение – и клинок войдет ему в грудь. Видение собственной смерти, столько лет служившее ему указанием, оказалось недостоверным. Его убийство не произойдет в отдаленном будущем. Оно случится сейчас.

Гэндзи почувствовал себя одураченным. Ему полагалось увидеть за жизнь три видения. А увидел он всего два, да и то одно оказалось с роковым изъяном.

Узнает ли он своего юного убийцу?

Но клинок не дотянулся до Гэндзи. В тот самый миг, когда убийца сделал выпад, метя прямо в сердце, из-за экипажа выскочил другой молодой человек, и тоже с мечом.

И юноши пронзили друг друга; их боевые кличи и крики боли слились воедино. Гэндзи не узнал неудачливого убийцу. Зато он узнал своего защитника.

Это был его недавно приехавший сын, Макото.

Монастырь Мусиндо

Преподобная настоятельница Дзинтоку заглянула в комнату гостя. Старк все еще спал. Мужчина, размещенный в женском монастыре – это было в высшей степени необычно. В прежние времена – что для Японии могло означало и всего лишь

пятнадцать лет тому назад, в зависимости от того, о каких временах шла речь, – это было бы попросту невозможно. Но князь Гэндзи лично дал на это дозволение. Серьезность ран Макото и героические обстоятельства, при которых он их поручил, требовали сделать исключение из общего правила. Так сказал князь Гэндзи. Но за этим крылось нечто большее. За всеми словами всегда кроется нечто большее, кто бы их ни произносил.

В данном случае все было вполне очевидно.

Молодой человек, за которого просил князь, оказался тем самым загадочным посетителем, наведывавшимся в монастырь несколькими неделями раньше. Он еще обсуждал с нею общепринятую версию знаменитого сражения у Мусиндо, произошедшего в 1861 году. Он сказал, что знает о нем, потому что его родители присутствовали при этой битве. Когда настоятельница спросила его, кто его родители, молодой человек сказал, что это очень хороший вопрос, и удалился.

Его внешность тоже о многом говорила. Во время своего предыдущего визита он напомнил настоятельнице кого-то, но она никак не могла вспомнить, кого же именно. Теперь же сходство казалось ей настолько очевидным, что ей даже удивительно было, как это она не узнала его сразу же. Конечно же, узнать его, увидев бок о бок с князем Гэндзи, было куда легче. Черты родственного сходства просто бросались в глаза. Он мог приходиться князю племянником, братом или сыном. И, естественно, самым интригующим был последний вариант.

Но если он приходится князю Гэндзи сыном, кто же его мать?

Он сказал, что его родители присутствовали при сражении. В тот день в отряде князя Гэндзи было три женщины. О первой, госпоже Эмилии, речь идти не может. До своей безвременной кончины она успела произвести на свет всего одного ребенка, девочку. Оставались госпожа Нанако и госпожа Хэйко. Опять же, это никак не может быть госпожа Ханакко. Она примерно в то же время вышла замуж за господина Хидё и через год после битвы подарила ему дитя. Этот ребенок, господин Ивао, если судить по виду, приходился Макото ровестником, но они совершенно друг на друга не похожи, и как могли бы быть похожи братья. А это означает, что его матерью могла быть лишь госпожа Хэйко. Но возможно ли такое? Если бы она и вправду была матерью Макото, князь Гэндзи взял бы ее в дом вместе с ребенком. Он официально объявил бы ее своей наложницей – это были еще прежние времена, – а то и вовсе бы женился на ней. И уж конечно он не стал бы отсылать их обоих в Калифорнию и не допустил бы, чтобы его сын носил имя другого мужчины, пусть даже этот человек был его верным другом, как Мэттью Старк.

Значит, Макото либо ошибается, либо лжет. Либо настоятельница не замечает какой-то очень существенной детали. Ну что ж, если правду можно выяснить, не исключено, что ей представится такая возможность, прежде чем он покинет монастырь. Произойдет это не скоро, поскольку раны его весьма серьезны. Просто чудо, что он не умер. Ему очень повезло, что меч не задел сердце. А князю Гэндзи повезло, что Макото тоже был вооружен мечом, иначе убийца мог бы и добиться своей цели. Хотя настоятельница было весьма любопытно, что Макото делал у входа в императорский дворец, да еще и с мечом за пазухой. Прямо совсем как тот убийца.

Настоятельница отправилась в огород к Горо и по дороге встретила с князем Гэндзи. Тот только что прибыл.

Завидев его, настоятельница низко поклонилась.

Мой господин...

Как себя чувствует Макото?

Мне кажется, лучше. Он работает в огороде вместе с Горо.

Репортеры вас больше не беспокоили?

Нет, мой господин. В последние две недели – нет. Возможно, интерес к этому происшествию ослабевает.

Настоятельница сказала это скорее из соображений вежливости, чем потому, что действительно так предполагала. Ее интерес несколько не ослабел. Так почему же другим должно перестать быть любопытно?

Очень на это надеюсь, – сказал Гэндзи. Впрочем, он, похоже, тоже не очень верил в то, что сказала настоятельница.

Я шел ко дворцу, чтобы убить тебя, – сказал Макото. Он рыхлил землю вокруг куста.

И вдруг увидел, что кто-то другой намеревается проделать это вместо тебя. – сказал Гэндзи. Он стоял рядом, в тени сосны.

Да.

Так почему же ты защитил меня, если ты шел, чтобы меня убить?

Не знаю, – отозвался Макото. – Когда я увидел его, у меня возникло такое ощущение, будто он собирается обмануть меня, лишит меня того, что мое по праву. А я и так уже был достаточно обманут. Глупо, правда? Ведь я же и сам собирался отнять у тебя жизнь.

Не расстраивайся, – улыбнувшись, сказал Гэндзи. – У тебя еще будет такая возможность. Вот выздоровеешь и придумаешь что-нибудь новенькое.

Макото коротко рассмеялся, но тут же задохнулся и схватился за грудь.

Да, я придумаю что-нибудь новенькое. Совершенно новенькое. Когда меч вошел мне в грудь, меня посетило внезапное озарение, или, если так можно выразиться, я увидел перед своим мысленным взором лицо. Знаешь, чье?

Хэйко.

Нет. Князя Саэмона. Я остознал в тот миг, что он тоже манипулировал мною, и очень искусно.

Уж не утверждаешь ли ты, что это Саэмон сказал тебе убить меня?

Что ты, совсем наоборот. Он сказал все, что только мог, чтобы убедить меня проявить снисхождение и простить тебя. Подчеркиваю – сказал. Но смысл сказанного не вполне соответствовал словам. У него это превосходно получается. Ты разве не замечал?

Конечно, замечал. Я никогда не считал князя Саэмона человеком слова – не в том смысле, что он лжет, но в том, что если ты вздумаешь опереться на него, то непременно поскользнешься.

И все же вас связывают тесные отношения, и ты полагаешься на его советы.

Это скорее видимость, игра на публику, чем подлинное доверие, – сказал Гэндзи. – Поскольку князь Саэмон об этом знает, то под этим для меня скрывается еще один уровень правды и лжи, а под ним – еще один, и так бесконечно.

Все говорят, будто ты знаешь будущее наперед, – сказал Макото, – но сейчас ты, хоть ты и пророк, говоришь, словно полный идиот.

Почему же? Разве тебе не кажется разумным поместить твоего врага туда, где ты сможешь за ним наблюдать? Или что вызывает твое неодобрение?

Ты так перехитришь сам себя, точно так же, как и он. Вопрос лишь в одном: кто

из вас первым добьется того, что сядет в лужу из-за своего дурацкого умничанья.

Макото выдернул сорняк и отряхнул землю с корней, прежде чем отложить его в сторону.

В огород вошел Горо с мотыгой в руках, прошел по краю и принялся подравнивать границу между огородом и пешеходной дорожкой.

Иногда лучший способ добиться цели – это действовать тупо в лоб, – сказал Макото. Он посмотрел на Гэндзи. – Ты вправду провидец?

На протяжении шестисот лет в каждом поколении в нашем клане рождался тот, кто знал будущее – но те так, как это воображают себе люди, – отозвался Гэндзи.

Да, это мне уже сказала Сидзукэ. Думаю, с твоей подачи.

Полагаю, она со своим простодушием и прямоотой сделала это куда лучше, чем удалось бы мне.

И почему мне об этом не сказали раньше? В ее изложении это скорее напоминало проклятие, чем дар.

Мне много что следовало бы уже давно тебе рассказать. Одно умолчание вело к другому, другое – к третьему, и так далее.

Макото пожал плечами.

А какая разница? Все равно провидицей станет Сидзукэ. У меня никаких видений не было.

И у нее тоже. Это свойство проявляется совершенно непредсказуемым образом. Оно часто раскрывается в период созревания, особенно у женщин. А может раскрыться и намного позже. Не существует способа определить, кто из вас это будет.

И я полагаю, что способов подготовиться к этому нету тоже, – сказал Макото.

Только один – просто принять мысль о том, что такое возможно, – отозвался Гэндзи.

Князь умолк и молчал так долго, что Макото решил, что разговор окончен. Он уже решил было отправиться на другой участок огорода, когда Гэндзи заговорил снова.

Насчет признания: я готов признать тебя. И готов объявить своим наследником вместо Сидзукэ.

Макото рассмеялся. Он знал, что это невежливо, но не удержался.

Вопрос не в признании, князь Гэндзи. Я нуждался в нем двадцать лет назад. Теперь в нем нет никакого смысла. Что же касается наследника – у вас уже есть наследница, и вполне подходящая.

И Макото принялся помогать Горо насыпать бордюры.

Горо, – сказал Макото.

Горо, – улыбнувшись, ответил Горо.

Макото, – сказал Макото.

Все так же продолжая улыбаться, Горо сказал: «Кими», и снова сосредоточил внимание на входящее в землю лезвие мотыги.

Макото улыбнулся Гэндзи.

Я твердо намерен до отъезда научить его говорить мое имя.

Если он это сделает, то назовет тебя своим преемником, и тогда ты уже не сможешь уехать.

Макото и Гэндзи посмотрели друг на друга. Макото рассмеялся. Гэндзи лишь улыбнулся – как обычно, легко и едва заметно.

ГЛАВА 12

Осенний мост

Молодость, красота и привлекательность вянут, едва успев появиться. В первой дымке Весны мы видим Осенний Мост.

«Аки-но-хаси». (1311)

1857 год, развалины монастыря Мусиндо

Дети из деревни Яманака часто играли среди развалин старинного храма, расположенных на холме над их долиной. Большинство из них боялись этого места. Здесь всегда раздавались какие-то странные звуки, и если они и не были на самом деле стонами терзаемых душ, завыванием призраков и злобным хихиканьем демонов, то достаточно походило на таковые, чтобы дети навоображали себе все эти кошмары. Это-то и было одной из причин, по которой они сюда приходили, поскольку они, как и все дети, любили побояться – если могли перестать бояться прежде, чем страх сделается нестерпимым. Еще одна причина заключалась в том, что Кими, их заводила, любила играть здесь. А ей это нравилось потому, что она, хоть и была одной из самых младших и самых маленьких в этой компании, была еще и одной из двух детей, которые не боялись этого места. Вторым был Горо. Горо не боялся потому, что он был дурачком, как и его мать, деревенская дурочка. Он не выглядел ребенком, поскольку был крупнее любого мужчины в селе, намного крупнее, да и лицом походил скорее на мужчину, чем на ребенка. На самом деле, он бы уже мог считаться мужчиной, но вел себя настолько по-детски, что у детей никогда даже и не возникало вопроса, отчего он водится с ними.

Однажды, когда они пришли на холм, чтобы поиграть, один из детей вдруг завопил:

Смотрите! Призрак!

У остатков каменной стены, некогда окружавшей храм, виднелся смутный силуэт. Некоторые дети, которые поупугливее, кинулись было наутек.

Ничего это и не призрак! – возразила Кими. – Это человек.

Человек сидел настолько неподвижно, а одежда его была настолько неяркой и выцветшей, что казалось, будто он проступает из стены, словно тень. Он был старый, бритоголовый, со впалыми щеками и невозмутимым взглядом ярких глаз. Рядом с ним на земле лежали коническая соломенная шляпа и деревянный посох.

Ты кто? – спросила Кими.

Отрекшийся и паломник, – отозвался неизвестный.

Кими знала, что отрекшийся – это тот, кто ушел от мира. А паломник – это тот, кто странствует в поисках просветления или во искупление какого-то прегрешения. У них в деревне никогда не было ни тех, ни других. У них вообще никого не было, кроме бедных крестьян. Все, что они делали, и сами они принадлежало их господину. Впрочем, бедные крестьяне и не искали просветления, поскольку изможденные люди, постоянно живущие на грани голода, куда больше нуждаются в пище и сне, чем в

мудрости. И они не путешествовали во искупление прегрешений, поскольку даже если бы у них и было время путешествовать – а этого времени у них не было, – все равно вся их жизнь была искуплением за грехи, совершенные неведомо когда, то ли в одной из прошлых жизней, то ли в какой другой. Если этот старик – отрехшийся, возможно, его жизнь изменила встреча с Буддой, или с богом, или с демоном. Возможно, он может рассказать что-нибудь интересное.

А от чего ты отказался? – полюбопытствовала Кими.

Почти от всего, – ответил монах.

А где ты путешествовал?

Почти нигде.

Нет, так дело не пойдет. Кими решила спросить что-нибудь попроще.

Как тебя зовут?

Дзенген, – сказал старый монах.

А что значит «Дзенген»?

А что значит любое имя?

Ну, вот мое имя означает «несравненная», – пояснила Кими. – Его зовут Горо, только на самом деле он не Горо. Это мы так сокращаем имя Горосуку, которое означает «мошенник». Уж не знаю, почему его так зовут. Он никогда не мошенничает. А что означает «Дзенген»?

А что значит любое имя? – снова повторил Дзенген.

Я же тебе сказала, что означает мое имя. «Несравненная». – Кими уже засомневалась, то ли этот монах святой, то ли чокнутый. Их частенько трудно было различить, особенно когда дело касалось монахов, исповедующих дзен – а судя по его имени, этот старик был как раз из них. Хотя мог быть и просто сообразительным сумасшедшим.

А что означает «несравненная»?

Ну, я думаю, это означает, что никто не может сравниться со мною.

А что это значит, что никто не может сравниться с тобою?

А что вообще что-нибудь значит? – спросила Кими. – Если ты и дальше будешь задавать вопросы, ты можешь задавать их вечно и так никогда и не получить ответа.

Старый монах сложил руки в гассё, буддийском жесте приветствия, поклонился и сказал:

Добро пожаловать.

Добро пожаловать? Я теперь должна поблагодарить тебя?

Тебе решать, что тебе делать и чего не делать, – отозвался старый монах.

А за что я должна тебя благодарить?

Если ты и дальше будешь задавать вопросы, ты можешь задавать их вечно и так никогда и не получить ответа.

Именно это я тебе только что и сказала.

Спасибо, – сказал Дзенген и снова поклонился.

Кими рассмеялась. Затем она поклонилась в ответ, сложив руки точно так же, как это делал он. Она все еще не поняла, что этот старик, святой или чокнутый, но он был занятный. Никто в их деревне не разговаривал так, как он.

Добро пожаловать.

Здесь был храм, – сказал старый монах.

Да, давным-давно. Еще до того, как я родилась.

Монах улынулся.

Да, действительно давно. Ты знаешь, как он назывался?
Мама его называла Му-как-то-там. Наверное, она шутила.
Одно из значений слова «му» было «ничто».

Старик прищурился. Он распутал свои ноги, лежавшие до этого в позе лотоса, и встал.

Возможно ли это? – произнес он.

Он взглянул на стеру, на камни фундамента, затерявшиеся в траве, на упавшую багку главного зала, теперь уже почти сгнившую.

Я нахожусь в княжестве Ямакава.

Да, – подтвердила Кими. – Наш господин – князь Хиромицу. Он – не очень влиятельный князь, но он – союзник...

Князя Киёри, – сказал старый монах.

Да, князя Акаоки, – сказала Кими, – пророка, который видит будущее, и потому никто не сможет победить его в битве. Если, конечно, битвы начнутся снова. Но все говорят, что начнутся.

Я вернулся, – сказал старый монах. – Я был здесь настоятелем... Когда ж это было? Двадцать лет назад? Или все-таки десять? – Он хмыкнул. – Я построил здесь хижину. И даже довольно крепкую. А потом я отсюда исчез – как и она.

Теперь Кими точно знала, что Дзенген – умалишенный. Сколько она помнила, тут всегда были развалины. Правда, конечно, ей всего шесть лет... Так что можнт, оно и так. Но не очень верится.

Я отстрою этот храм, – сказал старый монах, – собственными руками, и на этот раз – как следует.

Я бы на твоём месте не стала этого делать, – сказала ему Кими. – Делать что-нибудь без разрешения – это серьезное оскорбление. Тебе нужно получить разрешение князя Хиромицу, и еще разрешение старшего настоятеля секты, к которой относится этот храм. А я даже толком не знаю, какой секте он принадлежал, и существует ли она до сих пор.

Я получу необходимые дозволения, – сказал старый монах.

Хотя он счастливо улыбался, по щекам его покатались слезы. Кими убедилась, что он и вправду последователь дзенских патриархов: все ведь знают, что последователи этой загадочной религии, в особенности те, кто достиг высот, часто плачут и смеются одновременно. Правда, это еще не значило, что он не может при этом быть умалишенным.

Я столь бесцельно бродил так много лет, – сказал он, – и вот обнаружил, что совершенно ненамеренно вернулся туда, где мне следует находиться. Моя благодарность не знает границ.

Он опустился на колени, обратившись лицом к сгнившей балке, и простерся ниц.

Затем он написал письмо и отдал его Кими, для пересылки в замок князю Хиромицу. Кими доверила письмо Горо, способному пробежать несколько миль без остановки. У Горо было очень скверно развито чувство направления, но замок князя находился недалеко, на конце северной дороги, и даже Горо мог найти дорогу туда без труда. Кими боялась, что письмо Дзенгена повлечет за собою неприятности, и вместо разрешения его постигнет наказание. Но старик настаивал на своем, хоть она его и предупредила. Что еще она могла сделать?

Две недели спустя Кими показалось, что худшие ее страхи начинают сбываться. Приехали конные самураи, отряд из двадцати человек, и потребовал к себе

деревенского старосту. Возглавлял отряд свирепого вида мужчина, который, казалось, готов был убить всякого, кто попадется ему на глаза.

— Где монастырь Мусиндо? – спросил он у рухнувшего ниц старейшины.

Старейшина вытаращил глаза и уронил челюсть. Он снова стукнулся лбом об землю и ничего не сказал.

Командир самураев повернулся к одному из своих людей и велел:

Таро, отруби ему голову. Может, его преемник будет отвечать проворнее.

Слушаюсь, господин Сэйки.

Кими, припавшая к земле вместе с прочими детьми, приподняла голову и увидела, как самурай, которого называли Таро, слез с коня и достал меч из ножен.

Подождите, господин самурай! – сказала Кими. – Я покажу вам дорогу!

Господин Сэйки смерял ее гневным взглядом. Кими в страхе вновь уткнулась лицом в грязь. И кто ее только за язык тянул? Она же даже не любит старейшину Банто. Он вечно бранится и всеми помыкает. И она точно не уверена, что развалины Му-как-его-там – это тот самый монастырь Мусиндо, который нужен господину. Вот теперь и она тоже останется без головы.

Эй, ты, девчонка! – скомандовал господин Сэйки. – А ну, вставай!

Дрожа всем телом, Кими повиновалась. Она очень надеялась, что не описалась от страха. Умереть – одно дело. А когда над тобой при этом смеются – совсем другое. Рядом с ней поднялся Горо, потому что он всегда делал то же самое, что и Кими.

Идиот, – возмутился господин Сэйки, – ты зачем встал? Я не велел тебе подниматься?

Почтенный господин, – сказала Кими, – он на самом деле идиот, и ничего не соображает.

У одного из самураев отряда вырвался смешок. Самурай сумел его подавить – но господин Сэйки уже его услышал.

Хидё, будешь дежурить по конюшне, пока я не отменю приказ.

Да, господин, – отозвался Хидё, которому явно больше не было смешно.

Показывай дорогу, девчонка, – распорядился господин Сэйки.

Да, почтенный господин, – Кими поклонилась и двинулась вперед. Горо повторил ее движения, с запозданием на мгновение.

Кими очень надеялась, что если самураи и вправду приехали за старым Дзенгеном, то они только арестуют его, но не станут казнить. Для последователей учения дзен тюремное заключение и пытки были не так страшны, как для прочих людей, поскольку их монастыри и так мало чем отличались от тюрем – во всяком случае, так слыхала Кими. Их там морят голодом, бьют, лишают сна и заставляют целыми днями пялиться в стену. А если кто-то шелохнется или издаст звук, старший монах орет на него и бьет его палкой. Тому, кто засыпает, отрезают веки, а тому, кто не может усидеть в позе лотоса, ломают ноги. Если это так, то Дзенген будет в тюрьме, как дома. Кими бежала вместе с Горо к развалинам и надеялась на лучшее.

Но то, что произошло, потрясло ее воображение.

Когда самураи подъехали к развалинам, старик Дзенген сгребал граблями траву. Завдев их, он отложил грабли и поклонился, сложив руки в гассё.

Отряд остановился, все самураи, включая господина Сэйки, быстро спешили, опустили на колени и склонились в земном поклоне.

Князь Нао, – сказал господин Сэйки, – князь Киёри, господин Сигеру и господин Гэндзи шлют вам свои наилучшие пожелания. Они просят, чтобы вы поставили их в

известность, когда вы будете готовы принять гостей, и они тут же приедут.

Спасибо, господин Сэйки, – отозвался старый Дзенген, – но я уже не князь, и того, кто был когда-то Нао, нету более. Я – Дзенген, идущий по Пути Будды, и не больше.

Господин Сэйкм поднял голову и улыбнулся.

Ну, может, все-таки немного больше.

Он махнул рукой. Таро выскочил вперед и с низким поклоном вручил Дзенгену свиток в футляре.

По распоряжению верховного настоятеля секты Мусиндо вы вновь назначаетесь настоятелем этого монастыря.

Дзенген улыбнулся.

Вот это да!

Мы останемся здесь и поможем вам восстановить монастырь, преподобный настоятель. Князь Хиромицу дал нам дозволение нанимать в деревне столько работников, сколько потребуется.

Если оторвать крестьян от их полей во время сева, их урожай уменьшится, и они будут от этого страдать. Я не нуждаюсь в их помощи, равно как и в вашей, господин Сэйки. Я восстановлю Мусиндо сам.

Ну хотя бы позвольте нам доставить все необходимое.

И в этом тоже нет нужды. Я воспользуюсь тем, что смогу найти. А чего я не смогу найти, без того я обойдусь.

Один, без нужных материалов! Устрашающая задача. Мусиндо будет лежать в развалинах еще сто лет, если не больше.

Я не один, – отозвался старый настоятель Дзенген. – Мне поможет Кими. Кими, ведь поможешь?

Помогу, – сказала Кими. – И Горо тоже поможет.

Маленькая девочка, идиот и развалины. Вы выбрали трудный путь, преподобный настоятель.

Вовсе нет, господин Сэйки. Это путь опять выбрал меня.

После этого Кими и другие дети стали часто навещать Дзенгена. Оказалось, что он путешествовал куда больше, чем сказал поначалу. «Почти везде» было куда ближе к истине, чем «почти нигде». Он побывал во всех восьмидесяти восьми храмах Сикоку, служивших местами паломничества, – первый из них был основан свыше тысячи лет назад святым Кобо Дайси. Говорили, будто тот, кто совершит это паломничество искренне, с чистым сердцем, обретет освобождение от восьмидесяти восьми обманов чувств.

А ты его обрел? – поинтересовалась Кими.

Я обрел гудящие мышцы, сбитые ноги и солнечные ожоги, – ответил Дзенген.

Потом он отправился через Внутренне море на Хонсю и совершил путешествие к священной горе Хайе. Там он слушал проповеди самых прославленных буддийских учителей и исполнял ритуалы самых эзотерических и магических сект, стремясь освободиться от боли и страданий, причиняемых жизнью.

И как, получилось? – спросила Кими.

Надо быть дураком, чтобы верить в магию, – сказал Дзенген, – и надо быть еще большим дураком, чтобы пытаться найти жизнь без страдания. Как посреди огня спастись от жгучего пламени? Как среди льдов спастись от ледящего холода?

Монастырь, построенный настоятелем Дзенгеном, не очень походил на прочие храмы; куда больше он походил на то, что настоятель некогда построил в княжестве Сироиси, в бытность свою одним из двухсот шестидесяти князей Японии. Он куда больше напоминал маленькую крепость, чем приют людей, ушедших от мира. Настоятель об этом сожалел, поскольку у него на уме вовсе не было никаких воинственных мыслей, но он попросту не умел строить никак иначе, поскольку слишком долго шел путем самурая.

Странные звуки, о которых рассказали ему дети – голоса не то демонов, не то призраков, – оказались не просто выдумкой. Звуки существовали на самом деле, жутковатые и вызывающие беспокойство, но для Дзенгена, потерявшего все и удалившегося от мира, они были лишь напоминанием о неотвратимости смерти и печали.

Постепенно, с течением времени на Дзенгена снизошел покой. В один прекрасный день он обнаружил, что в душе его царит мир. Нет, печаль не покинула его и даже не ослабела, отнюдь. Но Дзенген принял ее, и это все переменило.

Вопросы ценились чрезмерно высоко. Когда-то Дзенген думал, что вопросы более ценны. Теперь же он постиг, что и вопросы тоже совершенно бесполезны.

Однажды в Мусиндо приехала группа чужеземцев. Они прибыли по приглашению князя Акаоки, чтобы построить храм их религии; они поклонялись существу, подобному Будде, Иисусу Христу. Дзенген предложил им использовать для своих служб Мусиндо. Их священным днем было воскресенье. Для Дзенгена все дни были одинаковы. Христиане – так они себя называли – отклонили его предложение, сказав, что построят собственную церковь. Но прежде, чем они успели хотя бы начать, они свалились от эпидемии холеры и все поумирали. Все, кроме одного, имя которого никто не мог выговорить – что-то вроде «Джимбо». Каким-то образом он во время болезни выучил японский язык. Такие случаи бывали. Дзенген знал одного рыбака, чей корабль потерпел крушение, и сам он едва не утонул. Его спасли русские моряки, и он месяц пролежал у них в горячке, почти непрерывно бредя. А когда он пришел в себя, оказалось, что он бегло говорит по-русски. Иногда пребывание на грани жизни и смерти приводит к неожиданным последствиям.

Я хочу стать вашим учеником, – сказал Джимбо.

Это невозможно, – возразил Дзенген. – Я не святой, я всего лишь обычный человек, надевший одежды святого. Чему ты можешь научиться у куска ткани?

Внезапно глаза Джимбо просияли от выступивших слез. Он поклонился и сказал:

Благодарю вас, преподобный настоятель! Я буду от всего сердца размышлять над вашими словами.

Вот так вот, сам того не желая и к тому не стремясь, Дзенген и стал наставником на Пути.

Старик сидел в хижине, в горах, в двух днях пути от монастыря Мусиндо, где он дважды был настоятелем. Над ним сквозь редкое переплетение ветвей, долженствующее изображать из себя крышу, тускло светили зимние звезды. Из долины поднимался туман. Дзенген сидел в позе для медитации, сложив руки в мудру,

но на самом деле не медитировал. Он умирал и, умирая, вышел из медитации и обнаружил, что размышляет над тем, как быстро прошла жизнь. Эта мысль не вызвала у него сожаления, лишь легкое удивление.

Вчера он был князем, у которого были послушные его воле свирепые самураи, верная жена, два сильных сына, красивая дочь и веселые внуки. За день до того он был испуганным юнцом, лишь недавно получившим свои первые взрослые мечи, и он безбожно потел под доспехом, ожидая вместе с отрядом своих воинов нападения отчаявшейся орды изголодавшихся крестьян. Еще за день он был десятилетним мальчишкой и сидел у постели умирающего отца, и клялся сквозь слезы, что исполнит древнюю задачу их клана – свергнет и разрушит сёгуна Токугава.

И вот теперь он умирал.

Кто знает? Возможно, он уже мертв – дух, задержавшийся у тела, подобно тому, как облачко благовоний иногда зависает в неподвижном воздухе комнаты. Первый же порыв ветра – и его дух рассеется.

Его дыхание – если, конечно, он все еще дышал, – сделалось слабым, практически неразличимым.

Он увидел свои руки.

Они управлялись с мечами, ласкали женщин, гладили по голове детей.

Они убивали, прощали, любили.

Теперь они были недвижны. Интересно, сможет ли он пошевелить ими, если захочет?

Он не хотел, и потому так никогда и не узнал...

1895 год, поместье князя Гэндзи на реке Тама, рядом с Токио

Гэндзи подготовил речь, которую ему следовало произнести на заседании парламента, хоть он и знал, что умрет прежде, чем успеет ее прочесть. Сегодня настал давно предвиденный день, день его убийства. Почти всю свою жизнь Гэндзи знал, когда, где и как умрет. Было ли это знание благословением или проклятием? Наверное, и тем, и другим понемногу. Иногда это делало его самодовольным в те моменты, когда ему следовало бы быть внимательным, а иногда придавало мужества в таких ситуациях, в которых без этого знания его бы просто парализовало от страха.

Теперь же его жизнь подошла к концу. Все сомнения сменились уверенностью – все, кроме одного. Его дед, чьи предсказания всегда были истинны, сказал ему, что у него будет всего три видения, и их хватит, дабы провести его от начала и до конца. Но где же третье видение? Впрочем, князь Киёри был коварным самураем старой закалки. С него вполне стало бы и солгать, чтобы Гэндзи сохранял бдительность. Да, на то похоже. Слишком уж мало времени осталось для третьего видения. Даже если оно и придет, какой в нем теперь прок?

Гэндзи взглянул на себя в зеркало. Выглядел он по-дурацки, с этими усами и бородкой французского генерала, костюмом английского политика и лицом японского князя, достигшего самых малопривлекательных лет среднего периода жизни. Ему вспомнилось, как он выглядел в те давние времена, когда он впервые встретил Эмилию Гибсон. Тогда его волосы были уложены в причудливую самурайскую прическу, ныне исчезнувшую вместе с самураями. Лицо его было молодым, безбородым, и явственно принадлежало человеку, чрезвычайно довольного собою – тем, что его угораздило родиться в знатной семье, – раз уж другого повода для

довольства не имеется.

Неужто он и в самом деле был таким заносчивым и самонадеянным?

Гэндзи рассмеялся.

Было дело, было.

Он отвернулся от зеркала, и...

Гэндзи три года. Он идет вдоль берега озера Белые Камни, неподалеку от замка «Белые камни», цитадели его дедушки по материнской линии, князя Нао. Он держит в руках маленького бумажного змея и его бечеву, намотанную на палочку. С той стороны, которая при полете обращена к земле, воздушный змей разрисован воробьями, только не тусклыми, серо-коричневыми, какие они в жизни, а самых причудливых ярких цветов.

С одной стороны от него идет мужчина, а с другой – женщина. Это его отец и мать.

Гэндзи говорит:

Замок «Белые камни», озеро Белые Камни, княжество Белые Камни. Почему здесь все называется «Белые Камни», если тут этих белых камней вовсе нету?

Потому, что белые камни изначально были главной ценностью княжества моего отца, – объясняет его мать. – Берег этого озера славился белыми камнями, которыми пользуются при игре в го. Знатки ценили их выше лучшего перламутра. Рассказывают, будто великий герой Ёсицунэ ценил свои камни из Сиросими выше всего, кроме чести, победы в сражении и своей возлюбленной.

Ну и где же эти камни?

Их не так много, как перламутра. Однажды они просто закончились.

После этого дедушка Нао и посадил свои яблони?

Нет, это произошло при его предке, много поколений назад. Княжество, озеро и замок продолжают называть Белыми Камнями, хотя сами камни исчезли давным-давно.

Но из-за этого же получается путаница, – говорит маленький Гэндзи и разматывает бечеву, готовясь побежать. – Надо поменять название.

Имя – это больше, чем просто описание, – говорит его отец. – Это эмблема постоянства, и неважно, сколь многое изменилось. Точно так же, как и твое имя. Гэндзи.

Гэндзи видит, как родители переглядываются и улыбаются друг другу.

Гэндзи-взрослый помнил эти их взгляды. Ему от них делалось неуютно, потому что они исключали его из своего круга. Теперь же он видел, что это происходило не нарочно, а просто потому, что они так тесно связывали тех двоих. Ни для кого больше не оставалось места.

А мне и имя мое не нравится! – заявил Гэндзи и помчался по берегу, запуская змея.

Его назвали Гэндзи, как прославленного принца, героя древнего романа, написанного госпожой Мурасаки. А еще это было одно из имен великого героя из клана Минамото, Ёсицунэ; он жил взаправду, семьсот лет назад, и выигрывал битвы, даже когда все было против него. Только тот, кто происходит из клана Минамото, может быть сёгуном. Нынешний сёгун, Токугава, утверждает, будто он потомок Минамото. Гэндзи слышал, как люди перешептывались, что, дескать, Гэндзи – слишком нелепое и выпендренное имя для сына какого-то незначительного господина.

О чем они там себе думают? – говорили люди. Что их малыш когда-нибудь станет таким же красавцем, как Блистательный Принц легенды? Что он, один из младших членов клана Окумити, когда-нибудь сможет стать сёгуном?

И теперь, когда трехлетний Гэндзи бежал вниз, к воде, а змей прыгал за ним по берегу и никак не хотел лететь, пятидесятивосьмилетний Гэндзи вспомнил, почему он получил это имя. Его мать вышла замуж очень юной. Она знала книги куда лучше, чем жизнь, и больше всего она любила роман госпожи Мурасаки. Она хотела, чтобы у нее был свой Гэндзи – пусть даже сын, а не возлюбленный. И уже по одному этому можно судить, насколько отец Гэндзи любил жену – он согласился на это имя, хотя знал, что теперь поток насмешек, обрушившихся на него, когда он стал зятем Яблочного князя, усилится. Ему наверняка пришлось выдержать яростные возражения и князя Киёри, и князя Нао. И все это было в его имени, и во взгляде, которым обменялись его родители, и в улыбке, которая принадлежала только им двоим

Змей никак не летел. Гэндзи начал злиться. Он уже подумал было изорвать змея и выбросить в озеро, как услышал голос отца:

Беги к нам, Гэндзи, навстречу ветру!

И он побежал, как подсказал ему отец, – маленький Гэндзи, и все оглядывался на своего змея, любуясь, как тот поймал ветер и начал подниматься. Гэндзи, очутившийся внутри себя прежнего, хотел посмотреть на мать. Если ему три года, значит, она носит сейчас его сестру, чье рождение убьет их обоих. Это их последние счастливые дни, проведенные вместе – отца, матери и маленького Гэндзи. Ему хотелось взглянуть на мать. Он запомнил ее очень красивой. Но все маленькие мальчики думают, что их мамы красивые. Ему три года, и ему – пятьдесят восемь, а его матери – двадцать, и никогда не исполнится двадцать один. Змей взмыл в небо над берегом озера Белые Камни.

Мальчик запрокинул голову. Его змей с волшебно яркими воробьями выделялся на фоне неба, словно изукрашенный драгоценными камнями кусочек радуги. Он засмеялся, и услышал, как смех отца и матери становится ближе, по мере того, как он подбегал к ним, а змей поднимался все выше и выше.

Мужчина хотел взглянуть на свою мать, а не на змея, и пытался заставить мальчика повернуть голову и...

Князь Гэндзи!

Он услышал чей-то голос, отдаленный, неясный, встревоженный.

Открыв глаза, князь увидел перед собой Хидё, самого верного из своих вассалов. Но где же его прическа, где кимоно, где мечи? Впрочем, Гэндзи быстро пришел в себя. Он вспомнил, что Хидё умер, погиб, защищая его во время одного из множества покушений, которые враги Гэндзи успели подстроить за эти годы. А прическа, кимоно и мечи делись туда же, куда и сёгун, князя и самураи. Сгинули навеки. А этот молодой человек, так похожий на Хидё – это его сын, Ивао.

Ивао повернулся к телохранителю, стоящему у него за спиной, и распорядился:

Передай председателю, что князь Гэндзи заболел и сегодня не станет произносить речь в парламенте.

Погодите. – Гэндзи сел. – Я сейчас буду готов.

Он знал, что эта задержка, вызванная его третьим и последним видением, как раз и даст его убийце время добраться до места. Гэндзи невольно оценил иронию ситуации, хоть ему и предстояло поплатиться за нее жизнью. Само явление его

третьего видения дало возможность исполниться первому видению.

Помогите мне добраться до экипажа.

Гэндзи жалел о том, что ему не удалось сполна воспользоваться видением, не удалось получше присмотреться к матери. Действительно ли она была настолько красива, как ему запомнилось? Теперь он умрет, так и не разгадав эту загадку.

Но все-таки он получил бесценный дар. Видение прошлого не сможет подсказать ему пути будущего, поскольку будущего этого осталось всего-то на несколько сотен ударов сердца. Но вместо этого ему даровано было видение его счастливого детства. Оно всегда вспоминалось Гэндзи как исполненное стыда и печали. Он позабыл эти радостные дни, когда они трое были, наверное, самой счастливой семьей во всей Японии.

Мой господин!

Они приехали. Гэндзи вышел из экипажа.

Господин, вы уверены, что достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы выступать сегодня с речью?

Вполне достаточно.

То, что последнее видение явилось именно сейчас, помогло его убийце еще и в другом отношении. Телохранители Гэндзи, обеспокоенные приступом и воследовавшим недомоганием князя, уделяли ему куда больше внимания, чем следовало бы, и куда меньше – потенциальной угрозе, которая могла исходить из толпы.

Предсказание и его исход были переплетены и неразделимы. В детстве Гэндзи этого не понимал. Он удивлялся, почему госпожа Сидзукэ так много знала о будущем, но так и не смогла предотвратить предательство, о котором ведала даже прежде, чем оно было замыслено. Теперь, на исходе жизни, тайна развеялась.

Знать будущее – это все равно что знать прошлое. Невозможно контролировать или изменять события – разве только наше отношение к ним. В душе, как и на земле, есть свои направления. Горечь, гнев, страх и ненависть лежат в одной стороне, а самообладание, признательность, доброта и любовь – в другой.

Способность выбирать должное направление в душе – вот в чем истинная сила провидца.

Как же ему повезло – и с теми, кого любил он, и с теми, кто любил его!

В зале парламента стоял гам; там оживленно о чем-то спорили. Ивао шагнул в сторону и распахнул дверь перед Гэндзи.

Окумити-но-ками Гэндзи, пэр империи, министр без портфеля в правительстве Его Императорского Величества императора Мицухито, бывший князь княжества Акаока, возлюбленный гейши и миссионерки и невольный убийца их обоих, улыбнулся той едва заметной, насмешливой улыбкой, которую столь многие истолковывали неверно, и спокойно двинулся навстречу исполнению своего видения.

1867 год, замок «Воробьиная туча»

Любовь Эмилии к Гэндзи была крепкой и неколебимой. Она пожертвовала бы ради него всем – телом, разумом, жизнью, земным счастьем, местом на небесах, – и без единого слова жалобы. Если бы ради спасения его души ей требовалось броситься в глубочайшую из преисподен, Эмилия с радостью прыгнула бы в огонь, ибо разве мыслимо большее счастье, чем быть уверенным в спасении того, кого любишь? В

простодушии юности она полагала, что стоит подобной любви зародиться, и та уже будет неизменно и надежно направлять каждый ее шаг. Какой же она была наивной!

Как выяснила Эмилия, любовь по сути своей не только духовна.

Со временем она начала испытывать в присутствии Гэндзи некие беспокоящие физические ощущения, особенно когда они с Гэндзи оказывались наедине. Хуже того: эти ощущения не казались ей такими уж неприятными. Ее воспитание и вера не позволяли Эмилии слишком внимательно изучать их. Однако же, она не могла не заметить, что ощущения эти сильны и затрагивают самые глубины ее существа. Они были не опасны – до тех пор, пока Гэндзи находил ее отталкивающей. Отсутствие каких-либо чувств с его стороны было для Эмилии лучшим способом защититься от ее собственных чувств к нему. Однако, позднее ей начало казаться, будто Гэндзи посматривает на нее с особым, напряженным вниманием, свойственным мужчинам, чья животная природа готова на время вырваться из рамок морали и цивилизации. Завидев этот взгляд, Эмилия не впадала в смятение или ужас, как раньше. Вместо этого она краснела, а кожу начинало как-то странно покалывать. Если Гэндзи забудется, сможет ли она оказать ему сопротивление? Эмилия боялась, что у нее не хватит на это воли. Если бы она заботилась прежде всего о сохранении собственной добродетели, эта проблема решалась бы просто: уехать, и дело с концом. Но эта проблема была не главной. Речь шла о бессмертной душе Гэндзи.

Если она уедет, она избежит превращения в невольный инструмент плотского греха. Но уж не получается ли, что, думая так, она просто пытается спрятать самодовольство под маской праведности? У Гэндзи и без нее имелась масса возможностей для удовлетворения плотских потребностей. Помимо неизменных гейш, теперь у него были еще те две несчастные молодые женщины, которых он недавно ввел в свой дом в качестве наложниц. Что за унижительная разновидность рабства! Эмилии казалось, что за несколько лет трудов она, стараясь отвратить Гэндзи от чудовищных обычаев его предков, добилась значительных успехов. Но подобные происшествия показывали, что над этим еще трудиться и трудиться.

Но продолжающаяся размытость восприятия вопросов духовных, доходящая до богохульства, была куда хуже потакания искушениям плоти. Гэндзи признавал смирение перед божественной волей и всемогуществом Отца, благодарность за жертву и воскрешение Сына, утешение, обретаемое во всепрощающем и защищающем прикосновении Духа Святого. Однако же он не соглашался с тем, что бесчисленное множество богов и Будд – не более чем плоды суеверия. Более того, он по-прежнему продолжал почитать ничто, в соответствии с учением безумных патриархов дзен. Гэндзи говорил, что это вообще нельзя считать религиозным поклонением, но как же это тогда еще назвать?

Он обычно говорил: «Ты просто позволяешь всему уйти, только и того».

Но ведь это – прямая противоположность спасению, путь к которому лежит в слове и милосердии Спасителя нашего!

Гэндзи был подвержен тому же духовному недугу, что и большинство его соотечественников: способностью одновременно воспринимать сразу несколько противоречащих друг другу верований. Он не видел никакой проблемы в том, чтобы быть буддистом, синтоистом и христианином одновременно. Он верил в свободу воли столь же твердо, сколь и в предопределение. Он равно почитал и Истинное Слово, и свое ничто.

И среди всего, сбивающего Гэндзи с пути истинного, самым опасным была его

уверенность в пророческом даре, каковой якобы передавался у них в роду по наследству. Им, по словам Гэндзи, был наделен его дедушка, ныне покойный князь Киёри, и его дядя, отцеубийца Сигеру. Гэндзи больше не заявлял, будто и сам владеет этим даром, но лишь потому, что знал, что подобные утверждения оскорбляют самые глубокие ее верования. Помалкивать о еретических воззрениях, с которыми соглашаешься – это не способ обрести прощение. Молчание лишь усугубляет грех.

Ее отъезд наверняка положит конец его обращению от язычества к христианству. Только если она останется рядом с ним и будет по-прежнему наставлять его, мягко, но упорно, можно будет надеяться на то, что преображение Гэндзи завершится, и душа его будет спасена.

А это возвращало Эмилию к вопросу о физической опасности их дальнейшего пребывания рядом.

Все ее попытки рассуждать логично вязли в этом замкнутом кругу.

Дилемму, стоящую перед Эмилией, сильно усугубляло еще и существование свитков «Осеннего моста». В них содержались предсказания, которые вроде бы были совершенно верными. И уже от этого Эмилии становилось сильно не по себе. Но кроме того, складывалось впечатление, что рукопись адресована непосредственно Эмилии и никому иному, и это пугало девушку еще сильнее.

Госпожа Сидзукэ, написавшая эти свитки, умерла более чем за пятьсот лет до рождения Эмилии.

Да, к «Осеннему мосту» можно было относиться и иначе. Теперь с нею не было Ханako, обратиться за помощью было не к кому, а японский Эмилии все-таки был далек от совершенства. Но если Эмилия взглянет глазами истинно верующей и увидит эти слова не в демоническом свете, а в сиянии подлинной христианской веры, неужто она не узрит правду?

Надо попытаться – иного выхода нет.

Эмилия взяла последний, двенадцатый свиток, чтобы снова взглянуть на последние строки. Она помолилась, прося даровать ей возможность заново истолковать их. Потом глубоко вздохнула и развернула свиток.

На свитке виднелись лишь тусклые, неразборчивые значки, подобные струйкам дыма, еще поднимающимся над угасшим костром. И на глазах у Эмилии все то, что еще оставалось от рукописи госпожи Сидзукэ, истаяло окончательно.

Эмилия кинулась к монгольскому сундучку и проверила остальные одиннадцать свитков. Они были пусты, как будто на этом пергаменте никогда ничего и не было написано.

Эмилия прислонилась к стволу яблони. Она шла по долине прочь от замка. В последний раз она так далеко шла пешком еще в детстве, когда навсегда покидала родительскую ферму. За спиной у нее в небо рвались языки пламени, символ огненного очищения, которое устроила мать Эмилии, чтобы стереть следы других, куда более страшных преступлений. Теперь же незримый огонь бушевал у нее внутри; но от того, что он был невидим, и что она так старательно его сдерживала, он обжигал ничуть не меньше.

Теперь она могла руководствоваться лишь своими воспоминаниями об «Осеннем мосте». Может ли она полагаться на них?

«Князю Нарихире приснилось, что прибытие Американской красавицы возвестит окончательную победу его клана. Он был прав. Но в его время вашей Америки еще не

существовало, и потому он неверно истолковал свой сон. Речь шла о вас, а не о цветке, который он назвал так, дабы тот соответствовал его чаяниям».

Эмилия испытала такое потрясение, прочитав этот абзац, что попыталась вычеркнуть его из памяти. Теперь же она отчаянно пыталась его восстановить, но сомневалась, насколько достоверно это у нее получилось. Достаточно было одного лишь упоминания о «вашей Америке», чтобы ее пробрал озноб. Но то, что в «Осеннем мосте» было написано: «Речь шла о вас, а не о цветке, который он назвал так, дабы тот соответствовал его чаяниям», – это уже граничило с дьявольщиной. Может ли это «вы» относиться к кому-то другому, а не к ней, Эмилиии?

«Рождение вашей дочери сделает все ясным для него, но не для вас. Вы недолго проживете после родов. Дочь будет много слышать о вас от своего отца. Поскольку она будет знать вас, позвольте мне рассказать вам о ней, чтобы и вы тоже ее знали. Ее будут звать так же, как и меня. Вы настаивайте на этом перед смертью. И я благодарю вас за это».

Действительно ли она читала эти слова, или это ей лишь кажется? Предсказание ее союза с Гэндзи и предсказание ее смерти при родах...

Этого не может быть. Никто не мог предсказывать будущего, кроме Иисуса Христа и пророков Ветхого Завета. Если свитки претендуют на предсказание, значит, они святотатствуют, лгут, несут с собою зло. И чтобы доказать их лживость, ей достаточно всего лишь принять предложение Чарльза Смита и выйти за него замуж. Смит приедет на этой неделе. Еще неделю она сможет притворяться. Но чем это поможет Гэндзи? Ее брак с Чарльзом никак не отвратит Гэндзи от его веры в собственный пророческий дар. А эта вера более всего опасна для его бессмертной души.

Не имеет значения, насколько искренне Гэндзи утверждает, что верит в Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя, – это несовместимо с его верой в себя как в пророка. Это столкновение праведности и святотатства навеки лишит его милости и прощения Христова и обречет его на гибель вечную. Эмилия думала, что способна расстаться с ним в этой жизни. Но мысли о вечной разлуке она выдержать не могла. Возможно, ее побуждения – даже в этом – и вправду далеки от святости.

Эмилия увидела всадника на гребне холма. Это был Гэндзи. Пока он ехал к ней, Эмилиии вспомнился тот давний день, когда он лежал на снегу, истекая кровью. Она тогда обняла его и поклялась перед Господом, что без малейших колебаний пожертвует собою, лишь бы спасти его. В этот миг прошлое показалось ей более ярким и живым, чем настоящее.

И это воспоминание подтолкнуло ее к смелому решению.

Надеюсь, я вас не побеспокоил, – сказал Гэндзи.

Вовсе нет, – отозвалась Эмилия.

Я оставлю вас одну, если вам так хочется. Сегодня прекрасный день для того, чтобы побыть в одиночестве.

Я рада, что вы приехали ко мне, – сказала она. – Я как раз собиралась идти к вам.

В самом деле? – Гэндзи спешился и встал рядом с Эмилией. – С какой-то целью, или просто потому, что вы по мне соскучились?

Эмилия почувствовала, что краснеет, но не позволила замешательству сбить ее с намеченного пути.

Я хотела поговорить с вами о тех свитках, которые я читала, – сказала Эмилия, и поспешила договорить, пока мужество не покинуло ее. – Это не хроники «Воробьиная

туча».

Нет?

Это «Осенний мост» госпожи Сидзукэ – ну, или они на это претендуют.

А! – отозвался Гэндзи и стал ждать, что она скажет дальше.

При виде столь невозмутимой реакции Эмилия опешила.

Вы не кажетесь удивленным, – сказала она, – или даже особенно заинтересованным.

Верно, – согласился Гэндзи. – Ханako рассказала мне обо всем, как только ей это стало известно.

Эмилия недоверчиво уставилась на него.

Ханako была моей подругой. Она обещала мне, что никому ничего не скажет.

Вы были ее подругой. Но я был ее князем. Она не могла нарушить верность и хранить это в тайне от меня. Взамен...

Гэндзи умолк на полуслове и рванулся, чтобы подхватить Эмилию – та закрыла лицо рукой и пошатнулась. Но Эмилия оперлась о дерево и, отстранившись от Гэндзи, знаком показала, чтобы он оставил ее.

Нет, спасибо, я вполне в состоянии удержаться на ногах.

Вы уверены?

Мне особенно не из чего выбирать в этом вопросе. Да и в других, как я погляжу. Как выяснилось, у меня никого нет и не было, даже когда мне казалось иначе.

Ханako не предавала вас, – сказал Гэндзи. – Как вы только могли такое подумать? Там, в монастыре Мусиндо, она отдала жизнь за вас.

Да, – сказала Эмилия и заплакала. – Но она пообещала, что сохранит мой секрет, и не сдержала слова.

Она не думала, что это ваш и только ваш секрет, – сказал Гэндзи. – Но вы так думали, и потому взамен она заставила меня поклясться, что я не буду вмешиваться и говорить с вами об этом, пока вы сами не заведете этот разговор. Я сдержал слово.

Лишь по чистой случайности, – возразила Эмилия. – Вы же не могли быть уверены, что я вообще когда-либо заговорю с вами на эту тему. А если бы я этого не сделала, рано или поздно вы бы все-таки спросили. Так что ваше слово было бессмысленным, как и то, которое дала мне она.

Нет, Эмилия, вы ошибаетесь. Я знал, что вы об этом заговорите.

В самом деле? Вам что, было видение о том, как я разговариваю с вами про «Осенний мост»? – Лишь боль, которую испытывала Эмилия, заставила ее использовать это название в качестве насмешки.

Нет, – отозвался Гэндзи. Он заметил вызов, прозвучавший в словах Эмилии и сверкающий в ее глазах, и встретил его просто и спокойно. – Это было совсем другое видение.

Гэндзи, снова оказавшийся лишь пассажиром в собственном теле, обнаружил, что быстро идет по коридору. Его снедало нетерпение. Гэндзи мог судить об этом по своей размашистой походке. Он находился в замке и шел к своим покоям. Из дальнего конца коридора, оттуда, куда он направлялся, донеслись крики новорожденного младенца. Слуги опускались на колени и кланялись ему, когда он проходил мимо.

Когда он вошел в комнату, то увидел младенца на руках у служанки.

Князь Гэндзи! – воскликнула она и протянула младенца к нему, чтобы Гэндзи мог на него взглянуть. Но он едва бросил взгляд в их сторону. Он беспокоился о ком-то

другом, о человеке, находящемся сейчас во внутренних покоях. Прежде, чем он успел туда войти, доктор Одзава шагнул за порог и затворил за собою дверь.

Как она? – В голосе Гэндзи звучало сильнейшее беспокойство.

Роды были очень тяжелые, – сказал доктор Одзава.

Но ей ничего не грозит?

Доктор Одзава согнулся в поклоне.

Мне очень жаль, мой господин...

Гэндзи рухнул на колени. Его затопило горе.

Князь Гэндзи, вы – отец, – сказал доктор и вложил Гэндзи в руки младенца. Гэндзи не сопротивлялся. Он попытался всмотреться в лицо младенца, надеясь узреть в нем черты матери. Но тот, другой Гэндзи не смотрел на лицо ребенка. Все его внимание было приковано к маленькому украшению, висящему у ребенка на шее на серебряной цепочке.

Это был небольшой медальон, украшенный изображением креста и одного-единственного стилизованного цветка, геральдической лилии.

Тот самый медальон, который носите вы, – сказал Гэндзи.

Это еще ничего не доказывает, – сказала Эмилия. – Даже если вы действительно видели то, что, как вы думаете, вы видели, это еще ничего не доказывает. – Откровение Гэндзи потрясло ее, но она не хотела этого показывать. Если она покажет это, то тем самым признает, будто у Гэндзи и вправду могло быть видение. – Во снах людям являются самые странные галлюцинации. Такова сама природа сна. Вы видели мой медальон. Нанako рассказала вам о предсказании госпожи Сидзукэ. Ваше спящее сознание совместило все это самым причудливым образом. Вот и все.

Этот сон, как вы его называете, явился мне шесть лет назад, в розовом саду нашего замка, – сказал Гэндзи. – И мне не больше вашего хочется, чтобы он оказался правдой.

Эмилия отвернулась от него, запустила руку за ворот блузы и расстегнула цепочку. Повернувшись обратно, она взяла Гэндзи за руку и вложила в его ладонь цепочку и медальон с лилией. Это была ее самая большая драгоценность. Она думала, что не расстанется с нею до самой смерти. Вот и еще одна тщетная надежда.

Вот, он ваш. Вы можете отдать его жене, или любовнице, или наложнице – в общем, кто раньше родит, – а она сможет отдать его ребенку. Ваш сон сбудется, и тем докажет, что никакое это не видение.

Гэндзи посмотрел на медальон и покачал головой.

Дедушка говорил мне, что пытаться избежать исполнения пророчеств – тщетное занятие. Они все равно сбудутся, но, возможно, с куда более опасными последствиями. Но я все-таки пытался. Я старался держаться как можно дальше от вас. Я проводил время с гейшами, хоть мне этого и не хотелось. Я привел в свой дом наложниц. Я подстроил ваше знакомство с Чарльзом Смитом и Робертом Фаррингтоном. Если бы хоть у какой-нибудь гейши или наложницы родился ребенок, я бы, возможно, убедил себя, что это было вовсе не видение, а всего лишь сон, как вы выразились. Или если бы вы вышли замуж за Смита или Фаррингтона и вернулись в Америку – возможно, тогда я бы тоже в это поверил.

Гэндзи взял Эмилию за руку и положил медальон лишь на ладонь.

Эмилия, нам остается надеяться лишь на ваше замужество. Если мы не будем вместе, это пророчество не сможет исполниться. Это просто будет невозможно.

Он попытался отнять руку, но Эмилия удержала его. Она долго смотрела на него, и на лице ее невозможно было прочесть ничего. А потом оно медленно озарилось улыбкой, и одновременно с этим Эмилия заплакала. Она плакала беззвучно и улыбалась, и не отрывала взгляда от лица Гэндзи.

Что случилось?

Я уже очень давно люблю вас. – Эмилия остановилась, перевела дух и сказала: – Но до этого мгновения я не знала, что и вы любите меня.

Если я каким-то образом вызвал у вас такое мнение, я глубоко об этом сожалею, – сказал Гэндзи. Христиане считают ложь грехом. Это потому, что они полагают – совершенно ошибочно, – что правда всегда лучше. – Это не так, – сказал он. – Извините. Мне очень жаль.

Вы очень искусно притворялись целых шесть лет. Но теперь я вижу вас насквозь.

Гэндзи рассмеялся, пытаясь разрядить обстановку.

И как же я себя выдал? – спросил он, делая вид, будто все это не более чем шутка.

Вы верите в свои видения, – сказала Эмилия, – и в видения, которые ваши предки видели на протяжении шестисот лет. Вы верите, что всякая попытка противодействовать им обречена на провал, и повлечет за собою великие бедствия. Вы во все это верите, и все-таки вы отсылаете меня прочь в надежде, что именно это видение не исполнится.

Если я не такой хороший христианин, каким мне следовало бы быть, из этого еще не следует, что я всецело лишен христианских добродетелей. Я ваш друг. Я не хочу, чтобы вы страдали. И уж конечно я не хочу, чтобы вы умерли безвременно.

Лжец, – сказала Эмилия и улыбнулась.

Это напомнило Гэндзи, как это же самое слово произнесла Хэйко, когда он видел ее в последний раз. Но Хэйко не улыбалась.

Вы рискуете собой, будущим своего клана, безопасностью вашего наследника – или даже тем, что он вовсе не появится на свет, – сказала Эмилия. – И для чего? Для того, чтобы защитить меня.

Она отпустила его руку, которую так и сжимала все это время.

Вы больше заботитесь обо мне, чем о себе, – сказала она. – Кажется, именно в этом, по вашему определению, заключается любовь?

Гэндзи взглянул на свою руку. Эмилия оставила медальон у него в ладони.

Если он хочет, чтобы она уехала, ему нужно упорствовать и отрицать то, что она говорит. Тогда она уедет. Она выйдет замуж за Смита, или за Фаррингтона, или еще за какого-нибудь американца и уедет, и никогда больше не увидит ни Японию, ни Гэндзи. Вовсе не потому, что она поверит, будто он не любит ее, а потому, что она никогда не станет ему навязываться, даже ради того, чтобы спасти его. Согласно принципам ее веры и переплетенными с ними идеями о романтической любви, свободный выбор играет решающее значение.

Свободный выбор.

Гэндзи не знал, каков истинный смысл этих слов. В его мире они не имели смысла. Выбор – это способы, которыми человек должным образом исполняет предначертанное. Свобода? Никто не свободен. Это иллюзия, взлелеянная демонами, и в нее верят только глупцы и безумцы.

И кто же он? Глупец? Безумец? Демон? Возможно, и то, и другое, и третье.

Гэндзи взял медальон за цепочку. Он сверкал столь же ярко, как и тогда, в видении. Он надел цепочку на Эмилию и слегка коснулся ее шеи, когда застегивал

замочек.

Свободный выбор или судьба?

Гэндзи... – сказала Эмилия и постепенно утихла в его объятиях.

У Эмилия почти не было времени удивиться этой неожиданной развязке. Стоило Гэнди принять решение, как он принялся планировать и претворять свои планы в жизнь с быстротой и тщательностью самурая-полковника во время войны. Менее чем за три недели церковь на холме над Яблоневоу долиною, та самая, о которой они так долго говорили, сделалась реальностью. Руководитель строительства, Цуда – тот самый, который обнаружил «Осенний мост» и переслал его Эмилии – работал, похоже, круглосуточно, даже без перерыва на сон, как будто от своевременного завершения стройки завистела его жизнь. Служанки в замке шили свадебное платье по французскому фасону, такому замысловатому, что его могли носить еще до Революции. На платье пошло множество ярдов наилучшего китайского шелка, ирландского льна и французских кружев. Эмилия как-то случайно услышала от одной служанки, что один лишь корсаж с его причудливоу вышивкой стоит почти столько же, сколько годовой доход какого-нибудь некрупного княжества. Такая расточительность ужасно смущала Эмилию. Ей казалось, что даже у королевы Виктории, и у той не было такого прекрасного свадебного платья. Но она ничего не стала говорить Гэндзи. Она знала, что у него есть очень веские причины устроить из свадьбы грандиозное представление. Князь, возглавляющий один из самых древних родов страны, женится на чужеземке без имени, политических связей и денег. Он сражается с неизбежно плодящимися клеветническими слухами, напроролую демонстрируя гордость. Возможно, все это и вправду в смысле стратегии сходно с военной кампанией.

Она же просто никак не могла до конца поверить в происходящее. Она, Эмилия Гибсон, девушка с фермы на реке Гудзон, вот-вот станет женой языческого японского князя.

Хидё стоял у кромки воды и смотрел на корабль, бросивший якорь неподалеку от берега. Сам вид этого корабля вызывал у него такую ненависть, что Хидё требовалась вся его заработанная тяжким трудом воинская дисциплина, чтобы дыхание его оставалось ровным и неслышным. Один из принципов самурая гласит: тот, чье дыхание может услышать противник – покойник. Вот и не стоит подавать дурной пример.

Я вижу только четыре пушки, – сказал Ивао. – А на корабле нашего князя, «Мысе Мурото», их двадцать. Мы сильнее американцев.

Ивао был счастлив, потому что отец взял его на руки. Он очень надеялся на это, но не просил. Самураи не просят о милости, даже если им всего пять лет.

Нет, – сказал Хидё. – Пока еще нет. Корабль нашего князя сделан из дерева. А этот покрыт железом. Все двадцать пушек «Мурото» не пробьют его броню. И обрати внимание на размеры его четырех пушек, Ивао. Да, и видишь, как они размещены в башнях? Они могут поворачиваться и стрелять в разных направлениях, куда бы ни плыл корабль.

Ивао не нравилось слушать про то, какие чужеземцы сильные. Он сказал: «Хэмптон Роудс». Отец, я правильно прочел название этого корабля?

Да.

Дурацкое название. «Мыс Мурото» – куда красивее.

Хидё улыбнулся сыну, чтобы не засмеяться.

Не только мы ценим историю. Хэмптон Роудс – это место, где бронированные военные корабли впервые бились друг с другом.

Что, правда? И кто победил?

Ни один из кораблей не сумел причинить вред другому. Победителя не было.

Если мы не можем потопить такой корабль в битве, мы можем захватить его, когда он стоит на якоре, – сказал мальчик. – Смотри, отец. Часовые на палубе ни за чем не следят. Они просто сидят, смеются и курят трубки. Я думаю, они пьяны!

И что бы ты стал делать?

Ивао сосредоточенно нахмурился.

Дождь ночью, – сказал он. – Баркасы могут заметить, даже в новолуние. Я бы пустил пловцов с востока. На западе город, и его свет будет мешать часовым смотреть.

От воды ваше огнестрельное оружие придет в негодность, – сказал Хидё.

Нам не понадобятся револьверы, – сказал Ивао. – Хватит коротких мечей и ножей. Выстрелы только всполошат врагов. Клинки же бесшумны. Мы захватим «Хэмптон Роудс», пока большая часть его экипажа будет спать. Это смогут сделать двадцать человек, если это будет двадцать храбрецов.

Прошу прощения, господа. – Приблизившаяся служанка встала на колени прямо на песок. – Церемония вот-вот начнется.

Спасибо, – отозвался Хидё. Он опустил Ивао на землю и они пошли следом за служанкой обратно к «Воробьиной туче».

Я рад, что госпожа Эмилия выходит замуж, – сказал Ивао.

В самом деле? – Хидё взглянул на сына. – А почему?

Она больше не будет одинока, – отозвался мальчик.

Да, это не совсем та свадьба, о которой мне мечталось, – сказал Чарльз Смит.

И мне, – отозвался Роберт Фаррингтон. Не считая этих двух американцев, на свадьбе присутствовали лишь местные деспоты и их вассалы.

Должен признаться, я удивился, увидев вас здесь, – заметил Смит.

«Хэмптон Роудс» сейчас не на патрулировании, – пояснил Фаррингтон, – а капитан – мой старый боевой товарищ. Так что зайти сюда было нетрудно.

Я имел в виду скорее социальные барьеры, чем географию.

Не вижу, почему бы мне не поприсутствовать на свадьбе женщины, к которой я отношусь с глубочайшим уважением, – сказал Фаррингтон, – даже если я не одобряю выбранного ею супруга.

Молодые люди на некоторое время умолкли. Никто из них не знал, о чем думает другой. Но об этом можно было догадываться.

Фаррингтон кривился и старался гнать от себя эти мысли.

Смит же улыбался и скорее наслаждался сценами, возникающими у него в воображении.

Не каждый день прекрасная американская девственница приносит себя в жертву на алтаре бусидо.

Спальня новобрачных была обставлена на американский лад, и подобие было настолько точным, что Эмилия с легкостью могла вообразить, будто находится сейчас не в Акаоке, а где-нибудь в Олбани. Наиболее бросающимся в глаза предметом

обстановки – возможно, из-за душевного состояния Эмилии, – была большая кровать с пологом на четырех столбиках, с пышными подушками и стегаными одеялами, с бельем из белоснежного шелка.

Эмилия стояла перед туалетным столиком с зеркалом. Она могла без гордости или ложной скромности сказать, что отражение в зеркале – сама элегантность и красота. Если бы она смотрела на чужого человека, ее потрясло бы совершенство явившейся ее взгляду картины, и ей пришлось бы напоминать себе, что все это тщета, что все труды человека и сам человек недолговечны. Но поскольку Эмилия смотрела на себя, ей не требовались подобные воспоминания. Она различала за кажущимся спокойствием отраженного в зеркале лица крайнее смятение.

Церемония сама по себе была... потрясающей. Никакое иное слово тут не подходило. На ней присутствовали и Чарльз, и Роберт, что удивило Эмилию, и они были чрезвычайно вежливы друг с другом, что удивило ее еще больше. Их поздравления вроде бы звучали вполне искренне. Роберт, как обычно, держался очень сдержанно, а Чарльза настолько переполняло воодушевление, что можно было подумать, будто это он сегодня женится. Обряд бракосочетания проводил голладский посланник, по вероисповеданию кальвинист. Он и его предшественники на протяжении многих поколений поддерживали отношения с князьями Акаоки. Эмилия видела явственный знак воли Божьей в том, что никто из предков Гэндзи за это время не сделался кальвинистом, и что сам Гэндзи за неделю до свадьбы принял крещение в церкви Истинного Слова. Это не произвело никакого видимого воздействия на его взаимоотношения с людьми его круга. На свадьбе присутствовали все князья западной Японии, противники сёгуна Токугава, и наряду с этим – высокопоставленный представитель самого сёгуна, и все они были почтительны с Эмилией и веселились на празднестве.

По правде говоря, она помнила лишь отдельные детали. И церемония, и празднество прошли для нее, словно в тумане. Эмилию слишком беспокоило то, что должно было воспоследовать за празднеством.

И вот теперь этот час подошел. Через несколько минут – уже совсем скоро – Гэндзи придет к ней, ожидая от нее покорности. Она будет полагаться на Господа, она сделает все, что сможет, и не позволит, чтобы ее телесная или душевная боль помешали Гэндзи осуществить его супружеские права. Но Эмилия боялась. Она не могла этого отрицать.

Чего он пожелает?

Христиане – даже плохие христиане – понимают, что брак – это средство продолжения рода, а дозволение для сексуальной распушенности. Это создает барьер сознания, дающий хотя бы некоторую защиту от наихудших животных наклонностей. Но для Гэндзи подобного барьера не существует. Он, прежде всего, японец, а жители этой страны считают допустимым любое плотское взаимодействие, если только оно происходит по взаимному согласию. На самом деле, как только женщина вступала с мужчиной в интимные отношения, подразумевалось, что согласие на все последующие действия уже дано, а в число этих действий входили и те, которые по законам и морали любой западной нации расценивались как извращения, зверства и тяжкие преступления.

Эмилия не стремилась разузнать эту ужасную правду. Но невозможно было прожить здесь шесть лет и не обнаружить этого. Первое знакомство с нею состоялось через случайно услышанные замечания дам и служанок клана. То, как они говорили о

своих взаимоотношениях, заставляло подумать о поведении, лишенном какой бы то ни было морали. Затем последовал тот случай в библиотеке замка, когда Эмилия наткнулась на коллекцию книг и свитков, прежде не попадавших ей на глаза. В первой же книге, которую она открыла, обнаружилось множество картинок, изображающих половые сношения самых отвратительных разновидностей; впечатление усугубляло то, что гениталии, и мужские и женские, были нарисованы преувеличенно большими, и неестественного цвета. Эмилия открыла эту книгу и почти мгновенно захлопнула, в такой ужас ее привело увиденное. Но даже мимолетного взгляда хватило, чтобы все это врезалось ей в память. Прошло не меньше часа, прежде чем Эмилия набралась храбрости и открыла соседний том. Ее вело не жгучее любопытство, а стремление лучше понять людей, среди которых она жила. Чтобы отыскать лекарство, первым делом надо изучить болезнь.

Во второй книге обнаружили рисунки тушью, не более чем наброски, но они оказались еще хуже. В нем были изображены нагие, связанные женщины в нелепых, причиняющих боль, непристойных позах. Эмилия еще недостаточно хорошо знала японский язык, но ее познаний хватило, чтобы уразуметь, что эта книга – подробное наставление по сексуальным пыткам.

Она оставила книги там, где их нашла, и отправилась к себе в кабинет, трудиться. Когда к ней пришла Ханako, чтобы ей помочь, Эмилия попыталась обсудить с ней этот вопрос. Но разве добродетельная женщина может говорить на подобную тему, пусть даже с лучшей своей подругой? Эмилия несколько раз пыталась, но всякий раз лишалась дара речи и мучительно краснела. И так в конце концов и не сказала ни слова по этому поводу.

А затем Ханako умерла, и не осталось никого, кому Эмилия могла бы довериться. Она оказалась предоставлена сама себе.

Она верила, что Бог укажет ей путь. Но сейчас, стоя перед зеркалом, столь ослепительная в своем свадебном платье, Эмилия не видела, не видела никакого пути!

Она начала раздеваться.

Но худшим из того, что ей предстояло, был не какой-либо физический акт, а признание. Она совершила обман еще даже до своего приезда в Японию, выставляя себя чистой и безгрешной. Она не та, за кого себя выдавала.

Она – не девственница.

Хотя она лишилась девственности не по своей воле, она не имела права скрывать этот факт от Гэндзи. Это произошло, когда она была еще почти ребенком, и ее к этому принудили, грубо и жестоко. Но это ничего не изменяло и не облегчало ее стыда. Ей следовало сказать об этом Гэндзи до свадьбы. Она хотела это сделать, она собиралась это сделать – но как-то так вышло, что удобный случай так и не представился. И вот теперь она должна сказать ему об этом, пока он сам все не обнаружил.

Как он встретит эту новость, с легким разочарованием или с гневом?

До сих пор она всего раз видела Гэндзи разгневанным.

И в тот раз он отрубил голову человеку, вызвавшему его неодобрение.

Гэндзи шел к спальне для новобрачных, и его переполняли опасения и страх. Его больше не беспокоило видение, обещающее Эмилии смерть при родах. Они вместе решились на это. Они будут жить и умрут в соответствии со своим собственным решением. Эта мысль больше не терзала его. Его тревожило не отдаленное будущее, а ближайшие перспективы: первая брачная ночь.

С первого его опыта плотской жизни – а было ему тогда двенадцать лет – его партнершами почти всегда были женщины, опытные и искусные в любовных делах. Даже когда это были девственницы, как те две наложницы, которыми он недавно обзавелся, они все равно проходили соответствующую подготовку: их учили давать и получать наслаждение. Они сохраняли девственность потому, что этого требовал их общественный статус – положение возможной матери наследника князя, – а не в результате отсутствия знания, склонности или возможностей. Его репутация искусного любовника, возможно, была не совсем незаслуженной, но заработана она была в ходе взаимных притворных обольщений, игры, следующей давно устоявшимся образцам благородного романа. И совершенство его представления было единственной целью женщин, с которыми он спал. Если он не дотягивал до совершенства, виноваты были они, ибо спальня была царством женщин, а их интимное искусство было их оружием. Конечно же, Гэндзи тоже относился к ним с вниманием. Он получил множество уроков от лучших мастериц этой страны, и он хорошо усвоил эти уроки. Хотя, конечно, об ощущениях женщины никогда ничего нельзя сказать с полной уверенностью, у Гэндзи были основания предполагать, что и он обладает кое-какими умениями.

И лишь после того, как он покинул празднество, чтобы уединиться со своей молодой женой, Гэндзи полностью осознал всю глубину проблемы.

Он понятия не имел, как следует вести себя с женщиной, которая не умеет ни направлять, ни следовать. По сравнению с этой суровой и пугающей правдой жизни то, что она была американкой и христианской миссионеркой, было уже несущественным.

Эмилия услышала стук в дверь. Это мог быть лишь Гэндзи. Все прочие, в соответствии со здешними традициями, сообщали о своем присутствии, подавая голос. Гэндзи же стучался из уважения к ней.

В нынешнем ее эмоциональном состоянии этого простого факта оказалось довольно, чтобы на глаза Эмилии навернулись слезы. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки и откликнуться:

Войдите!

Гэндзи увидел, что Эмилия уже лежит в постели, натянув одеяло под самый подбородок. Он понадеялся, что она не разделась догола. Чарльз Смит сказал ему, что европейские женщины предпочитают заниматься любовью полностью раздетыми. Гэндзи, конечно же, ему не поверил. Смит по природе своей был шутником и частенько говорил что-нибудь для того, чтобы шокировать своих слушателей, а не для того, чтобы взаправду им что-то сообщить. Единственной женщиной, которая регулярно спала с ним обнаженной, была Хэйко. Это смелое пренебрежение правилами приличия было частью ее очарования. Прочие женщины занимались любовью в традиционных соблазнительных домашних нарядах. В этом было искусство. В наготы же никакого искусства нет.

Или все-таки есть? Вдруг это еще одна сторона жизни, которую чужеземцы воспринимают совершенно иным образом? В японском искусстве нагота отсутствовала вообще, и даже в детальных трактатах об искусстве любви ее было немного, в то время как на Западе наготу воплощали в статуях и картинах, что украшали собою даже официальные здания их столиц. Или он путает древний Запад с современным, греков и римлян с англичанами и американцами?

Гэндзи сел на кровать со своего края – Эмилия отчетливо устроилась на одной ее половине, – и снял верхнее кимоно. Он выбрал для садьбы традиционный японский наряд. Эмилия спрашивала у него, не надеть ли ей то свадебное кимоно, которое она нашла в монгольском сундучке, но Гэндзи сказал, что не нужно. Он знал, что Эмилия будет чувствовать себя неудобно в нем. И он сомневался, что она будет достаточно хорошо смотреться в кимоно. Ее фигура – выпуклые грудь и бедра и столь же эффектно узкая талия – была слишком экстравагантной, чтобы кимоно могло хорошо на ней сидеть. Эмилия превосходно смотрелась в своем свадебном платье, и Гэндзи знал, что так оно и будет. Приспособиться к чему-то – это одно. А пытаться изображать из себя нечто, чем ты не являешься – совсем другое. Ему и его соотечественникам следует хорошенько запомнить этот урок, на будущее.

Гэндзи уже собрался было нырнуть под одеяло, как ему вспомнилось еще кое-что из слов Смита. Тот сказал, что западные женщины предпочитают заниматься этим в темноте.

«В темноте? – переспросил тогда Гэндзи. – Вы имеете в виду – скорее ночью, чем днем?»

«Я имею в виду – в темноте, – сказал Смит. – Ночью и без освещения».

«Без иного освещения кроме света луны и звезд», – уточнил Гэндзи.

«Нет, – сказал Смит. – В закрытой комнате, с задернутыми шторами, и без какого бы то ни было источника света».

«Но в подобных условиях невозможно ничего разглядеть», – сказал Гэндзи.

«В этом и суть», – сказал Смит.

Гэндзи ему не поверил, но он уже знал, что когда имеешь дело с чужеземцами, можно ожидать чего угодно, даже самого невероятного.

Я потушу свечу, – сказал он Эмилии.

Эмилия как раз думала об этом, пока Гэндзи раздевался. Слава Богу, он не разделся полностью! Ей очень хотелось укрыться за темнотой, но в то же время она и страшилась этого. Если ей будет не за что зацепиться взглядом, прошлое с его насилием может взять верх над нею, и тогда она впадет в панику.

Не надо, пусть горит, – попросила Эмилия. Она решила, что будет смотреть ему в лицо, чтобы обрести в нем утешение – конечно, насколько это удастся. Наверняка человек, которого она любит всей душой, исчезнет, когда животная природа возьмет верх над лучшей его частью. Но до тех пор она будет смотреть ему в глаза и видеть в них доброту.

Гэндзи полулежал на своей половине кровати, опираясь на локоть. Эмилия смотрела на него, словно приговоренный, ожидающий удара палача. Воистину, любовь – это шутка богов, раз она может заставить двух человек, любящих друг друга, так друг друга бояться.

Эмилия распустила волосы. Они лежали на подушке, словно ворох золотых нитей, какие используются в самых лучших вышивках. Белый шелк простыней изумительно подходил к ее прекрасной белой коже. В лице ее эффектность соседствовала с невинностью: Эмилия не прибежала ни к каким ухищрениям макияжа. Когда-то эти глаза вызывали у него дурноту из-за своей чуждости; теперь же Гэндзи видел в них почти волшебное отражение бескрайнего неба и океана в самую лучшую погоду. Как он мог прежде не видеть, что она – красавица? Наверное, он был слеп.

Гэндзи осторожно отвернул край одеяла от ее подбородка. Плечи Эмилии слегка напряглись, потом расслабились, когда она убедилась, что он не собирается убирать

одеяло дальше. Она надела в постель ночное кимоно. Светло-голубой шелк, под цвет ее глаз, приподнимался и опускался на груди с каждым вздохом.

Гэндзи медленно провел пальцем от подбородка к талии по линии запаха кимоно, слегка раздвинув его края. Тело Эмилии было мягким и горело, словно в лихорадке. Прилив крови окрасил ее скулы и веки в розовый цвет.

Ее дыхание участилось. Она отвернулась.

Гэндзи прикоснулся к ее щеке, и Эмилия снова повернулась к нему.

Можно, я тебя поцелую? – спросил он.

То, что он спросил ее об этом, и спросил так робко, оказалось уже сверх сил Эмилии. Слезы хлынули ручьем из ее глаз.

Да, – ответила она и зажмурилась.

Его поцелуй был таким легким и нежным – чуть больше, чем прикосновение теплого дыхания к ее губам, – но от этого поцелуя Эмилию бросило в дрожь.

Она должна ему сказать. Она должна сказать сейчас, пока умолчание не превратилось в ложь.

Я не девственна, – сказала Эмилия.

Я тоже, – отозвался Гэндзи и поцеловал ее снова.

1953 год, монастырь Мусиндо

Иногда сразу по пробуждении старая настоятельница Дзинтоку оказывалась не там, где ей следовало бы проснуться, в двадцать седьмом году правления императора Сёва, а в пятнадцатом году правления императора Мэйдзи, или шестом году правления императора Тайсё, или, чаще всего, в двадцать первом году императора Комэй. В пятнадцатом году правления императора Мэйдзи Макото Старк впервые появился в монастыре. Шестой год императора Тайсё был памятен тем, что с этого времени Япония начала представлять собою вполне оформившуюся силу, войдя в число победителей в Великой войне. А в двадцать первом году императора Комэй она просыпалась часто потому – так ей казалось – что именно тогда произошла вторая битва при Мусиндо, та самая, в результате которой погибла госпожа Хэйко, Дзинтоку стала настоятельницей, и... и что же там было еще? Что-то ведь было... Вот и нынешним утром старая настоятельница Дзинтоку, проснувшись, принялась размышлять об этом, но так и не смогла вспомнить. Ну и ладно. Само вспомнится. Или не вспомнится. И то, и другое неважно.

Дзинтоку терпеливо сидела на подушке, пока прислуживающая ей монахиня и трое гостей сутилились в маленькой гостиной ее домика. Здесь было слишком мало места для такой толпы. Особенно с учетом того, что гости притащили с собой кое-какое весьма габаритное оборудование, в том числе что-то вроде кинокамеры.

Вы готовы, преподобная настоятельница? – спросила молодая монахиня.

Я всегда готова. Или вы хотите, чтобы я была готова к чему-то особенному?

Великолепно! – сказал мужчина в безвкусном западном костюме. – Пусть она скажет это в камере. Эй, Яс, установи-ка камеру прямо здесь.

У него была стрижка, вошедшая в моду во времена американской оккупации; волосы были длинные и сальные, и смотрелась эта стрижка одновременно и по-гангстерски, и как-то по-бабьи. Дзинтоку не знала этого человека, и он ей не нравился. Не из-за одежды, и не из-за волос, а из-за того, как у него блестели глаза и как он зыркал по сторонам. Такими были глаза у молодых людей во время войны – не

Великой войны, та закончилась тридцать пять лет назад, а Великой Восточноазиатской войны, которую все теперь называли Великой Тихоокеанской войной, или еще, в подражание американцам, Второй мировой войной. А были у них такие глаза потому, что прежде, чем отправить их умирать на самолетах или кораблях, им давали маленькие белые таблетки, от которых они теряли потребность во сне и пище, и рвались обрушиться на американские корабли в самоубийственной атаке.

Это будет нелегко, – сказала монахиня.

Почему? – спросила молодая женщина.

Она была одета в том же стиле, что и мужчина, который не понравился Дзинтоку – на американский манер, кричаще и безвкусно; юбка открывала большую часть толстых, некрасивых икр. И косметики у нее на лице было столько, что впору было бы шлюхе из Гинзы. Волосы были уложены в сложную прическу и завиты – это называлось «химия». Молодая женщина не вызвала у Дзинтоку той неприязни, какую вызвал мужчина. Вместо этого настоятельница стало жалко ее. Несомненно, она так нелепо изуродовала себя ради мужчины – не ради этого, так ради другого. Женщины всегда делают то, чего хотят мужчины, даже если те хотят чего-нибудь странного и вредного. Как это печально!

Преподобная настоятельница никогда не повторяется, – пояснила монахиня.

Но мы просто зададим ей тот же самый вопрос, – сказал мужчина.

Она никогда не дает на вопрос тот же самый ответ, – сказала монахиня.

Вот это типаж! – сказал мужчина, как будто Дзинтоку здесь не было. – Это тоже здорово. Мы получим изумительный материал для программы.

Какой программы? – поинтересовалась Дзинтоку.

Разве вы не помните, преподобная настоятельница? – сказала монахиня. – Сегодня к нам приехали репортеры с канала НХК, чтобы взять у вас интервью. Они хотят заснять вас для своей передачи о жителях Японии, которые перешагнули столетний рубеж. Это часть программы празднования первой годовщины избавления от американской оккупации.

Да, преподобная настоятельница, – подал голос репортер. – Япония снова свободна.

Япония никогда не была свободна, – возразила Дзинтоку. – Князя правили ею прежде, и правят поныне.

Я это заснял, – сказал оператор.

Клево, – сказал репортер, – но мы не сможем это использовать. Это слишком милитаристское замечание.

Она что, не в курсе, что феодализм закончился сто лет назад? – спросила женщина, разрисованная под шлюху.

Преподобная настоятельница говорит метафорически, – ответила монахиня. Это была уже не та монахиня, которую приставили к ней в прошлом месяце. Ту Дзинтоку замотала и выжила. Эта была пока полна сил. И она была молодая. Возможно, она продержится дольше прочих.

Ну, как бы то ни было, давайте переведем разговор на более безопасную почву, – сказал репортер. Он заглянул в свои записи, чтобы освежить память, и произнес, как будто говорил наизусть: – Преподобная настоятельница, вы – одна из самых известных долгожителей нашей страны. Вы как мать-основательница монастыря Мусиндо воплощаете в себе связь с нашими высоко ценимыми традициями. В Японии больше долгожителей, перешагнувших столетний рубеж, чем в любой другой стране мира –

пропорционально общей численности, конечно. Как вы думаете, является ли это результатом того глубокого интереса к вопросам духовности, который разделяют столь много японцев?

Я думаю, что это своего рода проклятие, – ответила Дзинтоку. – Мы, японцы, очень медленно учимся. Мы совершаем одни и те же ошибки снова и снова, войну за войной, убивая всех, кто попадается нам на глаза. Потому боги и Будды обрекают нас на долгую жизнь, исходя из большего количества ошибок у нас на пути.

Снято, – доложил оператор, – но, боюсь, это мы тоже не сможем использовать.

Может, и сможем, – сказал репортер. – Это антимилитаризм, и это звучит достаточно покаянно. Может и пойти.

Человеку не следует жить так долго, – сказала Дзинтоку. – Все, кого я знала в молодости, уже тридцать лет как мертвы. И невозможно удерживать такое количество лет в порядке.

Оператор вопросительно взглянул на репортера. Репортер описал пальцем круг в воздухе, и оператор стал снимать дальше.

Вы, конечно же, находите утешение в религии и помогаете обрести его другим?

Я ничего не знаю о религии.

Вы слишком скромны, преподобная настоятельница. Вы почти на протяжении века являетесь очень уважаемым религиозным лидером. Тысячи людей пришли к вере благодаря вашему духовному руководству.

Не обвиняйте меня за то, во что верят другие, – сказала Дзинтоку. – Секта Мусиндо учит освобождению от иллюзий. Это не имеет ничего общего с религией – это просто упражнения. Тренировка. Либо вы это делаете, либо нет. Все очень просто. При этом вы можете верить или не верить во все, что пожелаете. Вера не имеет ничего общего с реальностью.

Это новый, непривычный взгляд на проблему, преподобная настоятельница. Он явно отличается от того, что сказали бы настоятели других обителей и храмов Японии.

Не обязательно, – возразила Дзинтоку. – Один из дзенских патриархов древности – или это был кто-то из мудрецов секты Кегон? – сказал об этом коротко и точно. Очень известное высказывание, относящееся ко времени Опиумной войны, когда англичане заставляли китайцев покупать опиум. Он сказал: «Религия – опиум для народа».

Репортер провел ладонью по горлу, будто изображал, что перерезает его.

Оператор поднял голову.

Я уже остановил камеру. Еще когда она обозвала англичан наркоторговцами.

Потрясающе, – сказал репортер. – Она умудрилась оскорбить наших английских союзников, опорочить дзенскую и кегонскую церкви и вернуть противозаконную коммунистическую пропаганду, и все это в каких-нибудь трех предложениях.

Спросите ее про ее книги, – сказала женщина с противоестественно тугими кудрями и кроваво-красной помадой. – Их все любят.

Верно, – подтвердил оператор. – И это – реальная связь с нашими почитаемыми национальными традициями.

Ну, ладно, – с некоторым сомнением сказал репортер. – Фуми, покажи ей какие-нибудь ее книги. Возможно, ей требуется освежить память.

Безвкусно размалеванная женщина, которая была бы довольно красивой, если бы не вся эта косметика, вручила Дзинтоку детскую книжку с красочными иллюстрациями. Это была сказка про Персикового Мальчика, родившегося в персике.

Иллюстрации были яркие и веселые. Даже демоны, и те выглядели дружелюбными.

Мне очень нравится, – сказала Дзинтоку. – Спасибо.

Нет-нет! – сказал репортер. – Это вы написали эту книгу, так же как и эти все. – Он положил на стоящий между ними столик целую стопку книг. – Они пользовались огромной популярностью в эпоху Мэйдзи. Теперь, когда оккупация закончилась, эти книги снова стали популярны. Я думаю, они напоминают людям о старых добрых временах.

Я написала эти книги? – Дзинтоку пролистала другую книжку. В ней рассказывалось про Принцессу-Черепашу. – А я и не знала, что умею так хорошо рисовать. Как это печально. Я так безвозвратно утратила этот талант, что даже не помню, что я им когда-то обладала.

Вы написали эти книжки. Записали пересказ старых сказок. Вы не рисовали иллюстрации. Это сделал попечитель этого монастыря. – Репортер повернулся к оператору. – Очень жаль, что мы не можем поговорить с ним. Получилась бы изумительная история.

Не уверен. Вдруг он тоже принялся бы нести то же самое, что и она? – отозвался оператор.

Так эти рисунки нарисовал Горо?

Репортер повернулся к женщине.

Кто такой Горо?

Она просмотрела свои бумаги и покачала головой.

Понятия не имею. Его нет в списке.

Выясните, – приказал репортер и снова повернулся к Дзинтоку. – Вы не помните попечителя этого храма? Это был американец, Макото Старк.

Макото? Макото – наш попечитель?

Он им был, преподобная настоятельница. Он скончался много лет назад.

Бедный мальчик!..

На глаза Дзинтоку навернулись слезу. Неужто он так и не оправился от полученной раны? А ведь когда она видела его в последний раз, он вроде бы так хорошо выглядел... Насколько могла припомнить Дзинтоку, эта встреча произошла в пятнадцатом году эпохи Мэйдзи, семьдесят один год назад. Если Макото и вправду нарисовал картинки к этим книжкам, как утверждает этот развязный человек, значит, должно быть, он все-таки оправился от раны и умер позднее, по какой-то другой причине. И все равно печально. Дзинтоку помнила молодого человека, и потому в душе оплакивала именно того молодого человека, которого сохранила ее память.

Ну чего, можем заканчивать, – сказал репортер.

Что, все провалено? – понитересовался оператор.

Ничего подобного, – отозвался репортер. – Я – мастер монтажа. Соберем все фрагменты, где она улыбается, и вообще все, что удалось. Никаких непосредственных разговоров с нею. Фуми поработает голосом за кадром. В общем, я из нее сделаю конфетку.

Он поклонился Дзинтоку.

Большое вам спасибо, преподобная настоятельница. Мы обязательно сообщим вам, когда передача должна будет выйти в эфир, чтобы вы могли посмотреть на себя по телевизору.

Я вижу себя каждый день, – сказала Дзинтоку. – Мне не нужен для этого телевизор.

Спасибо за то, что вы приехали, чтобы побеседовать с преподобной настоятельницей, – сказала монахиня. – Она не хотела быть невежливой. Просто она всегда идет прямым путем, вот и все. Насколько я понимаю, она была прямодушной с самого детства.

Пока Дзинтоку наблюдала за отъездом телевизионщиков, ей вспомнилось, о чем она думала, когда проснулась этим утром. В начале осени четырнадцатого года правления императора Комэй, когда ей, кажется, было четырнадцать лет, она нашла свиток, спрятанный под камнем старого фундамента. Она собиралась отдать его госпоже Ханako, но госпожу Ханako убили в бою, и потому она решила припрятать этот свиток до тех пор, пока не представится возможность отдать его в руки князю Гэндзи. По причинам, которые настоятельница сейчас уже не помнила, свиток так и остался у нее, по сей день. Разворачивала ли она его, читала ли? Если и да, то сейчас она ничего не помнит. Но точно помнит, куда она его спрятала. Или она его переложила?

Старая настоятельница Дзинтоку с трудом поднялась на ноги и двинулась в сторону своей спальни, расположенной в дальней части монастырского флигеля. Но когда она одолела только половину пути, кто-то крикнул ей от главной двери:

Бабушка! Бабушка! Мы здесь!

Голос принадлежал маленькому мальчику и звенел от нетерпения. Должно быть, он проскользнул мимо отъезжающей группы телевизионщиков. И кто бы это мог быть? Она должна знать его голос. А может, и нет. Их так много!.. После того, как правительство Мэйдзи постановило, что все хранители буддийских храмов должны вступить в брак или отказаться от религиозной деятельности, Дзинтоку вышла замуж. Не то, чтобы ей так уж сильно этого хотелось – но если бы она этого не сделала, она утратила бы контроль над монастырем, а монастырь был для нее всем.

Бабушка! Ты куда?

Это был уже другой голос, на этот раз – девчоночий. Но она и его не узнала. Очень уж их много. Внуки, правнуки, пра-правнуки. Или даже еще и пра-пра-правнуки? Нет, не получается вспомнить. Память у нее уже не та, что прежде. А была ли она и прежде хорошей?

Иду! – отозвалась она.

Старая настоятельница Дзинтоку, которая когда-то была Кими, самой смысленной девчонкой во всей деревне Яманака, повернулась и поразительно бодро для человека ее возраста зашагала к своим потомкам.

Что там казалось ей таким важным несколько мгновений назад? А, неважно!

Нет ничего настолько важного, чего нельзя было бы забыть.

1311 год, главная башня замка «Воробьиная туча»

Сидзукэ ждала появления Го.

Она размышляла о том, что мир настолько полон печали потому, что мужчины – глупцы, а наихудшие из глупцов – самураи, и именно самураи будут всегда править этой несчастной землей, Ямато. То, что они считали важным, было ядом, а они по ошибке принимали его за сокровище.

Власть, над человеком, птицей и зверем, над женами, детьми и любовницами, над всеми домашними, над замком, княжеством и империей.

Богатство, измеряемое в золоте, вассалах, наложницах, рисовых полях,

пастбищах, горных перевалах и реках, в торговле редкостями из далеких, экзотических стран, всякими вещами, не имеющими никакой ценности за исключением этой самой редкости.

Слава, – среди тех, кто вокруг, чтобы при каждой встрече те, кто ниже по статусу, демонстрировали свое почтение, – и среди тех, кто вдали, чтобы их величие, воспетое в рассказах, при пересказах возрастало еще сильнее, и они могли воображать страх и восхищение людей, которых они никогда не видели.

Победа в сражении.

Мужество перед лицом смерти.

Прославленное имя, которое переживет тебя.

Необременительный пафос лунного света и опадающих лепестков.

Музыка мечей, покинувших ножны, летящих стрел, грохота копыт боевых коней, несущихся в неистовую атаку, боевых кличей, криков изувеченных и умирающих, плача матерей, жен и дочерей убитых врагов, и крови, всегда – музыка крови.

И самое главное – страх.

Страх, вспыхивающий ненавистью в сердцах врагов.

Страх, приводящий к повиновению непокорных вассалов.

Страх, порождающий угодливость и добродетельность у женщин.

Сидзукэ слышала, что на лестнице идет бой. Ее придворные дамы храбры и верны. Они слишком молоды, чтобы умирать, но они умрут, все, кроме одной. Отдавая свои жизни, они оттянут ее убийство почти на достаточный срок.

Дверь отворилась – не рывком, как ожидала Сидзукэ, а постепенно, почти осторожно. В дверях стоял окровавленный Го. Его раны были несерьезными, поверхностными. Покрывавшая его кровь была кровью тех, кто защищал Сидзукэ. Го посмотрел на потолок и рассмеялся.

Очень умно. Ты заставила своего раба построить комнату настолько высокой, чтобы ты могла управляться со своим ведьминским копьём прямо тут, в башне. Я и забыл про это. Ну да неважно. Ты проиграла. Мой меч возьмет твою жизнь.

Он толкнул дверь вбок кончиком меча и вошел в комнату.

Сидзукэ смотрела ему в глаза, но видела боковым зрением движения его меча, его ног, его плеч. Она держала свою нагинату опущенной, провоцируя его на нападение. Она знала, что Го не поймается на такую простенькую уловку. Но, возможно, он сделает ложный выпад, чтобы заставить ее подумать, будто он и вправду поймался. И тогда в его обороне может возникнуть брешь. Ей нельзя умирать слишком быстро, иначе все будет потеряно.

И где же теперь твой знаменитый дар предвидения, лжепророчица? – спросил Го. – Видишь ли ты приближающуюся смерть?

Это конец, – сказала Сидзукэ.

Да, и конец зародился в самом начале. Не нужно быть пророчицей, чтобы видеть это.

И начало зародится из конца, – сказала Сидзукэ.

Не тешь себя беспочвенными надеждами, ведьма. – Го указал острием меча на ее разбухший живот. – Ребенок умрет первым.

Он сделал выпад, метя ей в живот. Сидзукэ попыталась отразить удар. Это был первый финт Го, и он оказался достаточно эффективен. Го знал, что она будет прежде всего защищать нерожденного ребенка. И когда она попыталась это сделать, он превратил удар в рубящий и перевел его в горло. За миг до того, как лезвие коснулось

ее, Сидзукэ сумела отдернуть голову. И хорошо, потому что иначе меч взрезал бы не только кожу, но и ее яремную вену.

Го улыбнулся.

Я сожгу твоё тело и выброшу пепел в мусорную яму. Твою голову я положу в железный ларец, налью внутрь щелока и брошу его в болота к северу от озера Белые Камни. На этот раз ты уже не вернешься к жизни.

Глупец, от начала и до конца, – сказала Сидзукэ. Она не обращала внимания на кровь, текущую из ее шеи. – Слепец, закрывающий глаза на правду, неспособный увидеть судьбу, что поджидает его.

Го сместился вправо.

Сидзукэ развернула лезвие нагинаты, словно собираясь встретить его, а когда он сместился влево, с силой ударила его под колени древком. Го упал. Сидзукэ полоснула его по бедру и нанесла рану. Но Го в этот момент уже двигался, и рана оказалась примерно такой же, как и та, которую получила она – то есть, несерьезной. В следующее мгновение он уже снова был на ногах.

За спиной у Сидзукэ раздался какой-то звук. Она повернулась и увидела, как один из людей Го лезет в окно. Он взобрался по стене башни. Прежде, чем Сидзукэ успела снова сосредоточить внимание на Го, тот опять нанес удар. Его клинок погрузился в левое плечо Сидзукэ. Она почувствовала, как мышцы и сухожилия отделяются от кости. Острие ее нагинаты опустилось. Сидзукэ понадобились все ее силы, чтобы поднять ее снова, уже одной только правой рукой.

Что, ведьма, этого ты не предвидела?

Сидзукэ отступила от Го и его человека. Она не могла отступить слишком далеко – тогда стена помешала бы ей управляться с нагинатой. Но даже если не принимать в расчет стену, недействующую левую руку и силы, утекающие вместе с кровью, – если она примется защищаться от одного из них, то тут же сделается уязвимой для другого.

Сидзукэ взглянула Го в глаза, стараясь, чтобы ее взгляд был как можно более твердым.

Твоя внучка будет молиться, чтобы твоей душе был дарован покой, – сказала она.

Го на мгновение застыл под ее пристальным взглядом. Его человек, потрясенный словами Сидзукэ, тоже остановился, переводя взгляд то на нее, то на Го. Сидзукэ ударила его под подбородок восходящим движением копья и развалила его лицо надвое. Коротко вскрикнув, он упал. Но ее взгляд не сумел удержать Го достаточно надолго. Он напал на Сидзукэ прежде, чем она завершила атаку. Она почувствовала, как меч полоснул ее по спине, и ребра раскрылись противоестественным образом.

Сидзукэ упала на колени. Ей уже не суждено было подняться. Она услышала, что в комнате пошел дождь. Это капли ее крови падали на пол.

Лезвие нагинаты лежало на полу. У Сидзукэ не было сил поднять копье, таким тяжелым оно сделалось. Только древко, упирающееся в грудь, не давало ей упасть.

Го шагнул к Сидзукэ, занося меч для последнего удара.

Нет!

Пока Го поворачивался, чтобы отбить атаку Аямэ, ее нагината рассекла его подмышку. За Аямэ стоял Чиаки, сын Го, с окровавленным мечом в руках.

Отец! Что ты делаешь?!

Не лезь! – приказал Го и снова повернулся к Сидзукэ.

Умри!

Его меч начал рушиться на ее шею.

И внезапно остановился.

Меч Чиаки вошел в спину Го и вышел из груди. Кровь плеснула на пол, Сидзукэ и стену за нею.

Чиаки выдернул меч из тела отца, который уже был мертв, хоть еще и продолжал стоять, и на продолжении того же движения снес ему голову.

Предатель!

Чиаки схватил голову и с яростью швырнул в ближайшее окно.

Предатель! – выкрикнул он снова.

Госпожа моя! – Аямэ подхватила падающую Сидзукэ. Обе они были в крови. – Госпожа!

В комнату влетели несколько вассалов Чиаки.

Господин Чиаки, предатели отступили. Но это ненадолго.

Чиаки, плача, опустился на колени рядом с Сидзукэ и Аямэ.

Моя госпожа, – произнес он. – Сидзукэ...

Его слова были почти неразличимы из-за рыданий.

Это придется сделать тебе, – сказала Сидзукэ, обращаясь к Аямэ. – У меня не осталось сил.

Нет! – возразила Аямэ. – Вы справитесь, госпожа. Вы должны!

Аямэ, оставайся мужественной, какой была всегда. Если ты мне не поможешь, мы с Сен умрем обе.

Сидзукэ вынула нож из-за пояса и вложила в руку подруги.

Плечи Аямэ задрожали, взгляд поплыл, а тело обмякло. Но она не упала.

Вам и всем прочим придется покинуть комнату, – сказала она Чиаки. – Мужчинам не следует присутствовать при родах.

В обычных обстоятельствах – да, но вы же не сможете проделать это в одиночку.

Смогу. Я должна.

Делайте, как она говорит, – сказала Сидзукэ. Ей было тяжело дышать. Скоро, очень скоро она уже не сможет сделать очередной вдох.

Она услышала, как самураи отозвались:

Да, госпожа Сидзукэ. Слушаем и повинуемся.

Аямэ извлекла нож из ножен.

Сидзукэ не чувствовала ни того, как Аямэ распахнула ее кимоно и нижнее платье, ни как нож вошел в ее живот, ни как кровь хлынула новым потоком, ни как ее дочь покинула ее чрево и вышла в мир. У нее оставалось лишь зрение – но перед глазами все плыло, – и слух, – но звуки доносились словно бы издалека. Все прочие чувства ее уже покинули.

Она услышала первый крик новорожденной. Даже с расстояния ей было видно, что девочка сильная и энергичная. Сидзукэ улыбнулась.

Госпожа моя, вот ваша дочь.

Аямэ положила что-то ей на грудь и придержала. Что-то было теплым, оно шевелилось, оно кричало и было очень тяжелым.

Сидзукэ ощутила ритм, который не принадлежал ей – настойчивый, неясный, напоминающий дрожь земли, что возвещает о неминуемо приближающемся землетрясении.

Это колотилось новое сердце.

Руки уже не слушались Сидзукэ. Потому она не обняла свою дочь, ни в первый, ни в последний раз. Ей казалось, будто она чувствует тепло, исходящее от крохотного

тельца, но она знала, что это всего лишь игра ее воображения. Ее тело лишилось способности что-либо ощущать.

Сен, – сказала Сидзукэ.

Отряд из тридцати одного человека – тридцати самураев и одной бывшей придворной дамы – скакал на северо-запад вокруг мыса Мурото, к потаенному перевалу в горах острова Сикоку. За спиной у них остался горящий замок «Воробьиная туча», тысячи преследователей, пепел их господина и госпожи и обезглавленные трупы погубивших их предателей.

Аямэ сидела в седле, как самурай. Она не могла сидеть, как подобает даме, и при этом скакать так быстро, как требовалось. Она прижимала к груди госпожу Сен. Она расскажет Чиаки о предсказании госпожи Сидзукэ, о том, что у самой Аямэ родится сын, и о том, что он усыновлен еще до рождения и даже до зачатия, и с момента появления на свет он будет Окумити. Он станет князем – так сказала Сидзукэ – и женится на Сен.

Аямэ обязательно расскажет Чиаки обо всем этом, но попозже. Она видела, что сейчас его горе слишком велико, и он не вынесет новой ноши. Он горевал о своем отце, которого любил, и который оказался предателем. Он горевал о своем князе, великом вожде, который мог бы стать сёгуном.

Но сильнее всего он горевал о госпоже Сидзукэ, как и сама Аямэ.

Они добрались до гребня и должны были начать спускаться в долину. Аямэ обернулась, чтобы бросить последний взгляд назад.

Она не могла увидеть «Воробьиную тучу». Замок остался слишком далеко позади. Она даже не смогла рассмотреть ни дыма, ни отсветов пламени.

Такому маленькому отряду нужно было совсем немного времени, чтобы пройти через перевал.

Вскоре здесь все стало таким же, каким и было до их появления.

Зеленые сосны Мурото.

Небо наверху.

Земля внизу.